

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И КАТАСТРОФ

ЭПК

ЗАКАЗНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Убийства,
кражи,
грабежи

ЛИТЕРАТУРА, 1996

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И КАТАСТРОФ

ЭПК

ЗАКАЗНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

**Убийства,
кражи,
грабежи**

Автор-составитель
**Иванов
Алексей Николаевич**

Редактор
**Гаврилов
Иван Николаевич**

**МИНСК
ЛИТЕРАТУРА, 1996**

ББК 67.99(2)95
З-18
УДК 343.6

Серия основана в 1996 году

Автор-составитель А. Н. Иванов

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части, а также реализация тиража запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

З-18 **Заказные преступления: Убийства, кражи, грабежи/Автор-составитель А. Н. Иванов.— Мн.: Литература, 1996.— 640 с.— (Энциклопедия преступлений и катастроф).**

ISBN 985-437-127-1.

В очередном томе серии «Энциклопедия преступлений и катастроф» собраны материалы о нашумевших событиях современности, в которых третье лицо, зачастую профессионал, ставит свою кровавую точку в выяснении отношений двух враждующих сторон, помогает «заказчику» добиться желаемого результата, оставаясь при этом в тени.

З 343060000

ББК 67.99(2)95

ISBN 985-437-127-1

© Литература, 1996

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ТАЙНА ПОДВОДНОГО СЕЙФА СС	7
ТРАГЕДИЯ РАМЗИНА	31
АМЕРИКА-РАЗЛУЧНИЦА	45
СЕРДЦЕ ВОРА	55
ШАНТАЖ	61
«ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ»	69
ЧЕРНЫЙ КАРДИНАЛ	77
ГОЛОВА В КОЛОДЦЕ	87
ЛЮБОВЬ НА ПРОДАЖУ	96
ВНУК КОММУНИСТА	109
ЭЛЕКТРОННЫЙ ШПИОНАЖ	
НА РОДИНЕ АЦТЕКОВ	119
«ДАБЛ» НОЧНЫХ ДИСКОТЕК	121
НАШ ХОРСТ ВЕССЕЛЬ	127
НА КРЮЧКЕ У КРЮЧКОВА	134
АГЕНТЫ-ДОБРОВОЛЬЦЫ	150
СЕКРЕТ ПЯТИ ШИНЕЛЕЙ	163
ФАВОРИТ ЕЖОВА	199
ДОКТОР СМЕРТЬ	212
ПОП «СУПЕР-ИУДА»	224
ОХОТА НА ВОРОНА	241
ПОРТРЕТ УБИЙЦЫ...	268
ЧЕРНЫЕ ГОНОРАРЫ	282
ЦЕПНОЙ ПЕС БЕРИИ	291

ИЛЬИЧ, КОТОРОГО МЫ НЕ ЗНАЛИ	302
СКОЛЬКО СТОИТ ПОДСТРЕЛИТЬ	
ПРЕЗИДЕНТА	319
ОДНАЖДЫ В ХИМКАХ	326
РУССКИЙ ТЕРМИНАТОР	338
«УБЕЙ МОЕГО МУЖА!»	355
ИГРА С БИЧОМ.	362
МЭРИЛИН МОНРО НЕ ПОКОНЧИЛА	
С СОБОЙ — ЕЕ УБИЛИ	372
ПОБЕГ	378
ТОННЕЛЬ	388
МИЛИЦЕЙСКИЕ ИСТОРИИ	397
ТРЕБУЕТСЯ УБИЙЦА	403
«СТРЕЛОК»	416
КИЛЛЕРА ВЫЗЫВАЛИ?	420
СМЕРТЬ БУРЕВЕСТНИКА	426
УБИТЬ И ЗАБЫТЬ.	436
ГРАЖДАНКА, УБИЙСТВО ЗАКАЗЫВАЛИ?	443
ПРОКУРОРЫ УХОДЯТ,	
БАНДИТЫ ОСТАЮТСЯ	449
ГИБЕЛЬ СУПЕРОПЕРА	456
ЗОЛОТАЯ ГОЛОВА НА ПЛАХЕ...	473
ПЕПЕЛ. ТАЙНА МОГИЛЫ № 1007	489
В ПРОПАСТИ...	511
«НЕДОТРОГА»	518
МАФИЯ: ГЕНЕРАЛЫ И СОЛДАТЫ	527
«КРЫША» ИЗ ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОЙ	535

«ОТМАЗКА»	540
«БАШМАКИ» ПРИТОПАЛИ В БЕЛАРУСЬ	551
МАФИЯ ХОРОНИТ ГЛАВАРЕЙ	561
УБИЙСТВО С. М. КИРОВА	573
ЧТОБЫ АД НЕ СЛЕДОВАЛ ЗА НАМИ	598
ОРУЖИЕ НАЕМНЫХ УБИЙЦ — ТТ	615
КИЛЛЕРСКАЯ ФИРМА СО ЗНАКОМ КАЧЕСТВА	622
ОН СЛИШКОМ МНОГО ЗНАЛ	626
ОРУЖИЕ ДЛЯ ЗАКАЗНЫХ УБИЙСТВ!	633

ПРЕДИСЛОВИЕ

История зафиксированных заказных преступлений уходит своими корнями в глубокую древность. Едва ли не первым свидетельством тому является библейская легенда об измене Иуды своему учителю Христу. Цена преступления была определена в тридцать серебряников.

Уже на этом примере прослеживается классическая схема преступлений такого рода: для выяснения отношений между двумя враждующими сторонами выбирается третье лицо, формально не заинтересованное ни в чьей выгоде, но готовое за определенный гонорар выполнить «задание» и немедленно уйти навсегда из поля видения.

Не случайно заказные убийства, как наиболее распространенный вид заказных преступлений, труднее всего поддаются раскрытию.

Щедрое вознаграждение прельщало людей падких на легкую наживу и нечистых на руку. История знает примеры, когда даже образовывались группы профессионалов, оказывающих услуги такого рода.

Посредник-преступник становится нередко «арбитром» при выяснении семейных отношений, натренированная рука киллера ставит точку в мафиозных

разборках, его же участие выводит людей с политической арены, убирает конкурентов в бизнесе.

В предлагаемой книге собраны материалы, которые представляют всю пеструю картину известных нашумевших заказных преступлений современности.

ТАЙНА ПОДВОДНОГО СЕЙФА СС

Иные архивы подобны бомбе замедленного действия. Сенсация взорвалась на страницах мировой прессы в середине февраля 1988 года: из Западноберлинского центра документации (БДЦ) — крупнейшего в мире архива «третьего рейха» — бесследно исчезло более 80 тысяч секретных документов.

Можно представить себе, какой озноб пробежал от этого известия по спинам весьма влиятельных на Западе господ с «коричневым прошлым», причастных к преступлениям фашизма.

БДЦ был основан американской военной администрацией сразу после второй мировой войны. В архиве собраны досье с персональными делами на почти 11 миллионов бывших членов нацистской партии. Под грифом «совершенно секретно» хранятся документы со «взрывчатой» начинкой на сотни тысяч эсэсовцев и сотрудников СА. И вот десятки тысяч из

этих обличительных документов таинственным образом оказались за пределами строго охраняемого центра документации.

Западноберлинская прокуратура подозревает, что в хищении большого числа секретных документов замешана мафия. Часть из похищенных бумаг она сбывала коллекционерам. «Однако основной доход мафия получала за счет шантажа бывших нацистов и сочувствующих им лиц, занимающих сегодня руководящие посты в экономической и политической сферах Соединенных Штатов и других стран, — передавал из Западного Берлина по горячим следам некоторые подробности этого дела корреспондент «Правды». — Угроза опубликовать в прессе компрометирующие документы действовала, как правило, безотказно. Выплачивались огромные суммы (миллионы марок и более) за то, чтобы темное прошлое процветающих ныне бизнесменов и политиков не стало достоянием общественности».

Не следует исключать и того, что среди десятков тысяч персональных дел, выкраденных из Центра документации, были и документы, выводящие на след участников сверхсекретной «операции Бернхард». (В годы второй мировой войны ее проводила специальная агентура СС: сбывала на черном рынке за пределами фашистского рейха фальшивые английские фунты стерлингов, изготовленные в нацистской Германии, а выручку — твердую валюту — переправляла обратно в рейх). Ведь до сих пор кто-то из бывших эсэсовцев или введенных в их круг и подпольную террористическую сеть «юниоров» является об-

ладателем ключей к расшифровке анонимных счетов в банках нейтральных стран, где спрятаны награбленные нацистами огромные сокровища, в том числе и полученные в результате «Операции Бернхард». И не в интересах «коричневых мафиози», чтобы кто-то случайно докопался в БДЦ до их сокровенной тайны...

Как установила специальная комиссия, в поредевшей коллекции документов БДЦ не оказалось в наличие оригинала документов о Бормане и других нацистских военных преступниках. А ведь их послужные характеристики и штрихи биографии, возможно, могут прояснить многое из того, что еще скрывается в латиноамериканских логовах беглых эсэсовцев, в их тайных резервациях под крылом южноафриканских расистов, на тщательно маскируемых маршрутах наркобизнеса и торговли оружием, в джунглях ультраправого и ультралевого террора.

Да и в самой ФРГ, наконец, найдутся «вечно вчерашние», как давно уже окрестили там бывших нацистов и их единоверцев, которые предпочли бы для компрометирующих их документов более надежное убежище, нежели западноберлинский Центр документации. К примеру, подобное «подводному сейфу СС» в озере Топлиц.

...В ноябре 1987 года в аргентинской провинции Кордова был арестован нацистский преступник Йозеф Швамбергер. Во время гитлеровской оккупации Польши он проводил депортацию многих ее граждан

в фашистские концлагеря, обрекая на безжалостное истребление.

После разгрома «третьего рейха» матерый нацист бежал в Австрию, а оттуда с помощью подпольной эсэсовской организации перебрался в Южную Америку. «Здесь, — комментировал арест беглого фашиста корреспондент «Известий» в Буэнос-Айресе, — к тому времени основались сотни крупных немецких поселений, полностью состоявших из бывших гитлеровцев, сумевших не только укрыться от правосудия, но и переправить сюда значительное количество награбленных богатств, что позволило им безбедно жить на этом континенте».

Укрывшиеся в Южной Америке «мастера заплечных дел» из палаческого аппарата СС и гестапо не только благоденствовали под крылом местных фашистских диктатур и реакции. «Некоторые из них, — подтверждалось в той же информации из столицы Аргентины, — даже заняли высокие посты в полиции и спецслужбах Парагвая, Чили и других стран. Они обучали местных головорезов расправам над демократическими деятелями, пыткам и похищениям прогрессивных руководителей. Многие преступники до недавнего времени совершенно спокойно орудовали и на территории Аргентины». Местные наблюдатели полагают, что именно в Аргентине скрылись личный секретарь Гитлера Борман и шеф гестапо Мюллер...

Как же удавалось нацистским военным преступни-

кам утаить свои «бандитские сокровища» и не только тайно переправлять их за океан, но и самим укрываться в заранее подготовленных надежных убежищах в далекой от Европы Латинской Америке?

Тщательно маскировали гитлеровцы следы своей подготовки к «прыжку через Атлантику» и послевоенной деятельности. И все же полностью скрыть им это не удалось. Один из главных подпольных маршрутов их бегства пролегал в послевоенные годы через бывшую «Альпийскую крепость», по территории Австрии. Здесь, в глухом уголке Мертвых гор, в районе озера Топлиц, фашисты устроили один из своих тайников.

На дне озера, прозванного местными жителями Чертовым, в самом конце войны эсэсовцы затопили ящики с золотом, секретными документами из архивов нацистского Берлина, списками тайной агентуры и «доверенных лиц», которые и по сей день могут снимать с анонимных вкладов, открытых фашисткой камарильей в швейцарских банках, огромные суммы на свои преступные дела. Вот почему за обладание «тайной озера Топлиц» не утихает «скрытая война», которую ведут темные личности разной масти — от международных авантюристов до бывших эсэсовцев и абверовских лазутчиков, от неонацистов до агентов империалистических разведок. Некоторые из них погибли при «до сих пор невыясненных до конца обстоятельствах» (как официально сообщали компетентные австрийские органы) в глубинах Топлицзее и окрестных горах.

Разгадкой тайны эсэсовского подводного «сейфа», заложенного в районе бывшей секретной испытательной станции ВМС «третьего рейха», занимались и экспедиции австрийского министерства внутренних дел. Последний раз — осенью 1984 года. К чему привел их подводный поиск и что продолжает оставаться нераспознанным, рассказывает автор этого репортажа, которому — в бытность собственным корреспондентом «Правды» в Австрии — довелось выезжать на озеро Топлиц и наблюдать за ходом одной из поисковых экспедиций.

СО ДНА «ЧЕРТОВА ОЗЕРА». Сенсационной находкой аквалангистов и водолазов из группы подводного поиска на Топлицее осенью 1984 года стала... морская мина! Но не только эта «рогатая» смерть из арсенала фашистской испытательной станции угрожала экспедиции. Ведь в Топлицее конструкторы и инженеры нацистской Германии опробовали многие другие виды своего секретного оружия. Какого? Об этом знал лишь самый узкий круг нацистских и эсэсовских «фюреров»...

«...— Если вы немедленно не прекратите поисковые работы, мы подведем провода к озеру, подключим к минам и взорвем всю вашу экспедицию».

Не припомнилась ли эта угроза кому-нибудь из австрийских военных, с берега следивших за извлечением мины? Ведь подобное уже прозвучало при аналогичной ситуации, правда, за двадцать лет до экспедиции МВД Австрии 1984 года...

Я отчетливо помню, с каким напряжением присутствовавшие на пресс-конференции в Бад-Аусзее (в нескольких километрах от Топлицзее) австрийские и иностранные журналисты слушали сообщение представителя министерства внутренних дел Австрии, огласившего, как он тогда сказал, «только что полученное» таинственное письмо.

— Кем оно подписано? — спросили корреспонденты.
— Письмо анонимное, — услышали мы в ответ. — Подписано «Шпинне»...

«Значит, опять «Паук» — подпольная эсэсовская организация, — мелькнула у меня мысль. — Та самая, что сплела паутину своих нелегальных ячеек и тайных маршрутов для переправки золота, валюты и других награбленных во время войны ценностей за океан»

Кто-то из журналистов удивленно вскинул брови. На лицах некоторых проскользнула скептическая усмешка («Не подбросил ли этот конверт любитель розыгрыша?»). Большинство насторожилось. Буквально перед этим инженер-майор австрийской службы безопасности раскрыл нам кое-какие детали деятельности секретной станции ВМС. В ушах еще звучала его неоконченная фраза, которую столь внезапно прервал пресс-атташе.

— Не исключено, — говорил майор, — что, уничтожая следы своей станции, командование гитлеров-

ских ВМС затопило в озере мины, торпеды и ракеты. Поэтому при проведении подводного поиска мы опасались взрыва...

— Если угроза «Паука» не блеф, — поделился со мной репортер одной венской либерально-буржуазной газеты, — то по меньшей мере наглое утверждение...

И вот — по прошествии стольких лет — из «Чертова озера» извлечено вещественное доказательство того, что Топлицзее действительно оставалось «взрывоопасным»! Вряд ли кто из австрийских экспертов по разминированию рискнет утверждать, что притаившаяся в глубинах озера опасность окончательно обезврежена. Некоторые из западных летописцев послевоенной охоты за нацистскими сокровищами вообще считают эту задачу технически неосуществимой. В моем корреспондентском архиве сохранилась газетная вырезка со схематическим чертежом вертикального среза Топлицзее. По мнению одного из таких скептиков, она иллюстрирует бесперспективность попыток проникнуть в сокровенную тайну озера Топлиц.

На рисунке озеро — с «двойным дном»: первое — естественное, примерно на стометровой глубине; второе образовали падавшие с прибрежных скал стволы сосен и елей. Они затонули где-то на глубине 50—70 метров и образовали, уверяла подпись к схеме, «непреодолимую преграду» на пути аквалангистов и водолазов...

«Об этом хорошо знали гитлеровцы, — комментировала рисунок газета. — И потому избрали именно Чертово озеро — его «второе дно» для надежного захоронения своих ящиков...»

Вернемся, однако, на берег Топлиц, где в ноябре 1984 года австрийские власти торопились завершить до ледостава и зимних снегопадов очередную поисковую экспедицию.

«...Вслед за колоссальной морской миной, поднятой на сушу, водолазам и аквалангистам австрийского министерства внутренних дел удалось извлечь 80 килограммов взрывчатого вещества — ТНТ, большое количество деталей ракетных двигателей и объект, способный к плаванию, цель применения которого специалистам еще предстоит установить...» — передавал из Вены корреспондент западногерманской газеты «Ди вельт».

Пролежавшее на дне Топлицее почти сорок лет стальное чудовище оказалось в тот осенний день не единственной сенсационной находкой. Вот что сообщила 17 ноября 1984 года австрийская газета «Фольксштимме»: «Хотя и не легендарные «нацистские золотые сокровища», но тем не менее целую установку для запуска ракет, затопленную нацистами в конце второй мировой войны, извлекли водолазы из Топлицее». Для запуска ракет «в подводном положении», уточнил венский корреспондент «Ди вельт».

Была найдена и поднята на поверхность 3,5-метровая ракета «Фау» весом в одну тонну. «Обследование корпуса ракеты удивило армейских минеров, — передавали из расположения экспедиции австрийские и иностранные корреспонденты. — Пролежав 40 лет на дне озера, ракета даже не имела следов ржавчины».

НОЧНАЯ ТРАГЕДИЯ. — Да, это мой сын, — сокрушенно вымолвил старик Эгнер, когда ему показали труп, поднятый со дна озер Топлиц.

Девятнадцатилетний Альфред Эгнер, профессиональный спортсмен-аквалангист из Мюнхена погиб при довольно загадочных и до конца не раскрытых (по крайней мере официально) обстоятельствах. Его отец срочно прибыл в Бад-Аусзее из баварской столицы, как только ему сообщил об исчезновении сына один из участников нелегального подводного поиска на Топлицзее.

Более трех недель тело аквалангиста пролежало на шестидесятиметровой глубине. Его исчезновение, поднятая отцом Эгнера тревога (приехав из Мюнхена, старик тут же поставил в известность о случившемся местную полицию) и побудили министерство внутренних дел Австрии к поиску западногерманского аквалангиста.

Случилось это осенью 1963 года. Район Топлицзее был тогда оцеплен усиленными нарядами полевой

жандармерии. Последний отрезок дороги из деревни Гесслъ к Топлицзее перегородил шлагбаум. Он был заперт на замок.

Австрийским и иностранным журналистам, прибывшим сюда по специальному приглашению пресс-службы МВД Австрии в самый разгар экспедиции (но уже после того, как был найден труп мюнхенского аквалангиста), машины пришлось оставить возле небольшого гастхауза. Дальше мы двинулись к озеру пешком.

...В первую послевоенную зиму в озерном районе Мертвых гор появились два инженера из Линца — Людвиг Пихлер и Герман Майр. Прихватив с собой лыжи, брезентовую палатку, консервы, они — с неизвестной целью — предприняли восхождение на одну из вершин неподалеку от Альтаусзее и... бесследно исчезли в разыгравшемся снежном буране.

Лишь спустя семь недель, в конце марта, горноспасатели натываются на кончики лыж, торчащих из снежных сугробов.

За годы работы в альпийской республике я убедился: нервы у австрийских горноспасателей крепкие, присутствие духа им не изменяет. Однако то, что открылось их глазам под разворошенной ледяной коркой «снежной пещеры», заставило содрогнуться даже этих людей, привыкших к самым жестким картинам смерти людей под ударами снежных лавин...

Из протокола предварительного следствия, проведенного на месте происшествия подполковником жандармерии из Бад-Аусзее В. Тарром:

«На месте бивака царил страшный беспорядок. У обоих инженеров было еще достаточно продовольствия, и умерли они отнюдь не от голода. Майору кто-то вспорол живот, причем, видимо, маникюрными ножницами. Его сердце, легкие и другие внутренности были вырваны и запихнуты в брюки, разорванный желудок и кишки наброшены на плечи. Пихлер пытался, вероятно, руками разгрести снежное покрывало, поэтому все его пальцы были в ссадинах».

И по сей день никто не знает, что привело к ужасо-му финалу вылазку в горы австрийских инженеров. Никто не дал объяснения и другому обстоятельству этой загадочной драмы в Мертвых горах: почему дальше предварительного следствия дело так и не сдвинулось? Хотя некоторые западные журналисты, достаточно компетентные в расшифровке такого рода происшествий, обращают внимание на то, что «тело Майра было изувечено так, словно кто-то искал у него нечто такое, что он только что проглотил, например, какой-нибудь план...»

Утверждения жандармов, будто труп обглодали лисицы, окрестные жители восприняли скептически. Зато бесспорным оказался следующий факт: в фотографиях Майра и Пихлера жители деревень и Бад-Аусзее опознали инженеров, которые еще в 1942 году приезжали сюда по дороге на секретную испыта-

тельную станцию гитлеровских ВМС в районе Топлицее.

Вряд ли двое погибших из Линца собирались искать остатки затопленного оборудования этой станции. Быть может, их неудержимо притягивало содержимое других «тайников», заложенных в Мертвых горах эсэсовскими зондеркомандами?

...Как-то в местечке Шессль, что расположено между озерами Грундльзее и Топлицее, появились еще двое инженеров. Местным крестьянам оба представились «отпускниками из Гамбурга — Келлером и Геренсом». По их словам, в австрийский Зальцкаммергут они заглянули, чтобы «навещать старого фронтового товарища», обосновавшегося здесь после 1945 года.

Однажды утром оба совершили восхождение на гору Райхенштайн. Ее вершина в цепи Мертвых гор обычно не вызывает интереса у альпинистов. Но с нее отлично просматривается... озеро Топлиц!

Через несколько часов после «штурма» Райхенштайн в жандармском участке Грундльзее появился крайне измотанный и взволнованный Келлер. Из его рассказа следовало, что у самой вершины второй участник восхождения — Геренс «выскользнул из связки» и сорвался вниз... Обезображенный труп гамбургского инженера был найден в расщелине.

Информация для сопоставления и некоторых выводов: подобно двум погибшим австрийцам из Линца, западногерманские граждане Келлер и Геренс тоже были замечены местными жителями в годы войны и — какое совпадение! — опять по пути на ту же испытательную станцию фашистских ВМС. Геренс разбился насмерть четыре года спустя после гибели своих австрийских коллег по профессии, а в 1952 году выстрелы, прогремевшие в узком лесистом перешейке между деревней Гесслъ и озером Топлиц, подняли на ноги полицию и ее вооруженный наряд прочесал местность. На берегу озера полицейские натываются на два уже остывших трупа. Кто стрелял? Никаких следов. Впрочем, кое-что удалось нащупать. Убитые были в прошлом военнослужащими СС.

И снова Мертвые горы подтверждают свое мрачное название. 9 декабря 1955 года венская газета «Абэнд» поместила хронику еще одного происшествия, весьма похожего на преступление. «В начале августа (того же года. — В. М.) на горе Гамштелле, возвышающейся над озером Альтаусзее, был найден труп советника по вопросам строительства из Франкфурта-на-Майне инженера Майера. Он лежал под утесом высотой не более двух метров, а его голова находилась в протекающем там неглубоком ручье. Что это — убийство или несчастный случай?

Судебно-медицинская экспертиза засвидетельствовала: Майер не утонул, в легких у него не было воды. Не было обнаружено и никаких повреждений на теле погибшего, за исключением раны на подбород-

ке. А вот следы крови нашли не в неглубоком ручье, где он пролежал несколько часов, а на вершине утеса...

К этому месту вела лишь одна неприметная горная тропа, известная только дровосекам да охотникам. Это обстоятельство породило предположение: а не располагал ли инженер схемой местности и не были ли на ней нанесены ориентиры, ведущие к нацистским «тайникам»?

«...СТАНОВИТСЯ ЕЩЕ БОЛЕЕ ЗАГАДОЧНА» Когда в декабре 1984 г. жандармские посты вновь перекрыли все подступы в Топлицзее, поднятые со дна ящики с архивами СС и еще «чем-то» вновь разожгли любопытство журналистов. «Что же спрятано в других, еще не извлеченных ящиках?»

Официальные уполномоченные МВД Австрии заверяли прессу: ...ничего другого, кроме остатков оборудования испытательной станции ВМС «третьего рейха» и части ее боевого арсенала, плюс к тому еще несколько ящиков с фальшивой валютой, пока извлечь не удалось...

И все же разубедить журналистов, что, кроме этого, со дна ничего другого не поднято, было трудно. И вот почему.

...2 июня 1980 года, за час до полудня, трое западно-

германских журналистов — авторов книги «Кровавые следы (Возрождение СС)» получили в Вене, в министерстве внутренних дел, допуск к секретным документам РСХА, извлеченным со дна озера Топлиц. События, по их рассказу, дальше развивались так.

...На письменном столе, за которым журналистам предстояло провести около пяти часов, их ждал пакет из коричневой упаковочной бумаги. На глазок они прикинули: толщина пакета не более 30 сантиметров. Да вес собранной в пакете стопки бумаги не превышал 5 килограммов. «...А ведь сами австрийцы сообщили, что поднятые из озера документы весят сто килограммов».

Возвращаясь к этому эпизоду поиска следов, оставленных эсэсовцами в Зальцкаммергуте, журналисты заметят: им стало ясно, что — хотя и с изысканной вежливостью — их хотели одурачить. Однако они все-таки перелистали лежавшую на столе стопку бумаг.

«Даже эти немногие документы показывали: СС вел учет всех своих преступлений. С тевтонской обстоятельностью фиксировалось количество банкнот...». Журналисты засвидетельствовали, что эти документы подтверждали изготовление в концлагере Заксенхаузен — наряду с фальшивыми английскими фунтами — огромного количества советских, венесуэльских и югославских фальшивых паспортов. В пакете лежали и шесть директив о проведении дивер-

сионных актов (в поднятом со дна топлищезе ящике их было семь!). Отсутствовали и другие документы, о которых было первоначально сообщено прессе вслед за вскрытием извлеченных из Топлищезе ящиков с архивами СС...

«И все же для просмотра бумаг нам потребовалось пять часов, — зафиксируют журналисты. — Там были списки всех заключенных, работавших в 18-м и 19-м блоках над изготовлением фальшивых денег, протоколы выпуска тунисских паспортов «высшей степени подлинности», здесь же находились в листах изготовленные нацистами с пропагандистскими целями фальшивые почтовые марки с серпом и молотом и шестиконечной «звездой Давида», которые также не были указаны в официальном перечне 1963 года. В то же время среди показанных нам документов не было ничего из того, что в 1959 году сделало содержимое ящиков столь взрывоопасным».

Авторы репортажа из этой комнаты в министерстве внутренних дел Австрии заметили, что расшифровка документов потребовала кропотливой работы. Ведь большей частью они были сильно разрушены, а на некоторых списках чернила так выцвели, что записи угадывались с трудом...

Обратили журналисты внимание и вот на какую деталь. «Из надписи на упаковочной бумаге следовало, что 7 ноября 1975 года документ, обозначенный под № 9, изъят. А сколько было изъято еще? — резонно задают они вопрос. — Ясно одно: австрийские влас-

ти хотели и в дальнейшем оставить все без последствий: поднятые со дна озера документы пусть хранятся в подвале, а неподнятые — в озере...»

Отметим такой факт: компетентные австрийские органы уже не единожды «закрывали» дело о «нацистском кладе» (в Топлицзее) — якобы за «разгадкой» всех его тайн — и вновь вынуждены были его «открывать». Последний раз — осенью 1984 года.

Почему? Одна из причин — непрекращающиеся вылазки в район Топлицзее всякого рода «разведчиков» его флоры и фауны с официального согласия австрийских властей. Чаше же — нелегально и порой с трагическим исходом. Волей-неволей все это побуждает Вену снаряжать повторные экспедиции министерства внутренних дел к озеру. Есть и другие причины. Но об их глубинных, а не официально провозглашаемых мотивах можно лишь догадываться...

В разгар экспедиции МВД Австрии осенью 1984 года венская печать опубликовала сообщение, которое сразу же привлекло внимание журналистов. В первую очередь тех, кто обосновался на «временную стоянку» близ Топлицзее. Ведь они первыми брали под наблюдение все, что могло пролить свет на далеко еще не раскрытые загадки подводного «сейфа» СС.

Согласно этой информации, в скалах Мертвых гор, уходящих в глубину озера как раз в секторе неза-

долго до этого обнаруженной «неизвестной груды металла», был найден ход (или пролом), который вел в целый лабиринт подземных бункеров! Как выяснилось, вход в этот тайник был завален рухнувшими при взрыве обломками скальных пород.

Не в этом ли искусственном «чреве горы» эсэсовцы захоронили свое награбленное золото и секретные документы?

Казалось, ответ «глухо простучал» (по выражению одного западного журналиста) в каменную стену завала. Пока что снаружи. Австрийская политическая полиция, — утверждала венская газета «Курир», разыскала одного свидетеля, который после войны предпринял попытку проникнуть в подземелье, причем через каменные завалы. Он уверял, будто в конце целой системы катакомб находится «пещера», сплошь заставленная ящиками...

Отнеслись ли серьезно к этому показанию в полиции или просто взяли на заметку, мог показать дальнейший ход событий на Топлицзее. Однако достоверно было установлено другое немаловажное обстоятельство. Оно имеет прямое отношение к рассказу упомянутого искателя нацистских «кладов».

В годы второй мировой войны гитлеровцы использовали в районе Топлицзее — на подземных работах — узников концлагеря Маутхаузен. Они-то и пробили в окружающих озеро скалах штольни-ходы. Гестапо и

СС стремились предельно засекретить этот объект. Входы в целую систему искусственных «пещер» были выдолблены ниже уровня поверхности озера. Но как? Ведь не под водой же орудовали кирками и ломами узники в полосатых робах...

Фронт работы для узников Маутхаузена гитлеровцы создавали, временно отводя часть воды из озера Топлиц и тем самым обнажая нужные участки скал. От «непосвященного взгляда» долбивших скалы «рабов» скрывали маскировочные сети.

Казалось, эсэсовцы надежно скрыли под водой следы подземного лабиринта. Не учли лишь одного: регистрационных замеров уровня австрийских озер, систематически проводившихся соответствующими ведомствами. Так, уже после войны в архивах австрийского федерального ведомства, ведающего природными ресурсами страны, были обнаружены записи, документально подтвердившие: уровень воды в Топлицзее понизился на полтора метра «по неизвестным причинам»...

Вообще следует отметить, что в этом районе «Альпийской крепости» гитлеровцами было заложено, помимо Топлицзее, немало «тайников» в заброшенных горных выработках и штольнях. До поры до времени они оставались нераскрытыми.

...На одной из пресс-конференций в Грундльзее, созванной представителями министерства внутренних

дел Австрии в разгар подводного поиска на Топлицзее осенью 1963 года, внезапно подошел к микрофону пожилой господин, представившийся Гейнцем Риглем. Назвал он и свою профессию: оптовый торговец фармацевтическими товарами. У него оказалось необычное «хобби»: почти все послевоенные годы он тщательно изучал все зарегистрированные в прессе происшествия на озере Топлиц и в Мертвых горах и предпринял, как выяснилось на пресс-конференции, личное расследование некоторых подозрительных случаев и фактов.

— В старой, давно заброшенной соляной шахте в Альтаусзее, — сообщил присутствовавшим журналистам коммерсант, — находится более тысячи произведений искусств, награбленных СС в Венгрии и вывезенных в Австрию при отступлении гитлеровских войск...

Заявление Ригеля произвело впечатление разорвавшейся бомбы! Упомянутый пресс-атташе довольно резко прервал Ригеля и сказал, что австрийским властям «все это известно и что картины хранятся в указанном месте только до тех пор, пока не будут возвращены Венгрии».

Правда, представителям МВД Австрии пришлось уступить настойчивым требованиям журналистов и согласиться провести «прессу» в соляную шахту.

...Заброшенная выработка находилась в глухом мес-

те соседних гор. Кругом шумели сосны, тяжело качали густой хвоей высокие ели. Лесных великанов и карликов опутал сухой валежник. У подножия стволов гигантскими веерами зеленели заросли папоротника. Даже когда мы вплотную подошли к входу в шахту, его невозможно было заметить.

— Прошу, господа, следовать за мной, — приподняв нависавшие над головой ветви, произнес наш гид — один из чиновников министерства внутренних дел.

Нам не пришлось углубляться в шахту. Всего в нескольких метрах от входа в полумраке виднелись, должно быть, наспех сколоченные из необтесанной древесины стеллажи. На полках рядами стояли картины в рамках и без них. Пахло сыростью. Никакой вентиляции.

Я спросил: долго еще будут находиться в этом погребельном заточении картины, принадлежащие другой стране? «Пока не будет точно установлена их принадлежность конкретным владельцам. Переговоры о судьбе картин ведутся», — примерно такой услышал я ответ. (Эти произведения искусства были в конце концов возвращены законному владельцу — Венгрии).

...Ледовый панцирь, сковавший озеро Топлиц в декабрьские морозы 1984 года, прервал не только экспедицию поисковой группы австрийского министер-

ства внутренних дел и приданных ей аквалангистов бундесхеера. Ретировался из района Мертвых гор и гражданин ФРГ Г. Фрике, которого западная пресса представляла читателям в качестве «ученого, исследующего подводную фауну» озера Топлиц.

Обращала на себя внимание весьма дорогостоящая оснастка предпринятой им многомесячной экспедиции: в глубины Топлицзее Г. Фрике погружался на подводной мини-лодке!

Что обнаружил на самом деле этот подозрительный «капитан Немо» во время подводного поиска, который, согласно официальной версии, Г. Фрике проводил от лица одного западногерманского научного общества, осталось неизвестным. Досаждавшим ему репортерам Г. Фрике доложил лишь одно: «...Я нашел в глубинах озера новый вид... червяка, живущего без кислорода».

Так это или не так, судить трудно. Хотя на глубине нескольких десятков метров, как установлено, озеро настолько засолено, что каких-либо следов живых организмов до этого обнаружено не было. Ряд журналистов, аккредитованных в Вене, высказывали, на мой взгляд, не лишнюю основания мысль о том, что «подобная естественная консервация послужила дополнительным стимулом для нацистов спрятать там свои тайны».

Если в версию о «находке червяка» поверил мало кто

из представителей прессы, то вскрытые журналом «Баста» некоторые детали финансовой стороны экспедиции западногерманского ученого не могли не настораживать. Как сообщил журнал, каждый день работы Г. Фрике на озере обходился без малого в 30 тысяч шиллингов! А от упомянутого научного общества, которое якобы уполномочило своего соотечественника рыскать на подводной мини-лодке в глубинах Топлицзее, сам Фрике не получил ни пфеннинга...

Подозрение у свидетелей многомесячной работы в Мертвых горах упорно-любопытного ученого вызвало и другое. По ночам Фрике переправлял в ФРГ на автомобиле доверху нагруженный и крытый брезентом прицеп. Сам Фрике уверял, что он отвозил в Мюнхен пробы вод и фотоматериалы. Однако австрийская газета «Нойе кронен цайтунг» взяла и эту версию под сомнение. Можно предположить, писала она, что Фрике перевозил в ФРГ найденные им в глубинах озера секретные документы...

Эту догадку подкрепляло одно обстоятельство, выясненное журналом «Баста». Оказалось, что «охотник за червяком» в Топлицзее поддерживает тесные контакты с западногерманской разведкой «Бундеснахрихтендинст» (БНД). А это детище бывшего гитлеровского генерала Гелена все послевоенные годы не выпускало из поля зрения Топлицзее и окрестные горы Зальцкаммергута.

В перипетиях интригующих событий вокруг нацист-

ского тайника на озере Топлиц еще не закрыта последняя страница. Представитель австрийского бундесхеера (армии) по связям с прессой В. Пухер заявил журналистам по окончании очередного «поискового сезона» в районе Топлицзее осенью 1984 года о намерении водолазно-аквалангистского подразделения вести и дальше работы на этом горном озере. «Тайна озера, — сказала он, — приобретает все более загадочный характер». Но минувшие с тех пор четыре года, увы, не приблизили к ее окончательной разгадке.

(В. Меньшиков. // Смена. — 1988. — № 16)

ТРАГЕДИЯ РАМЗИНА

Декабрь 1930 года. Всех взволновал процесс «Промпартии», первый из серии судебных процессов над «врагами народа». Прошло почти 60 лет. Мало кто знает о причинах возникновения неправого судилища над «членами» мифической организации. В литературе, энциклопедиях суть процесса искажена, давалось фальсифицированное его описание.

Страна жила напряженно. В 1929 году с новой экономической политикой покончили. Прекратилась частная торговля, закрылись кустарно-промышленные производства, были национализированы последние частные фабрички, даже церковное имущество. В том же 1929 году началась массовая — сплошная, как тогда писали, — коллективизация деревни. Она осуществлялась быстро, с применением репрессив-

ных мер не только к зажиточным хозяевам, но и к середняку.

Начатые работы по плану первой пятилетки были плохо подготовлены: на строительных площадках не хватало материалов, отсутствовали грузовые автомашины, бульдозеры, бетономешалки... Не хватало инженеров, техников и рабочей силы. Тогда для работ на стройках провели мобилизацию городских коммунистов и комсомольцев. Были приглашены иностранные специалисты из фирм, поставлявших оборудование.

Часть старых отечественных инженеров и специалистов, которые работали у фабрикантов, относилась к новым условиям строящейся социализм страны без энтузиазма, плохо и даже озлобленно. Поэтому и многие трудящиеся — рабочие, служащие, особенно молодежь — относились к специалистам как к классовому врагу. Более того, в 1928 году началась кампания по запрещению ношения форменной одежды (пальто, костюм, брюки и фуражка) со значками — кокарды и петлицы, — отражающими техническую специальность инженеров и техников, а также профессоров, преподавателей и студентов, обучающихся в институтах и техникумах. В высших и средних учебных заведениях провели кампанию на благонадежность профессорско-преподавательского состава.

Партией был выдвинут лозунг: «Лицом к технике, к техническим знаниям». Однако сложности в стране все нарастали и нарастали. Среди населения было

много обиженных. Потерялось чувство доверия друг к другу. В народе нарастали сомнения в правильности политики столь поспешной ломки, начали открыто говорить и о неправильном курсе Сталина.

И тогда Сталин совместно с преданными ему сотрудниками аппарата ЦК ВКП(б) решил организовать показательный судебный процесс. В качестве подсудимых привлекли лиц из круга инженерно-технической интеллигенции. Эти специалисты работали на ответственных постах. Но якобы без надлежащего контроля со стороны партии...

Судебный процесс должен был показать народу, что трудности возникли по вине «вредителей», которые якобы объединились в подпольную организацию. Осуществление неслыханного процесса позволило бы, по замыслу авторов, отвлечь внимание людей от реальных, серьезных трудностей в стране; и одновременно суд будет устрашением для специалистов, будто бы мечтавших о реставрации капитализма в России.

И вот начались аресты инженерно-технических работников, других специалистов, работающих в разных ведомствах, на заводах и стройках. В конце 1930 года начался процесс некоей «промпартии». Как дружно сообщили газеты, бдительными органами ОГПУ, наследником ЧК, была «раскрыта» подпольная контрреволюционная шпионско-диверсионная организация, действовавшая в СССР с 1926 по 1930 год. Цель — свержение Советской власти и реставрация

капитализма в России при помощи иностранной военной интервенции.

Руководителем «промпартии» объявили профессора Леонида Константиновича Рамзина. Известие о раскрытии «промпартии» всколыхнуло всю партийную и советскую общественность: так это они, вредители, создали трудности в нашей стране! Они, только они, в тяжелой промышленности, на транспорте, на стройках исхитрились создать диспропорцию между отраслями народного хозяйства, стремились омертвить капиталы, сорвать индустриализацию страны!.. Вредительские группы готовили диверсии на фабриках, заводах и на транспорте!..

Читатели, участники митингов верили, верили...

Кто же такой он, профессор Рамзин? Из сохранившейся автобиографии узнаем, что Леонид Константинович родился в селе Сосновке Тамбовской губернии, русский, отец и мать были учителями там же, в Сосновке под Моршанском. Окончил Тамбовскую гимназию с золотой медалью, а в 1914 году также с отличием окончил МВТУ, был оставлен аспирантом на кафедре теплотехники, вел работы в лаборатории паровых турбин. В общем, стал выдающимся специалистом. А в 1920 году его избрали (!) профессором. Он был и членом комиссии ГОЭРЛО, и членом Госплана СССР, а с 1927 года — член ВСНХ СССР.

В одном из судебных заседаний подсудимый Рамзин обрисовал «свою» организацию как весьма конспиративную. Тут и система обособленных связей по це-

почке, никто ничего не знал друг о друге: контакт только через верховные звенья. Но и в одной и той же цепочке высшее звено не имело контакта со звеньями периферии... Центр «промпартии» состоял из пятидесяти человек, непосредственно к центру примыкали еще пятьсот человек... Скажете, бред? Но тогда все сошло за чистую монету...

7 декабря 1930 года Верховный суд СССР приговорил участников по делу «промпартии» к различным срокам заключения, а профессора Рамзина, а также Ларичева, Калининкова, Федотова, Чарновского — к расстрелу. Однако 9 февраля расстрел заменили десятилетним сроком тюремного заключения.

После объявленного приговора по стране начались митинги трудящихся. За раскрытие вредительской организации благодарили работников ОГПУ, клеймили позором преступную банду, обещали быть бдительными на своих местах. И еще лучше работать на благо Родины, не считаясь с трудностями жизни...

Я в 1930 году работал на строительстве Челябинского тракторного завода — на четвертом промучастке и на себе испытал тяжелые условия того времени. Но я был комсомольцем и верил, что в газетах писали правду, что трудности вызывали враги, которые жили вместе с нами, но умели маскировать свое грязное дело. А приговор Верховного суда СССР по делу «промпартии» только усилил мою веру в правильность моих убеждений. И все же помню, что у многих моих товарищей, в том числе и у меня, воз-

никали непрошенные вопросы: как так случилось, что в ответственных учреждениях страны оказались главари вредительства, да еще в лице таких талантливых специалистов? И какими такими путями удалось им, крупным знатокам науки и техники, осуществлять скрытую деятельность своей вредной партии с 1926 по 1930 год? И она никем не была замечена — ни руководителями или сотрудниками Госплана, ВСНХ? Ни даже органами ОГПУ? Хотя вредители работали под наблюдением всех этих организаций?.. А почему же не привлекли к судебной ответственности работников ОГПУ за недосмотр?..

Как показывает фальсифицированная история тех времен, провокационный судебный процесс над членами «промпартии» будто бы сыграл положительную роль. Он якобы мобилизовал энтузиазм трудящихся, народ перестал высказывать недовольство и отныне терпимо относился к имеющимся недостаткам; процесс помог привлечь к трудовой деятельности старую техническую интеллигенцию...

В обвинительном акте по делу «промпартии» отмечалось, что к ней тяготели около двух тысяч инженеров страны. Органам ОГПУ и прокуратуре пришлось с ними познакомиться... Была проведена большая «воспитательная работа», и все они перестроились, уже не думали о реставрации старого режима в России... Как показывает та же история, опыт с процессом над «промпартией» вдохновил Сталина на проведение новых судилищ в стране, организация которых теперь уже не согласовывалась даже с членами Политбюро.

Позднее — после окончания института — я работал в лаборатории № 2 Энергетического института имени Г. М. Кржижановского Академии наук СССР. Туда же поступил на работу и профессор Рамзин, где я с ним познакомился. Для меня встреча была неожиданной. Я буду работать в одном коллективе с человеком, осужденным на десять лет тюремного заключения!.. А как же срок, который, очевидно, еще продолжается? Леонид Константинович появился в лаборатории без охраны, он был хорошо одет, активный в движениях, общительный с нами, работниками лаборатории. Но мне не было известно, что профессор еще в феврале 1936 года был амнистирован, а в тюрьме он вообще не сидел и работал в особом заведении, в режимных условиях.

Рамзин был человеком среднего роста, седой, энергичный, общительный, но как бы с маской на лице. По выражению его лица невозможно было понять его внутренние переживания: радость или печаль, недовольство или безразличие к собеседнику... Очевидно, сказалось на характере и то, что он дал согласие «возглавить» несуществующую партию. Сломанная жизнь — это трагедия личности... Он освоился в лаборатории, принимал участие в обобщении экспериментального материала, давал квалифицированные советы.

В июне 1941 года началась война, наш институт был эвакуирован в Казань. В лаборатории выполнялась работа, связанная с нуждами фронта. Мне приходилось встречаться по работе с разными специалистами. Некоторые из них, как они рассказывали, в свое

время привлекались по делу «промпартии». Обычно разговор на эту тему начинался с имени Рамзина.

Профессор М. В. Кирпичев, которого много позднее избрали академиком, рассказал мне, что он был арестован и судим по делу «промпартии», а обвинили его в том, что он под руководством Рамзина выполнял контрреволюционные задания по свержению Советской власти, руководил «группой вредителей» в промышленности. Он рассказал: «Я сын профессора, и наша семья никогда не была реакционно настроена к Советской власти. В нашей семье никто не думал о политической карьере. После учебы я работал только в области науки и техники. На следствии я все обвинения категорически отклонил и говорил, что это клевета; может быть, вкралась ошибка и перепутали мою фамилию. Я просил и требовал устроить мне очную ставку с Рамзиным. Очная ставка была прокурором разрешена. Перед встречей на очной ставке с Рамзиным я много думал (волновался и переживал) над вопросами, какие я должен задать Рамзину, чтобы доказать мою невиновность и неучастие в «промпартии». Сильно волнуясь, я сразу задал Рамзину несколько вопросов: «Встречались ли мы наедине? Бывали ли мы дома друг у друга? Знакомы ли мы семьями? Мы знакомы по опубликованным трудам и докладам, а встречались на совещаниях и конференциях...»

Встал Рамзин, опрятно одетый, в белой рубашке, с красивым галстуком, спокойно сказал следующее: «Я подтверждаю, что мы не встречались наедине, я у вас на квартире никогда не был, и Вы не были зна-

комы с членами наших семейств. Да, мы встречались на совещаниях и конференциях, знаем друг друга по опубликованным трудам в технических журналах и книгах».

Второй мой вопрос Рамзину: «Меня арестовали по вашим клеветническим показаниям, что я состою членом «промпартии» и активно выполняю ваши задания по контрреволюционной работе, по вредительству. Это же клевета! Я не состоял в этой партии и ваше руководство мною по вредительству категорически отвергаю».

Рамзин встал и спокойно сказал: «Да, я был главным в «промпартии» и был активным руководителем ее деятельности. Вы являетесь членом этой партии. Вы принимали активное участие в работе по моему заданию. В этой работе нам лично встречаться не нужно, так как из-за условий конспирации работа в нашей партии была организована по группам — тройки, пятерки, семерки. Вы состоите в одной из пятерок, и я ею руководил, давал Вам задания вредительского характера. Да, наша партия разоблачена органами ОГПУ, и Вы должны признаться в содеянном, это поможет смягчить вашу участь в приговоре суда».

Далее Кирпичев сказал: «От этой неправдоподобной и наглой лжи мне стало плохо, я не смог даже выругаться... Вот, дорогой Георгий Никитич, на этом и закончилась моя очная ставка. Я оказался «вредителем» и был судим, получил шесть лет тюремного за-

ключения. Советую вам быть осторожным и не работать с ним. Он способен любого человека оклеветать. Уйдите от беды».

В мае 1942 года дирекция командировала меня в одно из управлений ВМФ СССР для согласования плана научно-исследовательских работ лаборатории, связанных с тематикой этого наркомата. Управление предлагало расширить работы и включить в план новую тематику. Я выступил и сказал, что не уполномочен решать такие вопросы. Желательно вызвать в Москву профессора Рамзина. Услышав эту фамилию, председательствующий оживился, спросил: «Это какой Рамзин работает у вас в институте, не тот ли провокатор и клеветник из “промпартии”?» Я ответил: «Да, это он».

Председатель совещания Уваров сказал: «Я с Рамзным не был знаком (при этом он перекрестился), никогда с ним не встречался, но я был арестован, у меня отняли партбилет из-за клеветнического показания Рамзина. Я многое пережил, находясь в тюрьме, на допросах у следователей в течение восьми месяцев. В конце концов меня выпустили из тюрьмы, вернули мне партбилет. А вот моего начальника по службе, старого члена партии, участника революции по клевете Рамзина арестовали. Он энергично протестовал против ложных обвинений и от сильного волнения в процессе допросов на следствии умер».

По доносу Рамзина был арестован М. А. Михеев — после войны он был избран членкором Академии на-

ук СССР, позднее и академиком. Он подвергался допросу девять месяцев. Все обвинения, которые предъявляли следователи к нему, были ложными, клеветническими. Его отпустили... Многие специалисты, узнав, что я работаю вместе с Рамзиным, искали случая встретиться со мной. Таких встреч было много. Все меня предупреждали, чтобы я не работал вместе с ним, что рано или поздно он со мной расправится, что он очень опасный человек, имеет поддержку спецорганов... Я встречался со специалистами, которые вызывались на допрос к следователям. Все они говорили, что процесс «промпартии» был придуман и сценарий этого процесса составлен органами и прокуратурой по указанию Сталина.

В конце мая 1943 года я вернулся с фронта из части Первой воздушной армии в Москву, и мне передали телеграмму от Г. М. Кржижановского: «Организуй вызов Рамзина в Москву».

Столица в это время находилась на чрезвычайном положении, для въезда в нее нужен был специальный пропуск. Мне посоветовали обратиться к уполномоченному ГКО Кафтанову. Он принял меня, а сам ушел в соседнюю комнату, очевидно, согласовать вопрос по телефону. Через десять минут вернулся и сказал:

— Пошлите от себя телеграмму Кржижановскому: «По не зависящим от меня причинам вызов Рамзина не состоится».

Я пошел на телеграф. Через десять дней получил вторую телеграмму от Кржижановского: «Встречай Рамзина сегодня выехал Москву»... Я встретил профессора Рамзина на сортировочной станции Казанского вокзала. Специальный вагон, в котором он ехал, не был подан на платформу вокзала. Он мне сообщил, что приехал в Москву по телеграмме ЦК партии, подписанной Маленковым, а завтра мы едем в ЦК ВКП(б).

На следующий день пошли к Маленкову: мне выдали разовый пропуск, а Рамзину на десять дней. В приемной Маленкова нас встретил его секретарь и сказал, что по указанию товарища Сталина Леонида Константиновича вызвали в Москву по служебным делам...

Через несколько дней я прочитал в газетах постановление Совнаркома СССР о том, что профессору Рамзину присуждена Сталинская премия первой степени. Вне очереди. Указом Президиума Верховного Совета СССР Рамзин был также награжден орденом Ленина. После этих наград ВАК утвердил Л. К. Рамзину без защиты диссертации ученую степень доктора технических наук.

Осенью 1943 года институт вернулся в Москву. По указанию Сталина Совет Министров СССР выделил для Рамзина штатную единицу на ученое звание члена-корреспондента АН СССР. Большому вниманию к нему со стороны Сталина Леонид Константинович был рад и взволнован настолько, что после всего этого заболел. А Глеб Максимилианович Кржи-

жановский вызвал меня к себе в кабинет и просил срочно оформить документы «личного дела Рамзина» для баллотирования на выборах его в члены-корреспонденты АН СССР.

До нашего личного знакомства я Рамзина знал мало, но в своей инженерной работе часто пользовался его трудами при расчете процессов сушки материалов и горения топлива для конструирования промышленных топков. По газетным статьям я знал его как врага нашего народа. Сотрудники лаборатории ЭНИНа чувствовали в лице Рамзина талантливое научное руководство. Он обладал уникальной памятью, обширными знаниями, особенно в области теплоэнергетики. С ним работать было легко и плодотворно, как при проведении опытов, так и при обобщении экспериментальных данных. Он своим тактом, знаниями и энергией умел мобилизовать коллектив сотрудников.

В 1943 году профессор Рамзин занял должность заведующего лабораторией, а я стал его заместителем. Он был доволен моей работой, мне доверял. Я часто по делам службы бывал у него дома и был знаком с его женой, старшей его сестрой и дочкой. Я познакомился с материалами личного дела Рамзина и был удивлен и восхищен его деятельностью. Он своим трудом как специалист и общественный деятель внес большой вклад в индустриализацию нашей страны. Когда я получил от него материалы личного дела и уже собирался уехать в президиум АН СССР для передачи документов, он попросил меня задержаться, решил поговорить со мной. Он был в хорошем настроении, но больной. Его жена, Эра Багдасаровна, на-

крыла стол и подала кофе. Мы продолжали непри-
нужденный разговор о работе. Он был рад, что будет
баллотироваться в членкоры. Затем сказал, имея в
виду Сталина: «Хозяин помнит обо мне. Я благода-
рен ему за высокую оценку моей деятельности...»
Задумался и еще сказал: «С выборами меня в член-
коры не должно быть затруднений. Хотя все может
случиться при тайном голосовании...»

Я внезапно и впервые спросил его: «Ваш большой
вклад в советскую технику и науку хорошо известен.
Но не помешает ли ваше участие в “промпартии”?»
Он нервно передернулся, повернулся в мою сторону
и, смотря на меня в упор, сказал: «Это был сценарий
Лубянки, и Хозяин это знает»...

Я поблагодарил Эру Багдасаровну за угощение, по-
желал Леониду Константиновичу быстрее выздоро-
вления и попрощался.

Через несколько месяцев в Академии наук состоя-
лись довыборы. Голосование тайное. В голосовании
принимали участие двадцать пять академиков и
членкоров Академии наук СССР. За кандидатуру
Рамзина проголосовали: за — 1, против — 24. Таким
образом ученые наказали Рамзина. Сталину не уда-
лось внедрить Рамзина в Академию наук СССР.

Умер профессор Рамзин в 1948 году. Судьба страш-
ная и поучительная.

(Г. Худяков. // Огонек. — 1989. — № 12.)

АМЕРИКА-РАЗЛУЧНИЦА

Мечтая об эмиграции, жена решила «убрать» из своей жизни хронически больного мужа, но по роковому стечению обстоятельств сама стала жертвой обезумевшего киллера.

Все поломалось в одночасье. Некстати заболел Вадим, муж Людмилы Астапович. «Приговор» врачей был короток и безжалостен: бронхиальная астма.

Случай, конечно, не из смертельных. Жить можно. Правда, с определенными ограничениями и постоянным лечением, надлежащим уходом и дорогостоящими лекарствами.

Оно бы и ничего, уладилось бы как-нибудь, если бы не одно важное обстоятельство. По крайней мере, для требовательной и самолюбивой Людмилы.

Уже в кармане, считай, лежало приглашение от брата-спортсмена, перебравшегося на постоянное жительство в Соединенные Штаты, на предмет «воссоединения семьи» в далеких заморских краях, красочно воспеваемых ныне практически всеми средствами информации и захлебывающимися устами очевидцев.

А тут — на тебе. Такой удар. Ниже пояса. Сунься с «хроником» к платной медицине — гол как сокол останешься. А Людмила и в родных краях привыкла, пусть не к роскоши, но к сытой и довольной жизни — точно.

...Жили они с Вадимом, если не душа в душу, то с пониманием слабостей друг друга. Двух детишек назвали, сына и дочку. Наследнику без споров и распрей дали отцовское имя. Вадим-старший оказался человеком с «руками» и вскоре после свадьбы устроился слесарить в автопарк. Кроме неплохого заработка имел еще более неплохой «приварок» от частных заказов. Потом и вовсе бросил работу в государственном секторе и подался снабженцем в частное малое предприятие «ВИТ», где, по гомельским меркам, можно было зарабатывать солидные деньги.

За таким мужем жена всегда, как за каменной стеной, особенно — в материальном отношении. Людмилу устраивала роль домохозяйки. Она хорошо готовила, добросовестно ухаживала за детьми, держала порядок в квартире на высшем уровне. А жизнелюбивая натура привлекательной самочки постоянно находила утешение во флирте во время частых командировок мужа по делам снабженческим. В разгулы она не бросалась, опасаясь ненужных пересудов, но и отказывать себе в удовольствии разделить постель на ночку-другую с «молодым и неженатым» не собиралась. Тем более, что муж только чисто формально справлялся о ее времяпровождении в дни его отсутствия. Видимо, и сам не прочь был «откинуться на сторону».

Так бы оно и перемололось все, и скатилось бы в сытую и добропорядочную старость, если бы... Если бы не Людкина идея фикс:

— Едем в Америку! Там тебе с твоими способностями, руками и головой цены не будет. Какого черта здесь на чужого дядю за гроши вкалывать? Откроем собственное дело, в помощницы к тебе пойду, заживем по-человечески. На первых порах брат и деньгами, и связями поможет. Да и мы же не с пустыми руками явимся: продадим квартиру, машину, мебель... Что у нас, дешевка какая-нибудь нажита?

Вадим обычно отмалчивался. Людмила приняла молчание за знак согласия и активно стала готовиться к отъезду за океан, частенько названивала туда брату. И вдруг такой нелепый медицинский сюрприз...

Чего хочет женщина, того хочет Бог, — гласит народная мудрость. В данном случае почему-то Бог воспротивился ее желанию. Тогда-то она решила стать выше Бога и сама вершить свою судьбу.

...Еще на больничной койке Вадим заметил резкую перемену в поведении жены, в ее отношении к нему. Навестила всего-то два раза за две недели, разговаривала рассеянно, отводя глаза в сторону и поглядывая на часы.

— Ну, поправляйся, дорогой, — казенно прощалась в

последний приход. И все: ни улыбки, ни привычного «звони»... От бывшей Людки, похоже, ничего не осталось. Хохотунья, веселуха, она как-то враз переменялась, стала неприветливой, сухой, жесткой...

Вадим попытался было найти объяснение такой перемене, да решил не растравлять себя понапрасну и отложил размышления до выписки.

А его благоверную как черти понесли. Со злости ли, с отчаянья ли от срывающихся заманчивых перспектив она почти открыто бросилась в разгульные компании, стала приводить в дом мужчин, чего раньше никогда себе не позволяла. Благо, детишки на лето были отправлены к старикам в деревню. И каждому очередному кавалеру Людмила не преминула пожаловаться на свою неудачу, откровенно намекая, что хотела бы «развязаться» с мужем. Любым способом.

— Нет, нет, развод меня не устраивает, — говорила она очередному «постельных дел мастеру» после бурных любовных утех. — Нужен нетрадиционный вариант...

Поймав недоумевающий взгляд партнера, неожиданно переводила разговор на банальные темы, а утром давала понять «недотепе», что их роман исчерпан всего за одну ночь.

— Гуд бай, мой мальчик!

Неизвестно каким по счету «номером» отработывал в квартире Астаповичей донжуановский сюжет Эдуард Кислов, но именно он оказался тем человеком, которого, даже сама себе не признаваясь, искала Людмила.

— Значит, муженька требуется убрать с дороги в светлое будущее, — полувопросительно, полуутвердительно откликнулся он на жалобы Людмилы. — Я вас правильно понял, мадам?

Она промолчала, но так выразительно и благодарно посмотрела на своего любовника, что сомнений у того не осталось.

Утром, на свежую голову, обсудили детали предстоящей «операции».

— Ты веди себя с ним, как обычно, — резюмировал Эдик. — И в эти дела не встревай. Поговорю с твоим благоверным по-мужски. Не сам, конечно, не бойся. Есть у меня надежный чувачок. С непонятливыми у него свой, особый разговор...

Кислов в известной степени блефовал, хотел подать себя в выгодном свете, предстать перед подругой этаким «крутым» мужиком, деловым и бескомпромиссным. А по жизни он был обыкновенным «челноком» из племени купи-продай. Но именно на коммерческих маршрутах нахватался наглости, самоуверен-

ности, нахальства и бесцеремонности. Природный цинизм придавал этим качествам определенный романтический оттенок.

Все планы Эдика строились на знакомстве с «Бугаем», безработным качком Петром Анисенко. Вот тот действительно был способен на мужские разговоры вплоть до жестокой драки, а случись что, и убийства. За презренный металл и мать родную не пожалел бы, если бы она у него была. Детдомовец-отчаюга с детства ненавидел сытых и преуспевающих. Так уж сложилась жизнь...

...Вадим вскоре выписался из больницы и был приятно удивлен переменами в поведении жены, переменами к лучшему: опять внимательна, обходительна, можно сказать, даже нежна.

С охотой пошел на работу. На столе его ждала записка: просят позвонить по указанному номеру.

— Морг слушает, — откликнулись на другом конце провода. — Тьфу, чертовщина какая-то, — удивился Вадим, возвращая трубку на рычажок.

Не успел осмыслить ситуацию — звонок.

— Здравствуйте, Вадим Алексеевич, — загудела мембрана густым басом. — Есть необходимость встретиться. Деловое предложение, которое вас заинтересует. Сегодня. Желательно сейчас, не откла-

дывая. Буду вас ждать в условленном месте через сорок минут...

Снабженцу два раза о деловом предложении говорить не надо. Хотя интонации звонившего настораживали. Тем не менее, Вадим через считанные минуты весело газовал на своей «восьмерке» к месту встречи.

Его ждал мордатый здоровяк в темных очках, плечистый, выше среднего роста.

«Во бугай», — пронеслось в голове.

Сам того не зная, он точно определил кличку незнакомца.

А тот, не церемонясь, подошел вплотную, положил тяжелую руку на плечо Вадима и жестко продиктовал:

— Людмилу и детей оставь в покое без всяких предварительных условий. Перепишешь на жену имущество, квартиру и машину. Из дома уйдешь с чемоданчиком. Понял, кент? Пока свободен. Позвоню через два дня прямо домой. Доложишь об исполнении и — адью!..

У Вадима от неожиданности случился приступ астмы, потемнело в глазах. Пока доставал ингалятор,

пока прыснул живительный аэрозоль, наглого незнакомца и след простыл...

...В расстроенных чувствах, ошеломленный и оскорбленный до глубины души не столько бесцеремонностью обращения совершенно незнакомого человека, сколько коварством и подлостью жены, Вадим не стал даже возвращаться на работу, где скопилось дел невпроворот, а подался к армейскому другу Пашке. В самые трудные времена тот своей рассудительностью, душевностью и какой-то природной мудростью не раз здорово выручал и поддерживал Вадима.

— Н-н-н-да, ситуация, — цокал языком приятель. — Хотя этого и следовало ожидать. Ты уж извини, дружище. Но на твоей стержовозе клейма уже ставить негде...

Вадим снова задохнулся...

— Ладно, не дрейфь, — Пашка сразу перешел на деловой тон. — Отобьемся от этих подонков собственными силами. Не зря в десантуре два года корячились. Значит, так: через два дня я прихожу к тебе домой и вместе ждем звонка от твоего обидчика. Явится — начистим морду, чтоб и дорогу забыл. А с супругой сам как-нибудь разберешься. Глядишь, утрясется со временем...

...К приходу друга Вадим прикупил бутылочку «беленькой» и кое-что из закуски. Но Павел решитель-

но воспротивился выпивке: — Дела, брат, предстоят серьезные, до милиции может все дойти, а мы острограммившись... Доказывай потом, что ты не лысый. Замочка никуда не денется...

Ближе к вечеру раздался телефонный звонок.

— Чемоданчик собрал? — развязно пророкотал знакомый уже голос.

— Пошел ты... — Вадим грязно выругался и брезгливо бросил трубку.

— Теперь будем ждать, — спокойно произнес Пашка. — Нутром чую — от своего плана они не откажутся...

Прошло еще с полчаса. Друзья попили чайку, перекурили на балконе. Людмила, как мышь, затаилась в спальне и кухню носа не казала.

Без четверти двенадцать появились Анисенко с Кисловым. Им открыли безбоязненно: разборка так разборка.

— А-а-а, двое на двое, значит, — криво усмехнулся бугай. — По-хорошему, значит, отказываемся? Вас по одному мочить или обоих сразу?

Под его пудовым кулаком враз хрястнула переносица Вадима, и тот, обливаясь кровью, затих в углу тесной кухоньки.

Зато не остался в долгу Павел. Схватил табуретку и расколол ее вдребезги на голове Кислова. Эдичка объехал по стенке, как тюфяк.

Они остались один на один с Бугаем. Набывчившись, «киллер-любитель» выхватил из кармана финку и двинулся на Павла. Того прошиб холодный пот, потому как не ожидал подобного оборота.

И тут совершенно неожиданно для обоих в кухню с истеричным воплем «Я передумала!..» ворвалась Людмила и стала между дерущимися.

— Уйди, животное, — со злобой выдохнул Бугай. — Мне с клиентом разобраться надо, теперь это уже не твое мартышечье дело...

Людмила не пошевелилась.

Бугай даже вроде и без взмаха, а просто пырнул острием в открытую шею женщины. И... вспорол сонную артерию.

Людмила упала без вдоха и без крика. Даже не упала, а просто осела, словно под тяжестью невидимой ноши.

Анисенко склонился над ней, подложил под голосу окровавленную руку с зажатым в ней ножом и хрипловатым голосом, будто про себя, произнес:

— Вызывайте ментовню. «Скорая» уже не нужна...
(В. Ткачев. // Детективная газета. — 1996. — № 16/28/)

СЕРДЦЕ ВОРА

Его вырвали из груди эксзека и разрезали на куски. Из песка торчал сучок. Рыболов подфутболил его, и неожиданно появилась... рука человека. На миг рыболов остолбенел, а потом заспешил к ближайшему телефону. Благо, Комсомольское озеро в Минске — почти в центре столицы.

— Может, за женщину поплатился? — подали первую версию в Центральном РОВД Минска. — Половые органы изуродованы...

— Вы привезли труп без сердца, — ошарашил следователей судмедэксперт. — Его прямо-таки вырвали... Похоже, нелегкую смерть мужик принял. Только ножевых, рубленых ран на теле — 10.

Труп молодого мужчины опознали быстро. Тело убитого с ног до головы было покрыто татуировками. Та-

кой «живописью» чаще всего обзаводятся за проволокой. Мовчун Вячеслав Иванович, 1971 года рождения. Был осужден на 5 лет за участие в групповом ограблении. Год как на свободе. Не работал. После продажи матерью квартиры лишился жилья.

Первым делом разыскали мать убитого. Однако она не смогла внести ясность в загадочную и страшную гибель сына. Мол, жил, как все. Пил, когда было что пить, кормился, где придется, чаще у сожительницы. Правда, та и сама не работает. Живет с матерью, у которой еще двое детей от разных поклонников.

— Я знаю, что его звали Славик, — только и вспоминала неформальная теща Мовчуна, мать сожительницы. — Он где-то около года с моей дочерью любовь крутил.

23-летняя сожительница оказалась покрепче матери на память. Уверенно назвала фамилию Славика и кличку его лучшего друга — «Бакун». И хотя перепутала номер квартиры, улицу и номер дома «Бакуна» назвала правильно.

Сверстник Мовчуна, 25-летний Евгений Бакунович по кличке «Бакун» жил попеременно то у матери, то у сожительницы.

— Ласковое теля двух маток сосет, — любил философствовать Бакун за рюмкой. — Возьми меня. Ста-

руха начинает бурчать, я — к подруге. Одет, обут, накормлен...

И все же жизнь Бакуна нельзя было назвать безоблачной. Бич всех дармоедов — скука. Смертельная скука. Не спасали ни водка, ни крутые видеофильмы. А ведь ради ласкового Женечки пошла на беспрецедентные расходы безработная Зинаида Мартинович, сожительница Бакуновича. Купила видеомагнитофон. Да и станешь ли мелочиться, когда любовник на 11 лет моложе тебя. Вон их сколько смазливых потаскух, молодых и наглых, заглядываются на Женичку. К тому же старший сын — 17-летний Михаил — покоя не давал: «Купи видик». Пусть уж лучше у этого самого видика сидит, чем по подворотням-то ошиваться.

Разнообразие в жизнь Бакуновича вносил время от времени появлявшийся Мовчун. Щекотал нервы рассказами о своих блатных похождениях. Заглядывал «на огонек» еще один лодырь и болтун, 25-летний Алексей Сорокин.

— Чего трепаться, пора какого-нибудь богатенького лоха за вымя взять, — все звал компанию на «дело» во время застолий Мовчун. — Так ведь лучшие годы просидим на бобах. Вон мой кореш два года как откинулся, а уже четвертую тачку меняет. На «БМВ» раскатывает.

Все соглашались с тем, что обязательно надо бы по-

щипать богатеньких. Пусть делятся. По справедливости. Вон и по телевизору говорят, что все эти особняки, машины — ворованные. Но «экспроприация экспроприаторов» могла привести прямехонько за решетку. А менять удобные диваны на нары не хотелось.

...В тот день обычная «беседа» закончилась крупным скандалом.

— Ты что, щенок, пожрать жалеешь? — накинулся Мовчун на Михаила Мартиновича. — Не уважаешь?..

Мовчун заявился, когда Бакун, «пасынок» и неизменный гость Сорокин заканчивали трапезу под две бутылки водки. Угостили остатками водки и Мовчуна. Закуски, как всегда, не хватало. А тут еще молодой и прожорливый Михаил увел из-под носа Мовчуна последний кусочек сала.

Сразу же после вопроса насчет «уважения» Мовчун «пошел в атаку» на Мартиновича. Завязалась драка. Перепуганный пацан схватил топорик для рубки мяса и принялся отмахиваться от грозно наседавшего Мовчуна. И тут «братва» убедилась, что не такой он и крутой, этот Мовчун. Более того — слабак. Не прошло и пяти минут, как выдохся. Еле «лапами» машет. Да и врезать как следует не может. Хвастался приемчиками, мол, по пять-шесть зеков валил на зоне, а с пацаном справиться не может. Трепач.

— Ну все, хватит! — поднялся наконец с кровати наблюдатель за схваткой Бакун. — Славик, давай руки перевяжу, кровью весь пол залил. Успокойтесь!

Михаил глубоко поранил топориком руки противника в нескольких местах. Мовчун обессиленно спустился на стул. Разорвав рубашку, валяющуюся в тряпье сожительницы, Бакунович перевязал кровоточащие раны повергнутого «авторитета» и неожиданно предложил:

— А не махнуть ли нам на рыбалку? Говорят, на Комсомольском озере рыбы хоть пруд пруди. Сварганим ущицу. Посидим за бутылочкой.

Сегодня Евгений Бакунович бьет себя в грудь и утверждает, что умысла на убийство Мовчуна у него и собутыльников в тот момент не было. Тем не менее, его приглашение на рыбалку кажется очень неслучайным. Дело в том, что рыбой Бакунович интересовался разве что в магазине. Никогда не был ни на каких рыбалках и даже не заикался о них. Да и снастей рыболовных у него не было. В тот день он «одолжил» их у сожителя своей матери, к которой заявился вместе с Сорокиным. Ну, а Михаил Мартинович и Мовчун тем временем отправились напрямиком на озеро. Договорились встретиться на острове.

— Мовчун и раньше мне угрожал, — позже будет давать показания несовершеннолетний Михаил Мартинович, — требовал, чтобы я с ним занялся воров-

ством. Постоял на шухере. И в тот день, когда мы остались вдвоем, Мовчун пригрозил мне, что, если я не пойду с ним на «дело», он меня зарежет. Я боялся Мовчуна...

Ой ли? Во всяком случае, куда только девался страх у Мартиновича, когда он опрокинул внутрь стаканчик самогонки. Ее принесли Бакунович с Сорокиным. И стоило лишь захмелевшему Мовчуну опять заикнуться о жадности Мартиновича, как тут же экзек получил удар палкой по голове... Один, другой... Мартинович бил сильно и безжалостно. Брошенную палку поднял Сорокин и продолжил экзекуцию. Били поочередно. Смаковали удары. Им было интересно. Щекотали нервы вначале бессмысленные угрозы, а потом — мольбы жертвы. От палки перешли к ножу. Кромсали, протыкали тело. Потом «развлекались» тем, что несколько раз «топили» Мовчуна. Держали его под водой всего или только голову. Следили, чтобы не захлебнулся. Не из жалости. Чтобы продлить «удовольствие».

Казалось бы, откуда такая жестокость у этих троих? Особенно у несовершеннолетнего Михаила? Хотя... Мальчик «на поверку» оказался не так прост. На него уже заводили уголовное дело. Как-то запустил в родную мать три ножа. Веером. Не понравились ее речи во время очередного застолья. И довелось той отлеживаться в больнице. Едва выжила. Повреждены были сердце, легкие... Врачи все допытывались: «Какой садист так измывался над вами?» Мать молчала, потом всячески защищала сына у следователя...

...Еще живого, трясущегося всем телом Мовчуна вытащили на берег. Бакунович и Сорокин навалились на руки и ноги несчастного. Ножом орудовал Мартинович. Исполосовал половые органы обидчика. Вспорол живот, добрался к сердцу. Принялся вырывать его. С третьей попытки это ему удалось.

...Всех троих вычислили быстро. Бакунович с Мартиновичем уже в следственном изоляторе. Сорокин ударился в бег. Сердце убитого не нашли.

— Мы положили сердце Мовчуна в полиэтиленовый пакет и принесли к нам домой, — цинично улыбаясь, признался Мартинович, — положили на ночь в холодильник. Наутро разрезали пополам. Одну половину разрезали на кусочки, потом все выбросили в мусоропровод.

Почему? Зачем? Ответа на эти вопросы пока нет. Но и без ответа мурашки по спине бегут...

(В. Шихмарев. // Детективная газета. — 1996. — № 14/26/)

ШАНТАЖ

Вместо шести тысяч долларов держатель «компромата» получил от киллера две пули. Фотографией Олег Шаронов от нечего делать начал баловаться еще в школе. Но ни тогда, ни много лет спустя

тя он не задумывался над тем, что из любительского увлечения можно при желании извлекать некоторые материальные блага. Шальная, авантюрная идея посетила его неожиданно, после просмотра по видеку фильма про... шантажиста-фотографа. «Во, балбес! Как же раньше не допер! — Олег даже защелкал от нахлынувшего возбуждения пальцами. — Это ж бабки поймать можно, особо не напрягаясь?!»

Поднапрячься все-таки пришлось. В том смысле, что возникла необходимость сосредоточиться на поисках «объекта» съемки. Как и само озарившее его «ноухау», такой «объект» тоже всплыл нежданно-негаданно. Сидел Шаронов как-то в пивбаре с бывшим одноклассником. Как обычно бывает в таких случаях разговор велся «стихийный», «прыгающий» с одного «кадра» на другой. Вадим, приятель, в какой-то связи, а может и без нее, поведал, что его преуспевающий в бизнесе шеф, директор МП Сергей Кравченко, двадцать дней будет «холостяковать» — отправляет жену в санаторий на Нарочь.

— Нормальный он хлопец, а Катька у него... гы-ги... так сказать, — спошлил по пьяному делу Вадим. — Я Сергею чуть не ляпнул: куда ты, мол, ее отпускаешь? Она же как более-менее видного мужика видит — аж дрожит.

— А когда едет? — вроде как между прочим поинтересовался наострившийся Шаронов.

— Завтра, харьковским...

...Супруги Кравченко обменялись на перроне скромными «буськами», длинноногая, стройная Катька кокетливо сделала мужу ручкой и поднялась в вагон. Короткую сцену прощания Шаронов наблюдал из противоположного тамбура и не преминул про себя отметить, что Катерина даже, вроде, не пыталась скрыть на лице радость от того, что уезжает. «Вадик прав. Похоже, на Нарочи я без работы не останусь».

* * *

«Путевка горит!» — это выражение имеет на курортах совсем иной смысл, чем в кабинетах профсоюзных лидеров. «Путевка горит» — значит, жаждущую общения леди в первые, самые благоприятные для знакомства дни обошли вниманием, и она мечется, неистово завидуя подруге по комнате, которая уже успела обзавестись «ейным хахалем» и теперь наслаждается не только минеральными ваннами и кислородными коктейлями.

Катерине, с ее броской фигурой и смазливой мордашкой, сию горестную чашу испить не пришлось. Игривая красавица сразу оказалась «востребованной» — уже на следующий после приезда день к ней плотно приклеился высокий симпатичный блондин. Объектив «Никона» подловил упивающуюся свободой, беспечно шагающую рука об руку парочку на тенистой аллее. Один-ноль! Однако дальнейшая «фотоохота» вскоре потеряла смысл. «Влюбленные», словно заподозрив неладное, ничем больше не проявляли сути своего интима и стали упорно уединять-

ся от посторонних взоров. Впрочем, не дети ведь они в конце концов, чтобы в обнимку барражировать по санаторию — в комнате можно найти более достойное и увлекательное занятие.

Поселившуюся в частном секторе Шаронову ничего не оставалось, как идти напролом. А именно — попробовать проникнуть непосредственно в стан «врага». «О, нет! Он не собирался прятаться под кровать или в шкаф — оттуда ведь все равно не сделаешь нормальной «компросъемки». Легальность, только легальность могла стать его союзником. Олег подкараулил блондина у входа в столовую. Представиться корреспондентом столичной газеты было раз плюнуть. Накануне у Олега хватило наглости назваться чиновной курортной даме следователем по особо важным делам, что и позволило ему ковыряться в тощей санаторной папке Катиного кавалера. Анатолий Степанович Ковшов, главный инженер завода. Даму Шаронов успокоил: «Ошибочка вышла, это не тот человек, которого мы ищем. Вы ему, пожалуйста, ни-ни, а то разволнуется человек понапрасну».

— Приятная встреча, Анатолий Степанович! — скромно улыбнулся «фотограф», когда Ковшов поравнялся с ним. — Я бывал на вашем заводе. Вы меня, может, и не помните, а я вот вас сразу узнал.

Прием был беспроблемный. На том предприятии, где работал Ковшов, перебивали десятки газетчиков, поди, припомни всех. — Вот и закончу съемку здесь

и опять к вам наведаюсь — у меня все на месяц вперед расписано, — сходу взял в оборот главного Олег.

Предстоящий визит корреспондента подействовал на холодного с виду Ковшова размягчающе. Не насторожило его и приглашение «на чашечку кофе».

Вместе с Ковшовым явилась и Катя. Кофе, конечно, не ограничились. Беседа пошла раскованная и многословная. Олег даже сам удивлялся, как складно врал о своих якобы многочисленных командировках в Штаты, Австралию, Израиль и Ватикан. Катя слушала, разинув свой маленький ротик со слегка припухлыми розовыми губками.

Потом с удовольствием начали фотографироваться на память. — Буду в Гомеле — привезу снимки, — щедро пообещал почти не пивший Шаронов.

Раз за разом сверкала фотовспышка: да, вот так сядьте, а теперь улыбнитесь друг другу; в щечку, в щечку ее, Анатолий Степанович! Ну обнимите же, Катя, такого мужественного мужчину — что вы в самом деле?! Попробуйте-ка на брудершафт!

Когда в наличии у тебя две отснятые пленки, на которых «балдеет» разгоряченная спиртным парочка, смонтировать несколько впечатляющих разновариантных коллажей — дело техники. Шаронов их и «слепил». Причем, классно. Вот в кресле Катя с том-

ными полужакрытыми глазами; чуть выше оголившейся круглой коленки — рука поклонника, а сам он вот-вот жадно припадет к ее губам. И т. д. — еще и похлеще. В природе ничего подобного и близко не было, а на снимках — пожалуйста, полюбуйтесь, уважаемый господин директор МП и горячо любимый муж, как умеет расслабляться в компании курортного донжуана ваша благоверная.

* * *

Вернувшись в Гомель, Олег, как солдат дембеля, считал дни, когда появится из санатория Катя. Множество раз веером раскладывал компрометирующие фотки. Они нежно жгли душу и руки: «Живые деньги!» Кажется, фотографический глянец и впрямь начинал на глаза приобретать зеленый цвет — цвет долларов.

...Катя, пораженная, смотрела на «товар».

— Подонок, негодяй, мразь, — только и нашлись у нее три слова, когда Шаронов закончил демонстрацию «коллекции».

— Я же обещал привезти, и привез. Извини, до порнухи маленько не дотянул, материала не хватило, но, думается, это уже муженек твой в воображении дорисует. У него с образным мышлением нормально? — «Корреспондент» явно измывался над потрясенной Катей. — Но ты не бойсь. Три тысячи баксов — и негативы твои. И не жадничай. А то я эти картинки да-

ром отдам, но уже не тебе — господину Кравченко. Да, кстати...

Олега опять осенила идея!

— Кстати, позвони Ковшову. Для него цена та же — три тысячи. Почему ты это одна отстегивать должна, пусть и он кубышкой потрясет. А то не поджентльменски получается — вместе же одну кровать топтали...

...Анатолий Степанович понял все с полуслова:

— Катя, слушай внимательно. Ничего ему пока не плати. Тяни время — обещай отдать завтра, послезавтра... Я что-нибудь придумаю.

— Вот что, — позвонила она Шаронову на следующий день, — Ковшов заплатит и за меня, и за себя.

— Это уже другой коленкор, — довольно хмыкнул шантажист.

* * *

Концовку этой пошлой истории затруднительно и даже невозможно произвести по той причине, что по крайней мере один из ее участников уже никогда не опровергнет и не подтвердит показания другого.

...В дверь позвонили. Шаронов, слегка вздрогнув, заторопился в прихожую:

— Кто там?

— Прибыли деньги за товар.

Щелкнули замки. В дверях стоял мужчина в темных очках и сдвинутой на глаза шляпе. В руке — пистолет с глушителем.

— Снимки и пленку! Быстро-о! — рявкнул он, прикрыв за собой дверь.

У Шаронова затряслись руки. Он долго собирал «компромат», поминутно клялся, что отдаст все до последнего кадра.

— Жить хочется? — нагло спросил человек с пистолетом. Шаронов смог выдать лишь короткое, невнятное «да».

— Зачем же тогда заказывал себе смерть?

Глухо хлопнули два выстрела. Одна пуля остановила сердце. Другая, контрольная, размозжила голову.

Это заказное убийство, похоже, обошлось Ковшову значительно дешевле, нежели предложенная ему шантажистом плата за курортные «мультики».

И странное дело, почти никого, кто знал Шаронова, его убийство не потрясло. И даже не потому, что убийством нынче удивить трудно. Просто у людей относительно этого случая, видимо, какие-то свои соображения и мерки.

(И. Лесной. // Детективная газета. — 1996. — № 10/22/)

«ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ»

Страшную цену запросил за взаимность со своей подруги бывший уголовник... Неприметную тройцу отдыхающих мало кто запомнил в небольшой brasлавской деревушке Крапивино: знойные августовские дни скопом гнали городских жителей к прохладе и воде. Через пригородное село за день проходили и проезжали сотни людей.

Эти приехали на обычном рейсовом автобусе. Стройный, ладно скроенный мужчина с красивым мужественным лицом и черными, как смоль, волосами, худенькая женщина с приятными чертами лица и белобрысый мальчишка лет шести.

Трое прошествовали по деревне, не вызвав особого любопытства. Вместе с другими отдыхающими — и местными, и городскими — потолкались у причала лодочной станции. Взяли напрокат уютное суденышко и некоторое время покатались по озеру. Полежали на пляже. Как и другие, раскинули после полудня

«скатерочку» из газет, выпили вина, а мальчонке выставили бутылку лимонада. Скромно закусили, повалились на солнышке. Взрослые искупались, а мальчишка беззаботно, но сосредоточенно и серьезно попытался из прибрежного песка соорудить нечто наподобие замка, но так и не завершил задуманного. То ли пропал интерес, то ли отвлекла перепалка, случившаяся между взрослыми. Он уже привык к этим разборкам, но постоянно с тревогой прислушивался к ним, словно чувял что-то неладное. Как преданный собачонка. Как неиспорченное дитя. И просто как сын своей матери. Мужчина-красавец, хоть и годился ему в отцы, но на данный момент не являлся даже отчимом, а назывался обидным словом «сожитель».

...Семейная жизнь Галины Хаританович пошла «под откос», почитай лет пять назад, когда ее Толику едва за годик перевалило, а муж, горячо и по-настоящему любимый первой любовью, подло обманул ее, увлекся другой женщиной и без долгих объяснений укатил с ней то ли в Казахстан, то ли в Туркмению, где у разлучницы была родня. Остались у Галины воспоминания, двухкомнатная квартира в райцентре и точная копия бывшего мужа — сынишка-несмышлениш. И ни одной близкой души рядом. Все ее корни — на Рязанщине, куда она из белорусской глубинки выбиралась редко и неохотно. Родители давно умерли, еще до ее замужества, а с сестрами и единственным братом отношения как-то не складывались. Так и осталась былинкой на ветру.

Молодую еще женщину, далеко не дурнушку, акку-

ратную и немножко экзальтированную, измена любимого человека вышибла напрочь из добропорядочного уклада жизни. Даже единственный сын не стал препятствием: она стала попивать, ударилась в разгульную жизнь, словно мстя всем мужчинам за своего единственного, подлого, но по-прежнему желанного. Маленький Толик ее одновременно и умилял, и раздражал. Умилял по естественной привязанности матери к своему чаду, выстрадавшему и выношенному, а раздражал своей необычной похожестью (как в складывающемся характере, так и внешне) на отца.

Но вот появился Николай Гурко. Молодой, красивый, сильный. Со своей страстью, свойственной натурам влюбчивым и искренним, Галина увлеклась им с первой встречи. Безоглядно, безудержно. Даже не поинтересовалась его биографией, даже не спросила, какого роду-племени и какими ветрами занесло его в эти края.

А поинтересоваться стоило. Хотя бы для того, чтобы знать, по ком снова щемит сердце и достоин ли новый избранник ее чувств и тех жертв, которые она должна будет принести во имя их, как ей казалось, большой и светлой любви.

Много интересного могла бы узнать Галина о предыдущей жизни Коли Гурко, будь она понастойчивее, понастырнее, поосторожнее в этой роковой связи.

Но не любил распространяться о своем прошлом

красавец-мужчина. Разве что о школьных годах мог иногда повспоминать, да кое-что порассказать об учебе в Витебском станкоинструментальном техникуме. А дальше лишь туманно намекал, что завербовался к нефтяникам в Тюменскую область, где «оттянул» лямку подсобного рабочего аж целых восемь лет. И невдомек было Галине, что ее Коля-Николаша ни на каких «северах» не обретался, а банально «парился» в Оршанской ИТК строгого режима за соучастие в изнасиловании. Еще зеленым юнцом, вместе с приятелями из своего же учебного заведения и другими «разбитными» друзьями украл он у подвыпившего милиционера табельный пистолет (эпизод в судебном заседании не получил надлежащих доказательств). Вышли вечерком «на дело» к Кировскому мосту в областном центре и скопом надругались над доверчивой девчонкой-студенткой, согласившейся посидеть в компании молодых людей на берегу Западной Двины. Приставив пистолет к виску несчастной, они и совершили свое черное дело, выбросив затем главную улику в речку...

На Галину бывший зек «положил глаз» скорее из меркантильных соображений, хотя и сердечную привязанность, конечно, исключить нельзя. Но возможность иметь двухкомнатную квартиру, хороший уход, настоящее питание со стола умелой и заботливой хозяйки явно превалировала.

Смуцал малец. И не столько недетской взрослостью, сколько одним лишь фактом своего существования, постоянным напоминанием о том, что была у Галины в прошлом жизнь счастливая и безоблачная, которой

он, при всем своем желании, дать ей никогда не сможет.

— Привязался к тебе я насмерть, Галочка, — говорил в порыве страсти Николай. — Никого другого не надо. Впервые у меня в жизни такое. Вот только...
— Что-то не так? — заботливо откликнулась она.

— Да все, вроде, путем, но никак к Толику не привыкну. Да и он на меня волчонком поглядывает. Ладно, маленький пока, а подрастет? Нутром чую, не ужиться нам вместе. Может, отправить его к родственникам?

— К каким? — искренне удивлялась Галина. — Я ж тебе рассказывала, что с сестрами отношения натянутые, а брат и сам пока неустроенный...

— Но что-то же надо придумать? — капризно-требовательно настаивал Николай.

— А может, рассосется все, Коля? Главное, чтобы у нас с тобой получилось, а Толечку сама судьба прильет к берегу...

Не рассасывалось.

Неприятность Николая к мальчонке росла изо дня в день. Тот отвечал взаимностью, хотя вида не показывал. Лишь в глазах мелькали чертики. А когда в

доме налаживалась очередная попойка, забивался в угол и плакал...

...После купания взрослые опять приложились к бутылочке, тем самым заставив Толика молчаливо отойти в сторонку и переживать. Не любил он мамку выпившей. Злой становилась, склочной, могла оплеуху ни с того ни с сего залепить. И почему зря папкой попрекала. Будто он в ответе в свои неполные семь лет за их несложившуюся жизнь...

Разогретые и вздернутые спиртным, Николай с Галиной продолжили пикировку о будущем своем и мальчишки.

— Выбирай: или я, или он, — вконец разозлившись поставил ультиматум Николай.

— Не могу же я разорваться между вами, — чуть не плача возражала Галина.

Выяснение отношений, как всегда, зашло в тупик. Вечерело. Обмениваясь колкими репликами, они уже в полной темноте, под теплый летний дождь вышли на шоссе, чтобы поймать «попутку» и без проблем добраться до райцентра. На деревенской улице — ни души. Отдыхающие разъехались, едва начали собираться тучи, а сельчане, справив обычную работу, коротали время у телевизоров или, намаявшись за день, спали сном праведников.

Ночное уже почти небо еще больше затянулось тучами. Дождь перешел в грозу, с громом и молнией. Запоздалые путники достали полиэтиленовые накидки, предусмотрительно захваченные с собой на всякий случай. Толик прижался к материнским коленям, потому как укрытие от ливня у них с матерью было одно на двоих. Под шум дождя что-то бубнил Николай, вяло откликалась Галина, а малыш, согретый материнским теплом, даже придремнул стоя.

Сверкнули фары приближающегося грузовика. По всему было видно, что притормаживать он не собирается. Когда тяжелый ЗИЛ поравнялся с намокшими сиротливыми силуэтами, Галина вдруг резко оттолкнула от себя сына, истерично прокричав:
— Надоели вы мне все до смерти!..

Мальчонка угодил виском в диск заднего колеса автомашины, которая на полной скорости скрылась за поворотом.

Две большие фигуры склонились над бездыханной маленькой. — Что я натворила, что натворила, сволочь подлая, обхватив руками голову, выдохнула Галина.

— Какого мальчика загубили, — растерянно отозвался Николай.

Впрочем, в растерянности он пребывал лишь несколько секунд.

— Снимай накидку, — грубо приказал Галине. — Не сахарная, не размокнешь.

Женщина безропотно повиновалась.

Завернув бездыханное тельце в мокрый полиэтилен, Николай захватил его правой рукой под мышку, а левой взял за руку обмякшую, безвольную женщину и торопливым шагом подался к кустарнику, черневшему за деревенскими огородами. Вдвоем, палками и руками они наспех соорудили «могилку», бросили в нее труп, закопали и даже заложили дерном, пообрывав ногти и искровянив пальцы.

Домой добрались пешком на рассвете и свалились, не раздеваясь, в тяжелом сторожком сне.

Утром, не сговариваясь подсчитали наличность. Николай сбегал в гастроном за дешевым крепленным вином. И... Когда через две недели в квартиру позвонил участковый, пришедший по заявлению соседей, обеспокоенных не только пьяным разгулом, но и странным отсутствием вечно мелькавшего во дворе Толика, ему в два хриплых голоса ответили:

— Не заперто...

Старая, страшная, седая женщина, пьяно покачива-

ясь, поднялась из-за неубранного стола и, глядя обезумевшими глазами в пол, мрачно сказала:

— Это я во всем виновата...

(Я. Копасев. // Детективная газета. — 1996. — № 18/30/)

ЧЕРНЫЙ КАРДИНАЛ

Сухо щелкнули четыре выстрела. Плотный черноволосый мужчина, неестественно развернувшись, взмахнул, словно прощаясь, руками и резко осел на землю. Растерянно заметались могучие телохранители.

На месте преступления нашли брошенную винтовку с оптическим прицелом. Ее приклад был разбит. Рядом валялись три гильзы (не четыре — по числу выстрелов, а именно три; почему об этом — позже). Чувствовалось, что работал не дилетант.

Многие, думается, догадались, о ком речь. Но — пусть образ Черного кардинала проступает, прорисовываясь со всей контрастностью, не сразу, а примерно так, как это и было в жизни.

МОНГОЛ И ЕГО НАСЛЕДНИКИ. Он умер своей смертью в одной из престижных московских клиник.

Геннадий Корьков, «крестный отец» российской мафии по кличке «Монгол». В конце 60-х — начале 70-х Корьков был безраздельным хозяином криминального мира столицы. Его побаивались воры в законе, трепетали «теневики» и цеховики.

Банда Монгола состояла из тридцати человек. Наиболее активным и жестоким выбивалой был Япончик, Вячеслав Иванов, много перенявший у «крестного». После разгрома банды и ареста основного состава в 1972 году Япончик избежал наказания. Так что в 1980 году Иванов организовал собственную преступную группу. Почерк его деяний мало чем отличался от «монгольских», но, учитывая ошибки учителя, ученик значительно уменьшил число соратников. Наиболее яркие из них — Владимир Быков (Балда), Вячеслав Слива (Слива), братья Квантришвили, Отари и Амиран. Последний, профессиональный игрок в карты, был наводчиком. Он владел поистине золотой информацией о картежниках, имевших крупные состояния. Отари — спортсмен, сошедший с борцовского ковра иных «поединков» ради.

ИЗ ДОКУМЕНТОВ МВД:

«В начале 1981 года Иванов, Быков, Квантришвили «выбили» деньги у игроков в карты Кумаева, Меньялкина, Летучего и других на сумму свыше 100 тысяч рублей (в те времена даже самые престижные «Жигули» стоили менее 10 тыс. — Авт.)».

Действовали преступники дерзко. Чтобы беспрепятственно попадать в квартиру жертвы, использовали

форму сотрудника милиции. В результате ничего не подозревавший хозяин спокойно открывал дверь. Его тут же валили с ног, связывали и вывозили за город. Место готовилось заранее — дача на отшибе или заброшенный дом. Там жертву пытали: избивали, жгли каленым железом, утюгом, пока «клиент» не расколется на требуемую сумму. Попутно вымогались сведения о других толстосумах.

Потерпевшие, как правило, в милицию не обращались, ибо имели свои грехи перед законом. Тем не менее постепенно скопился достаточный компромат, чтобы преступников не только вычислить, но и, доказав их виновность, отдать под суд. Банда Япончика, хоть и не вся, отправилась на нары. Главарь получил 14 лет строгого режима (отсидел десять).

Отари избежал наказания. Его участие в преступлениях доказано не было.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ:

Квантришвили Отари Витальевич, родился в 1948 году в городе Зестафони (Грузия), мастер спорта по борьбе, бывший тренер московского спортобщества «Динамо». Судим за изнасилование в 1967 году, но не осужден по причине психической ненормальности. Существует версия, по которой во время предварительного заключения он укусил сокамерника за ухо в шизофреническом порыве. Это и легло в основу врачебного диагноза, благодаря чему Отари оказался на свободе.

Преступная группа братьев Квантришвили начинает активно действовать к середине 80-х. Основной контингент составляли бывшие спортсмены: боксеры, борцы, каратисты. Они привлекались для охраны влиятельных уголовников и для расправы с неугодными. Вот наиболее важные участники: Александр Изотов (Бык), неоднократный чемпион Европы по борьбе дзюдо; Гиви Берадзе (Резаный), вор в законе. Особо интересен Иван Оглу (Цыган), кандидат в мастера спорта по боксу. С подачи братьев он сколотил в Московской области люберецкую бригаду. Его люди занимались незаконными валютными операциями, спекуляцией, скупкой чеков Внешпосылторга, так называемой «ломкой». А вообще под «крышей» братьев Квантришвили в «лучшие времена» находилось до 90 процентов всех московских «ломщиков».

БАНЯ, КАРТЫ И ДОЛГИ. Кому — русская парная, кому — финская сауна; и та, и другая имеются в арсенале Краснопресненских бань, ставших местом воровской стрелки (встречи), а позже — общественной приемной, куда приходили со своими проблемами те, кто искал «справедливости», но чурался закона. Речь идет, конечно, не об общих залах, а о номерах «люкс», где дела решались за роскошным столом, ломившемся от яств и напитков, а досуг занимали, разумеется, карточные игры с далеко идущими последствиями.

Вспомним одно теплое застолье.

Шустро бегают банщики Виталий Иткин, Марк Котляров и Боря Губер, обеспечивая и поддерживая тонус игроков: идет крупная битва. Ставки для 1984 го-

да немалые: за вечер можно поднять до полумиллиона. Кроме того, «везунчик» получает приз — обнаженную красавицу. Игроки подобрались известные и маститые: авторитеты Бродский и Черкасов, боксер-тяжеловес Коротаев, братья Квантришвили.

Проигрался Игорь Бродский, долг за ним составил 400 тысяч рублей. Платить — нечем. Упал в ноги. Долг обещали скостить, но за участие в одном деле. На том и расстались.

В том же году, летом, господин Бродский праздновал день рождения своей сестры. В ресторане «Прага». К вечеру, когда шумная публика, изрядно набравшись, утомилась, к его столику подсели двое мужчин и женщина. Одним из мужчин был боксер Коротаев, другой — Владимир Попов (кличка «Наемник»), бывший офицер спецназа, владеющий в совершенстве приемами каратэ.

Тут Олег напомнил Игорю про должок. «Мы же договорились, что я его отработаю», — растерянно бормотал Бродский. Коротаев выдержал эффектную паузу. И — как бы нехотя: «Ладно. Уговор дороже денег. Пойдешь вот с ним, — он указал тяжелой боксерской ладонью на напарника. — Наемник тебя посвятит во все детали». — «Дело привычное, — ухмыльнулся Попов, — поможешь одного «корейку» потрясти, прибалтийского...»

Потратив на подготовку неделю, команда в составе

Валиулина, Бабаева, Попова, Бродского, Овчинникова, Андреева, Шепелева и Мееровича выехала в Латвию. В ночь на 16 июля вооруженные бандиты ворвались в дом «корейки» Самовича, избили хозяина и его зятя, после чего Шепелев сделал им парализующие уколы. Забрав 114 тысяч рублей и энное количество золота, налетчики скрылись.

Только спустя полгода милиции удалось напасть на след преступников. На Севастопольском проспекте в Москве «гаишники» остановили автомобиль за превышение скорости. Водительское место занимал Геннадий Бабаев — «под мухой», с итальянским револьвером «Олимпик», заткнутым за пояс. В Севастопольском РУВД по этому факту возбудили уголовное дело. Далее все пошло своим чередом.

ОРГАНИЗОВАННАЯ СПОРТИВНОСТЬ. «Он вызывал любовь и внушал страх», — так писали об Отари Витальевиче зарубежные средства массовой информации. Мало кто задумывался о происхождении его огромных капиталов, о которых сам Квантришвили говорил: «Я попросил, и мне принесли».

Многих восхищала щедрость, «благодетельность» Черного кардинала, не имевшая, казалось, границ. Но от глаз публики скрывалось то, что направлена она была только в одни ворота.

Год 1992-й. Агентство «Рэд стар» проводило в Совинцентре международный конкурс «Лицо года». Побе-

дительница получила контракт на 30 тысяч долларов. Побезденным красавицам, слетевшимся со всей страны, подобно бабочкам на огонек, оставалось только размазывать слезы по щекам: вторые, третьи и успокоительные призы не предусматривались. Утешитель, однако, нашелся. Из жури внушительно поднялась фигура крепкого темноволосого мужчины, благотворителя и попечителя молодых дарований, известного мецената от спорта Квантришвили. Он назвал шесть участниц конкурса, которым удалось потеснить других в борьбе за первое место. «Мы даем вам приз: поедете с нами на Олимпиаду в Барселону. Приз зрительских симпатий».

Золушки попали в сказку, длившуюся, увы, недолго. Ни Испании, ни Барселоны они, по сути, не увидели: на них легла не обговоренная «программа по снятию стресса со спортсменов». Их даже на минуту не выпускали из гостиничного номера. Зато к ним по очереди впускали всю команду, сопровождавшую Отари Витальевича...

Кто-то из известных отечественных мафиози назвал феномен появления в нашей жизни новых силовых структур, подобных тем, что выпестовал и взлелеял Отари Витальевич: «организованной спортивностью». Сегодня не секрет, что многие спортивные клубы являются «офисами» преступных групп, местом регулярных встреч.

Забываясь о своих кадрах, мафиози открыли загибающимся, оставленным на произвол судьбы в хаосе на-

рождающегося рынка спортшколам и спортобществам щедрое финансирование, организовали благотворительные фонды поддержки спортсменов. Первый шаг здесь сделал Отари Квантришвили, организовав Фонд социальной защищенности спортсменов имени Льва Яшина. С его же подачи появилась ассоциация профессиональных боксеров «Боевые перчатки», ассоциация кикбоксинга «Китэк», ассоциация профессиональных борцов.

Квантришвили достиг небывалой высоты в своем восхождении на Олимп богатства, власти, славы. Благодаря своим возможностям и связям, Отари Витальевич создал собственную финансовую империю. Она началась с учреждения ассоциации «XXI век», которая занималась экспортом нефти, леса, цветных металлов, импортом газового оружия. Один из руководящих постов в этой ассоциации занимал генерал-майор милиции в отставке, бывший заместитель начальника ГУВД Москвы А. Бугаев.

ЧЕТВЕРТАЯ ГИЛЬЗА. До последнего дня Квантришвили находился в центре столичной общественной жизни, появляясь почти на всех торжественных мероприятиях. Особое предпочтение отдавал тем, что проводились российской милицией или службой безопасности. Все просчитывалось, анализировалось, подстраивалось под процветание своей империи. Уже формировалась политическая команда для решительного броска к государственной власти. Но, похоже, Отари переоценил свои возможности, слишком уверовал в свою недосыгаемость для конкурентов и недоброжелателей. Бесконечные мелькания по теле-

визору, заискивающие позы бизнесменов и чиновников, крепкие позиции в милиции, по всей видимости, вскружили ему голову. Поведение стало, как говорится, неадекватным. Достаточно вспомнить, например, одно из его регулярных выступлений в телепрограмме «Караул», когда он посоветовал начальнику регионального управления по борьбе с организованной преступностью Владимиру Рушайло серьезно подумать о своих детях... Что означала эта незамаскированная угроза, прозвучавшая в прямом эфире к изумлению миллионов телезрителей? Брошенная перчатка перед дуэлью? Отчаянный блеф загнанного в угол игрока, стремящегося любой ценой избежать поражения?

Наконец, существует еще одна версия, заслуживающая внимания. Приведем апрельскую хронику 1994 года (список выборочный, так сказать, лишь информация к размышлению):

4.04. У дверей своей квартиры убиты директор фирмы «Варус-видео» Томаз Топадзе и его племянник Георгий Ильнадзе.

5.04. Около Краснопресненских бань смертельно ранен Отари Квантришвили.

12.04. В своей квартире вместе с женой и ребенком расстрелян вор в законе Автандил Чиквадзе (Квежо).

18.04. На улице убит выстрелом из пистолета «ТТ» вице-президент АО «Белые ветры» Зураб Нацвилишвили.

Кроме того:

В Тбилиси убит вор в законе Джамал Микеладзе (Арсен). Исчез известный грузинский вор Гиви Берадзе (Резаный), один из наставников Отари.

В Зеленограде с простреленной головой в своей машине найден вор в законе Гога Пипия (Гога).

Во всех случаях работали профессионалы. Брошенное на месте преступления оружие убийства. Обязательный контрольный выстрел — знак качества выполненной работы. Никаких следов, никаких свидетелей...

Накануне даты, открывающей этот кровавый список, в Москву приезжал министр внутренних дел Грузии. Официальная цель визита — наладить взаимодействие между правоохранительными органами двух государств, где одним из пунктов значилась борьба с грузинскими преступными группировками в России. И, словно в развитие встречи, прокатилась серия убийств крупных криминальных авторитетов и предпринимателей соответствующей национальности...

...Снайпер стрелял по Черному кардиналу из чер-

дачного окна дома напротив. Именно там нашли три гильзы. При четырех выстрелах. Очевидно, в охоте на Квантришвили участвовал еще один киллер, страхующий.

...Он жил и умер, окруженный непроницаемой тайной...

(А. Петелин, А. Григорьев. // Детективная газета. — 1996. — № 11/23/)

ГОЛОВА В КОЛОДЦЕ

Ее обнаружила бригада минских сантехников спустя четыре дня после дикого преступления Спускаться в колодец выпало Петьке. Впрочем: ему всегда выпадало — как устроился на работу в объединение «Минскочиствод», бригадир Митрофаныч популярно объяснил — первые полгода новичок должен быть на «передовой». Ну и что? Ну и ничего страшного. Петьку этим не испугать.

Митрофаныч умело, одним движением, сдвинул крышку люка, кивнул: «Давай!» Петька спустился в канализационный колодец. А через несколько минут словно вылетел из черного жерла.

Бледный, испуганный, он устоял на ногах и присел

прямо на асфальт. Митрофаных с напарником удивленно смотрели на него — что случилось? Петька лишь хватал ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

— Там... человек, — наконец выдавил он из себя.

Что? Какой человек? Спит что ли? Как ни пытались добиться от Петьки толку, он повторял лишь одно: — Человек...

Митрофаных растер ногой недокуренную «Приму» и шагнул к колодцу. Никакого человека на его дне он не обнаружил. Померещилось, что ли, пареньку? Пусто в колодце — только вон какой-то целлофановый пакет — небось кто-то выбросил хлеб за ненадобностью.

Бригадир осторожно открыл пакет и почувствовал, что волосы становятся дыбом. В пакете лежала... человеческая голова.

Митрофаных соображал, как быть. Нет, лучше ничего не трогать. Пусть милиция разбирается. Он тогда еще не знал, что милиция уже несколько дней ищет эту голову, которая, как предполагалось, принадлежала бомжу Виктору Ерохину.

В свои 26 Виктор Ерохин выглядел на лет сорок. Уже несколько лет он не имел ни работы, ни постоянного места жительства. Скитался по городам и весям Беларуси, пробавляясь случайными приработками да радуясь одежке с чужого плеча. Лишь иногда, когда накатывала непреодолимая тоска по сытой и уютной жизни, отправлялся Виктор на Витебщину, к дальней родственнице. Одинокая и добрая Татьяна Ерохина смиренно отогревала, отмывала непутевого родича. В душе она хранила надежду, что он остепенится и останется при ней. Хотя умом понимала — побудет недельку-другую, и был таков. Не сидится ему на одном месте.

Словно гонит его кто... Ни дать, ни взять — перекайти поле.

...В Минск Виктор Ерохин приехал глубокой осенью. Обосновался на железнодорожном вокзале. Днем шнырял возле торговых палаток в надежде пожить, приглядывался к себе подобным, которых «умел определять» за версту, баловался иногда пивком да случайными разговорами. К вечеру, когда людской поток ослабевал, занимал свое персональное «плацкартное» место в зале ожидания, где и коротал ночь, положив под голову котомку с нехитрым скарбом.

Однажды днем к нему подсел незнакомец, в котором

Виктор сразу почувствовал родственную душу. Саша, как он назвался, оказался компанейским, любознательным парнем. И вообще довольно скоро обнаружилось, что у них много общего. Такое дело грех «не закрепить». Виктор не пожалел «зачачки», которой снабдила его Татьяна, и вскоре две пустые бутылки из-под водки перекечевали в его котомку — не оставлять же шныряющим, как тараканы, вокзальным «санитарам».

До вечера было еще далеко, свежее испеченные друзья отправились «полироваться» пивком на Дружную. Здесь к ним присоединился приятель Саши, назвавшийся то ли Витей, то ли Митей.

Взяв по кружке вожделенного напитка, троица пристроилась к двум угрюмым мужикам. Один из них вскоре куда-то ушел. Оставшийся же допивал свое пиво с такой физиономией, что Саша не выдержал, пожалел его.

— Брось грустить, мужик! Пивом душу не обманешь! Тяпни стопарик — сразу отпустит.

Мужчина поднял глаза, посмотрел будто сквозь Сашу и, ни слова не говоря, вытащил из кармана деньги.

Хватило и на водку, и на закуску. Оставалось найти укромное местечко. Эту проблему Саша решил мгновенно.

венно — в Линеинном переулке в нежилом доме можно даже свадьбу закатить. И они вчетвером отправились на «уикэнд».

* * *

Вадим Воронцов (а «грустным мужиком» был именно он) переживал нелегкие времена, хотя внешне казалось, что все в его жизни не так уж плохо. Два года назад ушел с завода из-за мизерной да еще с постоянными задержками зарплаты. Не мог больше мириться с тем, что со своими-то руками, умеющими и столярничать, и плотничать, едва-едва сводит концы с концами. Примкнул к шабашникам, промышлявшим на строительстве загородных особняков и дач. Дело пошло как по маслу. И вскоре Анна, жена Вадима, откровенно радовалась — за месяц муж приносил столько денег, сколько на заводе и за год не заработать. Приоделись сами, дочку вырядили, мебель новую купили, о машине подумывали. Только недолгой была Анина радость — Вадим, который еще недавно был чуть ли не трезвенником, все чаще стал прикладываться к рюмке. Иногда его и вовсе доставляли домой дружки-приятели почти в бессознательном состоянии. Анна пыталась бороться с бедой как могла. И терпением, и долгими разговорами, и — чего скрывать — шумными скандалами. Но тщетно.

О своей зависимости от водки чаще с беспокойством задумывался и сам Вадим. Еще бы! Бутылка завершала едва ли не каждый рабочий день. Нередко и

утро начиналось с рюмки. А ведь в былые времена с похмелья его тошнило даже от вида спиртного. Он понимал правоту Анны, но вслух признать ее не хотел. Искал аргументы для оправдания. Деньги в семью он приносит? Приносит. Что еще? А если будет отказываться от компании — так могут ведь и выставить из бригады. Так он говорил Анне. А в душе мучился. Проклинал себя. Давал слово: брошу пить. Не буду опохмеляться. Разве что сегодня вот рюмочку. С мужиками. Последнюю. А потом — точка. Но точки не получилось...

* * *

...Виктор Ерохин с Сашей и то ли Витей, то ли Митей, увлеченно обсуждали общественно-политическую обстановку. Каждый из бомжей активно поливал грязью «новую власть», бил себя в грудь кулаком и утверждал, что раньше он «был человеком»...

Вадим Воронцов, казалось, теперь только понял, в какую компашку угодил. Он долго и молча рассматривал троицу, потом не выдержал:

— Да что вы, мужики, всех материте? Работать надо, а не бомжевать! Работать — понятно?

Троица от неожиданности опешила: сидел-сидел, молчал-молчал и вдруг заговорил. Первым нашелся Саша:

— А ты работяга, что ль? Чего ж тогда с нами водишься? Иди своей дорогой!

— Могу и уйти! — резко сказал Вадим и стал подниматься. Но не успел — Саша ударил его кулаком в лицо. Зло и сильно.

— Наше общество тебе не нравится? Щас научим свободу любить!

Бомжи, как по команде, дружно кинулись избивать «чужака». Били с остервенением, ногами. Потом сделали «перерыв», выпили, закусили.

— Ну-ка, раздевайся, падла работящая! — прожевав кусок ливерки, скомандовал Саша обессилевшему Воронцову. Тот медленно, как во сне, стал снимать джинсы.

— А ты замени свое старье! — все так же уверенно приказал Саша Ерохину.

Когда с «переодеванием» закончилось, Саша, осмотрев Воронцова, облаченного в одежду Ерохина, удовлетворенно констатировал:

— Вот теперь и ты на бомжа похож. Считаю, что прошел боевое крещение.

Вадим, обхватив голову руками, молча сидел на полу. Такое поведение «оскорбило» троицу, и бомжи снова стали избивать Воронцова. Били до тех пор, пока им не показалось, что больше не шевелится.

Молча допили остатки водки. Саша протянул Ерохину нож.

— Голову!

— Что? — не понял Виктор.

— Голову надо отрезать, чтобы труп не опознали.

Ерохину показалось, что он начинает трезветь от такого предложения (или приказа?). Он медлил.

— Что прикидываешься, деревня? Кабана, что ль, никогда не бил? — голос Саши был угрожающим.

Виктор, с трудом уняв дрожь в коленках, неуверенно шагнул к неподвижно лежавшему Воронцову. Присел на корточки. Долго примерялся и наконец вонзил нож в шею.

Из открытой раны фонтаном брызнула кровь, пачкая «новую» одежду бомжа. Виктор машинально матернулся и, нажимая на рукоятку все с большим усилием, повел лезвие ножа вокруг шеи. На позвоночнике «споткнулся», отложил нож, захватил голову обеими

руками и стал ее крутить. Раздался зловещий хруст...

Они воображали себя почти «профессионалами». Вот так вот — чикнули человека — и никаких следов. Туловище — в пустом доме, голова — в канализационном колодце на Московской...

* * *

«Вычислили» Ерохина очень быстро. По документам. Они остались в его куртке, которая насильно была надета на несчастного строителя особняков и дач. Поначалу предполагали, что убитый и есть не кто иной, как бродяга-бомж Ерохин. Но когда нашли голову, все стало на свои места.

Подельников Виктора установить и найти не удалось. С надеждой добавим — пока не удалось.
(Е. Конашевич. // Детективная газета. — 1996. — № 14/2/)

ЛЮБОВЬ НА ПРОДАЖУ

На нее есть спрос, есть предложение. Но есть и некоторые «проблемы»...

СЕЛЬСКИЙ СЕКС В ИНТЕРЬЕРЕ. Оставался последний вечер командировки. Ясно было, что директор местного рыбхоза, о чьих успехах требовалось рассказать читателям, постарается организовать достойный финал, и в колхозной гостинице мне коротать время не придется.

Это ж надо понимать — посидеть вечерок под деревенские разносолы! До хруста зажаренный окунь... Плотный, как хорошее сливочное масло, таящий во рту копченый угорь... Опять же, до хруста поджаренная, домашняя («пальцем пханая») колбаска с чесноком! И в каком-нибудь исполнении 50-х годов графине с виноградными гроздьями по стеклу — настоящая хлебная самогонка! Та, которую на западе Витебской области называют «мамина». Потому что только мама приготовит такую единственную своему сыну — мягкую, пьющуюся, как лимонад, но при неосторожном употреблении намертво отключающую ноги и оставляющую в покое голову.

Что говорить, понимающий человек не сменяет десятков ужинов в любом ресторане на один в компании директора рыбхоза. Ну, в крайнем случае — грамотного председателя колхоза.

...В дверь постучали, и на пороге возникло донельзя кучерявое существо по имени Лариса — рыбхозный диспетчер двадцати двух лет, урбанизированная слаксами и турецкой косметикой.

— Вас Михайлович зовет в контору.

— А что там?

— Приехали из района, наверное, в баню повезут...

...В конторе действительно ожидали директор рыбхоза Михайлович — крупный мужчина лет сорока — и человек из района, мужчина еще более крупный и выпивший уже достаточно, чтобы точно знать, чего он в этот момент хочет от жизни. Мы сели в директорский «УАЗ» и поехали к только что построенному детскому саду. Именно там находилась сауна, бассейн и комната отдыха, где на светлого дерева столе без скатерти уже стояло и лежало все, перечисленное выше... Угорь, колбаска, грибки... И да, графин той самой хлебной!

Человек из района без особого интереса оглядел стол и, стаскивая очень большого размера цветастые исподники, перешел к делу.

— Михайлович, а бабы?

— Не успеем по второй выпить, как придут...

— Ну, ты позвони там... Скажи, чтобы шли уже...

Михайлович, раздевшийся оперативнее начальства, подсел к телефону:

— Лариса? Но что вы там? Люди тут ждут! Так... А Надя? А Сергеевна? Ну хорошо!

И обернулся к нам:

— Порядок, мужики!

За три дня в рыбхозе я познакомился и с Надей, и с Сергеевной. Одна агроном, другая бухгалтерша — обе полноватые, домовитые и доброжелательные. Время от времени к ним на работу забегали дети — почерневшие под летним солнцем мальчики и девочки, пронзительно что-то верещающие на полешуцком украинско-белорусско-русском диалекте. И Надя, и Сергеевна знакомили меня, приезжего человека, с детьми, рассказывали о болезнях, с трогательной непосредственностью посвящали в семейные дела... И это с ними предстояло...

Проблему усугубляло еще и то, что участвовать в таких «мероприятиях» как-то не приходилось. Нельзя сказать, чтоб оно было не интересно. И чтобы захотелось немедленно одеться, выйти вон и отрешиться от всего происходящего... Нет, оно как-то и наоборот...

Но вступать в половой контакт с Сергеевной... Это получалось теперь уже вроде как с любимой тетуш-

кой... И вообще тут, в деревне, где все и всех знают... Нет, в городе оно как-то проще.

В ГОРОДЕ ВСЕ ПРОЩЕ. ...Судья Минского городского суда Татьяна Геннадьевна Городничева любезно дает мне не так давно рассмотренное дело, и я с головой погружаюсь в мир сексуальных услуг, о существовании которого понаслышке знает каждый, но с которым сталкиваются далеко не все.

Дело, как водится, начинается с трупа. Во Фрунзенском районе Минска в одной из квартир застрелили молодого человека — назовем его Петром. Вполне уважаемый специалист в области восточных единоборств, не стесняющийся, по отзывам свидетелей, свои познания демонстрировать. Поскольку основным его занятием было — «выколачивать» деньги у нерадивых должников.

Компетентные органы начали это убийство «раскручивать». И в результате раскрылась весьма любопытная картина... Жили-были мать и сын. Сын — назовем его Игорь — был не из худших сыновей. Правда, уже имел неприятности с милицией за буйство в собственной квартире, когда «выгружал» свои стрессы на мать и бабушку. А так ничего. Работал, мать всю жизнь работала, в общем — хватало.

Но в последнее время стало труднее. Фирма, где мать служила диспетчером, лопнула. И надо было

думать о будущем. Как вскоре выяснилось, об этом в фирме пришлось думать не только ей.

— Юрьевна, а что если вы с нами поработаете? — обратилась к ней Таня, теперь уже бывшая сослуживица. Привлекательная девушка с адекватными ногами, полукружьем белых зубов и высокой грудью, всегда сосредотачивавшей внимание мужчин фирмы. Правда, вступить с ней в более тесный контакт, по отзывам, удавалось редко кому. Почему Таня и считалась девушкой серьезной. Почему и предложение показалось Юрьевне неожиданным.

— Мы даем объявление в газете. Ну, понимаете, написано будет «оказание бытовых услуг». И ваш телефон. А на самом деле это девушки по вызову. Ну, секс — понимаете?

Что тут было особенно понимать...

— А кто будут девушки по вызову?

— Я, Света — вы ее знаете... Ну и еще там.

Свету Юрьевна знала. Девушка из тех, о которых говорят — все при ней. После школы приехавшая в Минск, чтобы поступать куда-нибудь. Куда — особого значения не имело.

Поступить никуда не удалось. Пожила по квартирам, по «общагам». Розовая пыльца с маленьких, очаровательной формы ушек слетела моментально...

— А может у вас, девушки, ничего не получится?

— Да мы уже пробовали. Сами...

Да, они уже пробовали. Дали объявление, указав там Танин телефон: «Очаровательные девушки оказывают бытовые услуги. Звонить...»

В первый же вечер прозвучал звонок:

— Мы по объявлению...

— Да, слушаю вас.

— Нам две девушки нужны на вечер.

— Это стоит 35 долларов в час, знаете?

— Какая разница, сколько стоит? Главное, чтобы телки были о'кей! Не старухи, блин...

Записали адрес и поехали — тут же, рядом, на площадь Притыцкого. Принарядились, сделали макияж, надели специально купленное «сексуальное» белье — малюсенькие кружевные трусики, самые открытые, какие только нашли, бюстгальтеры... Фирма веников не вяжет!

Все представлялось нарядным и волнующим, хотелось острых ощущений, любовных игр и щедрых гонораров.

— Ну, мы им покажем, подруга...

Дверь открыл яркий блондин, проводил в комнату, дохнув перегаром. Там, перед столиком с водой и пивом сидел второй. — А, приехали. Давай, раздевайся...

— Деньги сначала...

— Будут вам деньги...

Они разделись. Никому не были нужны их сексуальные трусы, никто не обратил внимания на их сияющую молодость. Без особых премудростей их разложили — одну на диване, вторую прямо на ковре. И «использовали» во всех возможных вариантах. А потом... выставили, не заплатив ни копейки.

НАКЛАДНЫЕ ЗАТРАТЫ НА «БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ АППАРАТ». После этого девушки поняли — на тропе продажной любви перестаешь быть женщиной. Они теперь телки, «соски» — кто угодно. И отношение к ним будет адекватное — тут ничего не поделаешь. Ничего не сделаешь также и с тем, что они в этом мире ровно ничего не значат. Ни профессии, ни связей — только Богом данное тело, на которое и следует рассчитывать. Тем более, что спрос есть.

И еще они поняли — одиночкам тяжело. Собственно, они съездили еще несколько раз — теперь уже более удачно. Но ясно было, что так работать нельзя. Нужен был диспетчер, принимающий заказы. Нужна была охрана — ведь в тот первый раз все еще и

неплохо кончилось. Могло быть хуже. Масса случаев, когда проституток и калечат, и убивают...

В конце концов, нужен был руководитель, все организующий и решающий конфликты, которые в любом коллективе неизбежно возникают.

Так оно все как-то само собой и сложилось. Юрьевна стала диспетчером. Ее сын Игорь постепенно от роли охранника перешел к функциям менеджера. А в охранники взяли нескольких знакомых парней. Один из них имел автомобиль и развозил девушек по вызовам — разумеется, за отдельную плату.

Работать, конечно, стало спокойнее. В квартиру теперь первыми входили охранники. Если там заказывали одну девушку, а было несколько мужчин, или они оказывались слишком пьяными, или просто не вызывали доверия — заказ отменялся.

Деньги теперь платили исправно. Зато как-то вышло, что из 30 долларов за час теперь девушки получали только 10. Остальные шли на охрану, транспорт — словом, содержание бюрократического аппарата... Того самого, который съел бюджет даже у хитроумного владельца «Рогов и копыт» О. Бендера.

Были, оказывается, даже затраты «на развитие». Когда на суде Игоря обвинили в присвоении 3 000

долларов, он с возмущением отмел эти «гнусные инсинуации».

— А Танину квартиру ремонтировали, где девушки собираются? А кофточку я Алле покупал? А на ремонт машины давал?

Да, действительно. Потом выяснилось, что и на ремонт Таниной квартиры — собственно, «офиса фирмы» — затраты были. И заботился о внешнем виде персонала, купив кофточку Алле. Кстати, младшей сестре той Светы.

«Я после школы приехала в Минск к сестре, жила у нее. Она мне сказала, что занимается проституцией. Я просила ее взять с собой меня. Вначале она отказалась, а потом я тоже стала ездить к клиентам», — отвечала она на вопросы следователей.

Ничего не скажешь, «дело» развивалось. Штат рос. Его пополняли все больше вчерашние школьницы из провинции, приехавшие в город ловить удачу.

Велась «документация» — в суде была предъявлена тетрадь с наклейкой «Особые записи». Вот несколько выдержек из нее:

«Ул. Шаранговича — одну на двоих».

«Девушкам не понравился».

«Не оплатил».

Пометка — «Бригада» (такие встречаются несколько раз и означают, что вызов был от группы преступников, от которых ждать оплаты не стоит. И на чьи вызовы больше желательно не реагировать).

«Хотел за золотые вещи».

«Хотел лесбиянку».

«Отказался, не было денег».

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ. Случались вечера, когда заказов было очень много. Тогда Юрьевна передавала часть их в другую «фирму», где хозяйкой была женщина по имени Ингрид. Говорят, она эстонка — впрочем, никто этого толком не знает. Тем более, что отыскать ее «фирму» следственным органам не удалось.

...В этот вечер Ингрид попросила охранников подстраховать девушек на показавшемся ей сомнительным вызове. Договорились, что, поскольку требуются две, то одна девушка будет от Ингрид, вторая — от Игоря. Все по справедливости.

В квартиру вошли двое охранников — вроде ничего подозрительного. Позвали девушек. И тут раздались выстрелы!

Потом каждая сторона, как водится, выдвигала свою версию. Приятель убитого, того самого Петра, специалиста по восточным единоборствам, настаивал на

следующем. Петр через Игоря, который был его должником, заказал девушек в счет погашения долга. Но охранники стали требовать деньги, возник конфликт, в ходе которого началась стрельба.

Охранники вместе с побывавшими в квартире проститутками рисовали иную картину:

— Не успели мы войти, как в квартире оказалось еще четверо парней, один из которых держал в руке топор... «Давайте теперь разберемся!» — сказал этот с топором. И началась драка. Перевес был явно на стороне хозяев, поэтому, когда в квартиру вбежал, привлеченный шумом, еще один охранник, находившийся на лестничной площадке, ему крикнули: «Стреляй!» Он успел краем глаза уловить, что на него двигался с ножом сам хозяин квартиры, и из газового «Вальтера», переделанного под дробовик, расстрелял в Петра почти всю обойму...

Собственно говоря, для нас не так уж и интересны детали происходившего — с ними вполне квалифицированно разобрался суд, определив 8 лет за убийство и соответствующие сроки — за сводничество.

Сейчас городской суд опротестовал приговор в части убийства — у него есть для этого основания. Но мы ведь говорим о сексуальных услугах, спрос на которые по-прежнему высок. А соответственно и предложение. И хотим сделать вывод: оно, конечно, существует, существовало и, скорее всего, будет существ-

зовать. Не зря проституцию называют первой древнейшей профессией. И поэтому морализовать на тему городской любви мы не намерены. Каждый выбирает себе такую, на которую способен.

Просто хочется предупредить как деревенских, так и городских простушек, насмотревшихся фильмов с участием божественной Джулии Робертс и обаятельнейшего Ричарда Гира: все не так! Все проще, страшнее и никогда никаких «хэппи эндов»! Наследные принцы среди тех, кто звонит по телефонам сексуальных диспетчеров, бывают крайне редко.

Зарботки у рядовых «девушек по вызову», как мы убедились, не самые высокие — большая часть идет на содержание «бюрократического аппарата». В хорошем колхозе доярки и на действующем предприятии сверловщицы имеют не намного меньше, зато гарантированы от множества проблем. Им не грозит вечная опасность быть искалеченными пьяными придурками, заразиться болезнями, из которых сифилис сегодня не самая страшная. Им не надо бояться быть втянутыми в уголовные истории, из которых рассказанная здесь — опять же, не самая страшная. Поскольку, например, в охране проституток состоят, как правило, уголовники. Очень часто бывает так, что, привезя своих подопечных на вызов, они оценивают квартиру. И если там есть что взять, в последующем ее успешно «бомбят». Что тоже иногда сопровождается кровью...

ФИНАЛ СЕЛЬСКОЙ «ЛЮБВИ». ...После первых

двух рюмок местные путаны не пришли. Впрочем, человеку из района было уже все равно, поскольку он мирно упокоился тут же на деревянной лавке. После чего его бережно одел шофер, и общими усилиями мы доставили «тело» в автомобиль.

Михайлович, разгоряченный выпитым и отяжеленный съеденным, увлеченно излагал мне теорию рыбной ловли в масштабах реки Припять, когда появилась Лариса. Бросая заинтересованные взгляды на нас, прикрытых лишь простынями, она доложила:

— Сергеевна пропалывает бураки, а Надька пасет коров, потому что ей надо подменить мать...

Мы с Михайловичем переглянулись, разом отвели глаза:

— Ты, Лариса, иди... иди... Мы тут сами...

Бойкая диспетчерша хмыкнула — по-моему, с разочарованием. И пренебрежительно зацокала каблучками.

А мы выпили по следующей и, заедая «мамину» великолепной, «пальцем пханой» колбасой, продолжили тему рыбной ловли. Вот и вся, собственно, любовь.

(С. Ольшанский. // Детективная газета. — 1996. — № 14/26/)

ВНУК КОММУНИСТА

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА. «Мы выбирали только тех, кто раньше занимал высокие должности, а теперь стал бизнесменом. Дед считал, что это предатели и отщепенцы».

Виктор Дмитриевич Булатов был инструктором общего отдела обкома партии. Новые времена, которые совпали с его выходом на пенсию, по рассказам сослуживцев, он встретил с недоумением и болью. Ему было невыносимо горько видеть, как бывшие партийные вожди, поправ все понятия о нравственности, жадно кинулись устраивать свою жизнь. А проще говоря, предавать и продавать не только идею, но и все что попадется под руку. А под руку — с их-то связями и круговой порукой! — попадалось многое.

Выйдя на пенсию, Булатов стал вести дневник, который теперь фигурирует как один из главных документов в уголовном деле. Читая его, невольно ощущаешь презрение и затаенную ненависть (а пожалуй даже и плохо прикрытую жажду мести) хозяина. К перекрасившимся «вождям», к их иномаркам, особнякам и «совершенно бесстыдным преступлениям» под названием «презентации». Виктор Дмитриевич по крупицам собирал и заносил в дневник подробности об образе жизни бывших, ставших новыми русскими. Со временем он стал заводить даже отдельные папки, своеобразное досье на каждого из них. Для чего, с какой целью? Теперь, после его смерти,

об этом можно только догадываться. В ходе следствия пока выяснилось лишь то, что Булатов охотно знакомил со своим досье тех, кого продолжал считать верными партийцами, а также своего внука Игоря и его друзей. При этом он нередко повторял: «Расстреливать нужно сволочей, без суда и следствия».

Пока следствию неизвестно и еще одно: из каких источников брал Булатов столь подробную информацию о своих «подопечных». Встречающиеся подробности и детали об образе жизни бывших «вождей» столь конфиденциальны, если не сказать интимны, что просто диву даешься, как они могли стать известны постороннему.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА. «Гараж Ершова мы взорвали, чтобы испытать наше устройство. А перед этим послали ему письмо и потребовали 10 тысяч долларов».

Игорю было семь лет, когда погиб его отец. В наследство сыну остались боевые награды да «жигуленок» с гаражом, оплаченные «афганской кровью». Спустя несколько лет мать снова вышла замуж. За хорошего в общем-то человека, но сблизиться с ним Игорь так и не смог. Больше пропадал у деда. Когда же поступил в институт, то и вообще переселился к старику, объяснив матери, что отсюда и к учебе поближе, да и появившиеся от нового брака сестрички будут мешать занятиям.

За время учебы в институте Игорь по-настоящему сблизился только с одним из своих сокурсников, с Вадимом. Этот стеснительный парень приехал в Новосибирск из соседней области. Он был признателен Игорю за доброе расположение и, можно утверждать, стал его верным другом. Третьим в их компании был Антон. Игорь с ним дружил с детства.

Все трое часто собирались в гараже Игоря, где «химичили». Теперь трудно установить кто был инициатором этого «хобби». На следствии они говорят то об уроках химии, то о найденном взрывпакете. Точно установлено одно: друзья занимались конструированием и изготовлением взрывных устройств. С этого и началось...

Чтобы все выглядело не слишком примитивно, они решили вначале написать письмо. Выбор пал на Кудрицкого, бывшего зав. орготделом обкома. Теперь друзья утверждают, что выбор этот был случайным. Но записи в дневнике Булатова, касающиеся президента биржи недвижимости Кудрицкого, дают повод усомниться в этом.

В письме, отпечатанном на машинке, Кудрицкому было предложено вручить деньги нищему, который постоянно «работает» в подземном переходе на перекрестке Советской и Центральной. Это была своего рода провокация. Как утверждает на следствии Игорь, они и не собирались брать деньги. Решили, если Кудрицкий принесет их, значит, боится и его можно «держать в руках». Если же сообщит в мили-

цию... Ну, что ж, у них будет моральное право приступить к «операции».

К их удивлению, Кудрицкий не отреагировал никак. Как выяснилось уже потом, во время следствия, он не принял письмо всерьез, забросил куда-то в бумаги. И даже после пожара в своем загородном особняке не вспомнил о нем. Тем более, что пожарная служба дала однозначное заключение — возгорание произошло в результате короткого замыкания. Вспомнил о письме лишь тогда, когда рванул гараж Ершова и тот рассказал о письме, которое предшествовало взрыву.

Ершов, бывший зав. отделом торговли обкома, получив послание, подготовил деньги и пошел на «встречу» с нищим. Правда, предварительно поставил в известность милицию. Растерянного и ничего не понимающего нищего «взяли с личным» в мгновение ока. Увидев толстую пачку «зеленых», тот обалдел окончательно. Бедолагу допрашивали, но в конце концов отпустили.

А через два дня прогремел взрыв в гараже Ершова. Кстати, вопреки расчетам «конструкторов», заряд разнес вдребезги и два соседних строения.

По словам Игоря, дед узнавал и о пожаре, и о взрыве в тот же день. И с удовольствием сообщал об этих «событиях» внуку. И Игорь не удержался. То ли из юношеского тщеславия, то ли из желания угодить

деду, он рассказал ему, что это дело их рук. Булатов сначала не поверил. Когда же Игорь выложил подробности, был взволнован и зол. Грозился, что сам пойдет в милицию и все сообщит. А спустя несколько дней, если верить Игорю, Виктор Дмитриевич якобы приказал, чтобы без него не делали ни шагу и что (еще раз скажем «якобы») он сам будет определять — чья очередь.

Теперь практически невозможно установить, было ли так на самом деле. Не исключено, что по привычной логике преступников либо по чьему-то наущению юные «красногвардейцы» просто, как говорится, вешают всех собак на покойника — тому ведь суд уже не грозит. Но все же некоторые детали, ставшие известными в ходе следствия, позволяют предполагать, что Булатов и впрямь был мозговым центром банды (пора уже назвать вещи своими именами).

ИЗ ОПЕРАТИВНЫХ СВОДОК. «...В результате взрыва неустановленного устройства пострадала дверная коробка квартиры К., произошло возгорание...»

«...в офисе фирмы «Малибу» сработало взрывное устройство, которое находилось в целлофановом пакете, оставленном кем-то из посетителей, двое сотрудников ранены, уничтожен компьютер и лазерный принтер...»

«...на улице Гагарина во время движения произошел взрыв автомобиля «Опель», в котором находился президент совместного предприятия «Стэнфорд плюс» И. Водитель погиб, И. доставлен в больницу в тяжелом состоянии.»

В этих случаях можно было бы и не видеть ничего общего — согласитесь, взрыв автомобиля и взрыв на лестничной площадке квартиры скромной медсестры — вещи довольно разные. И все же, как выяснилось на следствии, связь существует. Впрочем, для определенных людей она была очевидной с самого начала. В каждом случае пострадали те, кто раньше занимал значительные посты, а теперь числился среди самых богатых людей города. (Медсестра К. была любовницей президента солидной фирмы, а «Малибу» возглавлял бывший зампред горисполкома). Кроме того, пострадавшие незадолго до случившегося получали письма с весьма пикантной информацией о самих себе.

Взрывы гремели. И новые русские всполошились не на шутку. Они втайне от глаза людского обсуждали способы защиты от бандитов, которые практически не оставляют никаких следов. Они готовы были платить, но не знали кому. Нанятая охрана оказалась бессильной, ходы противника были совершенно неожиданными. Уж какой пропускной режим был налажен в офисе одного из банков, казалось, булавку не пронесешь. Но ночной взрыв стал очередным свидетельством тщетности всех усилий.

Никаких зацепок не находили органы правопорядка. Взаимная подозрительность и страх внедрились в отношения людей, которые еще недавно, что называется, дружили семьями.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА. «Мы не хотели убивать Святского, мы только хотели получить деньги. Об убийстве никто не говорил». Настал момент, когда «игра» в бескорыстных «мстителей» друзьям надоела. Игорь не раз жаловался деду на то, что «жигуленок» свой век откатал и пора бы раздобыть что-нибудь поновее. Дед поначалу делал вид, что не понимает намеков. Когда же Игорь сказал об этом прямо — был непреклонен: с «изменников» никаких денег!

«Что ж никаких так никаких», — будто бы согласился внук. Но сам с друзьями стал детально прорабатывать «операцию» по изъятию наличности.

Следующим адресатом, которому направлялось письмо, был президент торгово-финансовой биржи, а в прошлом — секретарь одного из городских райкомов партии Святский.

Подступиться к нему было нелегко. Святский установил круглосуточную охрану в офисе и на квартире, без охранников не садился в машину, которую перед каждой поездкой осматривали чуть ли не до последней гайки. Все телефонные звонки фиксировались на магнитофон. Квартира была оборудована

бронированной дверью, над которой виднелся значок видеокамеры.

«Рвануть» его дачу или гараж казалось невозможным. Впрочем, судя по всему, друзья и не собирались делать этого. Прежде всего они подменили составленное вместе с дедом письмо. Добавили свои условия передачи денег. Именно на это был акцентирована теперь вся их изобретательность.

Получать деньги — из рук в руки — должен был Вадим. Тут друзья исходили из того, что Святский не знает парня. Вадим же изучал его по фотографиям, а потом — из окна «жигуленка» возле офисов, квартиры.

Вначале предполагалось место встречи назначить где-нибудь за городом. Но, подумав, решили, что в случае чего на «жигуленке» им не уйти. И тогда они выбрали сквер, расположенный в старой части города, в котором на широких аллеях стоят тяжелые скамейки едва ли не с довоенных времен. На одной из них в установленное время должен был сидеть Вадим.

Святскому предлагалось присесть рядом, побыть на скамейке несколько минут и, оставив пакет с деньгами, ни слова не говоря, уйти. Главная изюминка заключалась в следующем. Когда Святский оставит пакет с деньгами, Вадим ни в коем случае не должен к ним притрагиваться. Через несколько минут к этой

же скамейке подойдет Антон. Вадим должен уйти. Но и Антон поначалу не притронется к деньгам, а лишь будет сидеть рядом с пакетом. И только через сорок минут по сигналу Игоря он должен взять деньги и стремглав мчаться к выходу из сквера — там будет стоять машина.

Если Вадима или Антона задержат — стоять на смерть: ничего не знаем, ничего не видели, ничего не трогали. Никуда не денутся, подержат и отпустят. Вадим ушел беспрепятственно. Игорь видел, как он дошел до автобусной остановки и, смешавшись с пассажирами, сел в первый подошедший автобус. Игорь выждал и дал сигнал Антону.

Деньги были у них. Но Вадим не пришел в условленное место, в гараж, ни в этот день, ни на следующий.

На третий день в квартире раздался телефонный звонок. Игорь взял трубку и услышал голос Вадима: — Игорь, спасайся... Я больше не могу...

— Ты где?

— Не знаю, спасайся!..

...Вадима взяли люди из службы безопасности Святого, когда «мстителю» казалось, что операция прошла удачно. По крайней мере для него. Отвезли на незнакомую квартиру.

Не будем живописать всех пыток, которые пришлось перенести студенту (кстати, по этому факту заведено уголовное дело), но справедливости ради отметим, что держался Вадим твердо. И трудно сказать, какая участь его ждала: быть может, просто отпустили бы, а может... Но... Воспользовавшись временным отсутствием своих истязателей, Вадим ухитрился (связанный по рукам и ногам!) добраться до телефона и набрать номер Игоря.

...Игорь метался по квартире. На вопросы деда лишь отмахивался, скрежетал зубами. Снова зазвонил телефон. Мужской голос попросил Виктора Дмитриевича. Дед взял трубку. Отвечал односложно. Когда закончил разговор, Игорь увидел, как побледнело его лицо. Глухим голосом дед сообщил, что звонил Святский, через полчаса приедет, хочет поговорить.

Игорь молча метнулся из квартиры. Через двадцать минут на своем «жигуленке» занял исходную позицию в углу большого двора их дома. Едва в другом конце повилась знакомая «БМВ», «мститель» нажал на газ. Когда машины поравнялись, он через окно автомобиля бросил под колеса автомобиля Святского свою любимую «игрушку».

...Водитель и охранник, сидевший на переднем сиденье, погибли сразу. Биржевик отделался переломами. Машину Игоря взрывом отбросило на деревья. Если не считать ушибов, он не пострадал...

Виктор Дмитриевич Булатов сохранил хладнокровие до конца. После взрыва он аккуратно сложил на столе все папки с компроматом, свой дневник и подошел к окну. Некоторое время он смотрел вниз на собравшуюся у подъезда толпу, на подъехавшую «скорую», а затем — на милицейский уазик. Постоял в задумчивости и стал решительно открывать окно...

Толпа зеваяк вздрогнула от глухого удара тела об асфальт...

(А. Дремов. // Детективная газета. — 1996. — № 10/22/)

ЭЛЕКТРОННЫЙ ШПИОНАЖ НА РОДИНЕ АЦТЕКОВ

Прослушивающий аппарат был обнаружен в помещении национального комитета по правам человека, созданного при прямом содействии президента Салинаса де Гортари. Комитет только разворачивает свою деятельность и вроде бы пока не мог сильно насолить властям. Между тем глава комитета Хорхе Карписо, в кабинете которого был обнаружен «жучок», заявил протест прокурору республики и намерен превратить это дело в свою первую серьезную «бомбу». Начато официальное расследование. Потенциальные «ответчики» из министерства внутренних

дел решительным образом отвергают все обвинения. Власти пытаются утихомирить страсти. Говорят: «Да будет вам! Там и батареек-то не было»...

Их стремление спустить дело на тормозах понятно. Правительство Мексики нынче переживает довольно деликатное время. В самый разгар подготовительной работы по созданию свободной торговли с США, что является заветной целью кабинета Салинаса, от северного соседа стали поступать не очень радостные сигналы. В конгрессе США, где вот-вот предстоят дебаты по этому вопросу, по разным причинам нарастает оппозиция грандиозному проекту. Как сказал в интервью «НВ» конгрессмен Джим Колб, выступивший недавно в американской торговой палате в Мексике, силы сторонников и противников торгового соглашения приблизительно равны. Несложно догадаться, что последние попытаются воспользоваться случаем «телефонного шпионажа», для того чтобы бросить тень на политическую систему страны.

На носу у правящей партии и выборная кампания — борьба за места в парламенте и местные органы власти. Президент Салинас, взявшийся перестроить прежнюю систему, гарантировавшую партии безмятежное пребывание у рычагов власти, но зато вызывающую суровую критику со стороны местных оппозиционных кругов и различных правозащитных организаций за рубежом, вполне мог бы похвастаться кое-какими результатами. И тут ему, что называется, подкладывают банановую кожуру, возможно, даже кто-то из своих.

Между тем скандал разрастается. Его подхватил флагман правозащитных организаций США «Америкас уотч». Мексиканские общественно-политические группировки, особенно «зеленые», утверждают, что «электронный шпионаж» становится тотальным на родине ацтеков. «А прослушивание телефонов распространено так же, как вручение взятки дорожной полиции», — сетовал в беседе со мной один столичный журналист.

Кстати, ассоциация иностранных корреспондентов в Мексике, в которой состоит и представитель «Нового времени», также грозитя провести расследование по возможному шпионажу за ее членами. Наверняка каждый из нас смог бы припомнить немало курьезных случаев из собственного опыта пользования телефоном...

(Ю. Кудимов. //Новое время. — 1991. — № 20.)

«ДАБЛ» НОЧНЫХ ДИСКОТЕК

Экстази — синтетический наркотик класса метамфетаминов. Основной производитель — Голландия. Год назад производство экстази активно начали осваивать подпольные предприятия в Польше, Латвии и других прибалтийских государствах. Выпускается он в виде таблеток весом до 120 миллиграммов, иногда с добавками кокаина или марихуаны. Одна таблетка способна вызвать токсическое отравление. Всплеск сексуальной активности при первых приемах сменяется половым бессилием. Постоянное

употребление малыми дозами гарантирует бессонницу, сильную депрессию, нарушение функций головного мозга. Доза в 200—400 миллиграммов приводит к смертельному исходу.

Комитет по контролю за наркотиками при Министерстве здравоохранения РФ внес экстази в список сильнодействующих наркотиков. Это означает, что торговец, задержанный при продаже хотя бы одной таблетки, наказывается судом так же, как человек, сбывающий наркотики крупными партиями — лишением свободы на срок от 6 до 15 лет с конфискацией имущества...

Пятого марта 1995 года таможенниками аэропорта Шереметьево совместно с сотрудниками службы экономической контрразведки Управления ФСК по Москве и Московской области была пресечена попытка контрабандного ввоза наркотиков из Голландии. При досмотре ручной клади у гр-на К. и гр-ки С., наших соотечественников, обнаружили 2350 таблеток (959 граммов) экстази. В отношении этих лиц возбуждено уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных статьями 78 и 224 УК РФ. Расследованием занялась следственно-оперативная бригада, куда вошли сотрудники ГУВД и службы экономической контрразведки. В процессе следствия было установлено, что экстази, изъятый 5 марта, лишь часть партии (11 000 таблеток — 465 килограмма), закупленной в Амстердаме москвичом А., который собирался с разными курьерами переправлять наркотик в столицу.

25 марта по подозрению в контрабанде и торговле экстази были задержаны еще семь человек. При обыске, кроме экстази, у них изъяли марихуану и гашиш. Получив информацию о том, что постоянным местом распространения и употребления экстази являются московские ночные дискотеки и клубы, оперативники приступили к разработке шести таких увеселительных заведений.

Посещают эти дискотеки в основном студенты МГИМО, МГУ, Института иностранных языков имени Мориса Тореза и других престижных вузов. Как правило, эта «золотая молодежь» — дети высокопоставленных чиновников, известных политиков, бизнесменов, деятелей культуры. Случается, заходят и представители нашего шоу-бизнеса. Тут же тусуются гомосексуалисты, проститутки, лица без определенных занятий и небольшой процент иностранцев. Развлечения и танцы начинаются в 23 часа и заканчиваются под утро.

Веселиться ночь напролет — тяжелый труд, никаких сил не хватит. Нужен допинг. И с этим проблем нет: таблетка экстази — и несколько часов ты весел, полон сил и энергии. Мало одной — купи две, три. Этого «добра» у сбытчиков, в полном смысле слова, полные карманы.

Продавец держит экстази при себе. Но когда к нему подводят покупателя, берет деньги и говорит, что ему необходимо выяснить, есть ли сегодня наркотик. Потолкавшись в толпе, возвращается к покупателю с

долгожданной таблеткой. Этим якобы достигается некая конспирация, ну и повышается престиж продавца, создается иллюзия, что достать наркотик не так просто. Однако если покупатель желает, ему «достанут» и разновидности наркотика — «птичку», «бочонок», «зайчика» и «дабл». У оптовиков распространители берут экстази по 25—30 долларов США за таблетку, продают за 40—60 долларов. (По сравнению с кокаином — цена одного грамма 120—200 долларов — это дешевый наркотик). И чувствуют себя продавцы на дискотеках как рыба в воде. «Стучать» на них некому — экстази употребляют 90 процентов посетителей. А случись какой шмон, охрана всегда предупредит.

Среди сбытчиков экстази оказался сын российского дипломата. Вскоре после его ареста из страны, где работает папа, в Москву прибыла официальная делегация. Кто-то из ее членов ходатайствовал в верхах об изменении меры пресечения для дипломатического отпрыска. ГУВД на просьбу отреагировало, и сынок по-прежнему пребывает в следственном изоляторе. Другой торговец — милейшее создание, интеллигент, приятен в обхождении, умеет очаровать, войти в доверие — отсидел три срока за мошенничество, гомосексуалист, заражен СПИДом. Торговала наркотиком и известная ночная бабочка. Ей переваляло за тридцать, на ниве секс-обслуживания тягаться с молодыми соперницами стало не вмоготу, и она занялась не менее прибыльным бизнесом.

Вскоре оперативников заинтересовал такой вопрос: причастны ли к торговле экстази владельцы диско-

тек или они об этом даже не ведают? Естественно, что владелец должен получать прибыль. Цена входного билета на дискотеку в зависимости от класса колеблется от 30 до 50 долларов. Вроде бы на этом можно иметь деньги. Однако, как выяснилось, большинство посетителей приходят по приглашениям, то есть «за бесплатно». Быть может, владельцы имеют огромную прибыль от продажи спиртных напитков? Но, как оказалось, посетители, находясь в состоянии наркотического опьянения, спиртное покупают редко. По всем прикидкам получалось, что дискотеки — заведения явно убыточные. В то же время владельцы их не похожи на меценатов, готовых хоть разориться, но веселить подрастающее поколение. При ближайшем знакомстве с этими господами было установлено, что некоторые из них — подставные лица, настоящие же владельцы дискотек — «крестные отцы» нашей родной мафии.

Из рапорта оперативника: «Среди отечественных наркодельцов обсуждается вопрос об открытии новых дискотек специально для распространения экстази и других более сильных наркотиков, так как пропускная способность уже существующих из-за все возрастающего спроса явно недостаточна. В связи с этим Зверек упомянул известного молодежного кумира... Он считает, что те, кто далеко смотрит (наркомафия. — Авт.), пытаются использовать авторитет кумира и других известных представителей шоу-бизнеса для вовлечения большего числа молодых людей в потребление экстази. Кумир является завсегдатаем вышеуказанных дискотек, вокруг него всегда много молодежи, и в этой тусовке идет активное распространение наркотиков. Он старается не

рекламировать, что сам потребляет наркотики, но Зверек неоднократно видел его в состоянии сильного наркотического опьянения».

Поскольку 5 июня сего года в программе по шестому каналу телевидения в программе «Музыка и пресса» этот кумир открыто призывал молодежь употреблять экстази, я называю его имя — Богдан Титомир. В общем, все как в песне: «Эй, приятель, посмотри на меня! Делай как я! Делай как я!..»

По свидетельству наркоманов, экстази вызывает потребность в более сильном наркотике, и уже немало их приятелей перешли с экстази на кокаин. Сейчас продавцы на дискотеках рекомендуют своим клиентам своеобразный коктейль из экстази, кокаина и ЛСД. «Райское наслаждение!» — утверждают они, умалчивая о том, что после употребления этой адской смеси «тихо шифером шурша, крыша едет не спеша». И не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, для чего нашим мафиози нужны дискотеки. Снабжая их посетителей экстази, они готовят рынок для сбыта кокаина и ЛСД. Российские наркодельцы уже договорились с бывшими гражданами СССР и РФ, проживающими ныне в США, о контрабандных поставках этой отравы в Москву!

Бывает, что постоянные посетители дискотек исчезают — кто на время, а кто и навсегда. Одни становятся пациентами психиатрических больниц, другие, совершив преступления в состоянии наркотического опьянения, садятся на тюремные нары, третьи, не

рассчитав дозы, попадают на кладбище. Страшно представить себе, что будет, когда на дискотеках в изобилии появятся кокаин и ЛСД.

(С. Гарнага. // Совершенно секретно. — 1995. — № 6)

НАШ ХОРСТ ВЕССЕЛЬ

«О мертвых либо хорошо, либо ничего». Но мудрость древних перечеркивается политической борьбой, в которой привычно манипулируют и фигурами умерших.

Станет ли Константин Осташвили новым Хорстом Весселем? Кажется, у него есть все данные для этого. Один из руководителей народно-православного движения «Память» Константин Осташвили, приговоренный к двум годам лишения свободы за организацию погрома в московском писательском клубе, покончил с собой в тверской колонии. Начальник колонии и местный прокурор заявили: нет оснований сомневаться в том, что Осташвили по собственной воле и без чужой помощи покинул этот мир, о «доведении» до самоубийства говорить тоже не приходится. Но нашим национал-социалистам эти объяснение ни к чему: Осташвили прикончили евреи, добрались до него и в колонии.

ДРУЗЬЯ БРОСАЮТ В БЕДЕ. Не знаю, найдется ли у какого-нибудь психоаналитика желание понять, почему совершил самоубийство «герой» одного из

громких судебных процессов последнего времени, коротавший колонийские дни в компании одного убийцы и одного взяточника. Было ли это результатом жестокого оскорбления, нанесенного товарищем по заключению: введенный заблуждением неарийским обликом, один из зеков назвал Осташвили, борца за русскую идею, «жидом»? Или петля — логичное завершение жизни хронического алкоголика...

О смерти Осташвили написали все московские газеты. Не много ли чести? Этот вопрос возникал и год назад. Несколько недель московский городской суд разбирался в событиях одного январского дня, когда полсотни хулиганов пришли «бить евреев» в Центральный Дом литератора.

Несмотря на возражения общественных обвинителей, которые требовали выявить силы, поддерживающие и организующие национал-социалистическое движение, на скамье подсудимых оказался только один Осташвили. Псевдопатриотическая пресса утверждала, что над ним устроена политическая расправа и что судят его не за уголовное преступление, а за взгляды.

Но Осташвили судили не потому, что он был патологическим антисемитом, а потому, что он попытался реализовать свои взгляды на практике и сразу превратился в уголовника.

Конечно же, Осташвили был уверен в своей неуяз-

вимости. И не только в силу собственного нахальства он закричал милиционеру: «Я депутат, я неприкосновенен!» — и милиционер, проявив редкую для этой профессии покорность, отпустил его, хотя депутатом Осташвили никогда не был. Осташвили верил в силу и надежность своих единомышленников, но они его бросили и предали.

Еженедельник «Ветеран» отказал ему в праве именоваться патриотом, поскольку выяснилось, что фамилия его бабушки Штольтенберг. Осташвили пытался утверждать, что бабушка всего-навсего немка, но уж ему-то следовало помнить, что «патриотов» такие оправдания только смешат... Товарищ по совместной борьбе с сионизмом и демократией Дмитрий Васильев, глава другого крыла «Памяти», напрочь от него отсекся: «Абсолютно невменяемый Осташвили-Смирнов собрал вокруг себя кучку юнцов, не понимающих, что они являются игрушкой в руках ловкача... Парадокс, что честь России взялся «защищать» даже не грузин, а, как мне сообщили, простите, чуть ли не еврей. Он настоящий провокатор».

СМЕРТЬ ПРОБУЖДАЕТ И СПЛАЧИВАЕТ. Теперь, когда Осташвили мертв, его еще раз пробуют на роль героя. Потому что отечественным национал-социалистам нужен свой Хорст Вессель...

До той минуты, когда командир отряда штурмовиков берлинского района Фридрихсхайн недоучившийся студент Хорст Вессель получил пулю от Альбрехта (Али) Хелера, имевшего шестнадцать судимостей,

никому бы и в голову не пришло делать из него героя. Но только что назначенный руководителем столичной партийной организации и ответственным за пропаганду Иозеф Геббельс первым понял, как нужно действовать.

Это до смерти Вессель был пьянчужкой, драчуном и сутенером. После смерти он стал пламенным национал-социалистом, загубленным евреями и коммунистами.

«Хорст Вессель мысленно марширует вместе с нами, — говорил Геббельс на похоронах. — Когда в будущем будут маршировать вместе рабочие и студенты, они запоют его песню «Выше знамя!», сочиненную им в порыве вдохновения за год до смерти».

Это было в начале 1930 года. Еще никто не верил, что национал-социалисты способны взять власть.

Хорст Вессель был превращен в борца за просыпающуюся Германию, в героя, которому должна поклоняться вся немецкая молодежь. «Вессель — тот избранник, которому следовало умереть в страшных мучениях, чтобы его смерть пробудила и твердо сплотила всех, кто думает по-немецки», — писал один из нацистских бардов.

За пятнадцать лет — с момента гибели Весселя до крушения национал-социализма в Германии — было

написано две с половиной сотни биографий Весселя, романов и пьес о нем. Городские магистраты переименовывали в его честь площади и улицы германских городов.

СУТЕНЕР СМЕНЯЕТ СУТЕНЕРА. Юный Хорст был охвачен национальной идеей. Понимал он ее примерно так же, как Константин Осташвили: «Шлепнуть, размазать, загнать в подполье». Кого? Евреев, демократов и коммунистов. Осташвили, правда, находил внутри компартии здоровые силы, Вессель был пессимистичнее и всех красных хотел уничтожить.

Осташвили учил своих боевиков в подвалах, нашел им тренера по каратэ. Штурмовики Весселя тренировались в гимнастических залах, каратэ тогда еще не знали. Осташвили, по его собственным словам, приходил на собрания демократов с молодыми ребятами, которые «хорошо умеют работать кулаками», и для Весселя любимым развлечением была драка. Разумеется, и Осташвили, и Вессель проявляли себя только при наличии численного превосходства над противником.

Вот воспоминания одного из бойцов Весселя: «Перед сценой выстроились двадцать пять лучших боевиков штурмового отряда. Другие слева, у стойки бара. Справа, у входа, остальные. Коммунистов берут в клещи с помощью кулаков, пивных кружек и отломанных от стульев ножек...»

После одного такого вечера Хорст Вессель подобрал на Александер-плац Эрну Еникке, восемнадцатилетнюю проститутку, повздорившую со своим сутенером. Вессель, как изображает дело восторженный биограф, расправился с парнем по-свойски: «Два-три удара наотмашь, потом в печень. Подонок согнулся от боли».

Эрна, которая работала на Али Хелера, перешла к Хорсту Весселю, который во всем заменил ей прежнего сутенера.

Эрна даже переехала к нему на квартиру, что совершенно не понравилось хозяйке, вдове Зальм, покойный муж которой был коммунистом. Однако столкновения между вдовой Зальм и проституткой Эрной Еникке, утверждавшей позднее, что она делила с Весселем не только постель, но и приверженность национал-социализму, носили не идеологический, а чисто бытовой характер. Они ссорились из-за нерегулярно уплачиваемой квартирной платы и совместного пользования кухней. Скандал следовал за скандалом, пока наконец вечером 14 января 1930 года взбешенная вдова Зальм не бросилась по старой памяти за помощью в пивнушку «Бэр», где собирались коммунисты.

«ПРОЛЕТАРСКАЯ ТРЕПКА». Они охотно пообещали задать штурмфюреру Весселю «пролетарскую трепку» и выставить из порядочного дома проститутку. Возможно, дело и ограничилось бы очередной дракой между коммунистами и национал-социалис-

тами, но среди мстителей оказался «Али» Хелер, прежний хозяин Эрны Еникке, лишившийся верного заработка.

«Вессель открыл дверь и сразу все понял, — рассказывал потом на суде Али Хелер. — Я увидел, как его рука потянулась к заднему карману брюк. Я мгновенно сообразил: «Этот парень ужокошит меня!»

Хелер выстрелил первым и сказал упавшему на пол Весселю: «Ты знаешь, за что получил».

Брехт написал потом: «Хорст Вессель умер профессиональной смертью. Один сутенер был застрелен другим сутенером».

Геббельса это не интересовало. Ему нужен был мученик, чья смерть оправдала бы террор национал-социалистов.

Обзавестись собственным Хорстом Весселем для наших национал-социалистов оказалось трудным делом. Скажем, посадили одного из идеологов «борьбы с сионизмом» за решетку. Чем не герой? Но посадили, оказывается, потому, что жену зарезал.

Некоторое время назад попал под машину при странных обстоятельствах еще один профессиональный разоблачитель сионизма. Сначала заговорили о

нем как о «жертве международного еврейского заговора», но быстро замолкли. Выяснилось, что некоторые лидеры отечественного национал-социализма его самого считали замаскированным евреем.

Годится ли им на эту роль Осташвили? Тоже незavidная фигура, хотя выбор в принципе небогатый: если не убийца, то алкоголик. Геббельс, однако, не побрезговал и сутенером. Где национал-социалистам взять других?

Это не делает национал-социалистов менее опасными. Но чего нет, того нет. Порядочных людей среди немецких национал-социалистов не было. Нет и среди наших.

(Л. Млечик. //Новое время. — 1991. — № 19)

НА КРЮЧКЕ У КРЮЧКОВА

Американский разведчик на службе КГБ. Эта история стала бы сногшибательной сенсацией не только в бывшем Советском Союзе, но и, как нынче принято говорить, в дальнем зарубежье. Она должна была появиться в августе девяносто первого года, а позднее — превратиться в «шпионский» бестселлер. Но, поскольку в основе сюжета лежало так называемое «дело Крючкова», тогдашнего председателя КГБ, а его, бедолагу, после неудавшегося путча упрятали в Лефортовскую тюрьму, — премьера не состоялась. А речь шла об Эдварде Ли Говарде, сотруднике от-

дела СССР и Восточной Европы ЦРУ США, завербованному КГБ. Даже очень наивному читателю не надо разъяснять, что мог сделать наш агент, работавший в отделе, который занимался советской проблематикой и которого специально готовили для работы в Москве. Летом 1991 года мне предложили написать пропагандистское произведение, в котором Эдвард Ли Говард должен был предстать яростным противником американского империализма и неистовым борцом за мир, до глубины души влюбленным в советский народ. Теперь же у меня есть возможность рассказать правду или, во всяком случае, быть объективным. Этот материал — как бы увертюра к последующим главам, которые, надеюсь, удастся собрать воедино в будущей книге.

Итак, июль девяносто первого... Уже почти три года я пребывал в звании персонального пенсионера после возвращения из Югославии, где находился в долгосрочной журналистской командировке от родной моему сердцу газеты «Известия». Ей-богу, нисколько не кривлю душой, ибо более десятка лет до этого представлял правительственное издание в Италии. будучи сотрудником Первого главного управления КГБ СССР, то бишь прежней нашей внешней разведки. Время наступило муторное. Процесс, который попытался «начать» не в ту сторону. Перестройку народ стал называть «пересрайкой». Многие коллеги из бывшей моей «конторы» разбежались кто куда: в коммерческие структуры, частные детективные бюро, или (от безвыходности, связанной с возрастом) в ночные сторожа престижных контор и банков. Перестали беспокоить меня и добрые знакомцы мои из Пятого (идеологического) управления КГБ,

которые обращались в незабвенные времена застоя с просьбами сочинить что-нибудь эдакое по поводу коварных происков цепного пса американского империализма, то бишь Центрального разведывательного управления США...

И вдруг однажды утром задрезжал телефон. Кто-то, представившийся сотрудником известного мне «пресс-бюро», хотел побеседовать, желательно наедине. Безделье угнетало меня невероятно. Поэтому я сразу согласился.

Через некоторое время молодой человек приятной наружности с кейсом в руках был уже у меня. Представился. Назовем его, скажем, Сережей... Он коротко, но очень точно рассказал мне мою биографию, отметив заслуги, в частности в контрпропаганде. Я не очень понимал, к чему он клонит.

— Леонид Сергеевич, вы слышали что-либо об Эдварде Ли Говарде?

— Что-то не припоминаю.

— Тогда в двух словах. Это профессиональный американский разведчик, работал в отделе СССР и Восточной Европы Центрального разведывательного управления, а затем готовился к деятельности в резидентуре в Москве. По сути, он первый оперативный сотрудник ЦРУ, завербованный нашей разведкой в восьмидесятых годах. Операцией руководил Владимир Александрович Крючков. И не случайно. Говард

передал нам список наиболее ценных агентов из числа советских граждан, в том числе и весьма высокопоставленных, завербованных спецслужбами США в Москве и в других местах. Он раскрыл практически все методы, используемые американскими разведчиками при проведении оперативных мероприятий, рассказывал, как его коллеги в Москве пытаются обезопасить себя от наружного наблюдения нашей контрразведки, каким образом устанавливают связь с действующими агентами, обеспечивают их безопасность, сколько платят за работу, какие используют технические и другие специальные средства для прослушивания и подслушивания, дезинформации и других активных мероприятий. Большой интерес представила и его справка о теоретических разработках шпионажа в Советском Союзе в будущем, то есть при том или ином повороте событий. Об активизации создания такого мощного инструмента политической борьбы, как «агенты влияния», и так далее... — А как отреагировали в ЦРУ?

— Очень болезненно. В наших руках документы, из которых ясно, что в Лэнгли считают уход Говарда самым крупным и позорным провалом американской разведслужбы за последние годы. Поэтому и были предприняты определенные усилия для того, чтобы не раздуть этого скандала. А вот у нас, естественно, обратное желание. Говард подготовил рукопись мемуаров, но в ней не все соответствует действительности. Кроме того, у нас есть подборка публикаций зарубежной печати по поводу этого скандала, некоторые материалы и документы американских спецслужб. Мы предлагаем вам, изучив все это, написать остро сюжетный пропагандистский политиче-

ский детектив, предварив его столь же остросюжетной статьей.

Сережа открыл кейс и достал две объемистые папки. Одна с рукописью Говарда: «Я пришел с миром», другая с подборкой документов и переводами статей о «деле Говарда».

Читал я все материалы, что называется взаклеб. История с Эдвардом Ли Говардом была действительно сенсационной.

Герой нашего повествования родился 27 октября 1951 года в городе Аламогордо в штате Нью-Мексико и получил имя Эдвард Ли Говард. Отец его был специалистом в области электроники и служил в американских ВВС, мать — домохозяйка. Шести лет мальчишка пошел в школу, повзрослев, вступил в организацию бойскаутов. Семья жила то в Америке, то за границей, ибо отец часто менял место работы. Успешно закончив среднюю школу, Эдвард стал студентом факультета экономики и международной торговли Техасского университета. В мае 1972 года он досрочно закончил учебу и получил диплом с отличием. Однако большим бизнесом, о чем мечтал молодой экономист, заниматься не пришлось. Потупило предложение от Американского корпуса мира отправиться в Латинскую Америку консультантом небольшого предприятия. Прельстила возможность попутешествовать. В Колумбии летом 1973 года Говард познакомился со своей будущей женой Мэри. В 1976 году, вернувшись в США, они поженились. В

марте 1979 года, оказавшись якобы без работы, Говард разослал анкеты по разным адресам на предмет найма. Одна из них попала в ЦРУ...

А примерно через год Говарда пригласили на беседу два кадровика из ЦРУ. Затем последовала длительная процедура всяческих исследований в Вашингтоне: медицинского, психологического, политического и, наконец, проверка на детекторе лжи. Все испытания Говард выдержал успешно и 28 января 1981 года был приведен к присяге. Из новоиспеченного разведчика в отделе СССР и Восточной Европы начали готовить оперативного сотрудника резидентуры ЦРУ в Москве. Что это за отдел? Процитирую материалы.

«Отдел СССР и Восточной Европы — это святая святых ЦРУ. Это замкнутый коллектив из сотрудников самых разных профессий. Никто в их дела не вмешивается, зато они любят совать нос в чужие. Это своего рода клуб. Отдел СССР и Восточной Европы самый секретный в оперативном директорате. Он отвечает за нелегальный сбор разведывательной информации, а также проведение тайных операций на территории Советского Союза и стран коммунистического блока Восточной Европы. Отдел разделен на несколько отделений и секций. Основные отделения: СССР (куда был направлен Говард под псевдонимом Роджер Е. Шаннон. — Л. К.), Польши, Чехословакии и Венгрии, самостоятельное отделение Румынии и Болгарии, а также вспомогательное административное управление. В отделе работают примерно триста человек... Когда отдел вышел на семью Говардов, им дали понять, что ЦРУ заинтересовано не только в

Эдварде, но и в Мэри. И хотя Мэри по-прежнему работала секретаршей в ЦРУ, в Москве для нее готовилась иная роль. Говарды должны были стать семьей шпионов».

И стали... семьей шпионов-двойников.

Передо мной короткое сообщение, опубликованное газетой «Известия» № 220 за 7 августа 1986 года: «В Президиум Верховного Совета СССР обратился гражданин США бывший сотрудник ЦРУ Говард Эдвард Ли с просьбой о предоставлении ему политического убежища в СССР. Свою просьбу он мотивировал тем, что вынужден скрываться от спецслужб США, которые необоснованно его преследуют. Руководствуясь гуманными соображениями, Президиум Верховного Совета СССР удовлетворил просьбу Говарда Эдварда Ли, и ему предоставлено право проживания в СССР по политическим мотивам».

Следовательно, спецслужбы США «необоснованно» преследуют Эдварда Ли Говарда. Посмотрим, однако, что говорят по этому поводу они сами.

В докладе комитета по разведке палаты представителей содержится вывод о том, что сведения, переданные Говардом СССР, «серьезно подорвали возможности США по сбору разведывательной информации. Были раскрыты силы и средства разведки, скомпрометированы не только проводимые операции, но и способы их проведения. Разведывательная сеть в Москве создавалась на протяжении многих лет, и ее очень трудно продублировать. Речь идет не

только об агентуре. Все намного хуже. Были свернуты все технические средства. Ущерб огромен. Он положил конец нашей работе там».

А вот еще одно мнение, высказанное по ту сторону океана: «Говарда не должны были вообще принимать на работу в ЦРУ. А его приняли, несмотря на употребление им наркотиков и алкоголя. Но самое невероятное — его направили в отдел СССР и Восточной Европы для работы в Москве. Его увольнение провели отвратительно, о его отставке и странном поведении не сообщили ФБР даже после обнаружения обмана Говарда. ЦРУ покрывало его более двух лет и продолжало это делать даже после того, как к делу подключилось ФБР. Говарду удалось сбежать к большой досаде сотрудников ФБР...

В конечном счете Эдвард Ли Говард оказался между двумя противоборствующими сверхдержавами. Он перешел на другую сторону, но бежал ли он? Для Говарда не было выхода. Он покинул родину, не имеет пристанища, живет в чужой стране, в чуждой ему культуре, будущее его семейной жизни не ясно. Он предал свою страну, и эта мысль будет преследовать его до конца дней. Но ЦРУ, подотчетное только самому себе, злоупотребило своими полномочиями и доверием американского народа. Оно проявило большую заинтересованность в сохранении чести своего мундира, нежели в поимке шпиона... Шансов на возвращение Говарда в Соединенные Штаты в будущем, если его семья будет с ним, еще меньше. Однако ФБР все же продолжает надеяться, как бы маловероятным это ни казалось, что в один прекрасный

день Говард предстанет перед судом по обвинению в шпионаже...»

Через неделю, предварительно позвонив, Сережа заехал ко мне. Разговор был коротким.

— Я все прочитал, Сережа, и согласен.

— Прекрасно. Тогда собирайтесь. Поедем на дачу к Говарду. Мы помчались на черной «Волге» по загородному шоссе. Остановились у железных ворот двухэтажной кирпичной дачи. Вышли двое охранников. Поздоровались, прошли на участок, засаженный деревьями и кустами, поднялись на второй этаж на открытую террасу. И тут к нам вышел темноволосый, коренастый, подтянутый мужчина, что называется в расцветет лет, в серых брюках и белой рубашке с расстегнутым воротом. Поздоровался, как со старым знакомым, с Сережей, протянул руку мне:

— Я Эдвард Ли Говард, вы — журналист Леонид Колосов, а в саду, — он указал пальцем вниз, — моя жена Мэри и сын Ли.

Честно скажу: он пришелся мне по душе. Черт знает почему. То ли рукопожатие было уверенным и крепким, то ли взгляд открытым и спокойным.

Беседа наша длилась часа четыре. Говорили по-русски, а когда Говард спотыкался, несмотря на приличное знание языка, помогал Сережа, великолепно вла-

девший английским. Вот что рассказал Говард по поводу своего ухода из ЦРУ, когда я задал ему этот вопрос.

— В марте 1983 года у нас с Мэри появился новый член семьи — родился сын Ли. За месяц до выезда в Москву мне было предложено пройти второй тест на детекторе лжи, это обычное дело в ходе подготовки к командировке. Я прошел тест нормально, но через несколько дней меня снова вызвали для тестирования под предлогом, что технический анализ причудливых линий, которые изобразил детектор лжи, «возможно свидетельствует об обмане». Дело кончилось тем, что меня попросили уйти из ЦРУ. Мы продали дом, уложили вещи в машину и отправились искать счастья в Нью-Мексико. Я был даже рад, что смогу подыскать себе честную работу и больше никому не врать, чем я зарабатываю на жизнь. Мэри тоже была довольна. Однако... за мной установили постоянное наружное наблюдение, все мои встречи стали контролировать ребята из ФБР, все телефонные разговоры прослушивались.

В начале 1986 года меня вызвали в Сан-Франциско для конфиденциальной беседы. На встрече присутствовали мой прежний начальник из советского отдела в ЦРУ Том Миллз, Джерри Браун из контрразведывательного отдела в Вашингтоне и его коллега Майк. Последний сообщил, что из СССР сбежал бывший резидент КГБ в Лондоне Олег Гордиевский, который заявил, что я осведомитель КГБ.

— Это действительно так?

— Абсолютная ерунда. Но это еще не все. Смотавшийся в августе 1985 года сотрудник КГБ Виталий Юрченко уведомил ЦРУ, что я уже давно работаю на КГБ под кличкой «Роберт» и что я не просто предатель, а «крот», то есть советский агент, специально внедренный в Центральное разведывательное управление и действовавший там весьма эффективно. Коротче говоря, на меня свалили все провалы американской разведки на территории СССР в середине восьмидесятых. Но это же абсурд. Я был начинающим оперативным работником и даже не приступил к работе в Москве.

Однако это уже говорит о невысокой степени осведомленности. Во время моей работы в ЦРУ в период с 1981 по 1983 год мне были известны псевдонимы только двух наших агентов в Советском Союзе. Их настоящих имен я не знал. Более того, по меньшей мере один раз в год изменялась вся организация связи с этими агентами...

— Но почему же возникли обвинения в ваш адрес?

— Дело в том, что в 1985—1986 годах ЦРУ потерпело серьезные провалы в Москве. Нужно было за них отвечать, и решили сделать из меня козла отпущения... Поэтому я начал думать о побеге. Сначала я освоил трюк, который в ЦРУ называли «черт из табакерки»: неожиданное выпрыгивание из автомобиля на закрытом для слежки участке пути. Затем я соорудил чучело, похожее на меня, с пенопластовой головой для париков, на которую надел бейсбольную кепку. Вечером мы выехали из дому на машине. За

рулем сидела Мэри, рядом я в бейсбольной кепке и под ногами — чучело. За нами, естественно, ехал автомобиль наружного наблюдения. Мы заранее изучили дорогу и знали, где она делает замысловатый крюк. Мэри снизила скорость. Я пригнулся к двери, посадил чучело вертикально и вывалился в кусты. А через несколько минут мимо проскочила автомашина преследователей. Документы у меня были заранее подготовлены. Короче говоря, через пару дней я был уже в Копенгагене...

Мы обсудили схему будущей книги, решили, что я напишу ее от третьего лица. «Дня через три я вам пришлю свои пожелания в письменном виде через Сережу», — сказал Говард, на прощание крепко пожимая мне руку.

В Москву мы возвращались уже вечером.
— Скажите, Сережа, Виталий Юрченко действительно заложил Говарда?

— Об этом вы прочитаете в материалах, которые я вам передам вместе с пожеланиями героя вашего будущего детектива.

Я получил через несколько дней и то и другое. Три странички машинописного текста от Говарда: «Мысли по поводу книги Колосова». Приведу некоторые из этих мыслей.

«Первое и самое главное — я не хочу, чтобы содержание этой книги послужило поводом для судебного разбирательства против меня. Поэтому не следует делать никаких прямых ссылок на меня, особенно в той части, где я говорю о мотивах моего сотрудничества с КГБ или рассуждаю о том, какую помощь я мог оказать КГБ... Я не хочу называть книгу «Исповедь шпиона» или «Искушение». Возможно, «Война ЦРУ в одиночку» подойдет... Любые снимки моей семьи (жены и сына) должны быть не настолько похожими, чтобы их можно было идентифицировать. Мотивы. Я понял, что американская разведка вовсе не собиралась признавать свои ошибки — и относительно меня, и относительно Юрченко, которого они действительно похитили... Кстати, после того как Юрченко покинул США, он утверждает, что никогда не говорил с ФБР, что я советский шпион... Я ужасно хотел повидаться с семьей и понял, что после моего побега сделать это можно лишь с помощью другой сверхдержавы — Советского Союза. Так я оказался в Москве в июле 1986 года и попросил о помощи — это был первый раз, когда я вступил в контакт с правительством СССР. Приехав в Москву, я, естественно, столкнулся с КГБ. Там меня попросили помочь в борьбе с ЦРУ, и я согласился... Почему я это сделал? Во-первых, потому что я не причинял этим никакого ущерба безопасности моей страны. Во-вторых, потому что боролся с ЦРУ, преступной организацией, а не с американским народом. В-третьих, потому что ЦРУ вело и продолжает вплоть до настоящего времени вести со мной борьбу, унижая мое достоинство и не давая покоя моей семье. И, наконец, в-четвертых, потому что я узнал и полюбил русский народ и понял, что войну против него ведет не американский народ, а группка эмигрантов-отказников, работаю-

щих в ЦРУ и желающих нанести сокрушительный удар по советском правительству... »

Вот так. Вроде бы все ясно, хотя и не очень убедительно. Во всяком случае, после того, как я проштудировал все материалы по существу вопроса. Кстати, о Виталии Юрченко. Читатели, вероятно, помнят этот скандал и конференцию в пресс-центре МИД 14 ноября 1985 года, на которой перед советскими и иностранными журналистами выступил В. С. Юрченко. Он сообщил, что 1 августа 1985 года был захвачен неизвестными людьми около ватиканского музея в Риме и насильственно в бессознательном состоянии переправлен из Италии в США

А вот что я прочитал у американцев:

«В четверг 1 августа 1985 года в 9 часов утра Юрченко сказал своим коллегам в советском посольстве, расположенном на Виа Гаэта, что собирается прогуляться и осмотреть музеи Ватикана. Когда он не вернулся к вечеру, в посольстве сильно заволновались. Не дожидаясь утра, чиновники посольства сообщили в полицию об исчезновении Юрченко...

Обратившись утром 1 августа в резидентуру ЦРУ в Риме, расположенную в американском посольстве на Виа Венето, Юрченко попросил связать его с сотрудником ЦРУ, назвав того по имени. Об этом была немедленно уведомена штаб-квартира ЦРУ на севере Вирджинии. Кейси, Клэр Джордж, Хатауэй и другие ответственные сотрудники ЦРУ были подняты на ноги. Механизм, разработанный для встречи важных

перебежчиков, пришел в действие. К тому времени, когда русские обратились в итальянскую полицию, Юрченко был уже далеко — он находился в руках ЦРУ и на военном самолете пересекал Атлантику...»

И далее... «На одном из допросов Юрченко рассказал об уникальном случае проникновения КГБ в американскую разведку. По его словам, этот человек работал в ЦРУ. Он не знал его настоящего имени, но ему был известен его псевдоним — «Роберт». Юрченко никогда не видел его и не мог описать его внешность. Однако Юрченко сообщил два важных факта. Во-первых, этот сотрудник ЦРУ встречался с руководящими работниками КГБ в Австрии и предоставил им секретную информацию, получив за это денежное вознаграждение. Во-вторых, «Роберт» проходил подготовку для работы в Москве, но потом это назначение отменили. Однако «Роберт» был знаком со сложной процедурой поддержания связи ЦРУ со своими агентами, знал их псевдонимы и другую информацию, которая смогла бы позволить установить их личности... Описанию, данному Юрченко, соответствовал только один человек. Его звали Эдвард Ли Говард».

И еще одна небольшая справка: «ФБР стало известно, что на секретном счету Говарда в швейцарском банке лежат 150 тысяч долларов. Кроме того, в пустыне Нью-Мексико он зарыл клад, состоящий из золотых и серебряных слитков, а также валюты... ЦРУ более двух лет держало в тайне дело Говарда и скрывала его от ФБР, даже тогда, когда тот признался, что был готов продать секреты русским...»

Во всем этом калейдоскопе совпадений и противоречий мне предстояло разобраться.

Наступило 19 августа 1991 года. Ну, что вам рассказывать о ГКЧП и «Лебедином озере»? Вы все прекрасно помните. Когда арестовали Янаева, Лукьянова, Язова, Крючкова и еще дюжину разных людей до начальника охраны канцелярии, народ вроде бы возликовал. А вот мой знакомец Сережа как-то позвонил мне и сообщил, что уезжает очень-очень далеко.

— А что делать с материалами? — спросил я его.

— А что хотите. У вас полный карт-бланш: от написания книги до Лефортовской тюрьмы. Решайте сами.

Я спрятал материалы, выписки и свои черновики по-дальше. А сейчас думаю, почему так долго ждал? Год назад наши разведчики-пенсионеры побывали в гостях у американских коллег в Лэнгли. Один из них, прослезившись, даже вспомнил, какими бравыми ребятами были агенты КГБ из числа американских подданных. И я подумал, почему бы не рассказать нашим россиянам о бравом американском разведчике Эдварде Ли Говарде, который, оказывается, очень любил бывший Советский Союз и русский народ.

И был завербован советской разведкой, кажется, еще до того, как решил податься в ЦРУ...

(Л. Колосов. // Совершенно секретно. — 1995. — № 6)

АГЕНТЫ-ДОБРОВОЛЬЦЫ

Строго говоря, текст, который мы представляем сегодня, не является «рукописью» того рода, что обычно публикуется на страницах. Данные фрагменты вряд ли являются образцом глубоких философских или научных размышлений. Но в серьезности им нельзя отказать: ведь и разведка, столь близкая политической сфере, все-таки тоже имеет свою философию. Аллен У. Даллес (1893—1969), долгое время возглавлявший ЦРУ, считается одним из создателей «философии американской спецслужбы», основные позиции которой он изложил в книге «Искусство разведки». (Она выйдет в будущем году в издательстве АО «Книга и бизнес» в серии публикаций мемуаров «королей шпионажа» — там же увидят свет работы Р. Гелена, У. Колби.) Отрывки из нее, которые мы печатаем, показывают, как западные спецслужбы эксплуатировали тягу к свободе и стремление к лучшей жизни подданных тоталитарного режима. Люди, живущие в таком обществе, как правило, бедны, обделены судьбой, влачат рабское или зависимое существование и потому нередко способны податься соблазну изменить условия жизни и покинуть родину. Но остается вопрос: оправдана ли столь высокая цена такой шаг? Разведчики, впрочем, об этом не много размышляют. Для них психология и другие науки, научные методы анализа обществ и политики — это только средство достижения политических и стратегических целей. И, разумеется, они всю пользу получают слабостями общественной системы противника...

Выведывание секретов за «железным» и «бамбуковым» занавесами для Запада значительно облегчилось с помощью «добровольцев», которые являлись сами и предлагали свои услуги. Нам не всегда нужно самим добывать секретные сведения об интересующем военные или гражданские власти США советском объекте. Данные о нем могут поступить от людей, хорошо с ним знакомых, которые перешли на нашу сторону. Появление перебежчиков — это не дорога с односторонним движением. С Запада люди тоже уходят к Советам. Но к нам перешло гораздо больше «добровольцев», чем от нас к противнику.

В ходе венгерской революции в 1956 году более четверти миллиона человек бежали на Запад. Эмигранты доставили нам сведения о всех аспектах технологических, научных и военных достижений в Венгрии и тем самым помогли составить прогноз развития этой страны на долгие годы вперед. Среди сотен тысяч беженцев и эмигрантов из Восточной Германии, других сателлитов и коммунистического Китая, прибывших на Запад после конца второй мировой войны, нашлось немалое число оказавших нам подобную помощь...

Я не настаиваю на том, что так называемые «дезертиры» бежали на Запад лишь вследствие идеологического и политического несогласия. Одни потерпели крупные неудачи в своей карьере, другие испытывали страх, что режим в их странах еще более ужесточится, третьи соблазнились возможностью сделать свою жизнь безбедной и легкой. И все же если не большинство, то значительная часть эмигрантов и

беженцев оказались у нас по идеологическим мотивам. Они почувствовали такое отращение к жизни в коммунистическом мире и столь огромное стремление изменить к лучшему свою жизнь, что больше не могли терпеть. Поэтому в данном случае я пользуюсь термином «дезертир» весьма редко и к тому же с оговорками, предпочитая называть таких людей «добровольцами».

Если человек, перешедший к нам, занимал заметное место в советской чиновничьей иерархии, он хорошо знает сильные и слабые стороны коммунистического режима, его интриги и скандалы, его неэффективность и коррупцию. Если же он специалист, ему непременно известно состояние дел в его области, технологические достижения, секреты производства и так далее. «Добровольцами» могут быть военнослужащие, дипломаты, ученые, инженеры, солисты балета, спортсмены и, правда, не столь часто — офицеры разведки. За «железным занавесом» имеется много недовольных, которых мы не знаем, но которые серьезно помышляют о бегстве. Кое-кто из них еще колеблется сделать последний шаг из-за страха перед неизвестностью, их ожидающей... Граждане стран советского блока... оставались бы гораздо чаще на Западе, если бы у Советов не существовала практика открыто задерживать в качестве заложников их жен и детей.

Советский ученый Олег Ленчевский, стажировавшийся в Англии по стипендии ЮНЕСКО, обратился в мае 1961 года с просьбой о предоставлении ему политического убежища к местным властям. Но на-

прасно он пытался получить от Москвы разрешение его жене и двум дочерям покинуть страну и присоединиться к нему. Его личное обращение в форме письма к Хрущеву было опубликовано во многих западных газетах. Советский лидер, как и ожидалось, не снизошел до этой просьбы. Да и не мог, поскольку хорошо знал: если бы он выпустил семью Ленчевского из России, это стало бы прецедентом для других диссидентов.

По-моему, если бы гражданам коммунистического мира предоставили возможность свободного выезда за границу, число беженцев из государств за «железным» и «бамбуковым» занавесами достигло без преувеличения астрономической величины. А так, несмотря на все рогатки и препятствия, их количество, начиная с конца второй мировой войны и до конца 1961 года, когда возвели берлинскую стену, составило свыше 11 миллионов.

Коммунисты готовы предпринять все возможные меры, чтобы не упустить ценного для них специалиста и вообще всех, кто может принести пользу для свободного мира. Западные ученые на международных конференциях, в которых принимали участие делегаты из коммунистических стран, часто пытались завязать дружеские контакты с кем-нибудь из них. И нередко сталкивались со «специалистами», которые не могли двух слов связать. Они оказывались сотрудниками КГБ, отвечавшими за безопасность делегации. Но главная их задача состояла в том, чтобы не спускать глаз с настоящих ученых: как бы те не решили остаться в свободном мире.

Китайские коммунисты тщательно замеряют горячее в баках военных самолетов, прежде чем разрешить летчику приступить к выполнению тренировочного полета, чтобы тот, сели ему вдруг придет в голову мысль взять курс на свободный Тайвань, не смог бы достичь своей цели.

Другое дело судьба тех немногих, кто перешел от нас к Советам. Она вряд ли сможет служить хорошей рекламой для привлечения новых перебежчиков. Некоторые из них недавно беседовали с посетившими их гражданами из западных стран и признались: выбор они сделали не совсем удачный — в коммунистическом мире у них нет никакого будущего. Перебежчики-ученые, вроде физика-атомщика Понтекорво, который приносит большую пользу Советам, активно занимаясь научно-исследовательской деятельностью, находится, понятно, в гораздо лучшем положении. Он, например, прекрасно обеспечен материально, недавно стал лауреатом Ленинской премии, а это очень высокая награда. Берджесс и Маклин, Мартин и Митчелл, ставшие публицистами, живут неплохо, им платят еще и за то, что они выполняют функции «советников по вопросам пропаганды». Но жизнь у них безрадостная. (Сотрудники Агентства национальной безопасности Уильям Мартин и Бернон Митчелл в 1960 году попросили политическое убежище в Советском Союзе. — Ред.)

Нередко перебежчики с коммунистической стороны в действительности являются не теми людьми, за которых себя выдают. Некоторые, например, были на-

шими агентами за «железным занавесом» в течение длительного времени. И вернулись к нам только потому, что почувствовали: над ними нависла серьезная опасность разоблачения (иногда к такому выводу приходим мы, тогда приказ о немедленном возвращении исходит от нас).

Немало из оказавших нам большую помощь перебежчиков были дипломатами или офицерами разведки, действовавшими за рубежом под дипломатическим прикрытием. Для последних, особенно находившихся в странах свободного мира, было, конечно, относительно проще и безопаснее покинуть в один прекрасный день свое учреждение и направиться в местное министерство иностранных дел и попросить политическое убежище. На Западе, где бы это ни произошло, если к тому же доводы перешедшего выглядят основательными и искренними, ему предоставляются защита и материальная поддержка до тех пор, пока он не обеспечит себя средствами к жизни в своем отечестве.

Если и возникает задержка в предоставлении этих привилегий, так это из-за того, что Советы время от времени засылают лжеперебежчиков. Это не очень удачный способ внедрения агентуры, но иногда он может иметь эпизодический успех. Лжеперебежчик из встреч с журналистами и различными должностными лицами может, конечно, почерпнуть некоторую информацию и послать ее своим хозяевам.

Нужно иметь в виду, что подобная операция в любой

момент может закончиться тем, что перебежчик переметнется еще раз — туда, откуда пришел. Он заявит, например, что разочаровался в Западе, обманулся в своих надеждах, что хочет искупить свой грех и вернуться домой, если даже и будет наказан за бегство. Это вызывает в стране, предоставившей ему убежище, замешательство, но в конце концов его по-человечески поймут и из гуманных соображений отпустят обратно за «железный занавес». В действительности же он — агент советской или иной коммунистической разведки. Возвратясь, он доложит своим хозяевам информацию, которую ему удастся собрать.

Офицеры советской разведки и разведок стран-сателлитов пользуются теми же привилегиями и имеют такие же возможности выезда за границу, что и дипломаты. Некоторые из них пользуются этим, чтобы порвать со своими настоящим и осуществить то, о чем долго размышляли. Их дезертирство наносит наиболее серьезный ущерб. Поэтому советские власти ни перед чем не останавливаются, чтобы предотвратить бегство сотрудников своей секретной службы.

Читатель может вспомнить сенсационную фотографию, появившуюся в газетах в 1954 году, на которой были изображены несколько грубых на вид молодчиков и жена перебежчика Владимира Петрова, руководителя резидентуры КГБ в Австралии, в тот момент, когда они пытались насильно посадить ее в самолет, чтобы отправить в Советский Союз. Только быстрое вмешательство австралийской полиции спасло госпожу Петрову от похищения.

Дезертирство офицера разведки сопровождается гораздо меньшим шумом, нежели дипломата или ученого. Сотрудники советской секретной службы или спецслужб стран-сателлитов, конечно, лучше, чем другие, осведомлены, каким образом можно вступить в контакт с «противной стороной» на Западе. Более того, их работа в известной степени состоит в том, как получить такую информацию. Если кто-либо из них принимает решение дезертировать, естественно предположить, что он свяжется именно с разведывательной службой, нежели с дипломатическим представительством или же полицейскими органами. Расчет здесь на то, что там его не только примут доброжелательно, но и наилучшим образом обеспечат личную безопасность.

Каждое дезертирство офицера разведки противника раскрывает перед западной контрразведкой большие возможности. Зачастую с точки зрения добычи секретной информации оно равноценно прямому агентурному проникновению во враждебный разведцентр. (Ценность сведений, к сожалению, ограничивается только моментом, когда совершился переход.) Но один такой «доброволец», случается, может не на один месяц парализовать деятельность шпионской службы. От него мы получаем точные данные о структуре разведки, ее деятельности, методах и приемах. Он дает развернутые характеристики многих своих бывших сослуживцев и данные о разведывательном персонале за рубежом, действующем под различными прикрытиями. И что самое главное, он может сообщить информацию об операциях, которые проводятся в данный момент. Жаль, что ему обычно не удается раскрыть много агентов по той причине,

что все разведслужбы строят свою работу так, чтобы их сотрудники знали личные дела только тех информаторов, с которыми они непосредственно связаны.

Западу исключительно везет в последние годы: на его сторону перешло значительное число перебежчиков. В 1937 году два сталинских супершпиона, действовавших за рубежом, предпочли остаться в свободном мире и отказались возвратиться в Россию, где могли погибнуть в ходе «обновления» НКВД, проводившегося вслед за чисткой в партии и армии. Одним из них был Вальтер Кривицкий — шеф советского разведцентра в Голландии. В 1941 году его нашли мертвым в одном из вашингтонских отелей. Обстоятельства смерти так и остались до конца невыясненными. Склоняются к мысли, что его застрелил советский агент, но тот, по-видимому, скрылся, не оставив никаких следов. Версия о самоубийстве представляется маловероятной. Вальтер Кривицкий около 20 лет прослужил в советских органах госбезопасности и военной разведки. Несколько раз направлялся в заграничные командировки на нелегальную работу. Дважды арестовывался за рубежом как агент советской разведки, но благополучно возвращался в СССР. В 1937 году руководил нелегальной шпионской сетью разведуправления РККА в Западной Европе. После перехода на Запад жил в США. В 1939 году написал книгу «Я был агентом Сталина», которая привлекла большое внимание мировой общественности. В 1941 году застрелился в Вашингтоне (по официальной версии. — Ред.) Другой перебежчик Александр Орлов — один из старших сотрудников НКВД в Испании в период гражданской

войны. В отличие от Кривицкого ему удалось избежать мести Советов. Он опубликовал ряд книг, в числе которых одна посвящена сталинским преступлениям, а другая — советской разведке.

Сразу после окончания войны на нашу сторону перешел Игорь Гузенко. Он был офицером военной разведки и работал шифровальщиком под гостеприимной «крышей» советского посольства в Оттаве. Гузенко передал нам много ценных материалов, с помощью которых была раскрыта часть международной шпионской сети, занимавшейся сбором информации о производстве атомной бомбы. Советы создали эту разветвленную тайную организацию еще в военные годы. Полностью ликвидировать ее нам удалось в конце сороковых годов. Среди важных персон, перешедших тогда на Запад, можно отметить Владимира Петрова, о котором я уже упоминал, Юрия Растворова — офицера разведки, работавшего в советском посольстве в Японии, и Петра Дрябина, тоже сотрудника разведслужбы, находившегося в Вене.

На Запад переходили и сотрудники советской секретной службы, выполнявшие террористические задания. Николай Хохлов в начале 1954 года был заброшен в Западную Германию для организации убийства известного лидера антисоветской эмиграции Георгия Околовича. Хохлов явился к своей будущей жертве и рассказал о своем задании, после чего перешел на сторону Запада. В 1957 году в Мюнхене советские агенты пытались отравить Хохлова, но безуспешно. Осенью 1961 года Богдан Ста-

шинский пришел в Западной Германии в полицию и признался, что несколько лет назад по заданию советской разведки убил двух лидеров украинской эмиграции — Ребета и Бандеру. На сторону Запада перешел и советский дипломат Александр Казначеев, работавший в советском посольстве в Бирме. Он был не кадровым разведчиком, а так называемым «привлеченным»: его использовали в шпионских целях в тех случаях, когда дипломатические привилегии позволяли ему выполнять задания с меньшим риском, чем сотрудникам разведывательной резидентуры, не имеющим дипломатического прикрытия.

Однако не все важные «добровольцы» — выходцы из советской разведслужбы. Немало офицеров разведки высокого ранга бежали к нам из стран-сателлитов и передали информацию не только о своих службах, но и о советских шпионских органах. Как бы ни пытались правительства европейских сателлитов создавать впечатление о том, что они независимы, в области шпионажа они слепо следуют за СССР. Когда агенты разведслужб сателлитов переходят на Запад, они передают немало ценных сведений о политике и планах Кремля.

Иосиф Святоло, в 1954 году перешедший на Запад в Берлине, был начальником одного из отделов польской секретной службы, в котором велись дела на членов польского правительства и коммунистической партии Польши. Видимо, нет никакой необходимости подчеркивать, что высокопоставленный перебежчик знал все скандальные истории, в которых была заме-

шана верхушка польского коммунистического общества. Москва часто прибегала к его советам. Павел Монат был польским военным атташе в Вашингтоне с 1955 по 1958 год, после чего возвратился в Варшаву и стал ответственным сотрудником военной разведки, контролирующим деятельность военных атташатов во всем мире. Он прослужил в этой должности два года, а затем перешел на Запад. Франтишек Тишлер перебежал на Запад из Вашингтона после того, как пробыл там чехословацким военным атташе с 1955 по 1959 год. Офицер венгерской секретной полиции Бела Лапушньяк, рискуя жизнью, в мае 1962 года бежал через границу в Австрию и благополучно добрался до Вены. Но здесь его постигла злая судьба в образе венгерского или чешского агента: он был отравлен, прежде чем успел передать свой доклад западным властям.

Китайский перебежчик Чао Фу являлся офицером безопасности в посольстве красного Китая в Стокгольме, пока не «исчез» в 1962 году. Это был первый случай бегства сотрудника краснокитайской службы госбезопасности, который официально признали пекинские власти. В действительности на нашу сторону перешли несколько китайских офицеров.

Для аналитиков, изучающих деятельность разведывательных служб Кремля, роль последних в советском обществе и влияние на властные структуры не удивительны. Неудивительно также, что офицеры разведки имеют возможность заглянуть за кулисы режима, что доступно лишь немногим, узнать о зловещих методах специальных операций, маскируемых

разглагольствованиями о социалистической законности. У интеллигентных и посвятивших себя целиком делу правопорядка коммунистов такие сведения вызвали глубокий нравственный шок. Так, один из перебежчиков рассказал нам, что утратил свои иллюзии, когда узнал: Сталин и НКВД, а не немцы повинны в катынской резне (убийство около десяти тысяч польских офицеров во время второй мировой войны). В результате это привело его к бегству на Запад. Как только советский человек узнает об истинном положении дел, он теряет доверие к системе, для которой он трудится, и к государству, в котором живет. Разочарование в идеалах и в реальной повседневной жизни — мощный движущий фактор для бегства на Запад.

Имена, упомянутые выше, ни в коем случае не исчерпывают списка тех, кто оставил советскую разведывательную службу и аппарат службы безопасности, а также другие важные ведомства. Некоторые лица, перешедшие на нашу сторону в самое последнее время, предпочитают «не всплывать на поверхность»: ради собственной безопасности они стараются остаться неизвестными для общественности. Но от этого не становится меньше их вклад в дело изучения советской разведки и аппарата государственной безопасности и вскрытия каналов, по которым осуществляется подрывная деятельность коммунистической системы против нас.

Соединенные Штаты, в частности, всегда были убежищем для тех, кто стремился порвать с тиранией и обрести свободу. Они всегда окажут радушный

прием людям, не желающим более работать на Кремль.

(Новое время. — 1991. — № 51)

СЕКРЕТ ПЯТИ ШИНЕЛЕЙ

Как делаются перевороты. За кулисами августа 1968-го двадцать три года хранился в глубокой тайне составленный якобы всего в пяти экземплярах секретнейший «Протокол о встрече партийно-правительственных делегаций Болгарии, ГДР, Польши, Венгрии и СССР», проходившей 24—26 августа 1968 года в Москве. И вот недавно один из этих пяти экземпляров протокола был обнаружен в Варшаве и передан польской стороной Генеральной прокуратуре ЧСФР. Вряд ли высшие партийные и государственные деятели пяти стран, задушивших чехословацкую попытку построить «социализм с человеческим лицом», могли предположить, что их откровенные высказывания станут когда-нибудь достоянием гласности. И уж, конечно, ни Живков и Велчев, представлявшие Болгарию, ни прибывшие из ГДР Ульбрихт, Штоф и Хонеккер, ни польские руководители Гомулка, Циранкевич и Клишко, ни венгерские участники Кадар, Фое и Комочин, ни тем более советские — Брежнев, Подгорный и Косыгин не могли представить ни как будет выглядеть Европа в 1991 году, ни как оценит их роль история. Текст протокола, который мы перепечатаваем из выходящей в ЧФССР газеты «Лидове новины», достаточно убедительно свидетельствует об этом.

Конечно, в каких-то местах этот текст может вызвать сомнения. Возможны неизбежные при двойном переводе неточности. Но во всяком случае это — документ, к которому историкам следует отнестись со всей серьезностью. Тем более, отнюдь не исключено, что где-то существует и русский оригинал...

Инна Руденко,
соб. корр. «Нового времени»
ПРАГА

ПРОТОКОЛ

Первая встреча

Первая встреча состоялась 24.8 с 10.00 до 11.45 в здании КПСС.

Тов. БРЕЖНЕВ:

Цель нашей встречи известна.

Я хотел бы вкратце обозначить наиболее важные вопросы. Наши совместные войска выполнили задачу, которая им поручена. Они даже раньше, чем предполагалось, заняли Чехословакию. По существу, это было сделано без выстрелов и жертв.

Но войско является всего лишь войском, оно заняло все пункты, но политическую работу не проводит. Это — слабое место, потому что контрреволюция ор-

ганизована, располагает секретными радиостанциями (несмотря на то что некоторые были обнаружены), типографиями и так далее. Втайне собрался съезд партии, в действительности противоправно, без участия членов Президиума ЦК и некоторых других делегатов.

Вражеские силы ни на минуту не прекращают свою деятельность. Было обнаружено уже несколько складов оружия, между прочим, в министерстве сельского хозяйства. На некоторых местах были найдены даже и пулеметы. Несмотря на ожидания, что ввод войск вызовет бегство вражеских сил, эти силы остались и продолжают свою работу. Положительные члены руководства нашли убежище в советском посольстве и не способны на осуществление большей деятельности.

В этой обстановке Дубчек, Черник, Смрковский, Кригель и Шпачек были интернированы в СССР. Дубчек и Черник находятся в одном месте, остальные — в Москве.

Армия заняла страну практически без боя, но сразу не смогла добраться до здания радио и телевидения, потому что там была большая толпа людей, в которую нужно было бы стрелять. Наконец войскам удалось это здание каким-то образом занять без выстрелов. В ходе различных акций, однако, не обошлось без жертв. У нашей армии уже 14 погибших и несколько десятков раненых. Среди чехов также есть небольшое количество жертв. К этому времени не

было попыток организации массовых демонстраций, но небольшие организованы были.

Наши товарищи сообщают из Праги, что там господствует спокойствие, но не прекращаются протесты и пропаганда против присутствия войск. Тт. Швестка и Барбирек в нашем посольстве признали, что если бы советские войска не пришли, то Чехословакия уже была бы буржуазным государством.

Имеют место провокации. В Братиславе, например, стреляли в наших военнослужащих из окон. Но это — не массовые явления. Рабочие и рабочая милиция не принимают участия ни в каких акциях против нас. Чехословацкая армия не покидает места своей дислокации и даже помогает некоторым нашим подразделениям по хозяйственной части.

Вчера ночью мы получили информацию, что президент Свобода хочет к нам приехать, чтобы начать переговоры и поиск путей решения проблем. Он дал понять, что хочет найти такое решение, которое было бы в нынешних условиях приемлемо для всех, причем так, чтобы уходящие из Чехословакии войска осыпались бы на прощание цветами. (Это довольно трудно себе представить!)

Затем нас проинформировали, что тов. Свобода придет не один, а с целой делегацией. Ночью мы провели совещание и выразили согласие. Нам передали состав членов делегации: Алоис Индра. Васил Биляк,

Ян Пиллер (положительный), Мартин Дзур (который до сего времени вел себя хорошо), Густав Гусак (имеет большой авторитет в Словакии), Богуслав Кучера (представитель социалистической партии) и Клусак (зять Свободы, который работает в МИД, имеет большое влияние на Свободу).

Индра, Биляк и другие советовали Свободе создать революционное правительство, которое он бы и возглавил. Зять ему посоветовал не соглашаться, и Свобода таким образом предложение не принял.

По желанию Свободы его прибытие прошло официально, и его приветствовали в Москве с почестями, полагающимися президенту.

Вначале мы провели разговор с ним, а потом и со всей делегацией. Свобода согласен, что партийный съезд, который состоялся, является нелегальным, но заявил, что по партийным делам мы должны разобраться с делегацией. Он констатировал, что единственным выходом из ситуации является возвращение легального правительства к власти. Он обратился к нам с требованием дать ему поговорить с Дубчеком и Черником. Об остальных он не говорил. В соответствии с заверением, которое он дал народу перед отъездом, он хотел еще вчера вечером вернуться в Прагу.

Мы ему сказали, что мы также хотим найти выход из положения и хотим, чтобы было создано прави-

тельство, которое будет работать в духе принятых соглашений в Чиерне и Братиславе. Свобода с этим согласился.

Потом мы говорили вместе с делегацией. Мы заявили, что считаем состоявшийся съезд недействительным. Мы сказали, что можем согласиться с правительством Черника, если он признает съезд нелегальным, что может остаться нынешний Президиум ЦК, если перенесет съезд на более позднее время, и что мы уже ничего другого не требуем кроме соблюдения обязательств, принятых в Чиерне. Потом взял слово Гусак, выступление которого было нехорошим. Он сказал, что они не ожидали ввода войск в ЧССР, что это произвело плохое впечатление, что даже коммунисты в Чехословакии не понимают, почему это произошло. Он считает, что войска должны в любом случае покинуть города.

Бияк признал, что готовилась контрреволюция, что партия потеряла управление средствами массовой информации — радио, телевидением и печатью.

Сегодня должен был состояться съезд Коммунистической партии Словакии. Несомненно, он поддержал бы пражский съезд. Кажется, что Гусак имеет в Словакии большее влияние, чем Бияк. Как Гусак, так и Бияк согласились с нашими аргументами, что проведение съезда было бы сейчас не к месту. Мы сказали им, чтобы они связались с Братиславой и отложили съезд. Они согласились с этим. При помощи нашей армии мы обеспечили им телефонную связь.

Сегодня ночью они говорили с членами Президиума ЦК в Братиславе, чтобы съезд отложили на неделю-две. Мы не знаем, получится ли это. Правые могут организовать съезд за их спиной.

Таким образом, политическая ситуация осложнилась.

Вчера мы также два раза говорили с Дубчеком и Черником и просили их, чтобы они:

— признали съезд недействительным, — взяли на себя ответственность за то, чтобы правительство и Президиум ЦК действовали в соответствии с соглашениями, достигнутыми в Чиерне и Братиславе. Дубчек занял более плохую позицию, чем Черник, он ничего не может сказать, поскольку не знает, каково положение в стране и т. п.

Мы сказали им откровенно, что, если дела пойдут так и дальше, дело может дойти до кровопролития, что в настоящее время наши войска не могут быть выведены.

Черник первым заявил, что считает съезд недействительным, и что эту позицию он будет отстаивать, если бы даже ему пришлось подать в отставку.

Дубчек присоединился к этой позиции, но не так ре-

шительно, как Черник. Заметно, что Дубчек во многом учитывает мнение Черника. Они сказали, что должны иметь возможность убедить остальных, чтобы они присоединились к их позиции. Неизвестно, говорили ли они искренне.

В 23.00 Дубчек и Черник встретились со Свободой и делегацией, которая прибыла. Сначала они поговорили с одним Свободой, а потом со всей делегацией. Индра и Биляк нас позднее информировали, что они были едины. Кроме того, они хотят говорить со Смирковским.

Важно, что Свобода хочет найти решение. Хорошо, что и Черник подходит к этому так же (если он искренен). Положительно и то, что Гусак понял, что в ситуации, которая сложилась, войска мы не выведем. Заметно, что они хотят найти какое-то решение. Свобода сказал народу, что вечером вернется в Прагу, но без давления понял сам, что он обязан остаться в Москве до сегодняшнего дня.

В разговорах с нами Свобода сказал, что убеждал Дубчека подать в отставку. Мы считаем это наивной идеей, поскольку в нынешней истерической атмосфере они сделают первым секретарем еще худшего. В любом случае это не будет ни Индра, ни Биляк и им подобные.

Вчера мы договорились, что дальнейшие переговоры со Свободой продолжим сегодня, в 11.00 (учитывая

проходящую встречу «пятерки», они начались в 12.00). Возможно, что в переговорах примут участие Дубчек и Черник. Имеется предложение, чтобы Свобода вылетел сегодня в Прагу сам и чтобы было опубликовано коммюнике о том, что переговоры продолжаются и что в них принимают участие Дубчек и Черник. Необходимо принимать во внимание трудное положение Свободы, который должен кое-что сделать. Речь идет о включении Дубчека и Черника в делегацию. Это наш вариант, который мы считаем приемлемым.

Они хотели бы, чтобы Свобода возвратился с Дубчеком, Черником и Смирковским. Однако это было бы возвращением победителей на белом коне, и мы с этим не можем согласиться.

Живков: Но сообщение о переговорах с Дубчеком и Черником также будет означать их успех!

Брежнев: Но переговоры надо как-то провести! Если делегация согласится с нашими предложениями, тогда они вернутся все вместе. В конце концов мы можем привезти в Москву и остальных товарищей, которые находятся в нашем посольстве в Праге (Кольдера, Швестку, Ленарта, Барбирека и других). Однако в этом случае это были бы переговоры, собственного говоря, со старым Президиумом ЦК и, таким образом, непризнание нового Президиума. В конце концов это было бы не так плохо.

Ульбрихт: Но потом все возвратятся под руководством Дубчека. Однако необходимо искать какое-то решение, там сегодня огромная истерия.

Брежнев: Прошу вас понять наше сегодняшнее положение: у нас нет намерения отступить перед контрреволюцией ни на шаг и позволить ей овладеть Чехословакией. Даже если бы это означало для нас потери и если бы контрреволюция стреляла, как в Венгрии, — не отступим! Прошу, чтобы вы поняли, что мы ни на шаг не отступим от наших решений. Но ситуация трудная, прежде всего в Праге, а также в Братиславе. Из других мест сообщений нет.

Мы просим, чтобы вы остались в Москве, чтобы мы могли коллективно принимать решения с учетом меняющейся ситуации.

У нас сегодня более хорошая связь с нашим посольством в Праге. Наши товарищи рекомендуют, чтобы новое правительство было названо правительством «национального единства». Но это не имеет решающего значения. Товарищи далее предлагают, чтобы Свобода возвратился один, а переговоры в Москве продолжались. Они считают, что нынешняя ситуация может продолжаться не более одного-двух дней и что необходимо найти решение.

Вот текст телеграммы, которую я только что получил: Ситуация в нашей стране чем дальше, тем хуже. Правые активизируются. Страна не может быть

больше без правительства, поскольку произойдут массовые акции. Самым лучшим было бы, если бы Свобода образовал правительство «национального единства» при участии Черника. Если не удастся урегулировать дела с Дубчеком, пусть во главе ЦК будет Индра.

(Брежнев: Это нереально!) Важно, чтобы Дубчек признал съезд недействительным. Если он согласится на это, пускай Индра станет вторым секретарем. Тогда будет возможность заменить Дубчека (Брежнев: Это легко написать!).

Если Черник останется в правительстве, это принесет успокоение. Тогда можно было бы подключить к поддержанию порядка также чехословацкую армию.

В случае договоренности с Дубчеком и Черником, Биляк мог бы возвратиться в Словакию. Это было бы благоприятно для нормализации.

Самое важное, чтобы ситуация не оставалась такой, какая она теперь: без правительства! Было бы хорошо, если бы Свобода возвратился сегодня в Прагу, а если это невозможно из-за переговоров, чтобы он обратился к народу с обращением.

Кадар: Пусть Свобода вернется домой. Если переговоры будут продолжаться, в сообщении нет необходимости указывать имена.

Брежнев: Свобода согласится с заявлением, если в нем будут упомянуты Дубчек и Черник.

Кадар: Этого мы не можем принять.

Брежнев: Мы их интернировали, но мы должны с ними что-то сделать.

Гомулка: Коротко о нескольких вопросах. Если Свобода вернется один и будет опубликовано заявление, что переговоры продолжаются, это будет означать, что он сам ничего не добился. Таким образом, он лишится авторитета. Если в заявлении будут упомянуты Дубчек и Черник, тогда контрреволюция будет давить, чтобы они приехали в Прагу.

(**Брежнев:** Мы думаем, что в этом случае контрреволюция выступит против Дубчека).

Необходимо избавиться от иллюзий: или мы пойдем дальше, или будем капитулировать. Если мы отвергаем капитуляцию, то это вопрос тактики, как действовать. Теперь уже без боя не обойтись. Если мы не отдадим приказ войскам, как они должны поступить с контрреволюцией, они не будут знать, что им делать. Армия должна получить приказ, как она должна вести себя с контрреволюцией.

То, что пишет Червоненко, — без руководства дальше нельзя, — это правда!

После отъезда Свободы в коммюнике необходимо сказать, что переговоры будут продолжаться, когда в стране будет спокойствие. А если нет — тогда армия получит соответствующие приказы.

Брежнев: Там можно написать, что спокойствие в стране будет способствовать дальнейшим переговорам.

Гомулка: Нет! Свобода должен рекомендовать, чтобы в стране было спокойствие.

Подгорный: Он уже это сделал, но все равно в стране продолжают беспорядки.

Гомулка: Вопросом остается — хотим ли мы капитулировать или нет. Если сейчас Дубчек и Черник вернутся, то реакция в стране будет давить, чтобы все шло дальше. Чехи должны обращение к народу с призывом к спокойствию отредактировать сами.

Подгорный: Они не согласятся, чтобы это было опубликовано там, в Москве!

Гомулка: Но они ведь в Москве. Ведь призыв к спокойствию может быть подписан всеми, включая Дубчека и Черника. Необходимо им сказать, что если они этого не сделают, то армия получит соответствующий приказ о поддержании порядка.

В Чехословакии, собственно, партии не существует, есть только отдельные коммунисты. Партия преобразовалась в социал-демократическую партию, которая идет бок о бок с контрреволюцией. В этом заключается сложность ситуации.

Реакция подключила все силы. Радиостанция «Свободная Европа» заявила, что ограничила передачи на Польшу, так как все занимаются Чехословакией.

Фактическое соотношение сил в Европе уже изменилось. Чехословакия уже, собственно, находится вне Варшавского Договора и Чехословацкая армия тоже. Мы располагаем только территорией Чехословакии, но нас не поддерживают ни большинство нации, ни партии, ни армия. Фактически там действует контрреволюция, которой руководит интеллигенция. Большая часть населения — пассивна. Коммунисты не выступают, опасаясь, что им оторвут голову. С этой точки зрения ситуация более плохая, чем была в Венгрии в 1956 году.

Реакция приобрела новый опыт, что контрреволюция может существовать и в присутствии советских войск. Что будет дальше? Они будут нападать на ГДР, Польшу и другие наши страны. По всей видимости, предводители контрреволюции придут именно к таким взглядам.

Когда неделю назад мы принимали решение о вводе войск, мы даже не предполагали, что ситуация в Че-

хословакии такая плохая. Как стало ясно, дела действительно очень плохи!

Необходимо где-нибудь организовать заседание ЦК КПЧ, того, который пока существует. Нам всем следовало бы на это заседание приехать и откровенно обсудить вопросы. Сказать им, что войска не выведем, потому что не желаем открыть левый фланг.

Могут здесь проходить совместные переговоры со всем составом Президиума ЦК КПЧ?

Нам необходимо обеспечить хорошее обращение к партии рабочих Чехословакии.

(Косыгин: Сегодня было опубликовано заявление наших правительств.)

Речь идет не об этом, оно должно быть написано совершенно иначе.

Чехословацкий народ не понимает, что случилось после Братиславы. Это мы не объяснили. Почему? Это мы должны сделать, чтобы все знали, о чем идет речь. Мы должны были также это объяснить нашей партии, сделали мы это в письме к партийным организациям. Это — принципиальный вопрос. О других обстоятельствах поговорим позже.

Ульбрихт: Нам необходимо учитывать, что чехословацкий народ не был информирован, о чем идет речь, какие были решения в Чиерне и что Дубчек и остальные их не реализовали. Мы это нашему народу открыто объяснили, но чехи об этом не знают. Дубчек им этого не сказал. Контрреволюция из этого извлекает выгоду.

Если Свобода вернется, то в коммюнике не должно говориться, что переговоры продолжаются. Это будет означать, что мы начинаем идти на уступки. Они начнут требовать возвращения Дубчека и остальных.

Прежде всего необходимо обратиться не только с призывом к спокойствию, но и с призывом к рабочему классу и революционным силам, чтобы они начали борьбу против контрреволюции. Если чехи этот призыв подпишут, то будет хорошо, если нет, тогда его подпишем мы.

Предложение о создании правительства «народного единства» высказано в духе Масарика. Национальный лозунг необходимо соединить с рабочим классом. Должно быть создано рабоче-крестьянское правительство. В противном случае ситуацию используют националисты. Необходимо, чтобы активизировались здоровые силы в Чехословакии.

Мы не можем позволить, чтобы были начаты акции за возвращение Дубчека, потому что он нас обманул.

Можно начать переговоры со всем Президиумом КПЧ. В заявлении сказать, что переговоры продолжаются, но не упоминать фамилии.

Гомулка: Обращение могут подписать Свобода, Черник и Дзур, без Дубчека, который не является членом правительства.

Живков: Мы согласны с оценкой Брежнева, что ситуация очень тяжелая. Будем реалистами! В настоящее время встреча с контрреволюцией уже является неизбежной. Независимо от того, примет ли участие в переговорах Дубчек.

Самое главное, что мы не отступим, потому что это означало бы для нас поражение. В Чехословакии зреет гражданская война. Если там появится какое-то правительство, то это упростит ситуацию. Это должно быть рабоче-крестьянское правительство, без Дубчека, потому что в противном случае это бы воодушевило контрреволюцию. Столкновения нельзя избежать, особенно в Праге и других городах. Там должны быть также здоровые силы, ведь входящие войска часто встречались хорошо.

(Брежнев: Теперь хуже!)

Но мы ничего не делаем. Мы должны перейти в наступление или будет еще хуже. Необходимо стремиться к разгрому контрреволюции. Мы должны ликвидировать реакционные банды в Праге, Братиславе и других городах.

Необходимо начать с создания правительства. Другого выхода нет. Если дело дойдет до гражданской войны, то придет в движение и Чехословацкая армия.

Брежнев: Там заседает Национальное собрание, которое готово в любую минуту обратиться к ООН.

Гомулка: Если речь идет о Дубчеке, то я лишен иллюзий, но необходимо его использовать. Он должен подписать что-то такое, что было бы неприемлемым для контрреволюции. Это его скомпрометирует, поссорит.

Кадар: Было бы важно, чтобы Свобода вернулся в Прагу и было принято коммюнике, что проходили переговоры и что теперь они продолжаются с оставшейся частью делегации. Фамилии лучше было бы не упоминать. В заключение обратиться с призывом к народу о спокойствии, чтобы это облегчило дальнейшие переговоры.

Брежнев: Мы с этим согласны, но Свобода домогается, чтобы там были названы Дубчек, Черник. Он утверждает, что это успокоит ситуацию в стране.

Гомулка: Наоборот! Мы можем написать, что Свобода встретился с Дубчеком и Черником и что они совместно обращаются к народу с призывом?

Брежнев: Они в Москве никакого обращения не пишут.

Гомулка: Тогда сделать то, что предлагает товарищ Кадар.

Брежнев: Но Свобода настаивает на включении Дубчека и Черника.

Косыгин: Они здесь в Москве ничего такого не пишут, потому что Дубчек понимает, что его бы это скомпрометировало. Он знает это так же хорошо, как и мы.

Подгорный: Естественно! Никто из нас что-либо подобное также не подписал бы, и вы, товарищ Гомулка. Все бы сказали, что он был в Москве принужден.

Те здоровые чехословацкие товарищи думают, что если Дубчек и Черник признают съезд как нелегальный и т. д., этого будет достаточно, чтобы «правые» на них потом нападали.

Брежнев: Можно согласиться с предложением Гомулки, чтобы через несколько дней начал свою работу пленум ЦК КПЧ и чтобы мы все на него поехали.

Косыгин: Я не верю, что данный пленум мы можем еще направить по правильному пути. Это может удасться.

Я не согласен полностью с точкой зрения Гомулки, что в Чехословакии партия уже не существует. Ведь, несмотря на тяжелую ситуацию, массы не вышли на улицы, нет забастовок, на фабриках в основном спокойно. Это означает, что там партийные организации работают.

Правдой, однако, является то, что нет никакого партийного руководства.

Ульбрихт: Необходимо обратиться к партии и мобилизовать ее.

Подгорный: Если пленум ЦК не признает съезд как действительный, мы ничего не достигнем. С этого необходимо начать.

Косыгин: Ситуация такова, что никто из здоровых сил — членов руководства не хочет войти в правительство. Свобода заявил, что если он теперь встанет во главе правительства, то его объявят изменником народа. Он лучше уйдет в отставку или даже застрелится.

Дзур говорит, что приказ, чтобы Чехословацкая на-

родная армия оставалась пассивной, он отдал по указанию Свободы и Президиума ЦК КПЧ, включая Дубчека. В тот момент, когда входили войска, проходило заседание Президиума ЦК. Обратились к Свободе, и было принято совместное решение о таком приказе.

Брежнев: Не может быть и речи о капитуляции. Необходимо, чтобы Свобода возвратился в Чехословакию, в Прагу, и чтобы было опубликовано заявление, лучше без фамилий Дубчека и Черника, но в сообщении о переговорах их включить...

Живков: Необходимо сказать, что Дубчек и Черник не выполнили своих обязательств.

Брежнев: Но это только возмутит Дубчека и Черника, и мы их окончательно потеряем.

Подгорный: Здоровые силы там спрятались в Посольстве СССР, укрылись, боятся выступить. Партия существует, но в такой обстановке работать не может.

Чешский народ все-таки информирован; мы ведь выпустили тысячи брошюр и листовок.

Гомулка: С обращением к народу должен был бы выступить Свобода и присутствующая здесь делегация.

Подгорный: Свобода настоятельно добивается того, чтобы в коммюнике были указаны фамилии Дубчека и Черника. Это могло бы быть и полезным, поскольку утверждается, что они арестованы и интернированы. Если будут указаны их фамилии, это успокоит одновременно и здоровые силы.

Ульбрихт: Это будет означать публичные признания того, что во главе делегации стоит Дубчек. Это явится поддержкой для националистов.

Подгорный: Я предлагаю решение проблемы; предложение товарища Ульбрихта ее не решает. Здесь только простого объяснения недостаточно.

Гражданская война может оказаться неизбежной, но ее можно избежать. Мы должны для этого искать пути.

Гомулка: Но ведь в действительности Дубчек и Черник в переговорах участия не принимали, так почему о них писать в коммюнике? Лучше не писать, что Свобода встречался с ними.

Брежнев: Но Свобода с этим не согласится. Мы не будем капитулировать и перед угрозой гражданской войны, но необходимо также искать другие пути.

Я только что получил шифrogramму, в которой гово-

рится, что после бесед Биляка и Гусака сегодня ночью с пятью членами Президиума Компартии Словакии произошел перелом в хорошем направлении. Президиум ЦК КПС единогласно принял решение не допустить проведения съезда партии, решено отложить его. Сразу же были проинформированы все комитеты, чтобы делегаты не выезжали с мест. Те, которые находятся в Братиславе, будут направляться на заводы с тем, чтобы призывать к спокойствию. Далее — в молодежь было направлено 300 хороших студентов, чтобы они там поработали (среди них и сын Гусака).

Сегодня ночью при помощи наших солдат пущена в действие радиостанция, которая будет находиться в распоряжении ЦК КПС. Микрофон установлен в здании ЦК.

Закрывают нелегальные радиостанции. Ни в коем случае газет с антисоветскими статьями. (Конец шифровки).

Так вот, товарищи, как видно шансы еще есть...
(Новое время. — 1991. — № 8)

* * *

Вторая встреча участников совещания состоялась 25 августа 1968 года с 17.00 до 18.30 в Доме приемов на Воробьевых горах в Москве.

Присутствовали товарищи, принимавшие участие в первой встрече, кроме Брежнева. От советской стороны были товарищи Косыгин, Подгорный и Катушев.

Косыгин: мы хотим информировать вас о том, как развивались события вплоть до настоящего момента. От КПСС мы подготовили проект протокола, который мог бы быть подписан чехословацкой делегацией. В нем содержатся проблемы, о которых мы говорили вчера. Официально мы не передавали его делегации, но Биляк этот текст знает. Я прочту его вам (запись осуществлена на слух по зачитанному тексту).

ПРОЕКТ ПРОТОКОЛА

1. 23—25 августа сего года в Москве состоялись переговоры между делегациями КПСС и КПЧ. В ходе переговоров были обсуждены вопросы, связанные с необходимостью защиты социалистических завоеваний чехословацкого народа.

Обе стороны исходили из общепризнанных норм в отношениях между братскими странами и партиями в соответствии с принципами, достигнутыми в Чиерне и в Братиславе. Была подтверждена необходимость защиты завоеваний, необходимость решительной борьбы против всех антисоциалистических сил, что является долгом всех коммунистических партий. Было выражено убеждение, что следует реализовать

принципы, которые были сформулированы в Братиславе, а также то, что было согласовано в Чиерне, и претворить в жизнь практические меры, которые были там намечены.

2. Делегация КПЧ заявляет, что так называемый XIV съезд КПЧ является недействительным; все принятые им решения являются недействительными. (Обоснование: съезд был созван в противоречии с требованиями устава, без участия делегатов от КП Словакии, делегатов от армии и так далее.) Съезд был политической провокацией. Делегация КПЧ заявила, что XIV съезд будет созван после нормализации обстановки в партии и стране.

3. Делегация КПЧ информировала, что в ближайшие 2—3 дня будет созван пленум ЦК КПЧ, в котором примут участие члены ЦК КП Словакии и Центральной ревизионной комиссии.

Пленум обсудит актуальные проблемы, касающиеся обстановки в Чехословакии, вопрос нормализации обстановки в стране, экономические дела и так далее.

Будут рассмотрены вопросы укрепления всех руководящих звеньев партии в стране, отзыва со своих постов тех партийных работников, которые не обеспечивают руководящую роль рабочего класса и партии, не защищают интересы социализма и тесную связь с братскими социалистическими странами.

4. Руководители КПЧ высказались за неотложное принятие ряда мер с целью укрепить рабоче-крестьянскую власть, упрочить социализм.

Подчеркнули необходимость:

- полностью овладеть средствами массовой информации;
- противодействовать антисоциалистическим и антисоветским акциям;
- ликвидировать деятельность самых различных групп и организаций, занимающих антисоциалистические позиции;
- не допустить возникновения социал-демократической партии.

С этой целью будут приняты меры, предусматривающие очищение партии и правительственного аппарата от скомпрометировавших себя лиц, деятельность которых не отвечает интересам партии и социализма. Руководители КПСС выразили солидарность с этой принципиальной позицией.

5. Между представителями КПСС и КПЧ было достигнуто взаимопонимание в вопросе пребывания войск пяти союзнических стран на чехословацкой территории. Войска не будут вмешиваться во внут-

ренные дела Чехословакии. Как только будут устранены возникшая угроза завоеваниям социализма в Чехословакии и угроза безопасности стран социалистического лагеря, так постепенно (по-русски: поэтапно) начнется вывод союзнических войск с территории Чехословакии.

6. Чехословацкие руководители информировали о том, что для чехословацких вооруженных сил будут изданы приказы, цель которых воспрепятствовать инцидентам и конфликтам с союзническими войсками. Армейскому командованию дано указание поддерживать контакты с командованием союзнических войск. Президиум ЦК КПЧ и чехословацкое правительство примут меры к тому, чтобы предотвратить выступления, которые могли бы вылиться в трения между населением и союзническими войсками.

7. Была достигнута договоренность о том, что скоро будут начаты переговоры, посвященные широкому кругу экономических проблем, целью которых будет углубление экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и ЧССР, принимая во внимание потребности развития Чехословакии.

8. Стороны достигли единой точки зрения, что в связи с развитием международной обстановки и деятельностью империализма возникает необходимость усилить и повысить эффективность действия Варшавского Договора и других двух- и многосторонних союзов.

9. Представители КПСС и КПЧ подтвердили свое решение и в дальнейшем координировать действия на международной арене СССР и Чехословакии, как и раньше, в европейских делах проводить политику, которая соответствует общим интересам всех социалистических государств, укрепляет мир в Европе, политику сопротивления против милитаристских, реваншистских и неонацистских сил, которые стремятся к ревизии итогов второй мировой войны, к изменению нынешних границ.

Обе стороны будут выполнять все обязательства, вытекающие из двух- или многосторонних соглашений. Они будут бороться против всех акций империализма.

10. В связи с обсуждением в ООН так называемой чехословацкой проблемы представители КПЧ заявили, что чехословацкая сторона с этим вопросом в ООН не обращалась и что она не может согласиться с необоснованным вмешательством в ее внутренние дела. Представители КПЧ сделают так, чтобы чехословацкое правительство дало указание своим представителям в ООН, чтобы они выступали с категорическим протестом против обсуждения вопроса в ООН.

11. Чехословацкие представители сообщили, что они осуждают деятельность Шика и Гаека (Шик — видный экономист, в то время заместитель председателя правительства ЧССР, Гаек — министр иностранных дел. — Ред.), которые узурпировали право вы-

ступать от имени чехословацкого правительств. Такая деятельность несовместима с их дальнейшим пребыванием в составе правительства.

12. Обе стороны обсудили вопросы, касающиеся обмена визитами партийно-правительственных делегаций, целью которых является дальнейшее углубление дружбы, обсуждение и принятие решений по актуальным проблемам.

13. Делегации договорились, что все подробности о взаимных встречах, начиная с 20 августа, рассматриваются как строго доверительные. Представители КПЧ информировали КПСС и советское правительство, что Павел (Павел — в 1968 году министр внутренних дел. — Ред.) будет освобожден от всех постов за его контрреволюционную деятельность.

14. Представители обеих сторон торжественно заявляют, что усилия КПСС и КПЧ и обоих правительств будут направлены на дальнейшее углубление традиционной и исторической дружбы в духе лозунга «вместе на вечные времена» и одновременно они будут стремиться к углублению дружбы в рамках социалистического содружества.

Мы хотим, чтобы чехословацкая делегация разработала на основе данного проекта протокола собственный вариант, в котором будут указаны все эти пункты и специфические чешские вопросы, как, например, об окончании деятельности КАНа, К-231 (в ори-

гинале допущена описка — 203) и других враждебных групп, о введении цензуры и так далее. Ныне делегация работает над собственным проектом с участием Биляка, который имеет наш текст.

Мы предложили три варианта решения вопроса:

I. Создать революционное правительство или правительство военного положения во главе с президентом Свободой, который, кроме этого, взял бы на себя полномочия председателя правительства. Свобода с этим не соглашается.

II. Первым секретарем ЦК будет Черник, а председателем правительства Гусак. Этот вопрос был обсужден со Свободой и Биляком, которые заявили, что в нынешней ситуации это невозможно осуществить. Если Дубчек проведет пленум, на котором съезд будет объявлен недействительным, то потом его авторитет упадет и будет возможно провести изменения. У Дубчека заболело сердце. Его обследовали чешские врачи, это — несерьезная болезнь (повышенное давление и так далее).

III. Третий вариант содержится в проекте протокола. В 20.00 часов чехословацкая сторона должна быть готова к переговорам с нами, должна внести свои предложения. Если в их предложениях будет в отличие от наших предложений что-либо отсутствовать, мы будем настаивать на том, чтобы туда были внесены эти пункты.

Подгорный: Биляк имеет наши предложения, однако перед делегацией заявит, что они его.

Косыгин: мы хотим, чтобы протокол был документом, который предложили не мы, а делегация.

Свобода знает нашу позицию и поддерживает ее. Он сам сказал, что, по его мнению, Дубчека нужно освободить, что это чересчур чувствительный человек, что он ему не доверяет и что с ним тяжело работать. Он сделает все, чтобы его убрать. Если он, однако, вернется в страну без Дубчека, Дубчек станет героем, и все будет по-другому, если он привезет его сам.

В работе делегации сейчас участвуют все члены Президиума, которые приехали из Праги, включая Ленарта и Барбирека. В Праге остались только Кольдер и Садовский. Если они примут наши предложения, то это будет основой для решения проблемы. Через 2—3 дня после пленума станет возможным обновление аппарата.

Подгорный: Мы хотим, чтобы в Президиум вошли Свобода и Гусак, которые здесь ведут себя лучше всех.

Свобода хочет завтра или еще сегодня ночью вернуться в Прагу. Он хочет приехать незаметно, чтобы в Праге не возникли ненужные демонстрации. Толь-

ко после его приезда будет издано коммюнике, и он выступит в Граде с заявлением. Также должен выступить с речью и Черник. Тексты своих выступлений они должны подготовить и показать нам.

Косыгин: Свобода просит привезти в Прагу всех присутствующих, включая Кригеля, который является единственным, кто не участвует в работе делегации. Он опасается, что если мы его здесь задержим, то Кригель станет героем. Вопрос еще не решен и пока не обсуждался на Политбюро.

Гомулка: Это не проблема, она не имеет большого значения.

Косыгин: Я предложил вам свои соображения, трудно сказать, насколько успешно их можно реализовать.

В последовавшей за этим дискуссии Гомулка заявил, что вопрос войск является самым важным. Несмотря на значение остальных пунктов, некоторые из них, очевидно, можно опустить, если будет четко сформулирован вопрос согласия чехословацкого руководства с пребыванием войск. В соответствии с этим он предлагает надлежащим образом дополнить пункт 5 протокола. По этому делу следовало бы договориться о заключении соответствующего правительственного соглашения. Можно также предложить, чтобы взамен этого некоторые чехословацкие дивизии были размещены на территории наших стран в рамках

укрепления взаимных дружеских связей между нашими странами.

Косыгин и Подгорный объяснили, что чехословацкая сторона с этим не согласится. В Москве они не могут подписать ничего, что означало бы согласие с постоянным пребыванием войск, особенно если мы примем во внимание тот факт, что в нашем заявлении мы говорили о временном пребывании войск.

Гомулка: Если вопрос войск будет решен, то можно было бы пойти на уступки, например, на вывод войск из городов.

В протоколе необходимо также закрепить вопрос гарантий — чехословацкой стороной — транспортировки через ее территорию и безопасности представителей левых сил, чтобы они не подвергались репрессиям.

Косыгин сообщил, что сегодня в Чехословакию направлен корпус железнодорожных войск для обеспечения транспорта.

Последовала дискуссия о предлагаемой секретности протокола. Гомулка и Ульбрихт выразили сомнения по этому поводу. Ульбрихт заявил, что чехословацкие представители уже не выполнили одно секретное соглашение, достигнутое в Чиерне. Поэтому им нельзя верить и сейчас. Все равно они будут ин-

формировать Запад о ходе переговоров односторонне, и потом мы должны будем опубликовать протокол.

Косыгин и Подгорный заявили, что, если чехи не выполнят положения протокола, мы опубликуем его сами. Протокол подпишет вся делегация, однако она не может согласиться с его обнародованием в Москве, потому что после опубликования данного протокола она не сможет возвратиться в Прагу. Они хотят все эти вопросы предложить от своего имени пленуму ЦК КПЧ.

Гомулка: Так смотреть на это нельзя. Это легальное правительство, которое имеет право принимать на себя обязательства и требовать от народа поддержки принятых решений.

Косыгин: Убеждайте не меня, а 16 миллионов чехословаков! Гомулка и Подгорный дали противоположную информацию о ходе встречи в чехословацком министерстве внутренних дел.
(Стр. 27 оригинала отсутствует).

* * *

Третья встреча состоялась 26—27 августа в 23.45—1.00 в Доме приемов.

Присутствовали участники ранее состоявшихся встреч, со стороны СССР присутствовали товарищи Брежнев, Подгорный и Косыгин.

Брежнев информировал, что обе стороны подписали протокол о переговорах советских представителей с чехословацкой делегацией. В заключительной фазе переговоров все представители чешского руководства приняли участие в подготовке, за исключением Капека, которого в это время не смогли найти в Чехословакии и доставить в Москву, и Кригеля, который находится в Москве, однако отказался участвовать в переговорах. Протокол подписали 21 член чехословацкой делегации во главе с президентом Свободой. Он в принципе с незначительными изменениями идентичен советскому проекту, который был обсужден на вчерашней встрече «пятерки». Было решено, что протокол является секретным документом. (Все делегации получили копию протокола.)

Делегация также согласилась с советским проектом коммюнике о переговорах; это коммюнике также подписали члены обеих делегаций. Было решено, что он будет опубликован 27 августа в 14.00 средневропейского времени.

Брежнев информировал о том, что чехословацкая делегация сегодня в полном составе возвращается в Прагу и начинает действовать в духе достигнутых договоренностей.

В заключение переговоров обе делегации сердечно попрощались. Президент Свобода заявил, что было сделано большое дело, и выразил уверенность, что советские товарищи им будут помогать. В ответ Брежнев заверил, что советская сторона честно выполнит обязательства, которые вытекают из протокола.

Подгорный сказал о необычайно позитивной позиции, которую занимал в ходе переговоров президент Свобода. Вдруг он в острой форме задал вопрос чехословацкой делегаций, желает ли она кровопролития.

В заключение была достигнута договоренность, что по переговорам «пятерки» будет подготовлено коммюнике. При участии Косыгина был отредактирован текст сообщения для печати. Было решено, что оно будет обнародовано сразу же после опубликования коммюнике о советско-чехословацких переговорах.

Встреча завершилась совместным ужином.
Протокол подготовил Ст. Трепчиньски.

В составе польской делегации во встрече принимал участие переводчик Б. Рыхловски.

Составлено в 5 экземплярах.
(Новое время. — 1991. — № 9)

ФАВОРИТ ЕЖОВА

Накануне, 14 ноября 1938 года, в наркомате все шло вроде бы как обычно: в своем рабочем кабинете нарком принимал людей, вел допрос арестованных, просматривал материалы к очередному заседанию «тройки», читал шифровки и прочую корреспонденцию.

В шесть часов попросил вызвать машину, чтобы поехать домой пообедать и заодно переодеться в штатское. «Вечером предстоит работа в городе», — бросил он на ходу секретарю. Около девяти часов вечера в штатском костюме, с небольшим чемоданчиком в руках Успенский вернулся в здание наркомата, прошел в свой кабинет и корпел там над бумагами до пяти утра. Наконец вышел на улицу, но от машины отказался, сказав секретарю, что решил прогуляться пешком.

На следующий день в обычное для него время нарком на службу не явился, не было его на месте и три часа спустя. Секретари осмелились позвонить ему домой, там ответили, что вечером перед уходом на работу он предупредил, что будет занят до утра, но до сих пор не возвращался.

Куда исчез нарком?

Прождав еще два часа, секретарь и помощник наркома решились открыть кабинет запасным ключом...

На рабочем столе нашли записку: «Ухожу из жизни. Труп ищите на берегу реки». О ЧП тут же доложили Ежову, начали прочесывать берега Днепра и обнаружили в кустах одежду наркома. Утопился! Пошли с баграми по реке, мобилизовали водолазов. Однако...

Комиссар государственной безопасности третьего ранга нарком внутренних дел Украины Александр Успенский был слишком крупной птицей, чтобы сразу, без тщательного дознания, поверить в версию самоубийства.

За короткое время в свои 35 лет Успенский сумел сделать блестящую карьеру в органах ОГПУ—НКВД: был начальником экономического отдела полномочного представительства ОГПУ по Московской области, помощником коменданта Кремля, заместителем начальника управления НКВД по Новосибирской области, начальником Оренбургского управления НКВД.

Фаворит наркома внутренних дел СССР Николая Ежова, он не раз доказывал ему свою преданность, выполняя деликатные поручения большой важности.

В те времена расстреливали пачками, в марте 1937 года перед назначением в Оренбург Ежов приказал Успенскому: «Не считаясь с жертвами, нанести полный оперативный удар по местным кадрам. Да, могут быть и случайности. Но лес рубят — щепки ле-

тят. Имей в виду, в практической работе органов НКВД это неизбежно. Главное, что требуется от тебя, — это показать эффективность своей работы, хорошие результаты, блеснуть внушительной цифрой арестов».

Успенский ревностно принялся выполнять указания своего покровителя: он сфальсифицировал в Оренбурге ряд «громких» дел, в том числе о мифической белогвардейской организации, имевшей якобы войсковую структуру. По этому «делу» было арестовано несколько тысяч человек.

Усердие не осталось без внимания. На всесоюзном совещании руководителей органов НКВД в июне 1937 года Ежов ставит его в пример другим, а спустя пять месяцев направляет ему шифровку следующего содержания: «Если вы думаете сидеть в Оренбурге лет пять, то ошибаетесь. В скором времени, видимо, придется выдвинуть вас на более ответственный пост».

Уже в январе 1938 года Ежов рекомендует Успенского на должность наркома внутренних дел Украины, дав ему в замы другого выдвиженца — Михаила Литвина, имевшего опыт работы на Украине. С ним Ежов работал в Казахстане, а позже выдвинул на должность начальника ключевого секретно-политического отдела.

Дабы поддержать нового наркома, как бы в помощь

им, в Киев направляется группа во главе с самим Ежовым для «нанесения удара» по кадрам партийных, советских и хозяйственных органов республики.

Успенский получает санкцию на арест 36 тысяч человек с указанием решить их судьбу во внесудебном порядке — постановлением «тройки» при НКВД Украины (в нее входили нарком внутренних дел, прокурор республики и первый секретарь ЦК ВКП(б) Украины — в то время Н. С. Хрущев).

В августе 1938 года, в дни работы второй сессии Верховного Совета СССР, Ежов пригласил Успенского и Литвина к себе на дачу в Серебряный бор. Во время застолья Ежов выглядел подавленным: с назначением Лаврентия Берия он предчувствовал финал своей карьеры, так успешно начатой чисткой чекистского корпуса (по личному указанию Сталина).

Тогда были арестованы и расстреляны поголовно все, кто имел отношение к проведению московских процессов и знал тайны и механику совершенных фальсификаций.

Сейчас запахло паленым, приспешники Ежова понимали, что зашли слишком далеко, что их беспощадно выметет новая метла. Кое-кто кончал жизнь самоубийством.

За рюмкой водки Ежов мрачно бросил своим ближайшим соратникам: «Мы свое дело сделали и теперь больше не нужны. И слишком много знаем. От нас будут избавляться как от ненужных свидетелей» — и предупредил, чтобы в темпе сворачивали работу по находящимся в производстве политическим следственным делам, да так, чтобы в них нельзя было толком разобраться.

«Если нам не удастся выпутаться, — меланхолично заметил Литвин, — то придется... уходить из жизни. Как только почувствую, что дела плохи, немедленно застрелюсь». (Он так и поступил весной 1939 года.)

Эти детали выплыли потом, а в ноябре 38-го киевские чекисты несколько дней энергично искали труп своего наркома.

И безуспешно. Тогда в подозрительных чекистских головах родилась версия: нарком жив, все это хитроумная инсценировка.

Дело взял под личный контроль Сталин. Во всех местных управлениях НКВД спешно создали специальные розыскные группы, а в самом наркомате — центральный штаб для объединения сил в масштабе страны.

Фотографией Успенского и описанием его примет снабдили все органы милиции, включая транспорт-

ную, а также службы наружного наблюдения в Центре и на местах.

Основная тяжесть розыскной работы легла на плечи Московского управления НКВД, где я тогда начинал свою службу: в Подмосковье жили родственники Успенского, у которых он мог искать приюта, за ними требовался глаз да глаз. Один из двоюродных братьев Успенского, работавший на железной дороге в Ногинске, обнаружив слежку и, очевидно ожидая ареста, неожиданно повесился, это насторожило других.

Атмосфера вокруг дела с каждым днем накалялась: непрерывные грозные телефонные звонки сверху, постоянное личное вмешательство нового наркома Берию.

В штаб непрерывно поступали сигналы, что там-то и там-то видели Успенского. Порой дело доходило до курьезов: на Каланчевской площади был задержан и доставлен на Лубянку для опознания один из руководителей штаба — Илья Илюшин, внешне похожий на Успенского.

А что в это время делает Успенский?

Расчет временно отвлечь внимание чекистов на поиски утопленника оправдался. В ночь побега он отправляется на вокзал, где его ожидает жена с необходимыми вещами и билетом на поезд до Воронежа. Выходит в Курске (еще один трюк), снимает побли-

зости от станции комнату в квартире паровозного машиниста, где отсиживается четверо суток.

Затем, купив теплые вещи, мчится в Архангельск, пытается устроиться на работу, обращается в «Северолес» и еще две организации, но кадровиков пораживает его интеллигентный вид (по фиктивным документам он «рабочий»), ему дают от ворот поворот.

В панике он немедленно покидает Архангельск и держит путь в Калугу (в 60 километрах от нее, в Суходоле Алексинского района, проживали его престарелые родители). Там, представившись командиром запаса, готовящимся к поступлению в Военную академию, снимет комнату у ночного сторожа какого-то кооператива.

Но покоя нет.

Через пять дней — в Москву, еще теплится надежда разыскать верных друзей, остановиться у них. Он мечется, в каждом прохожем чудится чекист. Наконец через справочное бюро получает адреса своего старого сослуживца Дмитрия Виноградова и своей бывшей любовницы — врача Марисы Матсон, в прошлом жены его хорошего знакомого, полномочного представителя ОГПУ по Уралу, арестованного в 1937 году. Приняв меры предосторожности, направляется на квартиру Матсон и — о, счастье! — застаёт ее дома (она жила в Москве на полулегальном положении, так как самовольно оставила работу в Кировской области). Рассказывает, что оставил

«постылую семью и опасную работу» и решил скрыться, воспользовавшись фиктивными документами, клянется в своей верности.

Удивительно, но женщина верит ему! Сама перепуганная насмерть, сама под страхом ареста, она предлагает жить вместе, обещает материальную поддержку, вызывается помочь найти работу на периферии, пока же Успенский должен отсиживаться в Калуге.

Он не знал, ищут его или поверили в самоубийство? Что с семьей? Поэтому мчится в Тулу, к свояченице, может, она знает о жене. Хотя... скорее всего, жену либо уже арестовали, либо оставили на свободе в качестве приманки.

Свояченицу не находит, а тут к хозяину его калужской квартиры является неизвестный, отрекомендовавшийся работником райисполкома. Значит, ищут, возможно, засекли его письмо к свояченице — срочно в Москву!

К этому времени Матсон получает в наркомздарве назначение на работу в Муром. Там она работает заведующей родильным отделением городской больницы, выдавая Успенского за мужа-литератора, работающего на дому.

Но квартиры надо менять, соседи наблюдательны,

к тому же они (конспирация) живут без прописки.

Новая квартира, но и там нет покоя.

Ищут ли его или поверили?

Решил проверить, не разыскивают ли его по фиктивному адресу, выписанному на чужую фамилию, отважился явиться в милицию, наклеив на фиктивный паспорт свою фотографию.

В милиции на него никто не обратил внимания — значит, фамилия владельца фиктивного паспорта остается неизвестной. Значит, не ищут?

Или все-таки...

Вдруг в дом, где обосновались Успенский и Матсон, приходит участковый инспектор для проверки документов. Провал! Он несколько дней бродит по городу, не ночует дома и успокаивается, лишь узнав от Матсон, что интереса к нему никто не проявлял.

Но не так-то просто жить нелегально, да еще с обманутой женщиной, кожей чувствовавшей все. Нет денег, скандалы с Матсон, она упрекает в иждивенчестве.

Матсон уже работает в Муромской школе медицинских сестер, имеет доступ к бланкам и штампам этого учреждения, и Успенский просит отпечатать на

пишущей машинке справку, удостоверявшую его работу в качестве помощника директора школы по хозяйственной части. Выкрав чистый бланк, она фабрикует свидетельство о пребывании Успенского с 18 января по 19 марта 1939 года на лечении в муромской больнице. Соответствующие подписи, штамп и печать, теперь есть шанс оформить на новом местожительстве трудовую книжку.

И тут дура!

14 марта Матсон уезжает в Москву и вскоре пишет, что не намерена возвращаться в Муром и жить с Успенским. Успенский умоляет ее в письмах изменить решение, сам едет в Москву, но Матсон нервна, она тоже в панике, уговаривать ее далее бесполезно. Успенский едет к своему бывшему сослуживцу Виноградову, рассказывает, что несколько месяцев якобы провел в Бутырской тюрьме и был освобожден в связи с прекращением дела.

Тут полезная информация: Виноградов 110 дней отсидел на Лубянке, его допрашивали, и был вопрос о его связи с Успенским. Случайно Виноградов узнал, что жена Успенского арестована и находится в стенах НКВД СССР.

Конец!

Он бежит с квартиры Виноградова, ищет «хвост» и мчится в Муром. Чтобы несколько изменить внешний вид, покупает у вокзала грубошерстный пиджак и переобувается в сапоги — легкая маскировка.

Итак, ищут, идут по следу, проверяют связи!
В Казань! Там никто из местных чекистов не знает его в лицо.

Увы, в Казани без командировочного удостоверения не дают места в гостинице и даже ДOME колхозника.

Тогда — в Арзамас. Сдав, как обычно, вещи в камеру хранения на вокзале, Успенский пускается на поиски жилья, снимает комнату.

Но ищут, ищут, вот-вот возьмут за горло!
Свердловск. Но и здесь не нашел работы и сразу же в Челябинск в надежде обосноваться на Миасских золотых приисках.

Шел пятый месяц розыска Успенского. Все попытки обнаружить его местонахождение успеха не имели, вмешательство Сталина в ход розыска становилось все более жестким и категоричным. Но вдруг...

Арестованная жена Успенского вспомнила, что как-то видела паспорт, который хранил Успенский дома, — он был на фамилию Шмашковского Ивана Лаврентьевича. По всему СССР пошло предупреждение, что Успенский, объявленный в розыск как особо опасный преступник, может пользоваться документами на имя Шмашковского.

А дальше события разворачивались так.

14 апреля Успенский прибыл на станцию Миасс Южно-Уральской железной дороги. Начал хлопоты по поводу трудоустройства, но не было военного билета, и он решил оставить Миасс.

А в это время группа розыска Управления НКВД по Свердловской области, получив дополнительную ориентировку об Успенском, производила на станции Миасс проверку квитанций на вещи, сданные в камеру хранения ручного багажа. В одной из них значилась фамилия Шмашковского И. Л. Проверили содержимое сданного на хранение чемодана: в нем, кроме личных вещей, оказался револьвер с запасом патронов. В камере хранения был выставлен скрытый пост наблюдения для захвата получателя чемодана.

16 апреля Успенский в ожидании прибытия поезда находился в ресторане при вокзале. Прикрываясь газетой, делал вид, что читает, между тем пристально всматривался в лица входящих в ресторан. В какой-то момент в появившемся в дверях человеке сразу опознал чекиста.

Успев выскочить из ресторана на перрон, Успенский бросился бежать по станционным путям, оперработник — за ним! Гнал вперед, обливаясь потом, но от погони не оторвался. Пришлось остановиться и поднять руки.

На допросе Успенский показал, что мысль избежать ареста за содеянное возникла у него под воздействием беседы на даче Ежова. В Киеве выяснял возможность перехода советско-польской границы вместе с женой и сыном. Увы, это оказалось иллюзией.

Тогда, сославшись на указание Центра, дал задание оперативно-техническому отделу изготовить пять комплектов фиктивных документов для легализации на территории СССР. Один из комплектов оставил у себя, а остальные уничтожил.

И когда днем 14 ноября 1938 года раздался звонок Ежова, то его слова: «Тебя вызывают в Москву — плохи твои дела» он воспринял как сигнал, предупреждение о грозившем аресте. Стреляться или бежать? Ежов в беседе намекнул: «А в общем, ты сам смотри, как тебе ехать и куда именно ехать»
Дальше уж рутинно: расстреляли — и точка.

Возмездие настигло ежовского палача. Ну и что? Кровь и чужих, и своих продолжала литься рекой... (С. Федосеев. // Совершенно секретно. — 1996. — № 9.)

ДОКТОР СМЕРТЬ

Этот обшарпанный, похожий на наш «уазик» фургон выполняет две функции — душегубки и труповозки. Владелец фургона доктор Джек Кеворкян принимает в нем очередного пациента, пожелавшего ускорить свой уход из жизни. Когда акция завершается, доктор везет тело в больницу и сдает там «под расписку», вручая служителям документы на труп — фамилия, имя, местожительство, а также видеопленка с последним словом самоубийцы, сценой его ухода из жизни, — и уезжает. Никто его не останавливает, ни от кого он не бежит. Дальше — дело судебных медиков и детективов выяснять обстоятельства смерти. Трижды Джеку Кеворкяну предъявляли обвинение в убийстве и трижды оправдывали.

Ни один нобелевский лауреат в области медицины не может сравниться с доктором Кеворкяном. Начав свою неординарную деятельность шесть лет назад, он к середине сентября нынешнего года «обслужил» сорок клиентов. Это официально. Но на днях его адвокат признал: «Их было гораздо больше. Сколько? Свыше одного и менее ста». Джека Кеворкяна именуют «Доктор Смерть». Он никогда не ищет клиентов, они едут к нему сами, преодолевая иной раз тысячи миль.

Первой его «пациенткой» стала 54-летняя Джанет Адкинс. Несколько лет она страдала болезнью Альц-

хаймера. О Джеке Кеворкяне узнала, прочитав одну из книг, где он писал о своем праве и долге помогать людям, попавшим в ситуацию Джанет Адкинс. Когда они встретились, Кеворкян не попросил у Джанет историю болезни, не осматривал ее и не проводил анализы. После часа беседы назначил время и место их второй — и последней — встречи. А когда через день она сидела в его фургоне, объяснил, что прикрепленные к стенке три баллона содержат вещества, сначала отключающие сознание, а потом останавливающие сердце. Часовой механизм регулировал поступление химикатов. Чтобы вся система пришла в действие, Джанет Адкинс предстояло самой нажать клапан. Она нажала. Система сработала. Так «Доктор Смерть» дебютировал.

Потом по телевидению я видел, как он демонстрировал свои баллоны: «Клапан открывается... Ни малейшего дискомфорта... Вы засыпаете... Очень легкая смерть...» Изобретатель гордости своей не скрывал, его темные глаза блестели.

О 68-летнем Джеке Кеворкяне в Америке говорят по-разному, но никто не сомневается, что он истинный подвижник, что он «очарован» смертью. Джек и сам этого не скрывает. «Вы должны знать, что такое смерть, чтобы понимать, что такое жизнь».

Родился Кеворкян в Понтиаке, штат Мичиган, в семье бедного армянского иммигранта и был сначала не Джеком, а Мурадом. Поступил в медицинский колледж и, окончив его, сразу же стал патологоана-

томом. Никогда никого в своей жизни он не лечил, и дело имел только с трупами. В студенческие годы Кеворкян был известен тем, что изучал зрачки только что умерших больных, чтобы, как он сам тогда объяснял, «найти метод определения момента наступления смерти». Какова задача! Найти, ощутить ту неведомую грань между жизнью и смертью. Остановись, мгновенье! Наставники юного, но уже одержимого Джека такого порыва не оценили.

Потом он участвовал в корейской войне. Участвовал как медик. Опять трупы. Другому, наверное, хватило бы этого на всю жизнь, чтобы стать равнодушным к мертвому телу. Но не Кеворкяну. Вернувшись с войны, он в одной из детройтских больниц принялся за эксперименты все с той же материей: переливал взятую у трупов кровь добровольным своим помощникам. Один из них заболел гепатитом. Кеворкяна уволили. Уехал в Калифорнию, а в 1984 году вернулся в Детройт. На медицинские должности его никто не брал. С тех пор живет случайными заработками и на социальное пособие.

Но деньги, судя по всему, значения для него не имеют. За свою помощь самоубийцам он денег не берет. Собственного жилья у Кеворкяна нет — он постоялец в доме своего адвоката Джеффри Файджера. Написал несколько книг, в одной из которых доказывает целесообразность проведения в научных целях хирургических операций на живых, но осужденных на смерть преступниках, в другой — благотворность помощи самоубийцам. Среди его читателей оказались и будущие пациенты. Добавлю, что недавно в

Мичиганском университете оркестр исполнял его сочинение, да он и сам играет на флейте. Пишет маслом большие полотна. Тема их одна — смерть. Я видел фотографии этих картин. На одной изображен обезглавленный труп с ножом и вилкой в руках — готовится закусить собственной головой, на другой Санта-Клаус душит Иисуса Христа, на третьей — голодное дитя обгладывает труп...

С тех пор как Джек Кеворкян стал известной фигурой, пресса фиксирует его высказывания, ищет ответа на вопрос, что принесет этот феномен Америке... Когда мичиганские законодатели отвергли поправку к конституции штата, разрешавшую помощь врача при акте самоубийства, Джек Кеворкян в одной из детройтских церквей так выразился по сему поводу: «Человеческое упрямство, человеческое бесчувствие, человеческая иррациональность, человеческое безумие, человеческое варварство всегда несут с собой слезы и разрушения». Приведя эту тираду, «Нью-Йорк таймс» заметила: «Доктор Кеворкян питает убийственное презрение к несовершенствам человечества».

Вправе ли больной, страдающий человек уйти из жизни, прибегнув при этом к чьей-либо помощи? Законна ли такая помощь? Сегодня в Америке отвечают на эти вопросы чаще всего с позиций диаметрально противоположных. И именно Джек Кеворкян обострил отношение к этой проблеме. Недавно Курт Саймон, миллионер, основатель фонда «Соверин», поощряющий «индивидуальные свободы», присудил Кеворкяну приз — 20 тысяч долларов. «Кеворкян, —

сказал он, — доказал свою смелость. Он знал, что его будут оплевывать, что его пригвоздят к позорному столбу, обвинят в убийствах. Но ему было все равно. Он — герой».

Но почему Джека Кеворкяна, который вроде бы делает доброе дело, спасая людей от мучений, кто-то оплевывает и пригвозждает? Потому что даже в глазах его единомышленников, признающих за тяжелобольным «право на смерть», Джек Кеворкян предстает опасным, непредсказуемым фанатиком, для которого главное — отправить побыстрее на тот свет своего пациента. С первой из них — Джанет Адкинс, напомним, он провел всего час. Но ничего не изменилось бы, если бы Джек общался с ней день или два — из-за отсутствия квалификации он попросту не может судить о физическом и психическом состоянии обратившегося к нему за помощью человека. Вердикт, однако, выносит. Кому? Безнадёжно больному или переживающему психологический кризис? Кеворкяну это неизвестно.

В начале нынешнего года Ребекка Беджер из южной Калифорнии обратилась к Кеворкяну по «Интернету». Ребекка страдала рассеянным склерозом и после того, как стала принимать сильнодействующие препараты, впала в глубокую депрессию. Иного средства прекратить эти мучения, кроме как смерть, Ребекка не видела. Выслушав ее, Кеворкян согласился содействовать. Но предварительно порекомендовал ей ознакомиться с его книгой «Блаженство запланированной смерти». Ребекка, а вместе с ней и ее двадцатидвухлетняя дочь Кристи книгу

прочли. После чего дочь согласилась с решением матери, дала ей, как сейчас говорит, «разрешение умереть».

В июле Ребекка и Джек встретились. К тому времени известная всей Америке «машина смерти» — три баллона и часовой механизм — была запрещена, и Ребекке предстояло воспользоваться введенными в ее вены шприцами. Хотя при таких обстоятельствах смерть обычно наступает через 20—40 секунд, Ребекка агонизировала несколько минут. Успокаивая ее дочь, помощник Кеворкяна Нил Никол — торговец медикаментами, лицензии на обслуживание пациентов не имеет — шутил: «Не беспокойтесь. Мы еще никого не спасли». В реестре пациентов Джека Кеворкяна Ребекка Беджер значится под номером 33.

Смерть ее обернулась скандалом. Любица Драгович, главный медицинский инспектор графства Окленд, штат Мичиган, где разворачивались события, заявил: при вскрытии тела Ребекки никаких признаков рассеянного склероза не обнаружено. «Несмотря на симптомы недомогания, — сказал инспектор, — она не была больна. Ее легкие, печень, почки были в прекрасном состоянии. Никаких признаков заболевания не обнаруживают также центральная нервная система, мозг и позвоночник».

Обратились за консультацией к доктору Джоанне Мейер-Митчелл, еще в 1988 году поставившей Ребекке диагноз «рассеянный склероз». Она признала, что это одна из тех болезней, при диагностике кото-

рых ошибки, к сожалению, нередки. «Оглядываясь назад и учитывая результаты вскрытия, — сказала она, — приходишь к выводу, что эта женщина ушла из жизни из-за психического расстройства».

Через месяц после Ребекки к Кеворкяну обратилась Джудит Каррен. Сильнейшее ожирение и депрессия. В реестре «Доктора Смерть» она значится под номером 35. Все тот же главный медицинский инспектор Любица Драгович, проведя посмертное обследование, сказал: «Серьезных признаков какого-либо заболевания обнаружить не удалось. Медицинских оснований для содействия в самоубийстве не было».

Пациенты между тем продолжали добиваться внимания Джека Кеворкяна. Через несколько дней после смерти Джудит Каррен полиция, ворвавшись в номер гостиницы, где Джек уже приготовился помогать Исабель Корреа, сорвала их встречу. Но Исабель прожила всего на один день дольше — Кеворкян обслужил ее в своем фургоне, внося в реестр под номером 40. А полиции и двум прокурорам, желавшим помешать самоубийству, адвокат Джека вчинил иск на 25 миллионов долларов «за нарушение гражданских прав» Кеворкяна и Исабель Корреа.

Любица Драгович помощь Джека Кеворкяна в трех этих самоубийствах назвал убийствами. Того же определения считает он, заслуживает большинство акций этого доктора. Через руки Драговича прошли тела 29 самоубийц, получивших помощь Джека Кевор-

кьяна. О 24 из них, заметил главный медицинский инспектор, можно с уверенностью сказать: они не были безнадежно больными и вовсе не стояли на пороге смерти, пока их пути не пересекались с Джеком Кеворкяном. Но почему тогда «Доктор Смерть» не сидит в тюрьме? Потому что нет пока ни у общества, ни у судебных властей признанных стандартов для оценки ситуации, когда врач содействует больному уйти из жизни. Американская медицинская ассоциация, объединяющая большинство медиков США, категорически против какой-либо врачебной помощи в приближении смерти. Во всех ее комментариях на перипетии вокруг Джека Кеворкяна звучит одно: врач должен лечить, а не убивать.

Не согласны с этой позицией не столько врачи, сколько представители закона и некоторых общественных организаций. Их главный аргумент: люди вправе распоряжаться и своей жизнью, и своей смертью, вправе делать выбор — умирать самому или обратиться за помощью к врачу в надежде на то, что тот облегчит их страдания. Чаще всего в таких случаях вспоминают 14-ю поправку к Конституции США, гарантирующую неприкосновенность личной жизни граждан.

Вот почему Джек Кеворкян, находясь в перманентном конфликте с правосудием, всякий раз выходит победителем, Сразу же после того, как в его «душегубке» умерла Джанет Адкинс — первая пациентка или первая жертва? — Кеворкяну предъявили обвинение в убийстве. А через 10 дней окружной судья Джералд Макнэлли снял обвинение, не найдя «сви-

детельств того, что Кеворкян планировал или стал причиной смерти Адкинс».

Сомнения в том, что Джек Кеворкян имеет дело только с неизлечимо больными, появились уже тогда, когда он помог уйти из жизни третьей своей пациентке — Марджори Уонц, страдавшей от болей в области таза. Вскрытие показало: Марджори была физически здорова, но, находясь в депрессии, принимала сильное снотворное, которое «могло вызвать суицидальные стремления».

Медицинский совет штата Мичиган приостановил действие докторской лицензии Кеворкяна, а большое жюри графства Рклэнд предъявило ему обвинение в убийстве. Джек апеллировал и, оставшись на свободе, продолжал свою практику. Забегая вперед, скажу, что через два года он выиграл этот процесс и был оправдан. Но до того, как это произошло, законодатели штата приняли закон, запрещающий оказывать содействие самоубийцам. Поддержал этот закон собственным указом и губернатор штата Джон Энглер. Джек Кеворкян эти законы проигнорировал и попал в тюрьму. Там он объявил голодовку протеста, а через две недели был выпущен. Принимая решение о его освобождении и снятии всех обвинений, окружной судья Ричард Кауфман признал закон о запрете помощи при самоубийствах неконституционным: «Конституция, — сказал судья, — защищает право на самоубийство, а уж совершать ли его в одиночестве, или при чем-то соучастии, не столь важно».

И, наконец, главное событие последних месяцев, которому аплодировали Джек Кеворкян и его единомышленники. В Сан-Франциско федеральный апелляционный суд девятого округа отменил закон штата Вашингтон, по которому помощь медиков в самоубийстве считалась преступлением, и подтвердил право человека «самому решать, когда и как умирать». Решение это распространяется на девять западных штатов, но может повлиять на судебные приговоры по всей стране. Член апелляционного суда Стивен Рейнхард так истолковал принятое решение: «14-я поправка к нашей Конституции гарантирует личную свободу, которой вправе воспользоваться ответственный взрослый смертельно больной человек, почти проживший жизнь. Он больше заинтересован в том, чтобы выбрать достойную и гуманную смерть, чем в конце своего пути впасть в детство, стать беспомощным».

Решение апелляционного суда в Сан-Франциско было принято большинством голосов: восемь судей проголосовали за отмену закона о самоубийствах, трое — против. Один из этих троих — Роберт Бездер — считает, что решение суда даст толчок опаснейшей тенденции: если сегодня конституционное право прибегать к помощи врача при самоубийствах получают люди, отвечающие за свои поступки, то завтра тем же правом наделят людей слабых, тех, кому трудно самому предпринять разумный, отвечающий их интересам шаг.

К чему это может привести? Кеворкянов станет больше. Отвечая на просьбы больных и делая это

на законных основаниях, они будут — кто шумно, кто втихомолку — вести «зачистку» населения. Да, их клиенты абсолютно искренни в желании уйти из жизни, да, эти люди измучены физическими страданиями. Но они могут не знать и, как показали события, связанные с тем же Джеком Кеворкяном, действительно не знают о подлинном состоянии своего здоровья, как и «Доктор Смерть». При этом он ни разу не отправил кого-либо из своих пациентов к специалисту, который бы лучше него разобрался в причинах страданий потенциального самоубийцы.

Хотел того Джек Кеворкян или нет, но он превратился в «фактор Кеворкяна» — каждый разуверившийся в помощи своего врача, впавший в черную депрессию теперь знает, что в Детройте есть безотказный медик, а у него фургон, а в фургоне клапаны и шприцы.

А если из депрессии все-таки можно вывести? А если болезнь излечима? А если ее вообще нет? Джек Кеворкян этими вопросами не задается. Их обсуждают потом судебные медики, когда обратного пути в жизнь уже нет.

В дискуссиях вокруг Джека Кеворкяна все чаще звучит мысль, что «право человека на смерть» трактуется опасно широко. В 1990 году Верховный Суд США принял решение, в соответствии с которым безнадежно больной человек вправе требовать отключения аппаратов, поддерживающих его жизнь,

или не принимать лекарств. «Но есть разница между тем, чтобы дать человеку умереть, и тем, чтобы убить его смертоносным газом», — пишет Уэйл Кэ-мисар, профессор права Мичиганского университета. Если помощь при самоубийствах будет узаконена, уверена она, то такие акты будут спокойно обсуждаться как альтернатива лечению.

Нью-Йоркский исследовательский центр «Жизнь и закон» предупреждает — легализация деятельности, подобной той, которой занимается Джек Кеворкян, «крайне опасна для тех, кто болен и уязвим, причем риск особенно возрастает для старых, бедных или не имеющих доступа к хорошей медицинской помощи». Если бы все они получали квалифицированную помощь, если бы их избавили от болей, то самоубийство как решение всех проблем утратило бы для них актуальность. Но сейчас большинство американских медиков, говорят эксперты, не умеют контролировать боль, снимать ее, и лишь 10 процентов безнадежно больных получают достойный уход. И потому «право на смерть» будет использовано для того, чтобы оправдать избавление от тех, кто не хочет умирать, но кого родственники или врачи подводят к мысли: лучший исход — это быстрая смерть. Бурке Балч, директор департамента медицинской этики организации «Право нации на жизнь», уверен: «Так называемое право на смерть скоро превратится в обязанность умереть».

Начнет ли это пророчество сбываться, во многом зависит от того, какую позицию займет Верховный Суд США. Нынешней осенью он может рассмотреть, а

может отказаться от рассмотрения двух дел о правомерности помощи медиков в актах самоубийства. Оба дела связаны с именем Джека Кеворкяна. В случае, если Верховный Суд проигнорирует эти дела, по закону в 12 штатах, включая Нью-Йорк, такая помощь будет легализована. Считают, однако, что высший судебный орган США вряд ли апробирует идеи Джека Кеворкяна.

Ну а сам «Доктор Смерть» говорит: «Мне все равно, что скажет любой суд. Мне все равно, какие будут приняты законы. Я буду делать то, что делал...»
(Э. Чепоров. // Совершенно секретно. — 1996. — № 10)

ПОП «СУПЕР-ИУДА»

А был ли ГАПОН агентом охраны?

Чтобы ответить на вопрос, был ли священник Георгий Гапон провокатором, Эдуард Хлыстов много лет работал в закрытых архивах, изучил тайны вербовки сексотов царской охраны, их доносы, оплату труда, технику конспирации, проанализировал многотомную переписку выдающихся сыщиков — А. Герасимова, П. Курлова, С. Зубатова, А. Спиридовича, А. Лопухина, труды перешедших на сторону революции ответственных чинов полиции М. Бакая, А. Менщикова, деятельность тайных агентов — Азефа, Житомирского, Батушанского, Малиновского, Цейтлина, Гернгрос, Мааса, Загорской, десятки уголовных дел, из которых «выводились» полицией

осведомители, и многие другие подлинные документы тех лет.

* * *

Утром 30 апреля 1906 года владелица дач в поселке Озерки (пригород Санкт-Петербурга) Звержинская прибежала к местному уряднику с необычным заявлением. Больше месяца назад к ней обратился некий господин Путилин с просьбой снять на все лето дачу. 24 марта этот господин, заплатив 40 рублей аванса, получил от нее ключи. Со слов дворника Николая, он был здесь дважды, но вот уже более четырех недель не появляется. Подозрение вызвало то, что никаких вещей он на даче не оставил, а из-за закрытой двери на втором этаже доносился неприятный запах.

Урядник Людорф приказал взломать дверь. У самого входа на железной вешалке, прибитой к стене, висел труп молодого мужчины, прикрытый меховым пальто с бобровым воротником. Неестественно длинная шея схвачена петлей, лицо изуродовано. С убитого сорван галстук, рядом валялись боты, пустая пивная бутылка и стекло от разбитого вдребезги стакана.

Полицейский сразу же узнал в повешенном бывшего священника Гапона, без вести пропавшего 1 апреля. Судмедэксперт констатировал: на теле многочисленные следы побоев и пыток... У убитого были

похищены бумажник и ключ от несгораемого сейфа.

Расследование по факту зверского убийства дало немного.

Сотрудники полиции вели наружное наблюдение за эсером Рутенбергом. 26 марта тайный агент доложил о поездке фигуранта в Озерки. На следующий день Рутенберг вновь ездил в Озерки, но на этот раз в Петербург не возвратился, а 30 марта срочно выехал за границу. Полиция сразу заподозрила эсера в убийстве и потребовала от Людорфа выяснить, «имело ли место пребывание Гапона в Озерках 26, 27 и 28 марта». На что урядник телеграфировал в департамент: «Пребывание... в указанные дни не установлено».

А Рутенберг к тому времени уже был вне досягаемости царской охраны...

* * *

9 января 1905 года в Петербурге произошло событие, вошедшее в историю России как «кровавое воскресенье». Сотни тысяч рабочих столицы забастовали и по призыву Гапона пошли к Зимнему дворцу, чтобы подать Николаю II петицию. Мирная манифестация была расстреляна правительственными войсками. Революционеры распространили слух, что число жертв около пяти тысяч, а сам расстрел — провока-

ция, результат сговора правительства с Гапоном, тайным полицейским агентом. Священный синод Русской православной церкви лишил Гапона духовного звания и предал анафеме. Описывая кровавую бойню 9 января, историки почему-то «забывали» не-большой нюанс: если священник действительно был провокатором, по логике, он должен был идти за спинами рабочих, чтобы под беспорядочным ураганным огнем не получить пулю первым. Но факт: Гапон шел впереди демонстрантов, готовый за общее дело на смерть.

Значит, по крайней мере, до 9 января он предателем не был.

* * *

Георгий Аполлонович Гапон родился в 1870 году в селе Беяки Полтавской области. Семья крестьянская, отец волостной писарь. Георгий, сызмальства пастух, после окончания школы поступил в Полтавское духовное училище. Мечтал быть врачом, но дочь богатого помещика убедила его стать священником: мол, «врачевать души людей гораздо полезнее, чем лечить болезни». Гапон окончил семинарию, выдержал трудный экзамен в Петербургскую духовную академию.

Первый документ о деятельности Гапона я нашел в архивах царской охранки. Некий агент по кличке Проня подал рапорт о том, что «неизвестный человек

вел в чайной разговор о справедливости в обществе». Проня проследил, где живет этот человек, и выяснил его имя — «Георгий Гапон, жилец гостиницы Соломатина».

Подвижническую деятельность отца Георгия замечает императрица. Она знакомится с известными общественными деятелями, художниками, артистами, писателями. На проповеди Гапона приходят сотни верующих. Дьякон церкви на Галерной гавани написал на него донос, указав, что тот касается вопросов политики, дает «сомнительные советы прихожанам». В охранке срочно принимают меры. Агент Охломов (псевдоним Юрист) докладывает в отчете: «В проповеди Гапон говорит о том, откуда обездоленный человек может ждать помощи. Обращаясь к тем, кто уповают не на Бога, а на разных политиков, он призывал не верить социал-демократам, так как они все... инаковерцы, и призывал молить Бога, чтобы царь сам даровал своему народу лучшую жизнь... Проповедь слушалась с удивительным вниманием...»

* * *

Судьба сводит Гапона с выдающимся человеком — одним из руководителей Департамента полиции Сергеем Васильевичем Зубатовым. Помимо своих прямых обязанностей, тот занимался организацией рабочего движения, был в числе создателей «Собрания рабочих» в Петербурге. Дружбу с Зубатовым позже истолкуют как предательство и связь с охранкой.

Зубатов так организовал работу московского охранного отделения, что заниматься революцией в Москве было делом бесполезным. В его руках сосредотачивалась информация сотен тайных осведомителей из всех партий и преступных обществ, он ежедневно проводил операции по задержанию боевиков-террористов, принимал решения по сотням депеш, приказов, циркуляров, встречался на конспиративных квартирах со своими сексотами... В конце прошлого столетия в западных губерниях империи образовалась довольно разветвленная, тщательно законспирированная сеть противоправительственных организаций. Местная полиция оказалась бессильной что-либо противопоставить заговорщикам. Зубатов, находясь от подполья за сотни верст, внедрил в их ряды своих лучших филеров, выявил всех руководителей и одним махом задержал. «Добивайтесь улучшения жизни трудящихся легальным путем, — говорил он на допросах. — Объявляйте забастовки, предъявляйте хозяевам ультиматумы, но не втягивайте молодых неопытных людей в преступные группировки, в убийства чиновников и полицейских...»

Летом 1903 года Г. Шаевич в Одессе организовал забастовку, которая стихийно переросла в вооруженную стычку с полицией. С обеих сторон были жертвы. В результате Шаевича отправили в Сибирь, а Зубатова, не имевшего к событиям никакого отношения, из полиции уволили и сослали во Владимир. Помимо него, министр внутренних дел Плеве уволил многих выдающихся сыщиков, развалив отлаженную машину царской охранки, а сам стал жертвой бомбы террориста Егора Сазонова.

От Зубатова руководство «Собранием рабочих» перешло к Гапону.

* * *

Гапон писал: «Идея общества заключается в стремлении свить среди фабрично-заводского люда гнезда, где бы Русью, настоящим русским духом пахло, откуда бы вылетали здоровые и самоотверженные птенцы на разумную защиту своего царя, своей Родины и на действительную помощь своим братьям-рабочим». Священник объединял не люмпен-пролетариат, не лодырей и пьяниц, а высокооплачиваемых, квалифицированных рабочих. Он организовал учебу, воскресные концерты и лекции.

Начавшаяся в 1904 году русско-японская война усугубила положение рабочего класса. Для организации массовых беспорядков и срыва военных заказов правительство Японии выделило огромные денежные средства и через сиониста Циллиакуса передало эсерам и социал-демократам. Сбор средств на русскую смуту организовали и в европейских странах с сильными еврейскими общинами. Лондонская «Еврейская хроника» обнародовала суммы: германские евреи — 115 000 фунтов (1 150 000 рублей); английские — 149 341; американские — 240 000; французские и австрийские — 370 000. На эти деньги приобреталось оружие, издавались революционные газеты, листовки, содержались партийные функционеры.

Слушая на собраниях жалобы на рабские условия жизни, штрафы за малейшую провинность, массовые увольнения, Гапон убеждал рабочих, что царь просто не знает всей правды, в противном случае принял бы все меры к «защите своих детей». Так родилась идея пойти с петицией к царю. Ее подхватили сотни тысяч людей, и остановить их было уже невозможно. «Ну что же, — сказал Гапон. — Свобода такой цветок, который не расцветает до тех пор, пока земля не будет полита народной кровью!»

Утром 9 января правительство предприняло меры по предотвращению демонстрации: развели мосты через Неву, ввели войска в город. Однако со всех концов Петербурга рабочие колоннами шли к центру города — в руки иконы и хоругви. К ним присоединились боевики-революционеры, любопытные. Толпа росла. Собралось более 200 тысяч. В районе Невской заставы — цепь солдат. Офицер дал команду разойтись. Толпа медленно приближалась, Раздалась команда «пли»: первый выстрел вверх голов, второй по ногам. Снег обагрился кровью, все бросились врассыпную...

* * *

Накануне «кровавого воскресенья» рядом с Гапоном крутился некто «инженер» Рутенберг. И хотя «Собрание» не допускало на свои заседания чужих, для него было сделано исключение. Священник от частых выступлений охрип, и предприимчивый инженер кричал в толпу его слова. Теперь мы знаем, что

Рутенберг оказался рядом с Гапоном не случайно. Один из вождей эсеров Б. Савинков писал: «Наш блистательный вождь Чернов поручил ему пасти этого попа, чтобы иметь возможность его громкое имя вплести в терновый венок славы нашей многострадальной партии».

Рутенберг оказался рядом и около Нарвских ворот. Священник от выстрелов не пострадал, его увели во двор соседнего дома. Что удивительно, у инженера при себе оказались ножницы (!!!), которыми он тут же подстриг (в целях конспирации) длинноволосого Гапона. Рабочие вырывали из рук «ловкого парикмахера» пряди волос и уносили как священную реликвию на память. Отца Георгия переодели в костюм рабочего и спрятали.

Вскоре ему удалось уехать за границу.

* * *

Гапон был лишен не только церковного звания, но и объявлен опасным преступником. Он обвинялся в том, что «с крестом на груди, в одежде духовного отца предал свой сан и вступил в преступное сообщество еретиков и халдеев, выполнявших в России предательскую роль». В ответ Гапон проклял «солдат и офицеров, убивающих своих невинных братьев», а царя объявил «изменником»...

За границей он опубликовал несколько оскорбительных открытых писем Николаю II. Они имели громад-

ный успех. Вожди всех партий шли к Гапону на прием, всячески обхаживали его. За рукопись книги «История моей жизни» он получил пятьдесят тысяч франков, что гарантировало безбедную жизнь на долгие годы. В Женеве Гапон пытался объединить всех революционеров в одну партию, не понимая разницы между их целями. Над ним посмеивались, упрекая в незнании учения Маркса — Энгельса, а он заявлял, что всю социал-демократию сметет с лица земли.

Эсеры выманили у него деньги якобы для покупки оружия на революцию в России, но снаряженное судно — по «странному стечению обстоятельств» — садится на мель и погибает. Сам Гапон, сопровождавший груз лично, выплыл чудом... Сегодня можно утверждать, что это было первое реальное покушение на его жизнь.

17 октября Николай II опубликовал манифест об амнистии преступников. Гапон едет в Петербург.

* * *

Рабочими он встречен как герой. Социал-демократы писали за границу, что Гапон полностью владеет инициативой в рабочем движении. В декабре 1905-го революционеры потребовали от Гапона вывести рабочих Петербурга на улицы и поддержать восстание в Москве, но он категорически отказался устраивать новую бойню. Именно в это время газеты на-

чинают публиковать материалы с намеками на тайные связи с охранкой. Кампания против Гапона приобретала оскорбительный характер. Он возмущался, собирал руководство «Собрания», требовал доказательств. В это время один из рабочих активистов, некто Петров, ушел в подполье, откуда разразился серией антигапоновских заметок, немедленно опубликованных газетами. Тогда он опубликовал следующее заявление:

«Мое имя треплют теперь сотни газет — и русских, и заграничных. На меня клеветуют, меня поносят и позорят. Меня, лежащего, лишенного гражданских прав, бьют со всех сторон, не стесняясь, люди разных лагерей и направлений: революционеры и консерваторы, либералы и люди умеренного центра, подобно Пилату и Ироду, протянув друг другу руки, сошлись они в одном злобном крике: «Распни Гапона — вора и провокатора! Распни гапоновцев-предателей!» Правительство не амнистирует меня: в его глазах я, очевидно, слишком важный государственный преступник, который не может воспользоваться даже правом общей амнистии. И я молчу. И молчал бы дальше, так как прислушиваюсь больше к голосу своей совести, чем к мнению общества и газетным нападкам...
Совесть моя чиста.

18 февраля 1906 года

Гапон».

Разобраться, был ли Гапон агентом охраны, в сущности, не так сложно.

В царской России полиция охотно пользовалась услугами осведомителей, но по секретным законам империи категорически запрещалось вербовать таких среди церковнослужителей и депутатов Госдумы.

Если все же предположить, что в этом случае закон был грубо нарушен, на «агента Гапона» обязаны были завести личное дело с грифом «хранить вечно». Но где оно? Среди почти двух тысяч сексотов, выданных революционерам «перебежчиками от полиции» М. Бакаем и А. Менщиковым, имени Гапона не было. Во вскрытых большевиками в 1917 году архивах МВД и жандармерии до сегодняшнего дня ни один историк не нашел ни одного документа, подтверждающего его связь с полицией. (А ведь если Гапон получил хотя бы копейку, это было бы зафиксировано в финансовых документах.)

Основным доказательством, компрометирующим Гапона, до сих пор является утверждение Рутенберга, что якобы «отец Георгий предложил ему стать агентом и за 25 000 рублей выдать приготовление какого-нибудь террористического акта». Сразу вызывает сомнения сама цифра. Чтобы представить значимость этой суммы, сравним ее с жалованьем царско-

го губернатора, получавшего 500 рублей в месяц. Рабочие тогда зарабатывали не более 200 рублей в год. Такой «гонорар» не выплачивали даже самым ценным агентам за предотвращение крупнейших террористических актов. Например, Кальман Альбаум получал 75 рублей в месяц, Зинаида Гернгрос — 500 рублей, Лев Голинберг за доносы на Ленина и Крупскую — 40, а затем 50 рублей, Мовша Дликман по 250 рублей и т. п.

Сомнительность заявления Рутенберга еще и в том, что сам он в партии эсеров был лишь маленьким человеком, «пешкой», о чем полиция, разумеется, великолепно знала, к тому же он давно ходил под «наружкой».

* * *

Поднятая вокруг бывшего священника кампания клеветы окончательно подорвала его здоровье. Жена тайно увезла Гапона в Финляндию, в Териоки, где сняла комнату на даче хозяйки Пяткинен. Эсерам все же удалось его выследить. 24 февраля 1906 года в 12 часов дня рутенберг явился к Гапону и предложил ему встретиться с важным революционером в тайном месте. Сейчас уже известно, что у Рутенберга был план: обманным путем посадить Гапона в повозку, в пути заколоть ножом, труп бросить в лесу в глубокий снег — до весны ищи-свищи... Несмотря на категорическое возражение жены, Гапон надел шубу, сунул в карман пистолет и сел в санки. Как только отъехали от дачи, «наемные извозчики»

узнали свою будущую жертву и отказались ехать.

Еще дважды Рутенберг пытался вытащить Гапона — 5 и 10 марта. Воспротивилась жена, выгнала его вон. Заподозрив неладное, увезла мужа в Петербург. Тогда эсеры снимают на подставное лицо, Путилина, пустующую дачу в Озерках...

Описывая подробности расправы, Рутенберг заявлял, что свидетелями их разговора были несколько рабочих. Услышав предложение отца Георгия стать агентом, «они не выдержали и выскочили из укрытия и повесили предателя». Лично я с огромным трудом представляю себе «рабочих», которые чуть ли не пихают человека в петлю. Если бы это были коллеги по «Собранию», что помешало им устроить третейский суд (что тогда широко практиковалось в таких случаях) и осудить Гапона публично? Выходит, эти люди оказались в Озерках с заведомой целью — убийство. Даже веревка для повешения была приготовлена заранее...

В книге «Провокаторы и террор» (Тула, 1927 г.) Л. Дейч написал, что знает фамилии всех участников убийства и даже с одним из них разговаривал: «...Встретив на станции Гапона, Рутенберг привел его на дачу, где в одной из комнат уже поместились трое рабочих. Гапон, думая что они одни и никто их не может слышать, был цинично откровенен... Среди нас был молотобоец Павел... он лично знал Гапона. «А вот ты каков!» — воскликнул он и бросился на Гапона. Тот стал на колени, начал просить: «Товарищи,

братцы, не верьте тому, что слышали. Я по-прежнему за вас, у меня своя идея».

...Павел, повалив его, стал душить своими железными руками... Я схватил веревку, которую, видимо, оставил дворник, когда принес дрова, и закинул петлю на шею Гапона. После этого мы потянули его в переднюю, где повесили на вбитый над вешалкой крюк».

* * *

Почему даже много лет спустя ни товарищ Дейч, ни «молотобоец Павел» не называют подлинных имен убийц-рабочих? Почему скрывал свое участие в акции возмездия «молотобоец Павел»? (Например, один из могильщиков царской семьи Ермаков не скрывался, а, наоборот, ежегодно открывал демонстрацию в Свердловске, в первых рядах гордо неся красное знамя.) Рутенберг писал, что ему приказал убить Гапона сам Евно Азеф (Азеф в течение 16 лет был одним из руководителей партии эсеров и одновременно тайным агентом охраны. — Э. Х.). Если так, то при чем тут «стихийная несдержанность рабочих»? Странно, что ни Дейч, ни публикатор записок Рутенберга Владимир Бурцев не спросили риторически: с какой целью Гапона пытали, ведь на трупе были следы ужасных пыток?

Последние месяцы жизни Гапона и последовавшие за его гибелью события полны таинственных зага-

док, не раскрытых до сих пор. Я уверен: Гапон располагал какими-то важными документами, которым сам придавал исключительное значение. В частности знал о получении вождями революции огромных сумм на организацию смуты в России и неоднократно подчеркивал, что Бог его миловал от этих денег.

«Когда они (документы. — Э. Х.) будут опубликованы, многим не поздоровится, а в особенности... (он назвал одно громкое имя, с которым тесно связана история появления манифеста 17 октября). Им всем хочется поднимать и опускать рабочую массу по своему усмотрению; об этом мечтал еще Плеве, но они ошиблись в расчетах», — писал В. Грибовский о высказываниях Гапона (Исторический Вестник. — 1912, март).

Гапон прятал эти документы у надежных людей, в конце концов, передал их своему адвокату Марголину. После убийства Гапона Марголин с бумагами выехал за границу, но там неожиданно скончался при невыясненных обстоятельствах, а документы бесследно пропали.

Интересно, что сам Рутенберг сразу «завязал» с эсерством и уехал сначала в Италию, а затем, сменив фамилию, строил в Палестине еврейское государство, где сделал карьеру, став миллионером. В 1927 году в советских журналах была опубликована фотография грандиозных похорон, подписанная только двумя словами: «Похороны Рутенберга». Ка-

кую такую важную услугу оказал он большевикам, что его столько лет не забывали и даже отвели много места в советских энциклопедиях?

...Гапона хоронили 3 мая 1906 года на Успенском городском кладбище в присутствии почти 200 человек. Могилу завалили венками и цветами. Исправник Колобасов в рапорте докладывал: «Затем стали говорить речи рабочие: Кладовников, Смирнов, Князев, Ушаков, Кузин, Карелин о том, что Гапон пал от злодейской руки, что про него говорили ложь, и требовали отмщения убийцам. Затем послышались среди присутствующих крики: «Мечь, мечь, ложь, ложь...» На могиле поставили деревянный крест с надписью: «Герой 9 января 1905 г. Георгий Гапон». После революции крест был сорван и положена доска с такими словами: «Ты жил только для себя и поэтому тропинки нет к твоей могиле...»

(Совершенно секретно. — 1996. — № 1)

ОХОТА НА ВОРОНА

Агент Гвоздь не сумел выполнить приказ ликвидировать генерала Власова.

Сов. секретно
Экз. № 1

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
ОБОРОНЫ
ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ И. В.

Созданный немцами «Русский Комитет», как известно, возглавляется изменником Родине бывшим генерал-лейтенантом Красной Армии — Власовым А. А. (впредь именуемым — «Ворон»).

«Ворон», проживая постоянно в районе гор. Берлина, периодически посещает города Псков, Смоленск, Минск, Борисов, Витебск, Житомир и другие, где немцами организованы отделения «Русского Комитета» и части «Русской освободительной армии».

В целях ликвидации «Ворона» НКГБ СССР поведутся следующие мероприятия:

I. По гор. Пскову.

а) Редактором газеты «Русского Комитета» — «Доброволец», издающейся в Пскове, является ЖИЛЕНКОВ Г. Н., выдающий себя за «Генерал-лейтенанта Красной Армии».

Руководитель действующей в тылу противника оперативной группы НКГБ СССР т. РАБЦЕВИЧ донес, что ЖИЛЕНКОВ в Красной Армии являлся членом Военного Совета 32-й армии

Проверкой установлено, что ЖИЛЕНКОВ Г. Н., 1910 года рождения, по специальности техник, быв. секретарь Ростокинского райкома Московской организации ВКП(б), действительно являлся членом Военного Совета 32-й армии в звании бригадного комиссара и с октября 1941 года считался пропавшим без вести.

В феврале—марте т. г. на некоторых участках фронта немцами разбрасывалась листовка с изображением фотографий членов «Русского Комитета» во главе с «Вороном». В одном из лиц, снятых на этой фотографии, опознан упомянутый выше ЖИЛЕНКОВ.

Для изучения возможности установления связи с ЖИЛЕНКОВЫМ, в целях его последующей вербовки и возможного привлечения к делу ликвидации «Ворона», нами в район Псков—Порхов заброшена оперативная группа НКГБ СССР под руководством начальника отделения майора государственной безопасности тов. КОРЧАГИНА, снабженного письмом от

жены **ЖИЛЕНКОВА**, проживающей в Москве и считающейся, несмотря на то что она получает пенсию за «пропавшего» мужа, что он жив и находится в партизанском отряде.

Письмо жены по нашим расчетам должно:

1. Напомнить **ЖИЛЕНКОВУ** о семье в целях склонения его к принятию наших предложений участвовать в ликвидации «Ворона».

2. Убедить **ЖИЛЕНКОВА**, что семья его пока не репрессирована и что от его дальнейшего поведения будет зависеть ее судьба.

3. Доказать, что лицо, которое свяжется с **ЖИЛЕНКОВЫМ** от нашего имени, действительно прибыло из Москвы и не является подставой гестапо.

Если **ЖИЛЕНКОВ** согласится и примет участие в ликвидации «Ворона», ему будет обещана возможность возвращения на нашу сторону и прощение его измены.

б) На случай, если **ЖИЛЕНКОВ** откажется от участия в деле ликвидации «Ворона», НКГБ СССР подготовлена группа испанцев в 5 человек из быв. командиров и бойцов испанской республиканской армии, проверенных нами на боевой работе. Группу возглавляет тов. **ГУЙЛЬОН**.

ГУЙЛЬОН Франциско, 22-х лет, капитан Красной Армии, дважды направлялся в тыл противника со специальными заданиями, награжден орденом Ленина. Будучи мальчиком, состоял в рядах испанской республиканской армии и проявил себя в борьбе с фашистами положительно.

Группа ГУЙЛЬОНА будет придана тов. КОРЧАГИНУ и, в случае прибытия «Ворона» в район Пскова, использована для его ликвидации следующим образом:

На одном из участков Ленинградского фронта дислоцируется «Голубая дивизия», подразделения которой часто выходят в район Пскова. Появление в Пскове нашей оперативной группы испанцев, одетых в форму «Голубой дивизии», знающих испанский язык и снабженных соответствующими документами, не привлечет особого внимания со стороны местной администрации.

Перед испанцами поставлена задача проникнуть под благовидным предлогом к «Ворону» и ликвидировать его.

Наряду с этим перед оперативной группой тов. КОРЧАГИНА поставлена задача изыскать на месте и другие возможности для выполнения задачи.

II. По гор. Смоленску

а) Для подготовки необходимых мероприятий и проведения операции в Смоленске нами заброшен в тыл противника старший оперуполномоченный НКГБ СССР, старший лейтенант государственной безопасности тов. ВОЛКОВ, в помощь которому выделены следующие агенты:

1. «Клере» 1898 года рождения, русский, беспартийный, инженер-электрик, с органами НКВД—НКГБ сотрудничает с 1930 года. Использовался по диверсионной работе в Испании, неоднократно успешно выполнял боевые задания. Смелый, решительный человек, владеет немецким языком.

2. «Густав» 1905 года рождения, немец, член германской коммунистической партии, политэмигрант, участвовал в гражданской войне в Испании и зарекомендовал себя как честный, боевой человек. Выполнял ряд специальных заданий НКГБ СССР и проявил себя с положительной стороны.

Перед оперативной группой т. ВОЛКОВА поставлена задача связаться с заброшенной нами в октябре—ноябре 1942 года в гор. Смоленск группой резидентов, располагающих необходимыми связями.

«Клере» и «Густав», знающие немецкий язык, нами снабжаются формой немецких офицеров и, в случае прибытия «Ворона» в гор. Смоленск, должны проникнуть к нему под видом германских офицеров.

Тов. ВОЛКОВУ также придана оперативная группа НКГБ в составе 22-х человек под командованием ст. лейтенанта ПОГОДИНА, которая нами направлена в район города Невель, где по имеющимся данным дислоцируется штаб «Ворона» на случай его приезда в Невель.

б) Управлением НКГБ по Смоленской области для проведения подготовительной работы по ликвидации «Ворона» в район Рославля заброшена оперативная группа в составе 5 человек.

Руководитель группы Скобелев Александр Андреевич, 1916 года рождения, член ВЛКСМ, уроженец Тульской области, быв. работник жел. дор. милиции Смоленской области, в 1942 году находился на оккупированной противником территории Смоленской области и проявил себя положительно.

в) В Руднянский район Смоленской области заброшен агент УНКГБ по Смоленской области «Максимов» с рацией и радисткой.

«Максимов» 1919 года рождения, член ВЛКСМ со средним образованием, педагог, уроженец Руднянского района Смоленской области. Имеет опыт работы в тылу противника.

«Максимову» дано задание установить связь и использовать для работы вокруг «Ворона», заброшен-

ного в июне 1942 года в тыл противника УНКГБ по Смоленской области и осевшего в гор. Смоленске резидента «Дубровский».

III. По гор. Минску

а) НКГБ Белорусской ССР переброшена в район Минска оперативная группа из ответственных работников и проверенной агентуры НКГБ БССР, возглавляемая подполковником государственной безопасности тов. ЮРИНЫМ С. В. Для выполнения поставленной задачи в гор. Минске группа располагает следующими возможностями:

1) В Минске проживает агент НКГБ БССР «Иванов». «Иванов», 1909 года рождения, белорус, с высшим образованием, литератор, профессор, в прошлом участник контрреволюционной организации «Союз Вызволения Белоруссии».

«Иванов» немцами произведен в академики и назначен заместителем генерального комиссара Белоруссии В. Кубэ.

2) В Минске также проживает агент НКГБ БССР «Пегас». «Пегас», 1896 года рождения, композитор, быв. начальник музыкального отдела управления по делам искусств Белорусской ССР.

«Пегас» пользуется доверием немцев и по их заданиям выступает по радио с профашистскими докладами.

Группе тов. ЮРИНА дано задание тщательно проверить перечисленных выше агентов и, в зависимости от результатов проверки, использовать их для выполнения задачи.

Независимо от результатов проверки и переговоров с упомянутой агентурой, тов. Юрину дано задание установить связь и использовать для участия в операции по «Ворону» созданные НКГБ Белорусской ССР семь резидентур, в составе 27-и осведомителей, в том числе:

1) Резидент «Саша» работает заведующим тиража «Белорусской газеты», владеет немецким языком, пользуется доверием у немецких властей.

2) Агент «Заря», белорус, работает в отделе пропусков генерального комиссариата и обеспечивает агентуру НКГБ БССР пропусками для прохода в гор. Минск.

В состав оперативной группы тов. ЮРИНА входит также агент «Учитель», уже бывавший в Минске по заданию НКГБ Белорусской ССР.

«Учитель» 1912 года рождения, беспартийный, уроженец гор. Хвалынска, Саратовской области, с высшим образованием, окончил Белорусский Педагогический Институт, до войны преподаватель средней школы в Сиротинском районе Минской области.

После оккупации Белоруссии остался работать а Сиротинской районной управе на должности инспектора школ. В сентябре 1942 года ушел в партизанский отряд тов. КОРОТКИНА, которым был выведен за линию фронта и после вербовки НКГБ БССР заброшен в гор. Минск с заданием создания агентурной сети.

По заданию НКГБ БССР «Учитель» через завербованного агента осуществил ликвидацию одного из видных деятелей «Белорусской Национальной Самопомощи».

Кроме того в распоряжение тов. ЮРИНА для обеспечения подготовки ликвидации «Ворона» приданы четыре оперативные группы НКГБ БССР, общей численностью 37 человек, действующие в районе Минска и имеющие опыт боевой работы в тылу противника.

б) НКГБ Белорусской ССР переброшена в район г. г. Орши и Борисова оперативная группа в 5 человек, возглавляемая подполковником государственной безопасности тов. СОТИКОВЫМ.

Для выполнения поставленной задачи по «Ворону» тов. СОТИКОВУ предложено использовать:

1. Оперативную группу НКГБ СССР в составе 8 человек, возглавляемую лейтенантом СОЛЯНИК Ф. А.,

создавшего в Борисовском и Минском районах Белоруссии 2 резидентуры. Группа тов. СОЛЯНИКА успешно провела в тылу противника ряд диверсионных актов и имеет опыт боевой работы.

2. Действующую в Оршанском районе Белоруссии оперативную группу НКГБ СССР, в составе 47 человек, возглавляемую тов. РУДИНЫМ Д. Н., активно проявившим себя в тылу противника в борьбе с немецкими захватчиками.

IV По гор. Витебску

В районе Полоцк—Витебск действует оперативная группа НКГБ СССР, под руководством майора тов. МОРОЗОВА, располагающая до 1900 человек бойцов и командиров.

Группа тов. МОРОЗОВА проводит активную подрывную работу в тылу противника.

В апреле т. г. в опергруппу явились следующие перебежчики из «Боевого Союза Русских Националистов»:

1. ВЕДЕРНИКОВ Федор Васильевич, 1911 года рождения, быв. командир батареи 23-й стрелковой дивизии 11-й армии, в августе 1941 года под Великими Луками, будучи ранен, был захвачен немцами в плен.

2. ЛЕОНОВ Дмитрий Петрович, 1912 года рождения, быв. радиотехник 599 противотанкового полка, быв. военнопленный.

3. НАГОРНОВ Петр Афанасьевич, 1922 года рождения, быв. боец противотанковой части № 1638, быв. военнопленный.

Перечисленные лица располагают связями среди бойцов и командиров создаваемых немцами частей «Русской Освободительной Армии», дали ценные показания о разведывательной работе, проводимой немцами посредством участников этих частей и изъявили желание принять активное участие в борьбе против немцев.

ВЕДЕРНИКОВ, ЛЕОНОВ и НАГОРНОВ назвали ряд лиц из состава «РОА», которые настроены патриотически и намереваются перебежать на нашу сторону

Тов. МОРОЗОВУ дано задание установить связь с названными ВЕДЕРНИКОВЫМ, ЛЕОНОВЫМ и НАГОРНОВЫМ лицами, запретить им переход на нашу сторону и использовать их для подготовки и осуществления необходимых мероприятий в отношении «Ворона».

V. По районам Калининской области.

Управлением НКГБ по Калининской области сформирована оперативная группа в составе 20 человек,

возглавляемая старшим лейтенантом государственной безопасности тов. НАЗАРОВЫМ, которая перебросена на оккупированную территорию Калининской области, с задачей ведения работы по «Ворону» в Невельском, Ново-Сокольническом, Идрицком и Пустошкинском районах, с использованием имеющейся в этих районах нашей агентуры.

VI.

Задания о подготовке необходимых мероприятий по ликвидации «Ворона» нами даны также следующим оперативным группам НКГБ СССР, действующим в тылу противника:

1. Оперативной группе тов. ЛОПАТИНА, находящейся в районе гор. Борисова БССР.
2. Оперативной группе тов. МАЛЮГИНА, находящейся в районе г. г. Жлобин—Могилев БССР.
3. Оперативной группе тов. НЕКЛЮДОВА, находящейся в районе Вильно—Молодечно БССР.
4. Оперативной группе тов. РАБЦЕВИЧА, находящейся в районе Бобруйск—Калинковичи БССР.
5. Оперативной группе тов. МЕДВЕДЕВА, находящейся в районе гор. Ровно УССР.
6. Оперативной группе тов. КАРАСЕВА, находящейся в районе Овруч—Киев.

Руководителям перечисленных оперативных групп предложено изучить условия жизни и быта «Ворона», состояние его охраны, своевременно выявлять и доносить в НКГБ СССР данные о местопребывании и маршрутах следования «Ворона».

VII.

3 июля 1943 года на базу оперативной группы НКГБ СССР в районе Борисова, руководимой капитаном госбезопасности тов. ЛОПАТИНЫМ, явились бежавшие из немецкого плена майоры Красной Армии ФЕДЕНКО Ф. А., 1904 года рождения, член ВКП(б), в Красной Армии занимал должность начальника штаба инженерных войск 57-й армии и ФЕДОРОВ И. П., 1910 года рождения, член ВКП(б), в Красной Армии занимал должность заместителя начальника отдела кадров Приморской армии.

ФЕДОРОВИЧ и ФЕДЕНКО рассказали, что в начале 1943 года они учились на организованных немцами в Борисове хозяйственных курсах для старших офицеров из числа советских военнопленных и что начальником штаба этих курсов являлся комбриг, именуемый немцами генерал-майором, БОГДАНОВ Михаил Васильевич, который настроен против немцев, но маскируется.

Проверкой установлено, что БОГДАНОВ Михаил Васильевич, 1907 года рождения, беспартийный, с высшим образованием, в Красной Армии с 1918 года, в начале войны занимал должность начальника артиллерии 8-го стрелкового корпуса, считается пропавшим без вести с 1941 года. Компрометирующих данных на него нет. Семья его в составе жены и дочери проживает в Баку.

В результате предпринятых опергруппой мероприя-

тий с БОГДАНОВЫМ была установлена связь и он был 11 июля т. г. завербован.

По сообщению начальника опергруппы тов. ЛОПАТИНА, БОГДАНОВ «с большой радостью стал нашим агентом, чтобы смыть позор пленения и службы у немцев».

БОГДАНОВУ дано задание влиться в ставку «Ворона», войти к нему в доверие и организовать с нашей помощью ликвидацию его.

На последней явке с БОГДАНОВЫМ 16 августа БОГДАНОВ сообщил, что ему удалось получить согласие «Ворона» на работу в ставке и что 19 августа он выезжает в Берлин для личной встречи с «Вороном».

Кроме изложенного выше, НКГБ СССР разрабатывает ряд других мероприятий по ликвидации «Ворона», о которых будет доложено дополнительно.

Народный комиссар
государственной безопасности
Союза ССР (Меркулов)

Разослано:

тов. Сталину, тов. Молотову, тов. Берия

Вопреки бытующим представлениям о судьбе бывшего командующего 2-й Ударной армией генерал-лейтенанта Андрея Андреевича Власова, сообщение о его пленении 13 июля 1942 года не сопровождалось громом проклятий ни со стороны ближайшего окружения Сталина, ни со стороны военного командования. «...На последних этапах вывода 2-й Ударной армии из окружения тов. Власов проявил некоторую растерянность», — сообщали Сталину особисты. Берия, без всяких эмоций, сообщил Сталину о пленении Власова, сославшись на сообщение немецкого радио. Никаких диверсионно-разведывательных групп, которым Сталин вменил в обязанность или вызволить Власова из плена, или пристрелить, но не отдавать врагу, не существовало.

О Власове не вспоминали до февраля 1943 года, до появления первых немецких листовок с его фотографией и подписью. Несколько позднее, опираясь на данные графической экспертизы подписей на этих листовках, Военная Коллегия Верховного Суда СССР вынесла Власову заочный смертный приговор.

Первое сообщение пришло 7 апреля 1943 года от секретаря ЦК КП(б) Белоруссии, начальника Белорусского партизанского движения Петра Калинина.

ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ И. В.

Партизанской разведкой установлено, что изменник, бывший командующий 2-й Ударной Армии генерал-лейтенант Власов взял на себя руководство т. н. Русской народной армией.

В последних числах марта месяца Власов посетил части РНА в г. Борисов.

12 марта в издающихся в Белоруссии фашистских газетах помещена его статья «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом».

Нами даны указания Власова держать в поле зрения и организовать его ликвидацию.

Секретарь ЦК КП(б) Белоруссии —
начальник Белорусского штаба
партизанского движения
(П. Калинин)

7 апреля 1943 г.
№...

Начальник артиллерии 8-го стрелкового корпуса 26 армии комбриг Михаил Богданов был пленен 10 августа 1941 года при выходе из окружения неподалеку от Умани.

После путешествия по лагерям военнопленных в Звенигородке, Белой Церкви, Холме Богданов в октябре 1941 года был доставлен в Замостье. По его словам, там он буквально «доходил» от голода и болезней.

В апреле 1942 года немецкое командование сосредоточило почти всех пленных советских генералов в хаммельбургском лагере для военнопленных XIII-D. Привезли туда и комбрига Богданова.

В лагере XIII-D был создан «Военно-исторический кабинет», в котором пленные советские генералы и офицеры за дополнительный паек могли участвовать в составлении «Истории поражения Красной Армии в кампании 1941—1942 гг.». По сути, это был централизованный сбор разведданных о Красной Армии, но главное заключалось не в этом — осуществлялась попытка широкомасштабного привлечения советских военнопленных к сотрудничеству с немецким командованием.

Подавляющее большинство пленных советских гене-

ралов отказалось работать в «Военно-историческом кабинете». Согласились лишь Богданов, бывший командир 13-й стрелковой дивизии, генерал-майор Каунов и некто Севастьянов, вор-рецидивист, выдавший себя в плену вначале за комбрига, а потом за генерал-майора Красной Армии.

Впоследствии на допросе в СМЕРШе Богданов объяснил свое поведение так: «Я пришел к выводу, что при существующих порядках Красная Армия не способна выстоять против немцев».

В начале ноября 1942 года в хаммельбургском лагере был объявлен набор добровольцев в немецкую военно-строительную организацию. Богданов занял должность начальника штаба школы, готовящей из советских военнопленных хозяйственных и технических специалистов для этой организации. Школа располагалась неподалеку от Минска, в местечке Борисов, слушатели имели возможность общаться с местными жителями. Общение давало результаты — в мае 1943 года из школы исчезли два слушателя, военнопленные майоры Красной Армии Федоров и Феденко...

* * *

В первых числах июля 1943 года к Богданову заглянул недавний выпускник школы старший лейтенант Андреев и сказал, что с Богдановым хотел бы повидаться один человек.

Встреча произошла 10 июля. Человек с незапоминающейся внешностью передал Богданову письмо от Федорова и Феденко и сообщил, что они перешли к партизанам. На следующую встречу пришли оба майора, предложившие Богданову наладить связь с партизанским отрядом.

15 июля Федоров отвел Богданова в один из домиков поселка Ново-Борисов. Вышедший к ним человек назвался представителем Москвы, сказал, что его зовут Иваном Григорьевичем Пастуховым. Он — майор госбезопасности и руководит партизанской борьбой в районе Минск—Борисов. После обстоятельной беседы Пастухов предложил Богданову оказать помощь в борьбе с немцами.

Представителя Москвы особенно интересовал вопрос о связях Богданова с Власовым, от имени которого на оккупированной территории и над боевыми порядками Красной Армии распространялись листовки о создании из советских военнопленных «Русской освободительной армии» (РОА).

Богданов пояснил, что знает Власова по совместной работе с конца 20-х годов, что они всегда хорошо относились друг к другу. В ответ на вопрос: «Почему Власов переметнулся в немцам?» — Богданов недоуменно развел руками.

Предложение Пастухова он принял без особых колебаний. Не смутила Богданова и поставленная за-

дача — наладить контакт с Власовым, вступить в РОА и либо дискредитировать Власова и принять на себя командование РОА, либо ликвидировать Власова.

Предложение было принято. Богданов дал подписку о сотрудничестве с органами советской госбезопасности и получил псевдоним «Гвоздь».

Шло время, отношения между Богдановым и Пастуховым становились все более и более доверительными. Богданову удалось договориться с начальством о кратковременной поездке в Берлин для решения вопросов о снабжении школы и использовании ее выпускников. Пастухов дал ему несколько тысяч немецких марок и сообщил, что для устранения Власова желательно использовать яд, который передаст связник.

30 августа 1943 года Богданов встретился в Берлине с Власовым. Позднее Богданов показал, что Власов высказал мнение об окончании войны в 1946 году при полном истощении Германии и СССР, что приведет в обеих странах к возникновению гражданской войны. Вот тогда он, Власов, и проявит себя в полной мере, возглавив ту сторону, которая будет бороться против существующего в СССР строя.

«В период гражданской войны нужен человек, который «встав на бочку», произнесет несколько слов и поведет за собой толпу. Я и есть такой человек», —

сказал Власов. Но ему нужна реальная вооруженная сила за его спиной, способная оказать сопротивление Красной Армии. Такой силой могла бы быть РОА, необходимость создания которой Власов доказывал немецким властям.

20 ноября 1943 года, после принятия присяги на верность фюреру Адольфу Гитлеру, Богданова зачислили на положение рядового в офицерский резерв так называемого «Восточного батальона пропаганды особого назначения». Оклад был установлен по 16-й категории, 10 марок в декаду, но через месяц его увеличили до 4-й категории — 60 марок.

Первая часть задания майора госбезопасности Пастухова была выполнена. На самом деле Пастухова звали Лопатиным, и был он генералом.

* * *

В Дабендорфе собирали тех, кто присоединился к Власову. Здесь была школа пропагандистов, под командованием бывшего начальника оперативного управления штаба Северо-западного фронта генерал-майора Трухина, офицерский резерв, где главенствовал бывший начальник Либавского училища береговой обороны генерал-майор Благовещенский. Секретарем комитета числился бывший начальник штаба 190-й армии генерал-майор Малышкин. Сюда же входила и группа обеспечения Власова, именуемая также его канцелярией.

Особой роскоши не чувствовалось — сам Власов получал в декаду 140 марок, как немецкий фельдфебель. Примерно столько же получали Малышкин, Трухин и Благовещенский.

Богданов получал еще меньше, зато свободного времени было предостаточно. Однако возможностей для встреч с Власовым почти не стало.

В январе 1944 года Богданов получил от Благовещенского приглашение войти в состав инспекционной группы, созданной в батальоне для контроля за работой выпускников школы пропагандистов, которые агитировали советских военнопленных присоединяться к Власову и помогать немцам.

Одна из основных задач — выяснение отношений, существующих между пропагандистами и администрацией лагерей для военнопленных, и их всемерное налаживание. Однако вмешиваться в действия администрации категорически запрещалось. В беседах с советскими военнопленными надлежало пояснять, что ужасные условия содержания их в лагерях объясняются тем тяжелым положением, в какое попала Германия в ходе войны.

15 января 1944 года Богданов в сопровождении немца выехал в лагерь для советских военнопленных, расположенных вблизи городов Гамбург, Шлезвиг, Киль и Любек.

Незадолго до отъезда, в конце декабря 1943 года, к Богданову подошел известный ему еще по хаммельбургскому лагерю майор Иван Евстафьев. «Привет, Гвоздь», — сказал он, назвав псевдоним Богданова, полученный от «Пастухова»-Лопатина.

Евстафьев сообщил, что он агент советской госбезопасности, имеет такое же поручение, что и Богданов, — уничтожить Власова, но возможностей для этого у него нет. «Теперь вся надежда на тебя», — сказал Евстафьев, передавая Богданову яд.

Богданов ответил, что использовать яд невозможно — к кухне у него доступа нет, а за столом у Власова если он и бывает, то не один.

Евстафьев пообещал при следующей встрече передать мины. Встреча состоялась, Богданов передал ему для Лопатина информацию о поведении Власова, о его быте и охране, но обещанных мин не получил. Больше Евстафьев не появлялся — в июне 1944 года он был арестован немцами. Встретились они снова только в 1946 году в Сухановской тюрьме.

Видимо, Благовещенский дал хороший отзыв о работе Богданова в инспекционной группе. 14 ноября 1944 года ему было присвоено звание генерал-майора РОА с правом ношения немецких знаков различия. В конце декабря он был назначен начальником артиллерии РОА. Позднее он показал, что выбор пал

на него потому, что других генерал-артиллеристов в плену у немцев не было.

Вторая часть задания тоже была выполнена.

Как и в батальоне пропаганды, особой загрузки у Богданова на посту начальника артиллерийского отдела не было — формирование и вооружение 1-й и 2-й дивизий РОА и других частей, как бы подчиненных Власову, осуществлял немецкий штаб. Тем не менее Богданов был награжден двумя «восточными» медалями и крестом «За военные заслуги».

В конце апреля 1945 года, после кратковременного боя с частями Красной Армии под Фюрстенвальде, закончившегося разгромом двух брошенных в бой батальонов, командир 1-й дивизии РОА Буняченко бросил фронт. Его примеру последовали другие власовские части, подразделения и учреждения. Вместе с ними уходил на Запад и Богданов.

Основное поручение «Пастухова»-Лопатина он так и не выполнил.

8 мая 1945 года, вблизи Ческе-Будейовице, он попросил свою приятельницу Наталью Луневу передать советским военным властям, где его местонахождение и что его необходимо срочно доставить к командованию. Просьба Богданова была выполнена...

Первый допрос Богданова состоялся 13 мая 1945 года в Управлении контрразведки СМЕРШ 2-го Украинского фронта. Он рассказал об общей численности частей РОА, дал характеристики власовскому окружению, рассказал о своей судьбе. Никаких сведений о характере задания, полученного им от «Пастухова»-Лопатина, в этом протоколе допроса не содержалось.

До поры до времени он пользовался относительной свободой, но 16 мая 1945 года фронтовая контрразведка вынесла постановление о его задержании. В тот же день он был доставлен в Москву, а 18 мая начальник Главного управления контрразведки СМЕРШ Виктор Абакумов утвердил постановление о его аресте.

На допросах в основном обсуждались две темы: при каких обстоятельствах Богданов вступил в РОА, и почему он не выполнил задание «партизан» — так именовали оперативную группу НКГБ СССР и сам Богданов, и следователи СМЕРШа.

На первых допросах, в мае—июле 1945 года, эти вопросы были так или иначе увязаны между собой — вступление в РОА объяснялось необходимостью выполнения задания «Пастухова»-Лопатина. Но с конца 1945 года тактика допроса резко изменилась. Теперь Богданову вменялось в вину, что он наладил

связь с Власовым и вступил в РОА из шкурных побуждений. Связь же с партизанами трактовалась теперь таким образом, что Богданов выполнял задание СД — службы безопасности фашистской Германии.

Еще в 1944 году был арестован и обвинен в измене Иван Евстафьев — тот самый пленный советский майор, пришедший к Богданову на конспиративную встречу в Берлине. На допросе в СМЕРШе он подтвердил, что связь с «партизанами» была им установлена 1 октября 1943 года, по их заданию он выезжал в Берлин для совершения террористического акта против Власова и там встречался с Богдановым, имевшим аналогичное задание.

Заявил он и о том, что выезжая на встречу с Власовым в августе 1943 года, Богданов был уже снабжен всем необходимым для ликвидации Власова, но по возвращении написал «дезинформационный» отчет для оперативной группы Лопатина, что совершить террористический акт против Власова будто бы невозможно ввиду усиленной его охраны.

Скорее всего, дело Богданова СМЕРШ превратил в орудие борьбы против наркома госбезопасности Меркулова. Вот почему неудачливый агент опергруппы НКГБ СССР Михаил Богданов сперва рассматривался как кандидат на виселицу вместе с Власовым, а затем как агент немецкой разведки. Это отражало ту жестокую войну на уничтожение, которую вел начальник СМЕРШа Виктор Абакумов против наркома Всеволода Меркулова. В марте 1946 года эта война

закончилась полной победой Абакумова — он был назначен наркомом государственной безопасности.

* * *

Обвинительное заключение по обвинению Богданова в преступлениях, предусмотренных статьей 58-1 «б» УК РСФСР — измена Родине, — было утверждено руководством МГБ СССР и Главной военной прокуратуры 16 апреля 1950 года. В преамбуле указывалось, что Богданов был привлечен к сотрудничеству с партизанской опергруппой и получил особое задание по внесению дезорганизации в деятельность РОА, но в силу враждебных настроений это задание выполнять не стал и, установив связь с предателем Власовым, перешел к нему на службу. Указывалось также, что возглавляемая Богдановым артиллерия применялась в боях против Красной Армии.

Богданов был ознакомлен с обвинительным заключением лишь в день суда, 19 апреля 1950 года. Он заявил суду, что виновным признает себя полностью, никаких разногласий с партией и советской властью не имеет, и рассказал подробно об обстоятельствах пленения и обитания в лагерях для военнопленных.

Последнее слово Михаила Богданова звучало так: «В процессе предварительного следствия я честно рассказал о своих преступлениях. Верю в справедливость советского правосудия».

Богданов был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. В этот же день приговор был приведен в исполнение.

Так кем же был Богданов — разведчик, которому не повезло, или изменник Родине?

Ликвидировать Власова так и не смогли многочисленные профессионалы из госбезопасности, усиленные агентурой и резидентами. А что действительно мог сделать предоставленный сам себе дилетант Богданов, не имевший никакого опыта в выполнении столь сложных и деликатных поручений?

(Л. Решин. // Совершенно секретно. — 1996. — № 2)

ПОРТРЕТ УБИЙЦЫ...

Только идиоты считают, что убийцы не имеют ни нервов, ни сердца; только круглые дураки убеждены, что убийцы не страдают, ломая шейные позвонки.

Стояла мокрая осень, но в подъезде дома, по которому метался Богдан, было душно, как в аду, солоноватый пот ручьями тек по лицу, руки словно слезились, и приходилось вытирать их о брюки. Он менял площадки, всматривался в окно, непрерывно глядел на часы, ожидая Льва Ребета.

С грохотом подъехала машина. Богдан встрепенулся, ощупал потной рукой металлическую трубку со смертельным ядом, напрягся, словно Ребет был уже рядом, но машина оказалась совсем другой, и не объект вылез оттуда, а чихлая дама с зонтом. Он видел, как мелькнула кабина лифта, и в это время почти рядом распахнулась дверь, и прямо на него покати́лся по лестнице юный шалопай, пролетел, даже не взглянув на Богдана, хотя тот успел придать лицу равнодушное выражение, словно мирно шел в гости или возвращался домой. Сердце билось так громко, будто в груди орудовал кувалдой кузнец.

И тут легко и бесшумно подкатил «опель» с Ребетом, благодушным, с бритой головой и в очках, совсем не подозревавшим, что это его последняя поездка в этом прекрасном мире.

Он за руку попрощался с телохранителями, отпуская, по-видимому, веселые шутки, ибо спина его тряслась от хохота, повернулся и вразвалку зашагал к подъезду. Загудел лифт, захлопнулась дверца, снова гудение, гудение и гудение, которому не было конца.

Богдан судорожно глотнул противодействующую таблетку — ядовитый аэрозоль не пощадил бы и самого исполнителя — и подтянулся к третьему этажу, на котором проживал Ребет. Тот лениво вывалился из лифта, на ходу доставая из кармана ключи, увидел Богдана и сразу понял, что это конец.

Даже вскрикнуть не успел — невидимые брызги врезались в лицо, и Лев Ребет, главный теоретик украинского национализма, непримиримый боец с москалями, словно подкошенный рухнул прямо у лифта, чуть подавшись головой к ступеням.

Богдан слетел вниз как на крыльях, на ходу глотнул еще одну таблетку (так полагалось по инструкции: яд расплылся широко и мог отравить и его самого), быстро дошел до автомобиля, запаркованного метрах в пятистах от дома, уселся за руль и только тогда заметил, что рукав его пиджака вымазан в штукатурке. Он достал из-под сиденья щеточку с мельхиоровой ручкой и тщательно очистил пиджак, а заодно и брюки — боевик отличался завидной аккуратностью.

И тут вдруг его вырвало, прямо на переднее стекло. Он машинально вытер рот замшевой тряпкой для автомобиля. Глотнул для страховки еще одну таблетку, доехал до вокзала, оставил машину на стоянке и сел в электричку. Там ему снова стало плохо. В памяти стояли огромные, невероятно расширенные от ужаса глаза Льва Ребета.

На следующий день, уже в самолете Мюнхен — Берлин, Богдан прочитал в газете о сердечном приступе, случившемся у Ребета, и о его внезапной смерти.

За несколько месяцев до этого ядовитый аэрозоль, вызывавший резкое сжатие кровеносных сосудов и смерть, был опробован на собаках в лесу близ Карл-

схорста, берлинского пригорода, где располагались штаб-квартира советских войск и представительство КГБ. Животные мгновенно дохли, лишь дернув лапами. Особенность яда заключалась в том, что после смерти сосуды вновь расширялись, и патологоанатому трудно было обнаружить следы яда.

Убийство Ребета произошло 12 октября 1957 года, когда уже были расстреляны Берия, Абакумов, Кобулов, Деказонов и прочие чекисты — исполнители воли Сталина и Политбюро. После смерти Сталина, который держал партию под контролем органов, Политбюро решило поменять обе организации местами, особенно когда дело касалось политических убийств. В этом случае требовалось решение Политбюро (как правило, санкцию давали генсек и самые близкие к нему члены Политбюро, и даже аресты видных лиц до самой перестройки проходили, как правило, только с санкции партии).

Несмотря на десталинизацию, никто из коммунистических лидеров не собирался отказываться от террора, который большевики лицемерно предавали анафеме, антисоветские эмигранты продолжали оставаться объектами, подлежащими физическому уничтожению.

* * *

Западному украинцу Богдану Сташинскому в 1957 году было всего 25 лет, он не являлся кадровым сотрудником органов, а был завербован в 19, когда

учился во Львовском университете. Забавно, но все началось с того, что студента задержали за проезд «зайцем», это небольшое прегрешение плюс умелая идеологическая обработка привели к теснейшему сотрудничеству Сташинского с мощной организацией.

Он был подтянут, умел входить в доверие, изучал немецкий, находясь в оккупации, обладал выносливостью и прекрасными физическими данными — просто идеальный нелегал-боевик. Перед убийством Ребета чекисты четыре раза посылали его в Мюнхен для изучения района проживания, маршрутов следования и расписания для идеолога украинского национализма. Тщательно прорабатывались планы убийств и благополучного возвращения в Карлсхорст.

В Берлине Сташинского встречал его куратор по имени Сергей, он расцеловал своего подопечного и поздравил с успехом. Особенно радовало, что убийство Ребета не вызвало никаких подозрений — даже вскрытия не проводили, его смерть считалась вполне естественной.

После убийства нервы Сташинского стали сдавать, сомнения и мучения одолевали его, особенно страшно было засыпать: иногда во сне ему являлся Ребет с искаженным предсмертной мукой лицом и молящими глазами, он ничего не говорил и молча смотрел на Богдана. От этого сверлящего взгляда становилось тоскливо и безысходно, и Богдан просыпался в холодном поту и не мог заснуть, и снова его тошнило, и снова разрывалась от боли голова.

Правда, эти метания души не дошли до его шефов, которые позаботились о круглосуточном визуально-слуховом контроле над перспективным Богданом: вел он себя, как и подобает советскому человеку, свято верившему в идеи партии, никаких проколов не допускал, докладывал о каждом своем шаге, не пьянствовал, в отличие от многих специалистов по «мокрым делам», с удовольствием совершенствовал свои чекистские знания и бойцовские качества. Его подвергали и тщательным медицинским исследованиям, иногда даже «расслабляли» на время специальными препаратами в расчете, что вдруг он проговорится и расскажет о тайной связи с западными спецслужбами. Проверка, проверка и еще раз проверка — это канон в работе с любой агентурой, даже преданной до гробовой доски.

Но тут случилось страшное и совершенно непредсказуемое: еще в Берлине боевик влюбился, как мальчик, причем не в офицершу КГБ, которую ему подставляли с целью обеспечить надежным спутником на всю метеороподобную карьеру, а в восточную немку Инге Польш. Ее сразу взяли в разработку и собрали все данные, они были неутешительны: немка не жаловала коммунизм.

Первую профилактическую беседу с Богданом проводил Степан Федорович.

— Зря ты связался с немкой, — говорил он просто.
— Не люблю я немцев. Жадные они до мерзости. Знаешь анекдот? О том, как немец подтирает задни-

цу? Берет трамвайный билет, отрывает от него кусочек, проделывает в оставшейся части дырку, засовывает туда палец, вытирает им задницу, а билетом — палец. А оторванным кусочком чистит ногти.

Генерал призывно захохотал. Богдан лишь слабо улыбнулся — его затошнило от омерзения.

— Конечно, я не о всех немцах... Ведь были Маркс, Энгельс... Роза Люксембург... — почувствовал его настроение Степан Федорович. — Нас удивляет, что ты хочешь жениться на ней. Мы ее совсем не знаем, она непроверенный человек. У тебя такая перспектива, такое блестящее будущее... и вдруг... Дай ей денег и забудь. Интересы дела превыше всего.

Но Богдан уже не представлял себе жизни без Инге, она стала смыслом его существования, и даже ее признание, что она ненавидит коммунизм, только укрепило любовь.

Затем произошло совершенно немыслимое: Сташинский открылся своей возлюбленной, что он советский гражданин и связан с КГБ. Эта новость, принесенная с помощью «жучков», привела всех начальников Богдана в ярость: безответственное нарушение конспирации! Многие требовали силой разъединить пару, однако пламенные любовники в апреле 1960 года сочетались законным браком, ухитрившись скрыться от ока спецслужб.

Тогда Сташинского и его жену решили воспитывать в советском духе. Богдан быстро раскусил новую линию и уговорил Инге не афишировать свои антикоммунистические настроения.

— Из любого правила есть исключения, — убеждал генерала Сергей. — Кстати, у заместителя Дзержинского Петерса жена была англичанкой.

— Но тогда были совсем другие времена. Тогда вообще в разведке служили одни евреи и латыши! С другой стороны... Разве плохо нам иметь боевика-незаконника, женатого на немке? Чудная легенда, легко осесть в любой стране. Вы верите Сташинскому?

— Верю, насколько может верить чекист. Главное, что он уже закреплен на боевом деле...

— Да... Как писал поэт, «дело прочно, когда под ним струится кровь».

* * *

Медовый месяц организовали по добрым советским традициям: в Москве жили на спецдаче за городом, обедали в кабинетах «Арагви», вечерами — Большой с роскошным ужином в соседнем «Савое», днем — осмотр Кремля, художественные галереи, поездки на катере по Москве-реке.

— Пойдем в Мавзолей? — предложил Богдан однажды.
— Я не люблю мертвецов...

— Но это же не мертвец, это же сам Ленин!
— Я устала, Богдан... — Она посмотрела на свой округлившийся живот — влюбленные времени зря не теряли.

Он присел на корточки и прижался головой к ее животу.

— Эй, сыночек, как ты поживаешь? Давай вылезай! Ты не сердись на маму за то, что она не взяла тебя к бабушке Ленину? — Он чудил и шевелил ушами, у него это славно получалось.

— Веди себя прилично, Богдан... Мне очень нравится Москва, но здесь шумно и хочется к морю.

На Кавказе они жили в коттедже недалеко от Сочи, стол всегда ломился от икры всех сортов, от севрюг и белуг, от грузинских вин и лучших армянских коньяков.

Острый взгляд Инге подмечал и деланную вежливость обслуги, и многочисленные хижинки за дворцами-санаториями, и озабоченность людей на улицах, перебежавших из очереди в очередь, — раздражение в ней возрастало с каждым днем.

— Я устала от достижений социализма, милый... — сказала она однажды.

— Но они действительно существуют, — горячился Богдан, которому все вокруг страшно нравилось. — У нас нет ни помещиков, ни капиталистов, у нас все равны... Конечно, мы живем беднее, чем вы или Запад, но это временно, мы все-таки много потеряли во время войны...

— Ничего, скоро в Берлине построят стену, и будем жить в нормальном социализме.

— Не все так просто, Инге, западная демократия — как фиговый листок. Давай говорить начистоту: кто бежит в Западный Берлин? Подонки и жулье, бегут потому, что хотят делать деньги. Разве это лучшая часть нации?

— Тебе забили голову пропагандой, Богдан! Конечно, в мире нет идеального общества, но у вас здесь можно задохнуться от всеобщего рабства!

Они не на шутку поругались и не разговаривали целый день, пока Богдан не попросил прощения.

Однако такие беседы продолжались, храбрый боевик оказался податливым, как воск, и очень скоро не только проникся вредной идеологией жены, но и во

многим превзошел ее. Зная все методы работы КГБ, он вел откровенные беседы с Инге только там, где их не могли подслушать, более того, они договорились внешне сохранять образ законопослушных советских граждан.

Однако трудно обмануть всемогущую службу: нос у нее чуток, как у борзой, к тому же слишком независимое поведение Сташинского и его привязанность к Инге посеяли сомнения у его шефов.

* * *

— Мы боремся с американцами, — говорил Степан Федорович другому генералу, — а главный враг сидит внутри у нас, наш заклятый враг — это бабы! Это проклятое племя взрывает планы КГБ и мешает работать. Столько сил и денег потрачено на Сташинского! И какой был хороший парень! Придется пока закрыть ему выезд на Запад и подержать эту парочку под хорошим контролем...

— Но она рвется рожать в Восточный Берлин, там ее родители.

— Возражать неудобно, все-таки мы — гуманная организация... — вздыхал Степан Федорович. — Но его будем держать в Москве... мало ли что?

Перед отъездом Богдан вывел Инге на прогулку.

— У меня к тебе очень серьезный разговор. Мои начальники не хотят выпускать меня на Запад, они даже боятся направить меня с тобой в Восточный Берлин. Но это не все: я — убийца, Инге, я убил двоих — Ребета и Бандеру.

Инге побледнела, и они долго шли молча.

— Я люблю тебя, — сказала она наконец. — Всегда помни, что я тебя люблю.

Она улетела в Восточный Берлин. Супруги, зная о контроле КГБ, разработали ряд условностей для переписки.

31 марта 1961 года Инге родила сына. Богдан рвался в Восточный Берлин, он забросал своих шефов рапортами и просьбами, однако «в связи с новой оперативно-агентурной обстановкой в Берлине» к Инге его не пускали.

8 августа раздался телефонный звонок.

— Мальчик умер от воспаления легких... — Она говорила тихо, сдерживая рыдания.

Тут скалы дрогнули, и Сташинскому разрешили вылететь на похороны в сопровождении офицера КГБ.

— У нас есть информация, — говорил ему мудрый

офицер в самолете, — что вашего сына отравили американские или западногерманские спецслужбы. Мы также не исключаем, что его убила сама Инге, чтобы заманить вас в Восточный Берлин. Будьте осторожны, бандеровцы ведут за вами охоту.

В Восточном Берлине за Богданом и Инге выставили плотное наружное наблюдение якобы для защиты от происков врагов.

* * *

На следующий день после приезда между супругами в шумной толпе состоялась решающая беседа.

— Послушай, Богдан, мы должны уйти на Запад. Я не могу больше оставаться в этой рабской стране!

— Меня там арестуют, посадят или казнят, — отвечал он.

— Если ты признаешься, тебя простят. Если ты боишься, я уйду сама. Я это сделаю сегодня же! Завтра будет поздно: уже объявили о берлинской стене.

— А как же похороны?

— Неужели ты не понимаешь, что сразу же после похорон нас арестуют и вывезут в Россию?

В тот же вечер 12 августа они выбрались из дома через задний ход, прошли по задворкам, которые Инге знала с детства, взяли такси, добрались до вокзала, переправились в Западный Берлин и явились в полицию, где Сташинский рассказал о себе и попросил контакта с американцами.

Он не просил снисхождения, он требовал наказания — это было покаяние, искреннее желание очистить душу.

Пораженные цэрэушники с недоверием выслушали Сташинского и решили, что это очередной психопат, никто из них не допускал и мысли, что убийца двух человек жаждет сам подписать себе приговор. Однако врачи нашли его совершенно здоровым, проверки на «детекторе лжи» показали, что он говорит правду. Тогда его передали западногерманской полиции, которая начала следствие, — немцы тоже не поверили ни одному слову Сташинского. Дотошная полиция постепенно раскопала массу доказательств его вины, нашла свидетелей, которые видели его на месте преступления, выброшенное оружие и даже кусочек сломанного ключа.

— Будь мужественным, пройди через все это, как через чистилище! Я люблю тебя, я всегда буду любить тебя... — говорила Инге.

Открытый процесс над Богданом Сташинским начался лишь в октябре 1962 года в Карлсруэ. Его разоб-

лачения получили такой резонанс, что Политбюро приняло решение больше не проводить террористических актов за границей, Шелепину влетело за то, что его сотрудники — слабаки и трусы, в свою очередь председатель учинил разгон подчиненным.

— Я хочу только очистить свою совесть! — повторял на суде Богдан.

Учитывая признание и раскаяние, суд дал ему лишь восемь лет, главным преступником был признан КГБ.

— Я горжусь тобой, Богдан, я еще больше люблю тебя. Ты настоящий герой! — говорила Инге.

Просидел он недолго и вскоре попал под амнистию. Потом оба сменили фамилии, скрываясь и от бандеровцев, и от КГБ, и затерялись в нашем огромном мире.

(М. Любимов. // Совершенно секретно. — 1995. — № 9)

ЧЕРНЫЕ ГОНОРАРЫ

Предложение был заманчивым: речь о копии истории болезни Президента. За документ весьма конфиденциального характера запрашивалась кругленькая сумма — 10 тысяч долларов. Но не дорого-

визна щекотливой сделки остановила Игоря Е., ответственного сотрудника одного из информационных агентств. (Плата за супергорячую, к тому же документально подтвержденную информацию колеблется от трех до десяти тысяч «зеленых»). И не соображения морально-этического характера заставили его сказать «нет». Игорь К. отказался по той простой причине, что заподозрил провокацию. Специалисту ничего не стоило вписать в историю болезни Ельцина пару-тройку несуществующих диагнозов, которые затем со ссылкой на агентство пойдут по страницам журналов и газет.

Читатель и телезритель, получая на тарелочке «жареный» факт или очередное скандальное разоблачение, и не подозревает об истинной цене этой новости. Журналисту не пришлось «трое суток не спать, трое суток шагать ради нескольких строчек в газете». Все было намного проще и циничнее: разгадка публикации того или иного документа или неожиданная разговорчивость господина Х. таится в чьей-то чековой книжке. Так что секрет поразительной осведомленности некоторых изданий достаточно прост. Целый ряд пресс-служб российских ведомств давно уже перешел на коммерческую основу.

— Существует нормальная плата сотрудникам пресс-служб, — рассказывает Игорь К. — Классический вариант — ежемесячная зарплата наличными из «черной» кассы. Платишь за попадание на все мероприятия, проводимые по линии пресс-служб, за любой пул. Иногда достаточно и 50 тысяч рублей, бывает, что сумма доходит до 200—300 долларов.

Здесь все зависит от значимости мероприятия. Причем это никогда не скрывается. Сегодня не надо ходить вокруг да около, тебе обычно банально предлагают раскошелиться просто за хорошее отношение. Как правило, 200 долларов — это сумма, на которую соглашаются все. Берут спокойно. Некоторые не глядя смахивают конверт в ящик стола, другие не стесняются пересчитывать, третьи ждут, пока я уйду. При этом не произносится ни слова: чиновники боятся спрятанных микрофонов.

На Западе «чековый журнализм» не в почете. Солидные издания не считают возможным платить деньги за информацию. Шеф московского бюро журнала «Шпигель» Йорг Меттке резко отвергал все намеки на астрономические суммы, якобы выплаченные редакцией за скандально известные видеокассеты с допросами членов ГКЧП. Факт передачи материалов следствия западному журналу объясняли просто: продавец нашел богатого покупателя. Но дело в том, что «Шпигель» отнюдь не Рокфеллер в мире средств массовой информации. Вполне возможно, что дар был бескорыстным, через серьезный политический журнал организовывалась утечка.

«Горячая» информация, за которую не требуют денег, часто оказывается обыкновенной утечкой, выгодной тем или иным кругам. Через одно из агентств запускаясь информация о том, что юрист Скоков является неназванным кандидатом оппозиции на президентских выборах. Или шумная история с «Версией № 2», растиражированная со ссылкой на агентство «Постфактум»...

Два года назад Ассоциация иностранных корреспондентов выпустила «Белую книгу» с перечнем случаев, когда российские официальные лица и организации требовали от иностранных журналистов деньги за интервью или телевизионные съемки. Подробности поражают воображение. За организацию поездки на военную базу в целях освещения жизни военнослужащих представители Министерства обороны запросили с агентства «Ассошиэйтед Пресс» 600 долларов. Американскому журналу, обратившемуся в пресс-центр МО с аналогичной просьбой, было сообщено, что переводческие услуги, транспорт и прочая подготовительная работа обойдутся в 700 американских долларов в день. Корреспондент газеты «Филладельфия Инквайер» вынужден был отказаться от посещения танковой дивизии в Нижнем Новгороде, так как 500 «зеленых» наличными, назначенные пресс-центром Генерального штаба, показались ему слишком высокой платой. Репортаж о Рязанской десантной дивизии для французской газеты «Либерасьон» оценивался в один факс и один видеомэгнитофон. Корреспонденту той же газеты Бернарду Коэну, обратившемуся с просьбой предоставить интервью с маршалом Евгением Шапошниковым, было сказано, что «целая группа людей уже ждет этого интервью и многие из них богаче...».

Экскурсия по зданию КГБ обошлась мексиканскому телевидению в 300 долларов. В 400 баксов оценивалось интервью с бывшим главой КГБ. Беседы с бывшими агентами когда-то всесильного ведомства организовывались тоже на коммерческой основе. Наиболее последовательным и жестким в своей позиции не платить за «оборудование пресс-центров» порой уда-

валось подготовить нужный материал бесплатно. Или приходилось искать некоммерческие темы.

Ставки варьируются в зависимости от издания, которое представляет корреспондент, и от страны, конечно. Фотосъемка, а в особенности телесюжеты обходятся традиционно дороже, чем газетно-журнальные варианты. Но бывает, когда редакции в поисках горячей информации рады бы заплатить весьма крупные суммы, не торгуясь, а продавца не находится. За факты торговли ядерными материалами, о которых шла речь в закрытом докладе для Ельцина, один известный журнал готов был выписать солидный гонорар, однако старания не увенчались успехом.

Давно уже считается в порядке вещей готовить к празднику для сотрудников нужных пресс-служб приятные подношения. Пакуется увесистая коробка с милыми сюрпризами: для женщин — конфеты и шампанское, для мужчин — бутылки приличного виски. Это такая же норма жизни, как несколько «штук» инспектору ГАИ, чтобы отвязался.

Телекомпании и издания, пользующиеся мировой известностью, стараются не платить. Исключения делаются крайне редко. И эти случаи хранятся в строжайшей тайне, дабы не нарушать этику и не выдать источник информации.

— Примерно раз в месяц кто-то приходит и предлагает продать какую-то информацию, — рассказыва-

ет Маттиас Шепп, руководитель московской редакции журнала «Штерн», — но обычно это некому не нужная чушь. Мы готовы заплатить за эксклюзив, как, впрочем, и за документы. Это, по-моему, не нарушает журналистской этики, потому что человек, который тебе доверяется, многим рискует. Были случаи, когда мы что-то покупали в московских и петербургских архивах. Один раз была информация, связанная с Лениным, другой раз — с Распутиным. Обычно мы рассчитываем на то, что всегда есть люди, готовые без денег дать информацию. Последний случай касался аварии на нефтепроводе в Усинске. Люди были готовы говорить откровенно: рабочие, которые получают мало или вообще полгода сидят без зарплаты, уволенные. Но когда для подготовки статьи нам понадобилось узнать некоторые статистические данные — протяженность нефтепровода в России, количество аварий за прошлый год и так далее, — мы столкнулись с большими трудностями.

Цифры, отнюдь не являющиеся секретными, хранились сотрудниками пресс-служб соответствующих ведомств пуще военной тайны. Ни в Министерстве энергетики, ни в Госкомстате журналистам не захотели помочь. В итоге агентство «Обозреватель», выпускающее справочную литературу, согласилось ответить на шесть вопросов за 900 тысяч рублей...

— Что касается политиков, — продолжает Маттиас Шепп, — то за интервью с ними мы ни за что не станем платить деньги. Потому, что такая публикация в «Штерне» — это просто реклама. Поднимать престиж Шохина, Черномырдина, Лужкова за деньги

мы, конечно, не будем. Даже за интервью с Борисом Николаевичем мы не стали бы платить. Позиция таких журналов, как «Тайм», «Ньюсуик», «Штерн», «Шпигель» и других известна. Но, может быть, у маленьких изданий дело обстоит иначе? Иногда, когда я путешествую по стране, люди в шутку или всерьез говорят, что они берут деньги за интервью. Я объясняю, что об этом не может быть и речи. Обычно они не спорят.

По словам моего собеседника, в Германии политики не требуют гонораров за интервью. Скорее это прираще «звездам». Но может случиться, что чиновник из аппарата канцлера или лидера оппозиции принесет в редакцию документы, свидетельствующие, к примеру, о коррумпированности какого-либо министра, и скажет: «Ребята, если вы хотите это иметь, переведите на мой счет 20 или 40 тысяч марок». Такое происходит крайне редко. Чаще с разоблачениями спешат к журналистам обиженные или уволенные сотрудники ведомств, которыми руководят отнюдь не меркантильные соображения...

В бедной нашей стране западные журналисты постоянно ощущают себя в роли богатого дядюшки. Подчас они сами готовы пожертвовать крохи со своего стола в пользу нищих героев иных сюжетов, однако предпочитают делать это не в денежном выражении, а, к примеру, в продуктовом. Небольшие гонорары время от времени подбрасываются экономистам, политологам за необходимые комментарии.

Газета «Лос-Анджелес таймс» неоднократно обращалась к известному политологу Андранику Миграняну с просьбой прокомментировать те или иные события, пока тот однажды не возмутился: «Я не хочу тратить свое время бесплодно. Зачем мне делиться с вами своими соображениями? Вы решите финансовый вопрос, тогда и звоните». Зато Павел Бунич, истинный бессребреник, никогда не отказывал дать интервью или комментарий и ни разу не ставил вопрос об оплате.

Той же газете пришлось, к сожалению, отказаться пару лет назад от интервью с племянницей Ленина Ольгой Дмитриевной Ульяновой по животрепещущей тогда теме — возможном перезахоронении вождя мирового пролетариата. Посетовав на тяжелую жизнь, родственница Ильича потребовала оплаты в долларах. Журналисты объяснили ей, что не могут пойти на этот шаг из-за морально-этических соображений, однако готовы возместить интеллектуальные затраты покупкой качественных продуктов в хорошем магазине. И это не имело бы вида взятки. Увы, Ольга Дмитриевна с негодованием отвергла предложение.

Душевный десятиминутный разговор с двумя сестрами Владимира Вольфовича обошелся корреспонденту английской газеты «Дейли экспресс» в скромную сотню долларов. На интервью с братом журналист не решился в силу соображений материального порядка. Но случай вознаградил его с неожиданной стороны: некто предложил приобрести справочник телефонов администрации президента за символиче-

скую цену в 40 долларов. Можно вообразить себе изумление сотрудника протокольного отдела, когда ему позвонили из «Дейли экспресс», ведь справочник предназначен для служебного пользования.

Зато случаи, когда ответственные чиновники без проволочек и бесплатно помогают журналистам выполнять профессиональные обязанности, запоминаются надолго и с благодарностью. Не буду называть имен этих честных граждан, которых все же немало, по одной причине — они просто нормально работают.

Увы, наш брат журналист тоже порой не прочь подзаработать. Это и особо скрытая реклама, за которую отстегивается черный нал, и заказные статьи, публикация которых в газетах средней руки обходится заказчику в 300—400 долларов, а в более респектабельных, соответственно, значительно дороже. В эту обойму входят свежайшие факты и фотографии, предоставляемые в первую очередь для западного издания, а затем уж для родной газеты. Не за «так», конечно.

Явно рассчитывая на эту меркантильность, один депутат предложил солидному информационному агентству за каждое упоминание его фамилии аккуратно выплачивать по сотне «зеленых». Ему был дан вежливый отказ. Потому что на самом деле популяризации той или иной политической фигуры, создание имиджа достигается иначе. В активе агентства есть профессионалы, за плечами у которых опыт

проведения не одной беспроектной предвыборной кампании, включая избрание мэра Анкары... Правда, такие акции стоят других денег.

(Совершенно секретно. — 1994. — № 12)

ЦЕПНОЙ ПЕС БЕРИИ

В последних числах июня 1953 года, поздней ночью, в спальне раздался телефонный звонок. Лежащий на кровати человек поднял трубку и сонным голосом назвал себя: «Церетели». «Докладывает полковник Ковалевский! — четко прозвучало в трубке. — Шалва Отарович, из Москвы позвонил генерал армии Масленников. Он срочно просит вас связаться по «ВЧ». Какие будут приказания?» «Высылай машину», — буркнул Церетели.

Когда усталого человека пятидесяти девяти лет от роду будят в четвертом часу ночи, он не сразу переполняется энтузиазмом. Но дело есть дело, да и Иван Иванович Масленников не кто-нибудь, а второй человек в МВД, он даром тревожить не станет. Поэтому Церетели быстро оделся, по давнишней привычке проверил личное оружие и вышел на улицу. Служебная машина мигом домчала его до штаба погранвойск Грузинского округа, где Церетели, на полуслове оборвав доклад дежурного офицера, проследовал к аппарату правительственной связи и велел соединить его с Москвой. Несколько минут спустя он услышал голос Масленникова и по-уставному обратился к нему: «Товарищ генерал армии, докладыва-

ет генерал-лейтенант Церетели!» «Шалва Отарович, я только что вышел из кабинета Бери, — объяснил Масленников. — Лаврентий Павлович велел тебе первым же самолетом вылететь в Москву. Все понял?» «Так точно! — подтвердил Церетели. — Вылетаю!»

В те годы беспосадочных рейсов Тбилиси — Москва не было, самолеты с поршневыми двигателями летали сравнительно медленно, поэтому на дорогу у Церетели ушло 5—6 часов, и я не исключаю, что в воздухе Шалва Отарович мог окинуть мысленным взором свою богатую впечатлениями жизнь.

Родился он в 1894 году в местечке Сачхере Сачхерского района Грузии в семье князя. Его исключили из третьего класса за систематическую неуспеваемость, вызванную тупостью. Но храбростью он ничуть не уступал героям «Трех мушкетеров», что, кстати сказать, проявилось во время первой мировой войны, куда Церетели пошел добровольцем. В 1919 году Церетели заподозрили в сочувствии большевикам и подвергли аресту с содержанием сперва в тбилисской, а потом в кутаисской тюрьме. Церетели объявил голодовку и был помещен в тюремный лазарет, откуда совершил дерзкий побег.

В то же самое время в кутаисской тюрьме сидел Лаврентий Берия, тогда мало кому известный двадцатилетний парень с не вполне ясным прошлым. Церетели знать не знал Бери, а Берия, наоборот, смот-

рел на Церетели снизу вверх, восхищаясь его мужеством.

В 1921 году Церетели начал службу в рабоче-крестьянской милиции и вскоре возглавил там отдел по борьбе с бандитизмом. Именно здесь обнаружилось его поразительное, вошедшее в легенду бесстрашие. Достоверно известно, что Церетели никогда не прятался за чужую спину, лично проводил наиболее опасные операции и обезвредил множество отпетых бандюг.

В 1938 году Берия был переведен в Москву на должность первого заместителя Ежова и взял с собой десяток особо доверенных сотрудников, в том числе и начальника республиканской милиции Церетели. В НКВД СССР Шалва Отарович стал заместителем начальника 3-го спецотдела, занимавшегося в основном арестами и обысками. Зная способности Церетели, Берия, разумеется, не загружал его мелкой текучкой и поручал только серьезные дела. Так, Шалва Отарович вместе с Берией арестовывал наркома Ежова, а вместе с Панюшкиным и Сумбатовым-Топуридзе — замнаркома внутренних дел Фриновского. Он же брал под стражу молодого Кедрова, осмелившегося — бывают же чудачки! — написать Сталину о произволе Берии.

Известно, что в ходе обысков у арестованных попадали антикварные вещи, деньги, монеты царской чеканки, дамские украшения из золота и драгоценных камней. Шалва Отарович знал много таких слу-

чаев и относился к алчным сослуживцам с ледяным презрением. Как-то на следствии его спросили, был ли он знаком с Богданом Кобуловым, правой рукой Бери. «Это очень грязный тип, способный на гадкие дела, — брезгливо ответил Церетели. — Жадный и властолюбивый. Он присваивал вещи осужденных к расстрелу...» С точки зрения Шалвы Отаровича, большей мерзопакости, чем Кобулов, земля не рождала.

Однако аресты и обыски были для Церетели занятием второстепенным, тогда как главным — так называемые специальные операции, о которых речь впереди.

После войны Шалва Отарович работал заместителем министра госбезопасности Грузинской ССР и никогда не конфликтовал со своим шефом Рапавой. Когда же на место Рапавы пришел Рухадзе, между ними сразу же начались распри — Рухадзе обожал подхалимаж, а Церетели не выказал и намека на подобострастие. Но до драки не дошло — считая, что с такими подонками, как Рухадзе, нельзя дышать одним воздухом, Шалва Отарович бесхитростно написал об этом сразу в четыре адреса: Сталину, Бери, Абакумову и Чарквиани, первому секретарю ЦК КП Грузии. Немедленно последовал вызов в Москву, самый вежливый прием в Кремле и на Лубянке, и в итоге — новое назначение: заместителем министра внутренних дел Грузии по войскам. Это, кстати, был единственный случай, когда Церетели обратился с личной просьбой. Других причин для просьб у него не было — его устраива-

ло то, что он имел, а на большее он не претендовал.

Не обходили Шалву Отаровича и при распределении наград. За беспорочную службу его грудь украсили четырнадцатью орденами.

А теперь вернемся в 1953 год и проследим за событиями, развернувшимися в Москве. С аэродрома Шалва Отарович прямиком явился в приемную генерала Масленникова и попросил аудиенции. Однако Масленников не принял Церетели, сославшись на крайнюю занятость. А на следующий день в Министерстве внутренних дел СССР открыто заговорили об аресте Берии. Это известие поразило Шалву Отаровича в самое сердце. Выходит, он опоздал! Опоздал, понятно, не по своей вине, но что это меняет? В решающий момент рядом с батоно Лаврентием не оказалось верного человека, и подлые враги одолели его! Эх, если бы Берия вызвал его хоть на день раньше и дал ему десяток-другой хватких оперативников...

Генерал армии Масленников напрочь отказался принять Церетели. И другие генералы за версту обходили Шалву Отаровича, как прокаженного. Тогда он, недолго думая, подал рапорт на имя нового министра внутренних дел СССР Круглова и попросился в отставку.

Возвратившись в Тбилиси, Церетели сдал дела и, став пенсионером, спокойно прожил дома месяц с не-

большим. Ждал он ареста или нет — трудно сказать, но когда 13 августа ему внезапно предъявили ордер, на его лице не дрогнул ни один мускул. Спешно этапированный в Москву, Шалва Отарович явился для следователей сущей находкой: он совершенно не умел лгать и на прямо поставленные вопросы всегда давал правдивые ответы. А если его пытались унижить, он невозмутимо говорил то, что думал. Однажды его спросили, как он, безграмотный человек, мог занимать руководящие должности в органах ВЧК — ОГПУ — НКВД. «Не мне судить о степени собственной грамотности, — ровным голосом ответил Церетели. — Но одно знаю точно — чекистом я был грамотным».

Спросят — ответит, и все, дальше от него слова не дождешься. Поэтому о специальных операциях, в которых участвовал Церетели, впервые услышали от других арестованных.

«Что вы делали вместе с Берией либо по его преступным указаниям?» — спрашивали у бывшего наркома внутренних дел Грузии А. Н. Рапавы.

«Летом 1939 или 1940 года, точно не помню, Л. П. Берия позвонил мне по телефону из Москвы и сказал, что в Тбилиси вместе с женой приедет наш посол в Китае Бовкун-Луганец, которого нужно хорошо встретить и поместить в санаторий Цхалтубо. Одновременно мне было сказано, что придут два сотрудника НКВД, которых также нужно устроить в Цхалтубо.

Бовкун-Луганец прибыл поездом один, без жены, был мною встречен и помещен в дом отдыха Лечсанпура Грузии в Цхалтубо. Через день или два, точно не помню, прибыли сотрудники НКВД. Они сказали мне, что по указанию руководства должны ликвидировать Бовкуна-Луганца, что он — враг народа, и если его ликвидацию провести открыто, соучастники могут остаться в Китае. Далее мне было сказано, что Бовкуна-Луганца решено отравить.

Я позвонил по телефону Берии и доложил, что нецелесообразно проводить операцию по задуманному плану, так как внезапная смерть такого ответственного работника неизбежно повлечет за собой вмешательство врачей, вскрытие трупа и т. п. Берия ответил: «Я спрошу и сообщу». На второй день он сказал мне, чтобы сотрудники возвращались назад, а я арестовал бы Бовкуна-Луганца и доставил в Москву. Это указание Берии было мною выполнено скрытно, ночью, так что никто посторонний не знал об аресте.

Через некоторое время Б. Кобулов, в ту пору начальник Секретно-политического отдела НКВД СССР, по телефону передал мне подробный план операции. В Тбилиси прибудет служебный вагон с сотрудниками НКВД, которые привезут трупы Бовкуна-Луганца и его жены. Мне же надлежит инсценировать автомобильную катастрофу, о чем опубликовать в печати. При этом мне был даже передан текст сообщения в печать.

О том, что произошло дальше, мы узнаем из упомянутой выше стенограммы Специального судебного присутствия, где председательствующий, Маршал Советского Союза И. Конев, допрашивал подсудимого Влодзимирского:

«Вопрос: По указанию Берии вы принимали участие в пытках, похищениях и убийствах советских людей?

Ответ: В 1939 году, в июне или июле, меня вызвали в кабинет Берии. Там находился Меркулов и еще кто-то. Берия дал указание Меркулову создать опергруппу из 3—4 человек и произвести секретный арест жены Кулика. Я был участником этой группы. Меркулов разрабатывал план, как устроить засаду, и предложил жену Кулика снять секретно. Ордера на арест жены Кулика не было.

Вопрос: Значит, вы тайно похитили человека ни в чем не виновного... то есть без всяких оснований?

Ответ: Была ли она виновата или нет, не знаю. Я считал, что ее снимают незаметно, так как не хотят компрометировать ее мужа.

Вопрос: Вы похитили жену Кулика, а что вы с ней сделали?

Ответ: Мы привезли ее в здание НКГБ и сдали. Я больше ничего не делал... Через полтора месяца меня вызвал Кобулов, приказал выехать в Сухановскую тюрьму, получить там жену Кулика и передать ее Блохину. Я понял, что если жена Кулика передается коменданту Блохину, это значит для исполнения приговора, то есть расстрела... Я только теперь узнал, что ее допрашивали Берия и Меркулов...»

Стало быть, Кулик-Симонич допрашивали. А где же протокол ее допроса? Его уничтожили сразу же после того, как миновала надобность. А что такая надобность была, мы поймем из ответов подсудимого Меркулова на вопросы члена суда Михайлова:

«Вопрос: Вы допрашивали Кулик-Симонич?

Ответ: Кулик-Симонич я допрашивал вместе с Берией, правильнее сказать — допрашивал ее Берия, а я вел запись протокола. Никаких показаний о своей шпионской работе она нам не дала и была нами завербована в качестве агента.

Вопрос: За что же была убита Кулик-Симонич?

Ответ: Я ее не убивал. Берия сказал мне, что о ее расстреле есть указание свыше. У меня не было никаких сомнений в том, что такое указание действительно было получено...»

Кто же заказал убийство жены Кулика? Тот, кто произнес историческую фразу: «Жить стало лучше,

жить стало веселей», — Иосиф Виссарионович Сталин.

Ни в одном документе дела Берии его фамилия не упоминалась с оттенком осуждения, но удивляться здесь нечему — таковы были «правила игры» и на предварительном следствии, и в судебном заседании. Еще бы, в ту пору Сталин — личность неприкосновенная, на нее запрещалось набрасывать даже легкую тень. Судьи и следователи — люди дисциплинированные, что прикажут — то они и сделают, да и подсудимые тоже народ сознательный, как-никак старые члены партии, им и в преддверии смерти надлежит радеть о незыблемости канонов.

Вернемся, могли ли два народных комиссара СССР — внутренних дел (Берия) и государственной безопасности (Меркулов) — по собственной инициативе похитить жену одного из двух живых Маршалов Советского Союза? Утвердительный ответ на этот вопрос даст только человек, совершенно не знакомый с нравами и обычаями кремлевского «двора». И ликвидацию Бовкуна-Луганца исполнили по команде Сталина. Помните, как Паравва возражал против отравления посла, а Берия сказал: «Я спрошу и сообщу». У кого же он мог спрашивать? У Сталина, у кого же еще! Да и за проектировавшимися акциями в отношении Литвинова, Капицы и Каплера безошибочно угадывается его злая воля. Литвинов был принципиальным противником пакта Молотова — Риббентропа, мешал установлению тесных контактов с Гитлером и за одно то, по мнению Сталина, заслуживал смерти. Кстати, Берия лично осматривал дорогу, по

которой Литвинов ездил на дачу, выбрал поворот, где удобно было устроить автокатастрофу, и не довел дело до конца лишь потому, что Сталин передумал. Капица отличался независимостью суждений, что тоже каралось смертью, но, к счастью, до него не дошли руки — что-то отвлекло Сталина, и он забыл о Капице. Что же касается намечавшегося избиения кинорежиссера Каплера, то тут побудительный мотив у Вождя был, как говорят, проще пареной репы: сукин сын Каплер завел шашни со Светланой Алилуевой, забыв о том, чья она дочь. Казнить за шашни — вроде бы перебор, а вот хорошенько набить морду — в самый раз. Полагаю, что мысль использовать жену Кулика в качестве агента при муже родилась в голове у Берии экспромтом, однако мудрый Вождь отбросил ее, как шелуху, — живая женщина может разболтать, где она побывала и о чем с ней беседовали, а мертвая куда надежнее, та точно ничего не скажет...

Едва ли Берия, Меркулов, Влодзимирский и Церетели размышляли о том, что законно, а что нет. Раз сам товарищ Сталин приказал тайно ликвидировать кого-то, значит, у него были бесспорные основания. А всякого рода бумаженции — вроде ордеров на аресты или решений «троек» — это простые формальности, за которые цепляются только буквоеды. Главное — не рассуждать, а вовремя выполнить приказ и доложить об исполнении.

Приговорили Церетели осенью 1955 года к высшей мере наказания, как это ни странно, за измену родине и принадлежность к контрреволюционной органи-

зации, чего, понятно, не было и в помине. На суде Шалва Отарович держался с присущим ему достоинством, а в последнем слове поведал судьям, что в 1919 году с великой радостью вступил в ряды коммунистической партии и до дня ареста в течение 34 лет никаких прегрешений против родной партии не допускал.

Вынужден признать, что князь Церетели говорил чистую правду и верно служил своей партии. А коль скоро осудили его не за убийство ни в чем не повинных людей, от чего ему было бы не отвертеться, а за то, чего он в действительности не совершал, то я допускаю, что приговор по делу Церетели будет опротестован и отменен. Это ли не парадокс?

(К. Столяров. // Совершенно секретно. — 1994. — № 9)

ИЛЬИЧ, КОТОРОГО МЫ НЕ ЗНАЛИ

Являлся ли Карлос агентом КГБ — проблема, давно занимающая западное общественное мнение. Смешно предполагать, что КГБ вербовал всех студентов в Университете им. Лумумбы (такой миф бытует на Западе), наоборот, лишь немногие подходили для тайной деятельности, да и большинство студентов и вербовать не нужно было — они сами были готовы к борьбе за коммунистические идеи. Помнится, в 60—70-е годы наша разведка буквально отбивалась от предложений внутренних органов передать агентов из «третьего мира». Нам нужны бы-

ли американцы, натовцы, на худой конец нейтралы-шведы, но эта афро-азиатская разношерстная братия... ее и так было пруд пруди! Карлос по своим данным (разгульный образ жизни плюс участие в студенческих демонстрациях) совершенно не вписывался в светлый образ агента КГБ. Террор, как известно, осуждал самый масштабный террорист В. Ленин. Сам Андропов даже на секретных совещаниях высказывал резкое неприятие терроризма. После предательств сотрудников в 70-е годы отдел «мокрых дел» КГБ был серьезно реорганизован и нацелен не на террор, а на возможные действия во время войны. После крушения коммунистического режима стало известно, что Карлос и прочие террористы имели контакты с разведкой ГДР и других сателлитов. Андропов был чрезвычайно осторожным политиком и очень боялся вляпаться в историю из-за террористов и бросить тем самым тень на миролюбивый брежневский курс. Но, отказываясь от прямых контактов и от содействия террористам, он все же старался не упустить их из виду и быть в курсе их деятельности (возможно, еще появятся на свет и иные документы). Занимался ли сам КГБ терроризмом в андроповские годы — открытый вопрос, ибо западники в понятие «террорист» включали и деятелей типа Нельсона Манделы, которому сейчас его бывшие ненавистники поют осанну. Но то, что КПСС через КГБ помогала национально-освободительному движению, в известной части террористическому, — это неоспоримый факт.

Его подлинное имя — Ильич Рамирес Санчес. Более известен как Карлос или Шакал Карлос.

Кто-то говорил, что он родился в Сантьяго-де-Чили. Кто-то утверждал, что в столице Колумбии Боготе. Разведывательные службы некоторых стран считали его родиной Израиль. Другие специалисты с этим не соглашались и оспаривали место рождения — от США до СССР.

В четырнадцать лет Карлос возглавлял молодежное коммунистическое движение в Каракасе, Венесуэла. Он был завербован КГБ раньше, чем ему исполнилось пятнадцать лет.

30 мая 1972 года. Двадцать семь человек были убиты и шестьдесят девять ранены, когда трое членов «Красной Армии Японии» открыли огонь из автоматического оружия в аэропорту «Лод», Тель-Авив. Нападение организовал Карлос. Двое из нападавших убиты в перестрелке с израильскими силами безопасности. Третий захвачен и заключен в тюрьму. Карлос скрылся.

5 сентября 1972 года во время Олимпиады в Мюнхене Карлос возглавлял арабскую группу «Черный сентябрь» в нападении на израильскую команду. Через 24 часа израильские спортсмены были убиты. Несмотря на то что некоторые из нападавших погибли, часть — ранены и захвачены, Карлос скрылся невредимым.

28 сентября 1973 года. Двое арабских террористов садятся в поезд Москва — Вена под названием «Экс-

пресс Шопена» в Братиславе, Чехословакия. Когда поезд прибывает в Маршегг на австрийской стороне границы, они достают автоматы и ручные гранаты и захватывают четверых заложников. Они требуют, чтобы Австрия закрыла крепость Шенау, транзитный лагерь для евреев, покидающих Россию. Австрия выполняет их требования, и оба араба вылетают в Ливию. Решение австрийского канцлера Бруно Крайски принять предложение вызывает шум во всем мире. Человеком, который спланировал и организовал акцию, был Карлос.

По мере того как увеличивалось число нанимателей, все труднее становилось определить, на какую же конкретно спецслужбу он работал. Если массовое убийство в «Лоде» и Мюнхене лежит на совести палестинцев, то кто же тогда застрелил югославского вице-консула в Лионе в марте 1974 года десятью пулями из автомата? На кого работал Карлос в Париже 19 декабря 1974 года, когда военный атташе Уругвая полковник Рамон Тробаль упал мертвым на подземной стоянке, пораженный шестью пулями? К середине 1975 года специалисты по борьбе с терроризмом с нарастающей обеспокоенностью спрашивали в средствах массовой информации: не является ли Шакал Карлос советским террористом, вышедшим из-под контроля?

В декабре 1975 года он прошел через стеклянные двери штаб-квартиры ОПЕК в Вене по заданию ливийского лидера Муаммара Каддафи. Специалисты не понимали, зачем Карлосу понадобилось захватывать заложниками министров нефтяной промышлен-

ности стран ОПЕК. Страх и растерянность, испытанные министрами, — именно то, чего хотел Каддафи. Он заплатил за это Карлосу двадцать миллионов долларов.

* * *

Посол, несмотря на серьезное ранение, выжил. Израиль в ответ на покушение вторгся в Ливан. Вначале утверждали, что цель вторжения — установить стабильные и безопасные границы, но скоро всему миру стало ясно, что истинной целью было полное уничтожение Организации освобождения Палестины, штаб-квартира которой находилась в то время в Бейруте. Ясир Арафат и его сторонники были вынуждены покинуть страну в середине сентября. Вслед за этим ливанская армия обнаружила доказательства того, что в лагере беженцев Бурж-Эль-Баражнех среди последних палестинских бойцов, покинувших его, был Карлос, скрывшийся морем в Тунис.

К концу 80-х годов слава легендарного Карлоса продолжала расти. 14 августа 1990 года, по сведениям ряда национальных разведслужб, стало известно, что иракский диктатор Саддам Хусейн, вторгшийся в Кувейт, готовил террористические акты с помощью Карлоса. Объектами были иракские диссиденты, обосновавшиеся в Лондоне и других европейских столицах. Широкий ассортимент оружия, имевшийся в распоряжении Шакала, включал химические средства. Как было установлено, Карлос имел за-

ключительные встречи с Саддамом Хусейном в Багдаде.

Длинная цепочка связей с членами левоэкстремистских организаций в Италии, Алжире привела Дэвида Яллопа в Бейрут. Там он впервые встретился с Карлосом на конспиративной квартире.

В комнате было человек восемь. Некоторые сидели на лавках, другие лежали вдоль стен. Судя по табачному дыму, который густо висел в воздухе, они были здесь уже давно. Когда мы вошли, один из них встал, затем подошел с протянутой рукой. Другие уставились на меня.

— Меня зовут Карлос.
Мы пожали друг другу руки.

— Я — Дэвид Яллоп.
— Да, я знаю.

Он повернулся к остальным и заговорил по-арабски. Они вышли из комнаты, оглядываясь на меня. Карлос проводил меня к креслу, и мы сели.

Он выглядел совсем как постаревший вариант фотографий из моего портфеля — снятых до того, как он стал известен всему миру, — только сейчас у него были большие, густые усы. Он также располнел. Я

прикинул, что в нем килограммов девяносто пять.

Минут пять — десять мы разговаривали о том о сем. Это было вполне по-арабски. Очень часто в дальнейшем, когда мне приходилось беседовать с кем-либо на Ближнем Востоке — с Арафатом в Тунисе, Каддафи в Триполи или с палестинским беженцем в лагере, — я вспоминал эти первые десять минут.

А потом...

— В вашем чемоданчике, кроме записей, есть магнитофон?

— Да. Но он пока не включен.

— Конечно нет. Вы же не глухой человек. Боюсь, что не позволю вам записывать этот разговор. Но можете делать любые рукописные заметки.

— Я понимаю это. Но вы оставляете для меня одну проблему. Мне нужно доказательство, что вы — Карлос.

— То, что я вам расскажу о себе, не может исходить ни от кого другого.

— Достаточно убедительно, но мне нужно какое-нибудь определенное доказательство. В прошлом, когда вы брали на себя ответственность за конкретную акцию, вы иногда оставляли на записке свои отпе-

чатки пальцев. Меня это устроит. Никто не скажет, что ваши отпечатки пальцев фальшивые.

— Мы с вами поладим. Вы хотите, чтобы я рассказал вам историю своей жизни?

— Да.

— Я готов отдать свою историю в том виде, как она есть, в ваши руки.

Я спросил его, почему он готов довериться мне. Он откинулся в своем кресле и улыбнулся:

— Отдать мою историю в ваши руки — это пустяк. Вы отдаете в мои руки вашу жизнь.

...Компартия Венесуэлы согласилась стать спонсором обучения Ильича и его брата Ленина в Университете имени Патриса Лумумбы. Университет был основан в 1961 году, в тот же год, когда человек, имя которого он носит, премьер-министр Конго, был убит ЦРУ. В то время, когда братья Рамирес поступили туда, преподавательский состав включал приблизительно 1200 человек, около восьми процентов из которых были профессорами или докторами наук. Много лет это являлось важным вкладом Советского Союза в образование «третьего мира». Две трети из примерно 6000 студентов прибывали в основном из Азии, Африки и Латинской Америки, одну треть составляли советские студенты.

Все проректоры по учебной части и работе со студентами-иностранцами были сотрудниками КГБ. Студенты-иностранцы размещались в общежитии, по трое в комнате, каждый третий студент всегда был русским. По прибытии студенты тщательно изучались сотрудником КГБ, и те, кто считался «перспективным», разрабатывались дальше. За остальными просто следили, обычно при помощи того самого, третьего в комнате. Делались периодические донесения, и студенты непрерывно «переоценивались».

В этот странный мир осенью 1968 года приехали братья Рамирес — не из бедности и отсталости «третьего мира», а из шумного Лондона. В отличие от многих своих однокурсников Ильич и Ленин не имели опыта лагерей беженцев на Ближнем Востоке. Им были незнакомы голод и нищета, как многим их коллегам из Африки, они не испытали жизни при тоталитарном режиме в отличие от своих новых друзей из стран Варшавского Пакта.

— Мой отец всегда учил нас задавать преподавателям вопросы, если мы чувствовали, что какое-либо из высказанных мнений... как это сказать... сомнительно. В Москве мы задавали много вопросов.

— Они должны были считать вас подрывным элементом.

— Они считали некоторых из нас, включая меня, головной болью.

Мы быстро приближались к другому «минному полю» в нашей беседе. Вместо того чтобы вмешиваться в ее течение, я сделал обходной маневр.

— Ваш отец был также человеком, который учил вас, что Маркс и Ленин были людьми, оказавшими величайшее воздействие на историю человечества. Вот вы оказались в 1968 году в Советском Союзе. Выглядело ли это в некотором роде как возвращение на историческую родину»?

— Не так заметно, но мы, конечно, стремились узнать действительность. Увидеть своими глазами советский образ жизни.

— И насколько действительность соответствовала теории?

— Очень плохо. Жизнь в России, а именно в Москве в период между 1968 и 1970 годами, имела очень мало общего с учением Ленина. Я не говорю о простых людях. Я имею в виду власти. Они были абсолютно закостенелыми. В Москве я впервые узнал, что означает «следование линии партии»: «Сегодня вечером вы должны присутствовать на собрании компартии Венесуэлы. В субботу после обеда вы должны присутствовать на собрании Ассоциации латиноамериканских студентов. Вы не можете выезжать из города без разрешения». И так далее...

— И какова была ваша реакция на эти инструкции?

— Послушайте, мне было девятнадцать лет, когда я приехал в Россию. Москва была полна красивых молодых женщин, ищущих развлечений. Какой должна была, по-вашему, быть моя реакция? При выборе между обсуждением линии партии по вопросу о повстанческих действиях и приятным времяпрепровождением с музыкой, женщиной и бутылкой водки политическая дискуссия занимала очень низкое место в списке моих предпочтений.

В то время как большинство студентов Университета Патриса Лумумбы перебивались на ежемесячные советские стипендии в 90 рублей (в то время это было приблизительно 90 фунтов стерлингов), братья Рамирес регулярно получали чеки на две-три сотни долларов от своего отца, которые они щедро тратили на «сладкую жизнь» не только для себя, но и для всех своих друзей. Когда власти хмурились, а КПВ возражала, Хосе игнорировал признаки опасности, отметал их возражения в сторону и продолжал присылать деньги своим сыновьям.

В марте 1969 года университет переписал двести студентов за демонстрацию и беспорядки перед иностранным посольством. Среди них был Ильич, которого также обвиняли в «хулиганских действиях» и «нанесении ущерба личной собственности».

Все началось, когда около тридцати иранских сту-

дентов получили уведомление от своего посольства, что их паспорта не будут продлены. У некоторых изъяли старые паспорта. Таким образом, они были лишены шахским режимом своего гражданства и брошены в Москве.

Демонстрацию запланировали на экстренном собрании студентов, и 11 марта более двухсот студентов устроили столкновение с милицией и КГБ перед иранским посольством. По западным стандартам столкновение было легким. Никого не застрелили. Никого не били без причины. Для Москвы тех времен это было сенсацией. Трамваи со студентами останавливались до того, как они достигали района посольства Ирана, и многих, включая Ленина, бесцеремонно выталкивали наружу. Ильича, с его светлой кожей и в меховой шапке, приняли за местного жителя и отпустили. Он попал в центр демонстрации, когда события уже кипели. Из портфеля его товарища, которого схватила милиция, выпала на снег большая бутылка чернил. Ильич подобрал ее и бросил, целясь в здание иранского посольства. Он вспомнил этот эпизод:

— Я промахнулся. Бутылка чернил угодила прямо в окно частной квартиры.

Ильича милиционеры подхватили под руки и бросили в милицейский фургон вместе с другими арестованными студентами.

Несколько недель у него на предплечьях оставались ссадины. В конце концов милиция освободила студентов со строгим предупреждением, которое было продублировано университетскими властями.

К концу первого года учебы Ильич и Ленин успешно сдали экзамены за подготовительный курс русского языка и были зачислены на основной курс. Оба решили, что пришло время расслабиться.

— Мы запрыгнули в экспресс Москва — Копенгаген, а оттуда отправились в Амстердам. У Ленина была гитара, а у меня — отличное настроение.

В то время, как и сейчас, Амстердам мог многое предложить своим гостям. Некоторых привлекали полотна Ван Гога в Рийксмузееме, других — каналы, пересекающие город. Ильич с братом искали других развлечений.

— Секс, наркотики и рок-н-ролл. Я помню вечер, когда мы, не успев приехать, отправились послушать музыку в «парадизо». Я не могу воспроизвести ни одной ноты. Ленин — с голосом, действительно хорошо играет на гитаре. Кто-то дал мне «косяк» затянуться. Остаток вечера я помню смутно, кроме того, что мы спали на Дам-Сквер. Мы выглядели хуже, чем персонажи «Ночного дозора» Рембрандта. На следующий вечер я отправился за «товаром» в район Красных фонарей.

— Вы чего-нибудь купили?

Он рассмеялся:

— Эти девушки не дают в кредит.

Вернувшись осенью для продолжения учебы, они удвоили свои усилия за пределами аудитории. Ильич познакомился с кубинкой по имени Соня Марина Ориола, и у них начался роман. Были еще и водка, и песни под гитару, и интриги университетской политики. Братьям Рамирес велели следовать линии партии, но они не любили выполнять приказания, особенно своих земляков-венесуэльцев. Ильич считал, что им нужен родительский совет отца, находящегося за многие тысячи миль от них, в Каракасе. Он пошел в медпункт с жалобой на сильные боли в животе и попросил разрешения вернуться в Лондон, чтобы его мать могла следить за лечением...

Вернувшись в Москву в середине февраля, Ильич, уверенный в отцовской поддержке, стал еще более активен в своем конфликте с КПВ, с преподавателями и вообще с чиновниками. Ранней весной его известили, что он официально осужден организацией КПВ в Москве, которая донесла в Каракас о своих проблемах с ним. Примерно в то же время Соня сообщила ему, что беременна.

Не обращая особого внимания на эти трудности, Ильич продолжает организовывать собрания своей теперь уже не настолько тайной ячейки венесуэльцев. До того как их раскрыли, они разработали секретный план: во время летних каникул 1970 года по-

ехать на Ближний Восток для обучения методам ведения партизанской войны.

В конце июня руководство КПВ в Каракасе отреагировало на жалобы ортодоксальной части венесуэльских студентов и прекратило свою спонсорскую деятельность в отношении как Ильича, так и Ленина. Это неизбежно повлекло прекращение учебы, и через несколько дней их вызвали в кабинет ректора университета. После того как был зачитан казавшийся бесконечным список их прегрешений, братьям сообщили, что они исключены. Через пятнадцать лет, когда Карлос вспоминал об этом событии, все еще была заметна обида. Опять его ответы опережали мои вопросы.

— Ленин был очень расстроен исключением. Он обвинял меня. Он очень хотел получить университетский диплом. Он хотел вернуться в Венесуэлу инженером, а не партизаном. Я хотел помочь революции в нашей стране. Я сказал ему, что, прежде чем строить новое, нужно снести старое.

— Многие писали, что вы получили для этого подготовку в Советском Союзе.

— Опять выдумки.

— Вы имели контакты с военной кафедрой?

— Нет, я не имел с ними контактов. — Он на мгновение замолчал, глядя на меня немигающими глазами. — Я не знал, что вы говорите по-русски.

— Нет, я не говорю. Просто знаю это странное название. Он посмотрел на свои массивные наручные золотые часы, затем быстро заговорил на непонятном русском языке. Я смотрел на него, не понимая. Карлос улыбнулся:

— Если бы я прошел подготовку в Москве или где-нибудь еще в Советском Союзе, тогда зачем мне нужно было ехать на Ближний Восток учиться у палестинцев? Вспомните, что наш план был вернуться в Венесуэлу после подготовки. Советские были категорически против Дугласа Браво и повстанцев. Вот почему нам требовалось ехать на Ближний Восток.

— А что случилось с Соней?

— Ее отчислили. Она вернулась в Гавану, и наш ребенок, девочка, родился там.

— Вы ее видели после того, как оставили университет?

— Нет. Некоторое время мы переписывались. Я отправлял посылки для нашей дочери через кубинское посольство. Потом — ничего. Она даже не сообщила имя нашей дочери. Возможно, после всего случившегося так оно лучше.

Прежде чем мы продолжили обсуждать его приключения на Ближнем Востоке, я решил кое-что узнать.

— Вы только что обратились ко мне по-русски. Я не понял, что вы говорили мне.

Он встал во весь рост.

— Я хотел посмотреть, владеете ли вы русским.

Я кивнул и улыбнулся.

— Так что же вы сказали?

— Ну, что-то вроде: «Я думаю, что вы — агент КГБ и через пять минут вас выведут и расстреляют».

Я перестал улыбаться и делать записи. Карлос снова сел. На столе между нами стояла корзина, доверху наполненная пачками сигарет. Он взял пачку «Мальборо», открыл ее и предложил мне сигарету. Я не курил уже почти два года, но автоматически взял и прикурил. Я чувствовал себя не в своей тарелке.

Когда он заговорил, его голос звучал успокаивающе:
— Все в порядке. Я просто хотел посмотреть на вашу реакцию.

— Мне повезло, что я не говорю по-русски?

— Да.

(Дэвид Яллоп. // Совершенно секретно. — 1994. — № 9)

СКОЛЬКО СТОИТ ПОДСТРЕЛИТЬ ПРЕЗИДЕНТА

Через месяц после публикации в «Совершенно секретно» моей статьи «Черные маски спецназа» в редакции раздался звонок.

Мужчина, не представившись, сказал: «Герой статьи, бывший спецназовец, говоря о том, что его коллеги не идут на службу к мафии, мягко говоря, ввел вас в заблуждение. Если вы интересуетесь тем, как все обстоит на самом деле, могу рассказать». Я до сих пор не пойму, чем была вызвана откровенность человека, оказавшегося профессиональным киллером. Правда, в какой-то момент нашей беседы из глубин памяти всплыло на мгновение слово «кураж»...

Лето 70 назад отечественный исследователь преступного мира доктор Лобас столкнулся с таким редким для того времени криминальным происшествием — наемным убийством. Сегодня, по данным Главного управления уголовного розыска МВД России, в год расследуется свыше 200 заказных убийств. Причем специалисты знают: в действительности их в несколько раз больше. Точную цифру вряд ли кто назовет, так как «заказную мокруху» трудно либо отличить от несчастного случая, либо доказать. Еще недавно, по статистике того же МВД, львиную долю сделок «смерть — деньги» составляли убийства родственников, соседей, знакомых, заказанных из мес-

ти, ревности, стремления получить наследство и т. п. Исполнителями выступали «киллеры на час» — довольно пестрая публика, представленная бомжами, алкоголиками, бывшими спортсменами, солдатами-дезертирами. В ход шли бутылки, ножи, веревки, обрезы, охотничьи ружья.

За последние полтора года принялись убивать одного за другим воров в законе, авторитетов, банкиров, бизнесменов, предпринимателей. При этом уже использовалось полуавтоматическое и автоматическое оружие, а также взрывчатые вещества. Практически все убийцы благополучно покидали место преступления. Кто-то приписывает эти убийства членам преступных группировок, кто-то склонен полагать, что в России появился свой «эскадрон смерти», сформированный из сотрудников уголовного розыска, который сам творит и суд, и расправу. А вот мнение киллера:

«Так применять профессиональные средства могут люди, не только имеющие опыт обращения со служебным оружием, но и обученные убивать. Один грамотно — выстрелами в ноги — укладывает (а не убивает) телохранителя и шофера и аккуратно посылает три пули в «клиента» — директора. Другой ловит «клиента» в щель между шторами (с чердака бывшего здания КГБ) и всаживает ему пулю в лоб. Третий расстреливает объект в движущейся машине. И вы скажете, что это работают бывшие уголовники, мнящие себя суперменами? Оставьте иллюзии. Это — профи. И запомните — российский киллер-профессионал воспитан не в зоне под присмотром

пахана. И стрелять он учился не на лесных опушках Подмосковья, и мускулы наращивал не в люберецких подвалах. Профессиональные киллеры имеют хорошую подготовку, за плечами у них либо спецподразделения армии и флота, участие в боевых операциях, либо они были подготовлены спецслужбами ныне распавшегося СССР и оттачивали свое мастерство и умение в специальных акциях. Давайте скажем честно: профессиональный киллер — это, как правило, человек, подготовленный Государством, сознательно выбравший для себя противозаконный род деятельности. Именно к этим людям предпочитают обращаться «крестные отцы» мафии и воротилы теневого бизнеса. И не имеют при этом головной боли: гарантия стопроцентная и никаких следов...»

По словам киллера, профессионалы успешно работают под несчастный случай или самоубийство. Но такие заказы поступают в том случае, когда «клиента» хотят убрать тихо. Допустим, некий зам мечтает сесть в кресло директора фирмы. Последний может в пьяном виде вывалиться из окна, отравиться газом, упасть в лифтовую шахту и т. п. И сделано все будет так, что комар носа не подточит. Заказ на отстрел поступает, когда политику какой-то структуры надо изменить на 180 градусов. Убирая самого несговорчивого, устрашают остальных. Заказ получают через посредника. У моего собеседника к заказчику бывает только три вопроса: «кого?», иногда «где?» и «сколько?» Сразу платят половину плюс расходы на подготовку (приобретение оружия, левых номеров для автомашины, паспорта и др.). Остальное — после убийства. Но бывают случаи, когда всю сумму передают до начала операции.

Киллер: «Некоторые мои коллеги полагают, что для исполнения каждого заказа необходимо строго индивидуальное оружие, то есть отстрелянный «ствол» должен исчезнуть. Бытует мнение, что настоящий профессионал никогда не использует дважды одно и то же оружие. Позволю себе с этим не согласиться. Если первый заказ не был «крутым» и поисками не занималась ФСК, то я, например, мог бы использовать одно и то же оружие несколько раз не меняя. Во-первых, для этих целей более надежен револьвер. Во-вторых, это пистолет ТТ. А вообще с оружием, как и со взрывчаткой, проблем нет, купить можно все, что угодно. Правда, взрывчаткой я пользоваться не люблю. Промышленные ВВ, шашки тротильные прессованные ТП-200, ТП-400, литые ТГ-500, аммониты, гексопласты, ну и другие, армейские — тен, тетрил, плаксид — все это определяется даже после взрыва специальными аэрозолями типа «EXPRAY». А дальше все пойдет по цепочке: ФСК определит характер взрывчатого вещества, места его использования и хранения; через МВД или армейскую контрразведку выяснит, где были хищения. Так и до исполнителя дойти можно».

В Федеральной программе Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994—1995 годы намечен комплекс мероприятий по пресечению незаконного оборота оружия. Практика показывает: незаконный оборот оружия и его использование в преступных целях приобрели широкий размах и все больше оказывают негативное влияние на обострение криминогенной обстановки. Только за последние три года количество преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия, увеличилось с

4 до 22,5 тысячи. У преступников изъято 1366 пистолетов и револьверов, 1946 автоматов, 140 пулеметов, 328 винтовок...

...Любой профессионал, получивший заказ на устранение лидера, займется тщательной разработкой плана, который позволит ему не только выполнить задание, но и остаться целым и невредимым. Камикадзе, как вы понимаете, среди нас нет. Основным элементом моего плана могла бы стать неожиданность. Когда проходит год за годом, а покушений нет, проверки становятся в какой-то степени формальными, а бдительность притупляется. К тому же у охраны сложился отработанный стереотип. Моя задача — ударить так, чтобы действия не вписывались в схемы, наработанные охраной, то есть были для нее неожиданны. Для этого мне необходимо рассуждать так, как рассуждают мои оппоненты.

...После сбора информации о лидере и ее анализа я могу предположить, где и когда будет проводиться акция. Следующий этап — отработка места покушения и близлежащих районов. Выбрав место и осмотрев доминирующее строение, отрабатываю пути отхода. Определяю способ осуществления акции, оружие...

...Взрывные устройства с дистанционным способом подрыва не дадут гарантированного результата. На трассе и на подъезде взорвать автомобиль практически невозможно. Машина того же Президента, к

примеру, это своего рода броневик, внутри которого находится капсула-салон. И для того чтобы нанести реальный ущерб, допустим, при подрыве авто и люка коммуникационной сети, нужен заряд такой силы мощности, что авто должно подбросить на 15—20 метров. Значит, реальная возможность физического устранения «клиента» появляется только в тот момент, когда он находится на свежем воздухе. Зарядом направленного действия с дистанционным подрывом, скажем, немного модернизированной отечественной ПОМЗ-2 или ОЗМ-4, ну, это от бедности, а лучше американской М18 (мина «Клеймор»). Но я бы использовать ее не стал. У М18 сектор поражения осколками 60 градусов, и летят они на 30—40 метров, все живое выкосят, не подпрыгнешь, не заляжешь. А это значит, будут лишние жертвы. Жалко ли мне людей? Да нет, просто устранение тех, кто не оплачен, не есть профессионализм...»

Все пространство, окружающее телохранителя, условно можно разделить на пять зон. Первая — зона непосредственной близости — от 0 до 3—5 метров. Это пространство, в котором противник может совершить мгновенное нападение. Все объекты здесь пользуются повышенным вниманием. Вторая — ближняя зона от 5 до 20 метров. Внутри этой зоны возможно эффективное нападение с помощью легкого стрелкового оружия и применения метательных взрывных устройств. Третья — от 20 до 300 метров. Внутри нее возможно эффективное нападение с помощью профессионального оружия. Четвертая — зона ближней видимости — до 500 метров. Это предельное расстояние, на котором мож-

но обнаружить опасность, оценить обстановку и принять решение.

Киллер: «Скорее всего, я решил бы работать в 300-метровой зоне. Ближе — нет смысла, дальше — нет гарантии. Затем оружие... Теперь остается только ждать. А когда появится объект, поймать в перекрестке прицела голову или горло (на корпусе возможен бронежилет), задержать дыхание и плавно нажать спуск. А потом уходить. В любом случае у службы безопасности, как бы хорошо она ни была подготовлена, возможности ограничены, потому что профессионалы несут охрану в непосредственной близости от лидера. За те мгновения, пока схлынет паника и ситуация станет подконтрольна охране, я растворяюсь в толпе...

Возможно ли организовать покушение на Президента? Почему бы нет? Попытки уже были. 7 ноября 1990 года в 11.10 на Красной площади слесарь Ижорского завода Саша Шмонов стрелял в Горбачева. Михаилу Сергеевичу по гроб надо быть благодарным старшему сержанту Мыльникову. Если бы Мыльников стоял на три шага дальше, если бы он не отбил ствол вверх, если бы второй выстрел не пришелся в булыжник Красной площади, кто знает, по какому пути пошла бы страна.

Сколько стоит подстрелить президента? Фанатик типа Шмонова попытается сделать это бесплатно, но его шансы минимальны. Профессионал моего уровня запросит, я думаю, тысяч 500—700 «зеленых» и не

промахнется... Только, по моим прикидкам, вряд ли кто на него замахнется. Так что президент может спать спокойно, чего я не могу сказать о президентах банков и концернов, а особенно о лидерах политических партий...»

(Т. Белоусова. Сколько стоит подстрелить президента... // Совершенно секретно. — 1994. — № 10)

ОДНАЖДЫ В ХИМКАХ

Теплым вечером 26 апреля минувшего года депутат Государственной Думы Андрей Айдзердзис возвращался домой в подмосковные Химки. Ему оставалось сделать несколько шагов до четвертого подъезда дома № 49 по Юбилейному проспекту, как из подвального окна прозвучал выстрел. Заряд, выпущенный из помпового ружья «Maverik», разворотил всю правую часть грудной клетки депутата. С такими ранениями не выживают, так что приехавшая около половины девятого оперативная группа Химкинского УВД обнаружила уже безжизненное тело...

Местные милиционеры действовали по установленному стандарту: нашли в подвале брошенное оружие, следы обуви, возможно оставленные преступником, пустили по следу служебно-розыскную собаку. В полукилометре от дома, на автостоянке, след оборвался... На следующий день маленький

городок, почти сросшийся уже со столицей России, стал местом паломничества представителей всех ветвей власти и руководящих чинов силовых министерств. Парламентарии, почтив память покойного вставанием, постановили озадачить МВД и ФСК поиском убийц, президент дал соответствующие указания «соответствующим ведомствам», в прессе появились различные версии. Потом была долгая оперативная работа, в результате которой убийство решили считать раскрытым, о чем недавно заявил и. о. Генерального прокурора г-н Ильюшенко. Но следствие идет, а посему все связанное с делом Айдзердзиса считается тайным. Может быть, ждут поимки непосредственного исполнителя, может быть, передачи дела в суд, а может быть, просто хотят, чтобы о нем забыли, несмотря на то что в широком освещении дела как бы заинтересованы все: депутаты, президент, правительство. Но на вопросы журналистов, как и прежде, отвечают: преступление раскрыто, идет следствие, идет следствие, идет...

* * *

Последние четыре года жизни Андрей Дайнисовича Айдзердзиса, 1958 г. рождения, уроженца и жителя города Химки, можно рассматривать как пример становления настоящего «нового русского», хотя в строгом смысле слова он русским не являлся. Во всяком случае, за это время он сделал головокружительную карьеру...

... а средства банка были приобретены легковые автомобили, которые перешли в пользование главе администрации, помощнику по безопасности, заместителю начальника налоговой полиции Химкинского района г-ну Карасеву, бывшему начальнику горотдела ФСК г-ну Рябчикову, начальнику Химкинского УВД г-ну Артамонову.

«Черная кошка» между Айдзердзисом и городскими властями пробежала летом 1993 года, когда помощник по безопасности был арестован следственным отделом РУВД Центрального округа Москвы по обвинению в вымогательстве (ч. 3 ст. 95 УК РФ). Больше месяца пришлось ему пробывать в Бутырке, прежде чем г-н Кораблин, используя свои депутатские полномочия и денежные средства «МДК-Банка», смог вызволить своего любимца.

Выйдя на свободу, г-н Гайдеров высказал правлению банка свои претензии: мол, мало денег дали, пришлось сидеть долго, потребовал материальной компенсации, в которой Айдзердзис ему почему-то отказал.

Химкинская администрация тут же забыла про автомашины, про деньги и все прочее и начала настоящую травлю «МДК-Банка». С осени 1993 года Кораблин и Карасев регулярно направляли проверки в банк, дезорганизуя его работу. За Айдзердзисом и сотрудниками банка устанавливалось скрытое наблюдение, в банковских помещениях ставились современные устройства прослушивания и скрытой

видеосъемки. Все это использовалось для вымогательства денежных средств и дискредитации Айдзердзиса.

К тому, чтобы его дискредитировать, были и политические причины: в конце 1993 года Кораблин и Айдзердзис баллотировались в депутаты Госдумы по 109-му избирательному округу Мытищинского, Химкинского и Солнечногорского районов. Естественно, Кораблин и Гайдеров оказывали давление на средства массовой информации, с тем чтобы не дать конкуренту победить. Однажды между Айдзердзисом и «закупленным» администрацией руководителем местной студии кабельного телевидения даже произошла драка, по факту которой было возбуждено уголовное дело. Но, несмотря на происки врагов, Айдзердзис все же получил вождеденный депутатский мандат и быстро сложил с себя обязанности руководителя банка, передав их г-ну Васильеву.

Еще одной причиной конфликта между Айдзердзисом и городскими властями было желание по ледних открыть с помощью «люберецкой» и «солнцевской» преступных группировок коммерческий банк в Москве. Активную помощь в «обеспечении безопасности» этого банка должны были оказать и «ивантеевские бригады». Естественно, «МДК-Банк» для новоявленных «банкиров» был как бельмо на глазу...

Неудача на политическом фронте и непонятная ситуация с собственным банком очень расстроили гла-

ву администрации Химок и его помощника по безопасности. Как-то на Рождество они решили крепко выпить и проехаться с ветерком по Ленинградскому шоссе. Вот как описывается эта «поездка» в милицеских сведках: «07.01.94 в 12.00 на 19 км Ленинградского шоссе г. Москвы за грубейшие нарушения ПДД была выявлена автомашина ВАЗ-2106 гос. номер Ч 52-41 МТ. На требование инспекторов ГАИ остановиться водитель не реагировал и предпринял попытку скрыться. На ул. Маяковского г. Химки водитель не справился с управлением и автомашина выскочила на тротуар. При задержании водитель и два пассажира оказали физическое сопротивление сотрудникам милиции. Для прекращения противоправных действий начальник смены капитан милиции Колосков В. М. применил табельное оружие, произведя предупредительный выстрел. Управлял автомашиной Кораблин Ю. В., а одним из установленных пассажиров, оказавшим активное сопротивление сотрудникам милиции — Гайдеров А. А. Оба названных лица были в состоянии алкогольного опьянения».

Самое интересное в этой истории то, что уголовное дело № 17337 было возбуждено в феврале 1994 года против сотрудников ГАИ, догнавших и со стрельбой поймавших сопротивлявшихся нарушителей, а не против нетрезвых городских чиновников. Кстати, Айдзердзис, используя право депутатского запроса, решил все-таки защищать сотрудников ГАИ от своих лютых врагов и добился того, что дело было направлено в московскую прокуратуру...

Первоначально оперативники, занимавшиеся работой по делу Айдзердзиса, выдвинули четыре версии возможных причин его убийства. «Неприятные личные отношения в быту и по месту работы» отпали почти сразу. Наиболее маловероятной из оставшихся считалась версия о том, что на убийство Айдзердзиса могли пойти люди из фирмы «Лига христианских предпринимателей», которым «МДК-Банк» предоставил кредит в 300 миллионов рублей. Фирма условий договора не выполнила, и в ходе конфликта Айдзердзис вместе с г-ном Васильевым отобрал у «христианских» руководителей печать и ряд документов фирмы, чем значительно осложнил ее работу. Подобная же история произошла у банка с фирмой «Мир», которая тоже затягивала возвращение кредита, правда, в сумме 20 миллионов рублей.

Другая версия связана с уже описанными выше конфликтами Айдзердзиса с городскими властями, которые усугубились намерением депутата выдвинуть свою кандидатуру на пост мэра Химок.

Третью версию во избежание кривотолков лучше процитировать по имеющемуся в распоряжении редакции документу: «Основанием для выдвижения данной версии послужила информация о вложении в уставной фонд денежных средств, принадлежавших устойчивым преступным структурам, последовавшими за этим требованиям возвращения денег с про-

центами с оборота и отказом руководства «МДК-Банка» от уплаты. Кроме того, имеется оперативная информация о наличии контактов между группировками Москвы и Московской области».

Уж чего-чего, а «контактов» у Айдзердзиса хватало с лихвой. В протоколах допросов свидетелей и обвиняемых по делу упоминаются факты «хорошего знакомства» Айдзердзиса с Руцким, Хасбулатовым, Баркашовым. По некоторым сведениям, «МДК-Банк» занимался отмыванием денег у этих лиц. Руслану Хасбулатову Айдзердзис якобы даже подарил одно из своих охотничьих ружей...

* * *

Разработка различных версий давала оперативникам возможность определить круг тех, кому было бы выгодно покончить с Айдзердзисом. Причины к тому у разных людей были достаточно вескими. Оставалось самое трудное: найти, кто именно пошел на преступление. И тут неоценимую помощь оказало найденное орудие убийства, то самое ружье фирмы «Maverik» № В 06168Д. По каналам Интерпола было выяснено, что оно изготовлено в Мексике по американской лицензии и 3 февраля 1994 года было продано в Турцию фирме «Коунпацари», базирующейся в Анкаре. Житель Турции Али Герман Ши совершенно легально ввез его в свою страну, а затем продал владельцу охотничьих принадлежностей «Дога» Рифарту Сивашли, который в свою очередь перепродал его другому торговцу, Кутши-Экдери. 2 апреля последний

продал указанное ружье якобы неизвестному ему мужчине русской национальности...

Пришлось снова обратиться к помощи Интерпола и изучить тех, кто в указанное время был в поездках по Турции. Выяснилось, что ружье (кстати, не одно, а два) купил житель Химок некто Лужин, воспользовавшись имевшимся у его приятеля г-на Щепкина разрешением на покупку оружия. Тем не менее ружья были провезены в Россию нелегально. На допросе г-н Лужин показал, что привезти ружье его просил хороший знакомый Клепиков, заранее заплативший за него 700 долларов. Стали допрашивать Клепикова, который пояснил, что ружье действительно получил, хранил его дома, разбирал, стрелял и пришел к выводу, что оно низкого качества, в результате чего решил от него избавиться. Покупатель нашелся довольно быстро: за тысячку долларов оружие купил Дмитрий Юрьевич Михненко, член устойчивой преступной группировки, возглавлявшейся Бурлачко—Романовым. Случилось это 22—23 апреля, то есть за три дня до рокового выстрела. Да, если уж на сцене появляется ружье...

* * *

Не секрет, что члены организованных преступных группировок достаточно хорошо известны органам внутренних дел. Когда вы читаете о каком-нибудь заказном убийстве, то очень часто рядом с фамилией убитого появляется фраза «по некоторым сведе-

ниям, убитый является членом преступной группировки». «Химкинской бригаде» не повезло. Убийство депутата заставило милицию переловить или, во всяком случае, допросить всех, кто имеет либо имел к ней какое-то отношение. Тут уж не до соблюдения «экологического равновесия», когда одна группировка «уравновешивает» другую...

Очень скоро был определен и круг подозреваемых в организации и осуществлении убийства депутата. В первую очередь были задержаны те, кто имел отношение к покупке оружия, то есть Андрей Щепкин, Игорь Лужин, Александр Клепиков. Затем пошли члены «химкинской» преступной группировки Дмитрий Ракчеев, Сергей Сучков и др.

Из допросов подозреваемых стала постепенно проступать картина подготовки убийств. Как выяснилось (во всяком случае, по показаниям задержанных), «убийство Айдзердзиса подготовлено и совершено участниками «химкинской» преступной группировки, которую ранее возглавлял погибший в следственном изоляторе г. Волоколамска Бурлачко, а затем находившийся в настоящее время под следствием Романов. Кроме того, в группировке появилась информация о том, что убийство Бурлачко и арест Романова профинансированы Айдзердзисом в период его работы в «МДК-Банке», одновременно служба безопасности банка активизировала свои противоправные действия по разрешению различных вопросов, ранее являвшихся прерогативой этой группировки.

Убийство депутата Айдзердзиса А. Д. разрабатывалось и планировалось Катерным Дмитрием Васильевичем 1977 г. р., Кудряшовым Сергеем Анатольевичем 1970 г. р., Егорцевым Александром Владимировичем 1972 г. р., осуществлено — Михненко Дмитрием Юрьевичем 1967 г. р. при содействии Малащенко Александра Валерьевича 1967 г. р. — все жители г. Химки — активные участники преступной группировки. О намечавшемся убийстве, подготовке и приобретении оружия был осведомлен ряд других членов группировки, впоследствии оказавших помощь в укрытии преступников, уничтожении вещественных доказательств.

Кудряшова и Катерного оперативникам удалось арестовать, но другие соучастники и непосредственный исполнитель Дмитрий Михненко пока на свободе. Установлено, что пару дней после убийства Михненко скрывался на кладбище, после чего отбыл в неизвестном направлении. Другие бандиты прятались по конспиративным квартирам в Зеленограде или в домах отдыха в Щелковском и Солнечногорском районах и Звенигороде. Перед Новым годом оперативникам удалось выловить и Александра Егорцева.

Одно время ходили слухи, что убийцу Айдзердзиса тоже убили, пытаясь таким образом «спрятать концы в воду». Скорее всего, это не так: родственники Михненко и тех, кто находится в бегах, регулярно получают дотации не только из воровского «общака», но и от «неустановленных лиц»... Кстати, одна из последних милицейских версий местонахождения подозреваемых в убийстве основывается на том, что в

австрийской столице членами группировки была открыта по поддельным документам, но тем не менее успешно функционирует некая коммерческая фирма. Так что, может быть, снова обратиться к Интерполу?

* * *

Читая рапорты, донесения, сообщения, протоколы и прочие документы, связанные с этим нашумевшим, но доселе еще «закрытым» делом, удивляешься, как много информации удалось набрать милиции и ФСК. В одном из документов упоминается, что такие же помповые ружья «Maverik» были в свое время подарены Руцкому и Жириновскому, в другом — что адвокатам двух из обвиняемых было заплачено шесть тысяч долларов... Из таких штрихов и состоит это дело, которое числится незаконченным и дойдет до суда с вероятностью процентов в пятьдесят.

И в заключение еще одна маленькая цитата, вроде бы не имеющая непосредственного отношения к убийству, но весьма показательная:

«8 июня с. г. осуществлен выход с арестованным Минаяевым для проверки на месте его показаний о сокрытии оружия по распоряжению потерпевшего Айдзердзиса А. Д. В результате поисковых мероприятий при проведении следственных действий обнаружены в русле ручья и изъяты:

«АК» калибра 7,62 мм № АЗ-3292-1966 г. (принадлежность устанавливается);
Патроны к автомату калибра 5,45 мм — 95 штук;
Патроны калибра 9 мм к пистолету Макарова — 64 штуки;
Патроны к охотничьему оружию 12-го калибра — 30 штук;
Глушитель для неустановленного оружия;
Оптические прицелы — 2 штуки;
Тротиловые шашки — 7 штук;
Электро- и механические детонаторы — 12 штук;
Вещество, схожее по внешним признакам с пластиковой взрывчаткой, — 600 граммов».

Интересно, для кого готовился весь этот арсенал? Нас уже многое перестало удивлять: дружба банкиров с политиками и бандитами, драка кандидатов в депутаты с директором телестудии, пьяные гонки главы городской администрации с погоней и стрельбой, явные факты коррупции, вымогательства, финансовой нечистоплотности... Это плохо. Плохо потому, что ненормально, неестественно, неправильно. Такие вещи должны удивлять, волновать, беспокоить. Иначе лет эдак через сорок будут удивляться наши потомки, посмотрев новый фильм «Однажды в Химках». Если они только вновь приобретут способность удивляться...

(С. Иванов. //Совершенно секретно. — 1995. — № 1)

РУССКИЙ ТЕРМИНАТОР

Его имя — Павел Анатольевич Судоплатов. В течение 58 лет это имя являлось одним из самых больших секретов Советского Союза. Управление специальных операций, которое одно время возглавлял Павел Судоплатов, занималось организацией диверсий, похищений и уничтожения врагов страны за ее пределами. «Мы не верили, — пишет Судоплатов в своей книге, — что в проблеме убийства Троцкого или других наших бывших товарищей, превратившихся в противников, могут существовать какие-либо моральные аспекты. Мы вели борьбу не на жизнь, а на смерть за торжество великого эксперимента, создание новой социальной системы, которая уничтожит алчность капиталистической системы. Мы верили, что каждая западная страна ненавидит нас и желает нам гибели. Всякий, кто был не с нами, — был против нас...»

Встреча с лидером украинских националистов полковником Коновальцем была оговорена в ресторане «Атланта», недалеко от главного почтамта и вокзала. Тридцатилетний Паша Судоплатов покинул советское торговое судно «Шилка», на котором находился под прикрытием радиста, и 23 мая 1938 года ступил на ярко блестящие после дождя улицы Роттердама. Было солнечно, и жарко становилось оттого, что в кармане пиджака лежала коробка шоколадных конфет: переверни ее в горизонтальное положение — и начнет работать часовой механизм. Специалист по взрывным устройствам Саша Тимашков, сопровож-

давший Судоплатова, зарядил бомбу лишь за десять минут до его ухода с судна. Коробка жгла бок, но больше всего волновала мысль: удастся ли выполнить важнейшее поручение партии и лично товарища Сталина.

По профессиональной привычке Павел явился на встречу чуть раньше: часы показывали 11.50.

Кафе хорошо просматривалось, и Павел сразу заметил полковника, безмятежно ожидавшего его за столиком. К счастью, тот был в одиночестве — а как развернулись бы события, если бы, черт возьми, он притащил с собой еще кого-нибудь из сподвижников? А вдруг бомба взорвется сейчас, на самом подходе? Павел отбросил эту дурацкую мысль и решительно вошел в кафе. Разговор старых друзей был короток, договорились встретиться снова в 5 часов в деловой части Роттердама. Павел говорил, а сам думал, что через тридцать минут после того, как он положит коробку на стол, естественно, в горизонтальное положение, от Коновальца останутся только клочья. А сейчас он улыбался и радовался встрече.

Судоплатов достал конфеты — слабость Коновальца — и положил презент рядом с ним на стол. Полковник был тронут вниманием, они крепко пожали друг другу руки. Выходя из кафе, Павел еле-еле сдержал желание дать деру, подальше от этого адского места. Но он, наоборот, замедлил шаг, чтобы ничем не выдать своего волнения, повернул направо

и зашагал, набирая скорость, по торговой улице. Наконец заскочил в магазин, долго выбирал, что купить, — тридцать минут тянулись мучительно медленно, казалось, что они уже прошли и вся операция позорно совралась. Что скажет начальство? Какую мину сделает товарищ Сталин, попыхивая своей легендарной трубкой? Рассеянно купил шляпу и легкий плащ — все скромно и не слишком модно: в ОГПУ весьма недолго любили сотрудников Иностранного отдела, считая их пижонами, гонявшимися за заграничными шмотками. Обыкновенная зависть внутренников, только и способных вербовать дворников. Тридцать минут. В чем же дело? Он вдруг почувствовал, что совершенно спокоен. Что ж, если «экс» провалится, сделаем вторую попытку. Расплатился. Снова толкаться в магазине было глупо. Только раскрыл дверь — и услышал хлопок, напоминавший взрыв шины. В сторону «Атланты» бежал народ — надо было смываться, и как можно дальше, благо вокзал находится рядом. Завтра утром явка в Париже, встреча со связником. Он сел на поезд Роттердам — Париж, но, проехав час, решил выйти: вдруг его запомнили железнодорожники? Случайность — это бич разведки, об этом он хорошо знал. Сошел почти у самой бельгийской границы, заскочил в ресторан. Дико болела голова, и совсем не хотелось есть. (Впрочем, у каждого террориста после убийства своя реакция, некоторые, наоборот, едят и пьют на полную катушку. Павел Судоплатов не выносил алкоголь).

В Москве Ежов снова взял Судоплатова на прием к Сталину, где оказался и Петровский. План проникновения был доложен за пять минут. Сталин дал слово Петровскому, который торжественно заявил, что украинское правительство приговорило Коновальца к смертной казни за тяжкие преступления против украинского пролетариата. Сталин прервал его: «Это не просто акт возмездия, хотя Коновалец является агентом германского фашизма. Наша цель — обезглавить украинское фашистское движение накануне войны и заставить этих бандитов убивать друг друга в борьбе за власть». (Примечательно, что разговор шел в 1938 году, когда вся страна была залита кровью). Судоплатов с восторгом слушал указания вождя, который вдруг спросил: «Каковы личные пристрастия Коновальца? Их нужно использовать...» Тут Судоплатов и рассказал вождю, что Коновалец любит шоколадные конфеты и не упускает случая, чтобы купить коробку-другую. Сталин предложил обдумать это и спросил на прощание, понимает ли разведчик всю политическую важность возложенной на него миссии. «Да! — ответил Судоплатов. — Ради этого я не пожалею своей жизни». «Желаю успеха», — просто сказал Сталин.

Началась разработка операции, изготовление бомбы в камуфляже. Судоплатов получил фальшивый чешский паспорт и огромную по тем временам сумму — 3000 долларов. Напутствовал его Шпигельглас (его вскоре расстреляли): «Вот тебе «вальтер». Если наркуют, ты должен вести себя как мужчина».

Однако очень подробно обсуждались все варианты ухода после «экса». Павлу был вручен железнодорожный билет, годный для проезда в любой город Западной Европы в течение мая — июня (еще одна предосторожность, зачем зря «светиться», покупая каждый раз билеты?), после проведения операции шеф рекомендовал чуть видоизменить внешний вид, купив плащ и шляпу.

На пароходе боевик читал пространные статьи о врагах народа, в том числе и в «главном оружии партии» — кровопускание отец народов устроил мощное, и из кадров внешней разведки уцелели лишь единицы. Он верил и не верил в то, что его товарищи по оружию могли быть вражескими шпионами, но он был молод, не очень образован, не слишком искушен в делах политических. И свято верил в коммунистическое будущее, в правоту дела партии и мудрость товарища Сталина. Сейчас, с высот конца двадцатого века, после крушения коммунистических режимов (но не идей, как многие полагают), легко судить и вешать ярлыки. А ведь дело Ленина — Сталина поддерживал не только Коминтерн, к коммунистам с симпатией относились и Герберт Уэллс, и Бернард Шоу, и Андре Мальро, и Андре Жид, и левое крыло социалистов и лейбористов, и многие другие... Никто не сомневался в фатальном кризисе капитализма, над Европой витал призрак фашизма.

Все было просто и ясно пареньку, родившемуся в украинском городке Мелитополь в семье мельника, где было пятеро детей. Отец — украинец, мать — рус-

ская. Начальная школа, бедная семья, любимая книга «АВС коммунизма» Николая Бухарина. В 12 лет убежал из дома и присоединился к полку Красной Армии, отступавшему из Мелитополя под напором белых; бои на Украине; служба в разведотделе дивизии — все-таки умел читать и писать. После установления Советской власти на Украине вернулся домой в родной Мелитополь, где работал в местной ЧК, в 1927 году направлен в харьковское ОГПУ, там и женился на сотруднице органов Эмме Кагановой, с которой прожил всю нелегкую жизнь. Молодой чекист стремился, как и все поколение, к самоусовершенствованию, в свободное от работы с агентурой время посещал лекции в Харьковском университете. В 1933 году переведен в Москву в Иностранный отдел, а вскоре — нелегал с задачей проникновения в украинскую эмиграцию.

Дела шли прекрасно, и в голову не приходило, что впереди война, и тюрьма, и реабилитация лишь в 1992 году, и даже иск украинской прокуратуры в том же году по убийству Коновальца (ныне национального героя Украины), в котором было отказано, ибо полковник не только оставил много кровавых следов на Украине вместе с Петлюрой (его ОГПУ убрало еще в конце двадцатых), но и официально объявил террор против Советской власти. На войне как на войне.

Все было ясно тогда: религия — опиум для народа, Бердяев, Ильин и Федотов — злейшие враги, Ленин в башке и наган в руке.

И только в страшном сне могло бы привидеться Павлу Анатольевичу, что в почтенном возрасте 87 лет он издаст толстую книгу мемуаров о своей тайной деятельности, и не в обезличенном виде, как пишут учебники для подрастающих поколений внутри спецслужб, а с именами и кличками агентов и сотрудников, описаниями операций и закрытых совещаний, и издаст ее не для служебного пользования, а в стане тех, с кем он ожесточенно боролся всю жизнь, считая главным препятствием на пути триумфального шествия коммунизма, — книга «Специальные задания», появившаяся этой весной в США, прогремела сенсацией на весь мир.

Я имею несчастье считать, что мемуары лишь в ничтожной мере отображают действительный ход вещей. В самом деле, что может написать человек о событиях 50-летней давности, если даже вчерашний день видится каждому из нас по-разному? Потом пимены, обложившись монбланами бумаг, начинают писать свою историю, которая всего лишь их, пименов, личный взгляд на мир. В этом смысле историческое исследование отличается от романа, как правило, лишь сухой, скучной и малохудожественной формой.

Отсюда и подход: перед нами свидетельства незаурядной личности, прошедшей, как и все поколение, сквозь огонь и воду. В жизни Судоплатова, как и у всех нас, грешных, тьма перемешана со светом, тьмы, наверное, побольше, вряд ли он раскрывает все.

В сдержанной форме проходят мотивы разочарования в тоталитарной системе (это он осознал лишь после ареста) и некоторого покаяния («мы должны чувствовать раскаяние, ибо сознательно и бессознательно мы были втянуты в операцию гигантской репрессивной машины в отсталой стране»); громко звучит острая ненависть к Хрущеву, который вместе со своими соратниками отыгрался на Берии и группе старых чекистов, расстреляв и бросив их в тюрьму, хотя и его, Молотова, и остальных долгожителей по справедливости должна была ожидать петля, как убийц — клеветников Сталина. Сталин, Молотов и К совершили преступления, но они превратили отсталую страну в великую державу, их же преемники тоже совершили преступления, но занимались разрушением державы. Все закончилось распадом Союза при Горбачеве и Ельцине. Что ж, эти мысли разделяют большинство ветеранов, даже несмотря на то, что держава сломала многим жизни и всегда обирала до нитки. А в наше время им жить просто невыносимо...

Убийство Коновальца послужило блестящим трамплином для Павла Анатольевича, и он стал заместителем начальника разведки и шефом по «мокрым делам». Страшное это было время, и завесу над ним он поднимает осторожно...

Помнится, в начале шестидесятых, еще до падения Хрущева, нам, тогда молодым разведчикам, подбросили для пересмотра личные дела репрессированных коллег, с реестрами, где значились белые воротнички для гимнастерки, часы «бурэ», носовые платки

расстрелянных, свято хранившиеся где-то в КГБ. Там же были и письма жен и детей «из глубины сибирских руд» с просьбами о помиловании, со страшными описаниями своей жизни. И еще там были протоколы допросов, которые проводили их же коллеги, между прочим, из тех же подразделений. Они-то и выжили, а если посмели бы поднять голос... Бог им судья!

Сталин поставил перед Судоплатовым новую задачу: ликвидировать Троцкого, жившего в Мексике. После расстрела Ежова и прихода к власти Берия (он и с живым наркомом не церемонился, ласково называл «дорогой Ежик» и хлопал по плечу) Судоплатов ожидал ареста — а тут удача! Правда, он прямо сказал Сталину, что не сможет сам провести этот «экс», ибо не знает испанского, однако взял на себя всю организацию операции, которую поручил своему заместителю и близкому другу Леониду Эйтингону, недавно вернувшемуся из Испании и державшему на связи надежную испаноговорящую агентуру.

Операция по ликвидации Троцкого под кодовым названием «Утка» хорошо известна, однако Павлуша (так любил называть его Эйтингон) вносит в картину свежие живописные штрихи. Первый налет на дом Троцкого, в котором участвовал ныне классик мировой живописи Сикейрос и будущий членкор АН СССР, сотрудник КГБ Григулевич, окончился фиаско. Хозяин за это Судоплатова не наказал, одобрил новый план и даже распорядился послать Эйтингону ободряющую телеграмму. Второе покушение, совершенное Рамоном Меркадером, оказалось

успешным, однако через 30 лет, когда его выпустили из тюрьмы, Рамон признавался Судоплатову в некоторых технических промахах: в момент удара альпийской киркой Троцкий чуть повернул голову и потому не был убит наповал, а, наоборот, дико закричал. Этот крик совершенно парализовал Рамона, и он не смог ударить его ножом, даже потерял способность воспользоваться пистолетом, когда появилась охрана. «И это произошло со мною, опытным боевиком, за просто пришивавшим охранников во время войны в Испании!» Этот легкий поворот головы в самый неподходящий момент сломал все планы отхода Меркадера с места преступления — проклятая случайность! Повернул ее чуть больше — и не сносить головы ни Меркадеру, ни Эйтингону, ни Павлу Анатольевичу: уже второе фиаско Хозяин не простил бы!

Убийство Коновальца и организация убийства Троцкого, по жалуй, самые яркие страницы в биографии Судоплатова как разведчика-боевика, далее уже он выступает в роли талантливого руководителя специальных операций и свидетеля многих важнейших политических событий. Тут факты калейдоскопически перемешаны с наблюдениями и личными умозаключениями, небезынтересными для всех, кого волнует героическая и кровавая история Советского государства. Приведем их без особых комментариев, помня, что автор во время войны возглавлял управление специальных операций, а в 1944 году к этому добавилась работа по организации вместе с Берия нашей атомной промышленности, и прежде всего обеспечение ученых информацией из-за рубежа. Сталин не готовил убийства Кирова, хотя в полной мере им воспользовался для разгона оппозиции. Киров был вер-

ным сталинистом, пользовался успехом у дам, имел роман с Мильдой Драуле, женой Николаева, который и убил его из ревности.

Утверждения многих историков о том, что гестапо подбросило ОГПУ дезинформацию о заговоре Тухачевского через Бенеша и другие каналы, ничем не подтверждены. Тухачевский и некоторые военные пытались сместить Ворошилова и остро критиковали военное руководство, что вызвало гнев Сталина. (Абакумов потом говорил П. А., что эти военные вообще вели себя нагло и нескромно, даже приглашали на домашние вечеринки военные оркестры — сравним с временем нынешним).

Агент КГБ белый генерал Скоблин помог вывезти из Парижа в СССР генерала Миллера (его тут расстреляли), однако он не имел никакого отношения к похищению другого белого генерала, начальника РОВСа Кутепова. Последнего брала группа во главе с другом Судоплатова Яковом Серебрянским, переодевая в форму французских полицейских (Кутепов неожиданно умер в машине).

В развязывании второй мировой войны повинны в равной степени и СССР, и Запад, который вел себя непоследовательно, заигрывал с Гитлером и сталкивал его с СССР. Разведывательная информация накануне войны была противоречивой, сообщались совершенно разные даты о нападении Гитлера на СССР. Сталин тем не менее был убежден, что в 1941 году агрессии не будет, он верил Гитлеру. Утверж-

дение Хрущева, что Сталин в первые дни войны был в шоке и не управлял страной, является вымыслом. (Правда, приведенные Судоплатовым архивные документы о встречах Сталина с руководителями страны исчерпываются лишь 21 и 22 июня, какие-либо записи в последующие дни отсутствуют).

Судоплатов подробно рассказывает о работе НКВД по созданию партизанских отрядов, засылке связников, радистов и диверсантов. Он признает, что нападение Гитлера на СССР значительно дезорганизовало работу разведки за рубежом, однако информация поступала, небезызвестная «Красная капелла» не имела во время войны первостепенного значения.

Большую роль во время войны сыграла операция «Монастырь», проходившая под руководством Судоплатова. Инсценировалось создание антисоветской, прогерманской подпольной организации, искавшей контакта с гитлеровским командованием. Важную роль в ней играл старый агент ОГПУ — НКВД Александр Демьянов, сын царского офицера, завербованный накануне войны немецкой разведкой. На лыжах он перешел линию фронта, прошел обучение в школе абвера, в феврале 1942 года был выброшен на парашюте в район Ярославля и стал немецким резидентом в Москве. Он не только способствовал арестам немецкой агентуры, но и вел дезинформационную работу. Немцы так и не разгадали истинной роли Демьянова, и бывший шеф западногерманской разведки Гелен сравнительно недавно в мемуарах писал о подвигах агента Макса (кличка Демьянова в абвере).

Огромную сенсацию на Западе вызвали утверждения Судоплатова, что ученый-атомщик Роберт Спенгеймер, глава проекта «Манхэттен», работал на советскую разведку и даже имел кличку Стар (о чем и не подозревал). Кроме того, советской разведке помогали известные ученые Ферми и Сциллард, а также Нильс Бор. Они руководствовались ненавистью к фашизму, а также опасались, что при наличии атомной бомбы США могут стать на путь господства, если не будут иметь противовес в лице СССР. Еще Вернадский советовал Сталину найти подходы к Бору (тот посещал наше посольство в Лондоне), а Петр Капица в 1943 году после переезда Бора из Лондона в Копенгаген предлагал Сталину и Берии пригласить его в СССР для работы над нашим атомным проектом и даже лично излагал Бору эту идею в письмах.

Заявление Судоплатова с негодованием опровергли американские ученые, да и наша служба внешней разведки отмежевалась от ветерана, бывший резидент в США опроверг наличие подобной агентуры.

А был ли мальчик? Или «агенты» были лишь официальными контактами, каких у разведки пруд пруди? Скорее всего Судоплатов пошел на поводу у американских издателей, жаждущих сенсации.

В 1948 году Судоплатов выехал в Прагу вместе с отрядом особого назначения. Через бывшего резидента ОГПУ в Праге он должен был предъявить Бенешу расписку на 10 000 фунтов, подписанную его секретарем во время ареста Бенеша в Лондоне, организован-

ного нашей разведкой после мюнхенского сговора в 1938 году. Бенешу следовало предложить мирно уступить власть коммунистическому правительству Готвальда, в противном случае расписка, а также материалы об участии Бенеша в политическом перевороте в Югославии накануне войны будут опубликованы. Операция прошла успешно, Бенеш сдался без боя.

Судоплатов признается, что на его счету организация четырех убийств на территории СССР (естественно, с санкции Сталина и его соратников, эти убийства ему и инкриминировали в суде): это украинский националист Шумский и униатский священник Ромжа, убрать этих людей в 1946 году было несложно, ибо оба лечились в больницах, и оставалось лишь подбросить соответствующее «лекарство», изготовленное в спецлаборатории, экспериментирующей с ядами над людьми, приговоренными к смерти. (Судоплатов отвергает утверждение, что он курировал эту лабораторию.)

Кроме того, в 1947 году по указанию Судоплатова в Ульяновске был ликвидирован польский инженер Самет, работавший на секретном объекте и вынашивавший план побега за границу. Шеф «лаборатории ядов», медицинское светило Майроновский, просто вколол ему дозу во время медицинского обследования в Ульяновске. Четвертой и последней жертвой произвола (Судоплатов постоянно отмечает, что он лишь выполнял указания Сталина и других членов КП(б)) был американец Исаак Оггинс, работавший как агент НКВД в Китае и на Дальнем Востоке.

Жена Оггинса, тоже закордонный агент НКВД, после того как мужа посадили в тюрьму в СССР, уехала в США, стала сотрудничать с ФБР и начала кампанию за вызволение мужа. Опасаясь скандала, решили и это дело по-келийному: сделали Оггинсу укольчик по примеру других. Вряд ли Судоплатов раскрывает всю картину послевоенного террора и внутри страны, и за границей. Он чувствовал себя на вершине славы — один из мощных мужей тайной полиции.

Однако рано или поздно за все приходится платить: уже в 1951 году с началом «дела врачей» были арестованы многие руководители органов (евреи по национальности), обвиненные в «сионизме», смерть Сталина повлекла новую вспышку борьбы за власть, затем — расстрел Берия и аресты его приближенных, в том числе и Судоплатова. Произошло это 12 августа 1953 года (ему было 46 лет) — дальше начнется черная, а возможно, и самая светлая, искупительная часть жизни Павла Анатольевича, его хождение по мукам. Допросы на всех уровнях, следователи и прокуроры, чутким носом улавливавшие политическую конъюнктуру обвинения в попытках вместе с Берия заключить сепаратный мир с Гитлером и участия в «заговоре Берия» против партии и так далее, и тому подобное.

Бутырка, Лефортово, Владимирская тюрьма.

По иронии судьбы, в последней подобралась приятная компания: бывший министр иностранных дел Латвии Мунтерс, вывезенный оттуда в 1940 году (вначале Судоплатов устроил его преподавателем в Воронежский университет, но недолго ему пришлось

здоровствовать на ниве просвещения), бывший заместитель председателя Думы В. Шульгин, захваченный в 1945 году в Белграде: сын Сталина Василий, устраивавший скандалы и требовавший его выпустить, а также шеф «лаборатории по ядам» Майроновский, милый человек.

Вскоре круг пополнился старым другом и соратником Эйтингоном, многими другими чекистами. Так прошли в тюрьме 15 лет — «расплата за ошибки, она ведь тоже труд».

21 августа 1968 года (роковая дата) Судоплатов обрел свободу и занялся литературной деятельностью под псевдонимом Андреев. Опубликовав три книги, получил право на пенсию как литератор (130 рублей в месяц) и был доволен гонорарами, более того, все больше увлекался писательством, пытаюсь утвердить себя. Сначала по совету друзей и не требовал реабилитации, однако к концу 70-х уже начал обращаться во все инстанции. Но колеса нашей бюрократической телеги всегда двигались еле-еле, а мысли чиновников не поспевали за свежими поветриями, отнюдь не случайно, что реабилитация прошла лишь в 1992 году.

К чекистам и вообще к тайной полиции в любом обществе особое отношение: их не любят и всегда меряют специальной меркой, и обычно судят по гамбургскому счету. Политикам удобно отыгрываться на тайной полиции, замазав грехи собственные. Так после Сталина спокойно жили — не тужили партийцы-сталинисты из его антуража вроде Суслова, да и

члены хрущевского, а потом брежневского Политбюро, определявшие и санкционировавшие все репрессии органов, никогда плохо себя не чувствовали и не чувствуют. Писателям и журналистам (не будем зря трепать их имена, глупо требовать героизма в условиях рабства) прощают участие в политическом оглушении страны, хотя слово может принести не меньше зла, чем репрессии. Наверное, хорошо, что возмездие не настигает всех.

Что же, Судоплатов, наверное, искупил свою вину в тюрьме, подвел итоги своей жизни в мемуарах. Жаль, что в них не видно его души. Она заслонена пестрым и зачастую неточным хаосом событий, известных из западных книг о КГБ.

Необычное это было поколение: они легко шли на смерть, но боялись сказать лишнее слово, они умели неукоснительно подчиняться и выполнять приказы, но страх, взлелеянный в период сталинщины, совершенно лишил большинство их мыслить свободно (впрочем, это не только их беда), они отталкивали своим фанатизмом или догматизмом, но подкупали бескорыстием — большинство жили скудно, тех, кто стремился к комфорту, зачастую карали как «морально разложившихся», помнится, все ахали от ужаса, когда прошел слух, что у Абакумова после ареста нашли целых шесть костюмов.

У Гудзенко есть строчки: «Нас не надо жалеть, ведь и мы никого не жалели». Не жалели ни врагов, ни друзей.

Судоплатов и его соратники — это строители великой державы, крепости на костях, они — хранители ее мощи, палачи и мученики в одном лице...

Мы все еще по инерции размахиваем руками по поводу ужасного сталинского прошлого, а уже давно у наших границ льется и льется кровь, словно собираясь нас захлестнуть, и гуляет террор по стране, и терзают сердце выстрелы из октября 1993 года, и десятки безгласных трупов, и вдруг кажется, что ни мир, ни страна, ни человек совершенно не изменились, что история фатально и жутко повторяет себя, и кровь вокруг, кровь и порох, и нет этому ни конца ни края.

Уроки прошлого? Смешно.

(М. Любимов. // Совершенно секретно. — 1994. — № 6)

«УБЕЙ МОЕГО МУЖА!»

Памела Смарт молода, красива и честолюбива. Жила в маленьком городке Дерри, штат Нью-Хэмпшир, на восточном побережье Америки. И не находила себе места. Карьера учителя ее не привлекала, семейная жизнь оказалась монотонной и тоскливой, и она пыталась найти разнообразие в любовной связи с молоденьким парнишкой.

Патрульный полицейский Джеральд Скачча получил срочный вызов. В тот вечер он, как обычно, занимался пьяницами и лихачами, а диспетчер отправил его на окраину города, сказав что-то насчет обнаруженного трупа мужчины.

Полицейский застал рыдающую Памелу Смарт на крыльце соседнего дома. В истерике она показывала на открытую дверь собственного дома и повторяла: «Он там... Мой муж там...» Освещая путь фонариком, Скачча вошел в дом и увидел в холле лежащего лицом вниз мужчину. Он перевернул тело, собираясь осмотреть труп, как вдруг заметил небольшое отверстие у виска. Это был след пули. Стреляли в упор из револьвера.

Соседи дружно выражали сочувствие молодой вдове, и друзья старались утешить несчастную женщину, потерявшую мужа незадолго до первой годовщины их свадьбы.

Памелу вызвали в полицию, где она объяснила, что в тот вечер была на школьном собрании. В Дерри она и ее муж Грег приехали несколько месяцев назад. Он работал страховым агентом. Нет, она не знает, кому и зачем понадобилось убивать ее мужа. Но детектив, проводивший допрос, заявил: «Было что-то странное в ее поведении. Мир ее рухнул, а она, ну... выглядела слишком спокойной. Мне показалось это несколько жутковатым. Назовите это профессиональной интуицией, но не было ничего конкретного что в тот момент вызвало бы подозрения».

Расследование проводил капитан Лорин Джексон. Как и детектив, он тоже был поражен очевидным спокойствием вдовы. Да и в картине убийства ее мужа оказались детали, которые не вписывались в рассказ Памелы. Кроме того, ничто не подтверждало ее версию о краже со взломом. Кольцо с бриллиантом осталось на руке убитого. Денег в бумажнике не было, но все кредитные карточки оказались на месте.

Через четыре дня после убийства детектив из бригады по расследованию Дэн Пелетьер принял анонимный телефонный звонок. Звонившая женщина утверждала, что полиция должна допросить несовершеннолетнюю Сесилию Пирс. Именно ей Памела якобы говорила о своем намерении убить Грега. Детектив вспомнил о списке, составленном Памелой, где она перечислила людей, которые бывали в ее доме в течение месяца перед убийством. В этом списке было имя и Сесилии Пирс. Многие молодые люди посещали школьную учительницу дома. Одним из них был Билли Флинн. Билли, когда он познакомился с учительницей Памелой Смарт, было пятнадцать лет.

Памела приехала в среднюю школу Виннакуннета, чтобы организовать серию лекций о вреде наркотиков и алкоголя. Школьная подруга Билли рассказала, что когда он впервые увидел Памелу, то повернулся и сказал: «Я влюбился...» Все замечали, что Памела охотно флиртует с учениками. И, как выяснила полиция, Билли Флинну она отдавала явное предпочтение.

Сесилия Пирс тоже сблизилась с Памелой. Ей нравилось, что двадцатидвухлетняя женщина не считает ее ребенком, как мать и другие учителя. Сесилия участвовала вместе с Памелой в подготовке лекций о вреде наркотиков и алкоголя. Очень скоро она начала доверять старшей подруге, взрослой женщине, свои девичьи проблемы. Несомненно, Памела знала, как завоевать симпатии учеников-подростков.

Юноша навсегда запомнил свой первый сексуальный опыт. Он пришел к взрослой женщине, когда ее мужа не было дома. Она поставила на видеомаягнитофон весьма откровенный фильм с Ким Бэсинджер в главной роли. Потом повела Билли в спальню и там изобразила сцену стриптиза из фильма. Сексом они занимались под музыку «Черное и голубое» Вэна Халена. Потом, опять копируя сцену из фильма, Билли ласкал Пэм кубиками льда, перед тем как снова заняться любовью.

Позже Билли скажет: «Я испытал что-то вроде шока. Не каждый день подросток проделывает такое со взрослой женщиной, которая говорит, что он ей нравится. Я был ослеплен. Я был влюблен в нее».

Они занимались любовью в ее машине, в доме, в школьном здании. Поскольку Билли тоже был занят в ее работе по борьбе с наркотиками и алкоголем, он мог пропускать школьные занятия. Они проводили много времени вместе. Памела подарила ему свои более чем откровенные фотографии в бикини. В молодом человеке, еще мальчишке, стало расти чувст-

во ревности и ненависти к ее мужу. Памела рассказывала ему о Грее как о злодее, который сделал ее несчастной, обманывал и оскорблял. Она хотела бы избавиться от него... Например, убить... Очень скоро идея убийства засела в голове мальчишки. А Памела твердила ему, что если она будет свободна, то сможет остаться с ним, с Билли Флинном, навсегда.

Памела Сمارт подталкивала к убийству мужа не только Билли Флинна. Она обрабатывала и Сесилию Пирс, возвращая в девочке ненависть к Грегу.

Билли рассказал в полиции, что именно Пэм предложила обставить убийство так, чтобы это было похоже на кражу со взломом. Более того, она открыла детали плана Сесилии Пирс. Та воспринимала эти разговоры, как часть любовной игры, которой наслаждались Пэм и Билли.

Страсть Билли к Памеле росла, а с нею крепла решимость убить ее мужа. Он заручился поддержкой 17-летнего Патрика Рэнделла, 18-летнего Вэнса Лэттима и 19-летнего Реймонда Фаулера. Всем им Памела и Флинн обещали вознаграждение, не слишком, правда, большое: стереоаппаратуру, немного денег, какие-то вещи из дома. Единственным условием Пэм была просьба увести ее любимую собаку. Она опасалась, что смерть хозяина может расстроить животное.

Первая попытка убить Грея сорвалась. Четверка за-

говорщиков, отправившись «на дело» на автомобиле Памелы, заблудилась и не сразу нашла дом Смартов. Они собирались спрятаться в доме и, дождавшись, когда Грег вернется с работы, покончить с ним. Но когда они наконец приехали, он уже был дома.

Во второй раз сбоев не было. Флинн и Рэнделл вышли неподалеку от дома и переоделись в куртки с капюшонами, купленные заранее. Когда они приблизились к дому Грега Смарты, из-за угла прямо перед ними появилась какая-то супружеская пара. Мальчишки прижались к стене, натянув на головы капюшоны. Они проникли в дом через металлическую дверь полуподвала и устроили погром в спальне хозяина, ванной и гостиной, стараясь изобразить последствия грабежа, кражи со взломом... Два других сообщника преступления, Лэттим и Фаулер, ждали в машине.

Само убийство заняло несколько секунд. Они напали на Грега в холле. Повалив мужчину на пол, Рэнделл начал размахивать перед ним ножом. Позже юноша рассказал полиции, что у него не хватило духу убить Смарты. Тогда Флинн вынул револьвер и выстрелил в Грега. Тот упал на полотенце, расстеленное на ковре. Памела объяснила им заранее, что ей не хочется, чтобы кафельный пол и ковер были запачканы кровью.

Памела Смарт была удивлена, когда детектив Дэн Пелетьер пришел в ее офис и прямо заявил: «У меня для вас есть две новости: хорошая и плохая. Хо-

рошая новость — мы нашли убийцу вашего мужа. Плохая — вы арестованы за соучастие в убийстве».

Когда ее взяли под стражу, парни подтвердили, что знали о плане убийства. Признались, что сделали это потому, что у Билли и Памелы была любовь. Но Памела настаивала на том, что невиновна, что она — жертва необузданной фантазии подростков. Она заявила, что никогда не искушала Билли Флинна, никогда не спала с ним, не подстрекала его друзей к убийству. Но на суде стало ясно, что в ее рассказ поверить трудно. Билли Флинн под присягой дал показания, которые потрясли всех присутствовавших в зале. Он рассказал, как зарядил револьвер патронами, как остановился на мгновение после того, как прицелился в голову Грега. «Как будто сто лет пролетело, — зарыдал он. — И я сказал: «Господи, прости меня».

Памела Смарт была приговорена к пожизненному заключению без права на досрочное освобождение; Билли Флинн и Патрик Рэнделл получили по 28 лет тюрьмы, Вэнс Лэттим — 18 лет.

Памела Смарт не могла поверить в такой конец, даже услышав приговор. Она повернулась к своему адвокату и сказала: «Сначала Билли взял жизнь Грега, теперь он берет мою». Но на капитана Джексона, который за четверть века службы в полиции повидал множество преступников, это не произвело никакого впечатления. Он сказал: «Памела Смарт не только отняла жизнь у Грега, но и искалечила судьбы наив-

ных, впечатлительных молодых ребят, когда толкнула их на преступление. Это холодная, расчетливая, совершенно безразличная ко всем, кроме себя, женщина. Думаю, тюрьма для этой особы — самое подходящее место».

(Версия-плюс. — 1996. — № 4/16/)

ИГРА С БИЧОМ

В России появился новый шоу-бизнес: публичные пытки бездомных и бесправных людей. Об этом говорится глухо. Намеками. По принципу: кое-кто у нас порой... Слишком все чудовищно, запредельно. Нормальному человеку непредставимо. Однако удалось доискаться человека, который под секретом показал небольшой видеофильм. О существовании таких фильмов заикались многие. Но видеть не приходилось. Человек купил эту пленку на Украине. Утверждает, что подошел к видюшному развалу на рынке. Попросил чего-нибудь страшного. Продавец долго предлагал то да се. А потом за приличные деньги из-под прилавка извлек кассету без опознавательных знаков. Вот эта кассета. Длинный бетонный забор с разноцветной матерщиной. Пыльный асфальт вдоль забора. Сидят два очень немолодых и грязноватых мужика. Сидят прямо на асфальте. Они уже пьяны. Один тупо смотрит перед собой. Другой же кемарит. Меж его колен зажата бутылка с остатками мутноватой жидкости. Звук шагов, неясный говорок. Вдруг в кадре появляется канистра. Из нее на мужиков опрокидывается содержимое. Ясно, что это бензин или керосин. Мужики реагируют слабо. Не

понимают, в чем дело. И тут же в них летит зажженная спичка. Сначала вспыхивает один, потом другой. У того, другого, сразу начинают гореть волосы. Мужики вскакивают. Падают. Ползут. И горят, горят... Слышен их крик. Наверно, его специально смикшировали. Прямо в комнату тянется огненная рука. Видно, как чернеют пальцы. Камера делает отъезд. Мужики превращаются в две горящие точки. Опять приближение. Они все ползут. На пыльном асфальте остается черный след. Все, конец фильма.

Бомжи у нас существуют давно. Имеются в виду, конечно, советские бомжи, они же — бичи, бродяги, тунеядцы, маргиналы и прочая братия, хотя и за кордоном ходят они в так называемой группе риска. Приходилось видеть, как в Нью-Йорке сволочного вида человек чистил свои штиблеты... человеком, судя по всему, пуэрториканцем — «сыром», как его зовут на тамошнем сленге из-за не слишком приятного запаха. В культурной Франции домохозяйки имеют обыкновение выплескивать на зазевавшегося клашара помойные ведра. В почтенной Германии, в городе Марбурге довелось видеть, как группа юношей глумилась над пеннером, пьяницей-забулдыгой, разрисовывая его дубленку (вот он высокий заграничный уровень!) цветными подписями: «Попей морс из моей задницы» и «Утри свой прыщавый нос ягодицами...», далее следовала фамилия, кажется, бургомистра.

Кое-что приходилось видеть и у нас.

На станции Большой Невер местная хулиганствующая

щая молодежь упоенно мочилась — это называлось «устроить соленый дождь» — на бичей. Бичи могли только убежать. Там же ловили «бичих в теле». Насиловали их. Пьяным и спящим бичихам вливали во влагалище спиртовые растворы лимоника, заманихи, аралии — их за копейки продавали в аптеках, а назывались они, если кто помнит, фунфыриками. Потом бичихе давили на живот. Вылившуюся мерзость опять заливали в пузырьки. Бичиха просыпалась. Ей подсовывали оскверненные фунфырики, И она жадно припадала к ним. Вокруг наступало безудержное веселье. Незатейливые, так сказать, игры аборигенов.

Бичи в те времена обретались на окраинах империи. Вдалеке от больших городов, где свирепствовала милиция. Так что и развлекались с ними по месту «дислокации». На железнодорожных станциях, в портах, в поселках. Именно тогда и возникли первые зачатки спецшоу-бизнеса. Занимались им чеченцы. Только не надо возникать по поводу насаждения этими заметками национальной розни. Дружба народов в СССР чем дальше, тем больше приобретает весьма специфические черты — только и всего.

Чеченцы «аккумулировали» бичей, иначе говоря, брали в полон. И тогда это не было новостью на просторах Сибири, сегодня это уже не новость и для Москвы. Затем продавали колхозно-совхозному начальству. Но часть рабов покупали у них те же кавказцы, которые в сезон слетались на строительство очередных объектов социализма. Председатели колхозов по миновании надобности бичей сдавали в ми-

лицию или попросту выгоняли. Кавказцы иной раз поступали иначе...

Приходилось слышать рассказы о публичных сжиганиях несчастных бродяг. Делалось это так. В один из погожих дней бабьего лета заранее выбранную жертву брали под белые руки, мыли, поили коньяком. Затем устраивали групповое гомосексуальное изнасилование. Потом бичу укутывали голову и руки тряпьем и голым опускали в теплое смоляное вариво. Искупав, посыпали — кто говорит солью, но большинство утверждает, что слюдяной крошкой — ее в Сибири использовали для лучшей теплоизоляции и придания блеска штукатурке. Пропаренного в мазуте человека засовывали в стакан, составленный из заполненных бензином тракторных покрышек. Все это тут же поджигали. Бич горел, искрился слюдой, пузырился, орал всеми криками земли-матушки. Спаситься не было никакой возможности. Кавказцы при этом приходили в неистовство. Пели песни, танцевали, сбрасывали с себя одежду.

Впрочем, и в центральной России можно было услышать не менее дикие истории. В лесах находили истлевшие, привязанные к деревьям трупы. Со следами пыток и изощренного глумления. Известны случаи, когда бомжей травили собаками, да не просто так, а с целью этих самых собак натаскать на двуногую дичь. Наверно, веселое это было зрелище. Женщин-бродяжек насиловали деревнями, бригадами, ротами. Устраивали состязания, ставя в конце «полосы препятствий» бутылку водки. Бомж должен был пролезть сквозь узкие, измазанные дерьмом

трубы, перелезть через утыканные гвоздями заборы, ползти через коровий помет, карабкаться по столбам. Организовывали бои между бомжихами. Для этого выбиралось самое грязное и смердящее место в округе.

Серьезного размаха в те времена подобные забавы приобрести никак не могли. Бичей, бомжей, бродяг было сравнительно немного. Действовала против них статья, так что милиции надо было выполнять план по отлову чуждого элемента. К тому же рабочие руки — неважно какие — требовались повсеместно: пойманные бомжи шли в дело... При известных обстоятельствах бомж мог и права покачать.

Всеобщее обомжествление России привело к тому, что тлевший у некоторой части наших соотечественников садистский спрос наконец нашел свое предложение...

На вокзале пришлось наблюдать такую сценку. В углу сидел бомж и, выставив напоказ костыли, коротал время в ожидании очередной подачи. В другом конце небольшого зала о чем-то шушукалась группа мальчишек. От нее отделился аккуратненький такой паренек, подошел к бомжу, ни слова не говоря, вытащил баллончик со слезоточивым газом и пшикнул в лицо человека... Бомж закашлялся, лицо его сделалось красным, изо рта полезла серая пена. Схватился рукой за лицо, начал кататься по полу, переходя с рычания на вой, потом наоборот. Подростки весело, по-пионерски заржали.

Появившийся милиционер лениво прогнал ребятешек и пнул ногой бомжа: «Не ори! Подумаешь, обидели его...» Но бомж все никак не мог уняться. Ему было откровенно плохо. Тогда милиционер привел еще двух бомжей, велел им взять своего коллегу и отволочь куда-нибудь подальше, «чтобы только не видеть эту рожу и не слышать».

Так что социологам, психологам и прочим доброхотам спорить не о чем. Эта сценка — точнейшая иллюстрация проблемы бомжизма в России. Они суть рабы. Их жизнь — вне закона. Они не нужны ни государству, ни обществу. Все эти разговоры о милосердии и призрении — хуже, чем маниловщина. Скорее, спекуляция и выпендрож. Этаким псевдоинтеллигентный обман и себя, и прочих. Исчезни они, о них пожалеют разве что кавказцы, которые умыкали бездомных к себе — на каторжные, подневольные работы. Остальные вздохнут с немалым облегчением: «Вот и славно, некому теперь будет гадить в подъездах».

Однако есть у нас и рачительные людишки, с умом острым, предприимчивым и абсолютно безнравственным. В их деловом восприятии бездомные и бесправные — тот самый человеческий материал, с которым надо научиться плодотворно и целенаправленно работать. Чего стоит одно только предположение, что бомжи в наше время стали использоваться для получения нужных органов. Но это трудоемкое занятие. А вот для распространения и транспортировки наркотиков — ту и предполагать нечего. Само собой, бомжи — это бесплатная рабочая сила. Их за-

гоняют в тайгу, на тайные прииски, в горы — на тайные опийные делянки. Только не надо полагать, что нынешний бомж это обязательно спившийся, опустившийся человек примерно сорокалетнего возраста. Помолодел российский бродяга. Даже сильно помолодел. Семнадцатилетний пацан и пятнадцатилетняя девчонка — не редкость. Попадают и сильные мужики, не лишённые обаяния женщины. Словом, есть выбор...

Вот и приехал из Приморья знакомый юрист, приехав, рассказал. Местная мафия — понятно, не вся, какая-то особая ее часть — получила новое развлечение. Охоту. На человека. Видно, кто-то из тамошних фантазеров-романтиков посмотрелся американских триллеров и решил сказку сделать былью.

Итак, тайга. В ней обозначается территория. На территорию выпускается заранее отловленный бомж — из тех, кто покрепче и помоложе. Говорят ему так: ежели за такое-то время тебя не найдут, получишь выпивку, хоть залейся, денег и свободу, ну а если найдут, то — извини...

Убежать нельзя. Пустят собак по следу. Собаки и разорвут в случае чего. Да и к кому — куда бежать. Людей привозят из городов — они в тайге младенцы. Дают бомжу оглядеться, уйти подальше от места высадки. Потом запускают охотников. Дорогое удовольствие, но любители находятся и деньги нужные платят. За экзотику, надо полагать.

Восточные и кавказские крестные отцы заказывают в российских весях русских девочек и мальчиков для своих тайных нужд. Что происходит с этими девочками и мальчиками — лучше не думать.

На бомжах «отмороженные» учатся убивать, привыкают к большой крови, проверяют себя и других на предмет киллерской стойкости — ну, вроде как Тимур с его командой тренировал свою волю. Довелось встретить одного уцелевшего после этих тренировок человека. Дело было на Урале. Бомжи грелись у теплотрассы. В понятной дали от милиции и прочих органов. Подъехал грузовик. Сказали, что нужно разгрузить какой-то вагон с дефицитом, обещали выпивку и неожиданно щедрое вознаграждение. Бомжи радостно загрузились в машину. Но привезли их не на станцию, а на какую-то лесную поляну. Приказали выйти. Вышли. Грузовик сдал в сторону. И тут же из кустов раздались выстрелы. Бомж увидел парней в коже с бритыми, как положено, затылками. Он успел убежать, надо полагать, его не заметили. Спасшийся посчитал, что стал жертвой какой-то фашистской организации, говорил о свастиках на рукавах. Он долго блуждал в незнакомом лесу, но в конце концов вышел к деревне, там ему помогли добраться до города, но он уехал еще дальше, опасаясь, что его, оставшегося в живых, будут искать.

Рассказывают совсем уж невообразимое. Вроде бы скучающая без острых ощущений братва отлавливает двух или нескольких бомжей. Загоняет их в бункер и заставляет бороться не на жизнь, а на смерть: бить, душить, грызть, рвать, пока один из гладиато-

ров не отдаст Богу душу. Оставшегося в живых поят водкой, а потом зарывают в лесу вместе с проигравшим. Иногда устраивают дуэли. Бомжам вручают по пистолету с одним или двумя патронами. Определяют дистанцию и так далее. С тем же результатом. Заключаются пари. Жизнь бьет ключом. Смерть, впрочем, тоже. Особую пикантность представляют женские гладиаторские бои. Тут уж фантазии нет предела. Сплошной полет.

Развлекаются с бомжами и сатанисты. А их сейчас у нас развелось изрядное количество — насмотрелись фильмов, прониклись кинематографическим бредом. Сатанисты никак не могут обойтись без человеческих жертв. Кто для этого больше всего подходит? А главное: кого можно безопаснее (вот ключевое слово) всего насильственно лишить жизни? Тех, о ком никто не печется. О ком никакой колокол не звонит. Ни в одном отделении милиции. Есть даже нечто вроде теории: дескать, уничтожая бродяг, мы способствуем здоровью нации. Гуманизм, словом. Вот уж кто пытается бомжей — сладострастно и с вывертами: дьявол повелел. Вот и находят женщин со вспоротыми животами, мужчин без половых органов. А сколько не найденных?

А уж если провинится бездомный, то начинается самосуд. А он в России таков, что никакому Данте в самом его страшном сне не пригрезится. И вины-то может не оказаться. Подозрения вполне достаточно. Нет тогда пределов жестокости. В деревнях заподозренных бродяг рвут на части тракторами. Бывает, что рвут и просто так, из интереса — чтобы только

посмотреть, как оно выходит. Сажают на муравейники, да еще в зад вставляют трубку, чтобы насекомые выедали человека изнутри. Нет, это не наше с вами прошлое, это, увы, и настоящее тоже. При таком подходе закапывание живым в землю чуть ли не благом покажется. Водку на шевелящемся холмике распивают.

Бомжи, бичи, маргиналы, кто спорит, народ неприятный. Если разобраться, то ничего в них хорошего нет. И не стоит сюсюкать по поводу того, что все они сугубо несчастные люди, что злое общество изгнало их, отторгло. А они, дескать, в этом не виноваты. Да, общество злое. Да, отторгло. Хотя можно с такой же уверенностью и переиначить: сами они отторгли общество и многие чтимые его ценности. Несмотря на уверения некоторых восторженных журналистов, философов среди этой публики днем с огнем не сыскать. Зато жуликов — сколько хочешь.

Ладно. Проблема эта в настоящее время на все сто процентов тупиковая. Потому и обсуждать ее безнравственно. Потому что не изменить нам страну — вот так, сразу.

Укореняется в России идея: есть люди, а есть бомжи. Есть те, которых убивать так просто нельзя, надо это как-то мотивировать, а потом и отвечать за душегубство. Но есть и те, чья смерть ничего не значит. Ни для кого. Ни для убийцы, ни для общества. Ни для государства.

Это все нечто вроде самогеноцида. Откуда берутся бомжи? Ну-ка? Паскуда-политика завела Россию в такую ситуацию, когда бездомным, беспаспортным, нищим может в одночасье стать любой ее гражданин.

И будет он сидеть пьяненький под забором. И появятся незаметно люди с телекамерой. И кто-то плеснет бензину. И чиркнет спичкой. И получится фильм, который затем будет продаваться любителям острых ощущений. Рынок!

(А. Петров. //Версия-плюс. — 1996. — № 15/27/)

МЭРИЛИН МОНРО НЕ ПОКОНЧИЛА С СОБОЙ — ЕЕ УБИЛИ

Это утверждает Джон Майнер, помощник прокурора Лос-Анджелеса, публикуя результаты вскрытия тела Мэрилин Монро, до сих пор бывшие тайной за семью печатями.

1 июня 1996 года ей могло бы исполниться 70 лет. Она, ставшая легендой, ушла из жизни в 36 лет, в расцвете красоты и в зените славы. Но осталась в памяти людей вечным символом женственности и неотразимой привлекательности.

Ее трагическая смерть и поныне остается загадкой.

Полиция утверждает, что это было самоубийство, молва — что ее убили. Через 34 года после ее смерти правда едва забрезжила на горизонте. Джон Майнер, работавший в 1962 году помощником прокурора Лос-Анджелеса, обязанный осуществлять координацию действий между прокуратурой и судебными органами в деле Мэрилин Монро, приоткрывает завесу молчания и признает, что следствие, по всей видимости, намеренно велось халатно, с нарушением правил.

34 года тому назад в лаборатории морга Джон Майнер и известный судебно-медицинский эксперт доктор Томас Нагучи приступили к обследованию и вскрытию тела самой красивой женщины века.

Но из всех результатов судмедэкспертизы, которые они представили судебному чиновнику, тот выберет для пресс-конференции журналистов только те, которые доказывают, что смерть наступила в результате приема чрезмерной дозы барбитуратов (снотворного). То есть, что это было самоубийство. С этой минуты Майнер не сомневается, что за кончиной, выдаваемой за самоубийство, кроется нечто иное.

Может быть, тайна смерти Мэрилин Монро так и не будет никогда раскрыта. Майнер этого не отрицает. Но он убежден, что существуют факты, которые помогут пролить свет на то, каким образом была убита Мэрилин. А в том, что она была убита, он не сомневается. Известно, что безупречный во всех от-

ношениях Майнер пользуется только проверенными источниками и сведениями из первых рук. Он не знает, кто именно убил Мэрилин, и не делает никаких предположений.

То, что он знает, может быть изложено в шести пунктах:

1. Смерть Мэрилин не была результатом сделанной инъекции. Тщательное обследование трупа не обнаружило никаких следов иглы.
2. Она не умерла от передозировки лекарств. В содержании желудка не обнаружено смертельной дозы.
3. Смерть наступила после медленного всасывания барбитуратов, так как печень инактивировала только 13 процентов этого препарата.
4. Анализ крови обнаружил наличие хлоралгидрата.
5. Анальное отверстие было повреждено и имело неестественный мертвенно-фиолетовый цвет. Этот факт был необъясним, так при оральном приеме барбитуратов такого состояния ануса никогда не наблюдалось. По мнению многих выдающихся экспертов, это свидетельствует о ректальном отравлении с помощью клизмы.

6. Она оставила две записи на пленке для своего психиатра, сделанные незадолго до смерти. Для Майнера эти записи — одно из самых убедительных доказательств того, что у Мэрилин и в мыслях не было покончить с собой. Кроме него и доктора Ральфа Гринсона, психиатра Мэрилин, никто этих записей не слушал. Она записала их уже в постели перед сном. В ходе следствия доктор Гринсон предоставил их как доказательство того, что, хотя Мэрилин и злоупотребляла приемом медикаментов, она вовсе не собиралась кончать жизнь самоубийством. Но при этом он потребовал от Майнера не предавать гласности содержание этих записей.

Майнер держал слово 34 года. Сейчас он прервал молчание с разрешения вдовы д-ра Гринсона, так как хочет реабилитировать память Мэрилин Монро и ее психиатра, которого обвиняли в соучастии в заговоре.

Какие же тайны хранят эти записи? Во-первых, по ним можно заключить, что Мэрилин вовсе не находилась в состоянии безутешного отчаяния, напротив, она мечтала о новой карьере, скорее всего в Нью-Йорке, и была полна энтузиазма. Она готовилась к «радикальной трансформации в профессиональном плане». Те же записи затрагивают ее весьма двусмысленную связь с Джоном и Робертом Кеннеди, которые были большими поклонниками женской красоты и, похоже, использовали Мэрилин без особой щепетильности. Правда, Майнер утверждает, что в записях нет никакой информации о связи Мэрилин с президентом, но в то же время он цитирует

ее фразу: «Пока во мне живет жизнь, во мне живет Джон Фитцджеральд Кеннеди...»

Большинство теорий, поддерживающих версию самоубийства, строилось на заключении, что его причиной послужил разрыв отношений Роберта с Мэрилин, так как он опасался ее болтливости и неуравновешенного характера. Но записи не оставляют никакого сомнения в том, что брат президента никоим образом не входил в планы Мэрилин на будущее, и это она (а не он) собиралась с ним порвать.

Майнер горько сожалеет о том, что в свое время согласился с официальной версией. Расследование было халатным; и высшие инстанции были довольны, что оно удовлетворялось очевидным. Образцы тканей, взятых на анализ, были утеряны, флаконы с медикаментами и даже содержимое желудка Мэрилин исчезли. Ее летний дом с верандой, где произошла трагедия, не был опечатан. Ее лекарства были рассыпаны. Питер Лоуфорд, родственник Кеннеди, очень ловко сумел изъять все улики за время, прошедшее с момента смерти до прибытия на место происшествия д-ра Гринсона, первого представителя закона. Но кого бы Джон Майнер допросил еще раз в первую очередь — это экономку Мэрилин Юнис Мюррэй, уже, к сожалению, умершую. В ее показаниях многое неясно. Она, например, уверяла, что ничего не слышала из-за шума стиральной машины. Зачем ей понадобилось устраивать стирку в час ночи? Ответ напрашивается сам собой. Майнер убежден, что она стирала простыни, чтобы уничтожить следы, оставшиеся после сделанной клизмы. Проче-

лала ли она сама эту процедуру по чьему-то приказу, или в ту ночь в доме был еще кто-то? «Я убежден, — говорит Майнер, — что Юнис Мюррэй многое видела в ту ночь».

Итак, Майнер не сомневается, что смерть наступила в результате медленного ректального введения дозы барбитуратов, равной 40 пилюлям снотворного, с добавлением хлоралгидрата, усиливающего действие барбитуратов. Клизму сделали, когда актриса уже спала, приняв обычную дозу снотворного.

Майнер считает свои выводы обоснованными и готов потребовать эксгумации для проведения исследования стенок прямой кишки по определенному тесту. Барбитураты — препараты очень стабильные, а так как Мэрилин похоронили в склепе, куда не проникает влага, есть много шансов взять образец ткани, позволяющий доказать, что препарат был введен именно таким путем.

Майнер не первый, кто требует эксгумации и выдвигает идею о ректальном отравлении. Но безупречная репутация и профессиональный статус придают его вмешательству в дело эффект бомбы замедленного действия. И если американское правосудие не свяжет ему руки, может быть, мы, наконец, узнаем правду о том, как погибла Мэрилин Монро. (Видео ассорти. — 1996. — № 8/15/)

Штрихи к портрету легендарного Александра Солоника. Валерий Карышев — адвокат одной из самых одиозных фигур российского криминального мира Александра Солоника. Вот его-то специально представлять не надо. Он уже вошел в историю отечественной криминалистики. Не столько даже тем, что вместе с сообщником по фамилии Монин на Петровско-Разумовском рынке убил трех милиционеров, а еще трех ранил, не тем, что после его ареста поползли слухи, будто Солоник профессионально успокоил грешные души по крайней мере трех воровских авторитетов, будто и Квантришвили, и Сильвестр ходили в его «клиентах», сколько беспрецедентным побегом из «Матросской тишины».

* * *

— Валерий, — спросила я Карышева, — как же вы стали таким адвокатом?

— Началось с того, что ко мне обратились несколько воров в законе и лидеров преступных группировок. В тюрьмах, как известно, существует собственная почта. Думаю, она и оповестила обо мне высшие круги криминальных структур. Пошли предложения. Только в «Матросской тишине» одновременно с Солоником у меня сидели семь подзащитных уголовников. Один в камере как раз над Александром...

После ареста Солоника его подруга Наталья И. пригласила для его защиты меня и Алексея Загороднего. Дело Солоника я вел с момента его перевода из Боткинской больницы в «Матросскую тишину» и до его побега оттуда. Когда в ноябре прошлого года впервые пришел к нему на встречу, служащие тюрьмы предупредили меня об особой опасности Солоника. А следователь прямо заявил, чтобы я готовился к сюрпризам. Поскольку Солонику нечего терять, одним из вариантов его выхода на свободу, по мнению следствия, мог стать захват адвоката в качестве заложника.

Я увидел невысокого, еще очень слабого после ранения парня. На встречу со мной его привели в наручниках, а наручники тут же прикрепили к стулу, намертво припаянному к тюремному полу. Аналогичная процедура повторялась все полгода наших встреч. Случай единственный в моей практике. Ни в «Матросской тишине», ни в Бутырке, ни даже в Лефортове к моим клиентам не применялись подобные меры предосторожности.

Солоник быстро окреп. Он не курил, не пил, никогда не употреблял наркотики. Зато, будучи мастером спорта по классической борьбе, регулярно занимался специально разработанным, так сказать, «тюремным», комплексом физических упражнений.

— Что же ему инкриминировали?

— Самое безобидное — хранение оружия. Ну, и конечно, побег из колонии и убийство милиционеров.

— А как же с отстрелом криминальных авторитетов?
— Да, пытались обвинить его и в этом, но Солоник такие преступления на себя не взял.

— Что ему грозило?

— Расстрел.

— Вы надеялись спасти его?

— Передо мной стояла стандартная адвокатская задача — смягчить участь доверившегося мне человека. Подчеркну: смягчить, но не обелить.

Надежда у меня была. Тогда как раз обсуждался проект нового Уголовного кодекса. Ожидалось, что смертную казнь отменят, введут вместо нее пожизненное заключение.

— Однако в новом кодексе казнь осталась.

— Да. И Солоник заметно сник. Я ему стал говорить, что далеко не все смертные приговоры приводятся в исполнение, что из сотни расстрелов, согласно статистике, свершается только десять. Солоник мрачно ухмыльнулся: «Вот в эту десятку я и попаду». Но все равно, надежда оставалась. На амнистию. Нас ожидала долгая процедура, борьба в суде. Но над Александром довлела куда более реальная опасность. Приговор преступного мира. Приговор милиции за смерть своих парней. В правоохранительных ведомствах я постоянно слышал вопрос: «Как? Солоник еще жив?» Очевидно, ожидалось, что милиция не простит ему гибели своих сотрудников.

Что же касается преступного мира, то для человека, обвиняемого в убийстве известных авторитетов и держателей «общаков», приговор мог быть только один — смерть. Солоник отлично понимал сложившуюся вокруг него ситуацию. Он разработал собственную систему безопасности, например, одно из основных условий моей защиты Солоника заключалось в неразглашении его местонахождения. Что мною неукоснительно выполнялось. Другой попыткой сохранить его жизнь была одиночная камера. Но, как видите, одиночка не только не гарантировала ему безопасности, но и легко могла оказаться идеальным местом для убийства. Поэтому вторым условием моей защиты был постоянный контакт с Александром. Мы виделись почти каждый день.

* * *

— Говорят, он сидел очень комфортно.

— В его одиночке я никогда не был. Адвокат с клиентом общаются в специально отведенном помещении. Но я знаю, что сидел он по высшему разряду. Имел импортный телевизор, компьютер, холодильник и много прочего. Однако все это Солоник получил исключительно из рук администрации тюрьмы. Писал соответствующее заявление. Получил резолюцию. Затем все вещи тщательно проверялись и только потом попадали в его камеру.

— А как насчет обедов из ресторана, о которых было столько разговоров, позже опровергнутых следствием.

— Обеды действительно были. Дело в том, что в описываемый период времени в одном из подмосковных СИЗО тюремной пищей был отравлен известный авторитет по кличке «Бурлак». Солоник знал этот случай и отказывался питаться камерной едой.

Не имею понятия, каким путем ему доставлялась другая пища. Но точно знаю, что все блюда были изысканные, а порой просто экзотические. Из самых дорогих ресторанов Москвы. На все, что касалось Солоника, денег его близкие не жалели.

— Можно ли сделать вывод, что для создания знаменитому киллеру тюремного комфорта его охрана постоянно и щедро подкупалась?

— Не знаю. Может быть и так. Но почему бы не учесть и тот факт, что Александру оставалось жить считанные месяцы. И это вызывало у охранявших его людей сочувствие.

* * *

— Что он за человек, этот суперкиллер?

— При всей его одиозности надо отдать ему должное. Он — человек сильной воли. Он не признавал воровских законов. Терпеть не мог кличек.

— Но кличка у него была: «Македонский».

— Однако он сам не знал, откуда она взялась.

Солоник сохранял улыбчивую и ровную манеру поведения. Вспылил он на моей памяти лишь два раза. Первый, когда в процессе одна за другой стали появляться негативные статьи в его адрес: «Ну почему, — возмущался Александр, — они не придут ко мне, не спросят правду, почему вся информация со слов следствия?»

Второй раз взорвался, прочитав результаты экспертиз по стрельбе на Петровско-Разумовском рынке. Все они обвиняли Солоника в тройном убийстве. «Но вы-то, — выкрикнул он, — верите, что я не убивал всех трех!» Я ответил, что обязан верить, как его защитник. И действительно, трудно понять, каким образом за считанные доли секунды один человек мог убить прицельным огнем из пистолета сразу троих.

Вообще результаты этой экспертизы оказались переломными в его тогдашней жизни. До этого он был относительно спокойным. Разрабатывал сценарий суда. Готовил последнее свое слово, выбирал — и очень придирчиво — будущую свою зону. Просматривал каталоги «от Версаче». Подбирал цвет и фасон костюма (цена от 3 тысяч долларов и выше), галстук (никак не меньше 500 долларов), а еще золотую оправу для очков. Видел он прекрасно, но полагал, что очки в оправе придадут ему солидный вид, произведут нужное впечатление в суде... А после экспертизы, обвинившей его в тройном убийстве, Солоник приготовился к худшему. В этой связи он отказался

от брака с Наташей. Да, он, судя по всему, любил женщин. Дважды был женат. У него двое детей. Влюбился, однако, в третий раз, в Наташу. Она — фотомодель. Влюбился, но... От него Наташа прежде всего потребовала получить развод у его последней жены. Добившись развода, она начала подготовку к бракосочетанию в «Матросской тишине». Но Солоник приказал нам отговорить любимую от этого шага.

— Я полагаю, у Солоника хватило бы средств на то, чтобы снять о себе фильм?

— Безусловно. Я не могу рассказать всех деталей его биографии, так как они фигурируют в уголовном деле. Но вот маленький эпизод. Однажды в доме, где жил Солоник, в районе Водного стадиона, была устроена милицейская засада. А, надо сказать, Александр — чрезвычайно осторожен. Он никогда, например, не пользовался лифтом, предпочитая медленно подниматься по ступенькам лестницы. Желательно — пожарной. В этот день он заметил на площадках соседних этажей каких-то людей. Сообразил — ждут, засада. Тогда Солоник перебрался на ближайший балкон, спрыгнул с высоты в несколько этажей на козырек другого подъезда и скрылся. Так что материала для фильма хватало. Я спросил у него: «Почему бы тебе не снять собственный детектив? Плати, и все дела». Он задумался. Не всякому, мол, доверишь такой фильм. Хорошо бы подключить, скажем, Никиту Михалкова. Я уже приготовился ехать на «Мосфильм». Однако, поразмыслив, Солоник решил, что такой фильм поставит последнюю печать на

его смертных приговорах. «После, — вздохнул он, — снимете после моей смерти».

— А вдруг все-таки снимет он такой фильм? Пойдет на поводу у честолюбия?

— Может быть. Впрочем, все зависит от того, где именно сейчас он находится, насколько продумал свою безопасность, насколько изменил свою внешность. Наверняка, этим он занялся в первую очередь. Собственно, он это хотел сделать после первого своего побега. Из колонии. Но расслабился, посчитал, что о нем забыли. В нем уживалась масса противоречий. Да, осторожен, расчетлив, умеет прогнозировать ситуации. И в то же время он часто шел на очевидный риск. Попадался. Опять уходил. В нем, вероятно, заложена потребность риска. И бесстрашие. Он в колонии сидел за изнасилование. Его положение казалось отчаянным. С клеймом «мент» и к тому же — насильник. По законам зоны его должны были не просто «опустить», а убить. В расправе над ним принимали участие двадцать уголовников. После этого на голове у Солоника осталось семнадцать шрамов. Но в зоне он стал авторитетом.

— Чем интересовался, о чем говорил Солоник накануне своего побега из тюрьмы?

— Просил принести для него учебник английского языка и глобус. Какой глобус, какой английский, если ему оставалось жить всего ничего! Но, с другой

стороны, именно это обстоятельство влияет на психику человека. Я знал случаи, когда смертники вдруг начинали изучать Канта, Конфуция и просили их книги непременно в оригиналах. Говоря проще, я решил, что в ожидании приговора у Саши «поехала крыша»...

Мысль о его побеге из «Матросской тишины», да еще из бывшего корпуса КГБ, являющегося как бы тюрьмой в тюрьме, не приходила мне в голову. Ведь для этого Солоник должен был выйти из одного здания, пройти через другое, открыть целый ряд дверей, убрать приставленных к ним конвоиров... Единственный полуфантастический вариант побега, который я мог представить, состоял либо в захвате заложника, либо в подкупе охраны и следователя. Кстати, последнее он однажды попробовал.

Как-то на совместном со следователем допросе Солоника мне пришлось ненадолго отлучиться. Войдя обратно, я сразу ощутил, что в мое отсутствие между ними что-то произошло. Позже Саша сознался, что предложил следователю взятку — миллион долларов. А еще через некоторое время я узнал о служебной записке следователя, где говорилось о попытке его подкупа. Думаю, сделано это было для перестраховки: камера, в которой мы работали с Солоником, наверняка прослушивалась.

— И вот вы узнали о действительно фантастическом побеге своего подзащитного.

— Да, на другой день. В тюрьме... Я заполнял карточку на нового клиента, когда меня пригласили в администрацию «Матросской тишины» и предложили ответить на ряд вопросов... Не скажу, что это был допрос, просто беседа без протокола. Из нее-то я и узнал о случившемся.

— Существует версия, что побег Солоника устроен службой безопасности, которая, якобы, и является заказчиком убийства лидеров преступных группировок.

— Сомневаюсь, хотя случаев, когда правоохранительные органы осуществляют свои акции в преступном мире через наемных убийц, известно немало. Бывает, впрочем, и наоборот: криминалитет для разборок в своей среде нанимает правоохранников.

— Ваша первая реакция на побег Солоника?

— Выругался от неожиданности. А позже, когда в ходе следствия по делу о побеге начался допрос соседей Солоника по камерам (в том числе и моих клиентов), мне стало доподлинно известно, что среди прочих сведений РУОП собирает материал и на меня. Тогда же мои коллеги дали мне совет — исчезнуть на время. Я взял отпуск и уехал из Москвы.

— А когда вы пришли к мысли сменить жилье и пользоваться лишь сотовой связью?

— В июле, после избияния Алексея Завгороднего. Он и сейчас в больнице.

— Так кто и за что избил адвоката Завгороднего?

— В свое время у Алексея возникали разные версии о случившемся с ним, и он неоднократно делился ими с журналистами. Но сегодня мы пришли к мнению: избияние однозначно связано с Солоником. (Версия-плюс. — 1996)

ТОННЕЛЬ

До дня «Х» оставалось три недели. Себастьян потягивал пахнущее хвоей темное пепси и чувствовал, что еще немного, и два непримиримых потока взаимоисключающих мыслей разорвут его мозг пополам. У него еще есть достаточно времени, чтобы выйти из игры. Ведь тот же Виззон отпахал вместе с ним будь здоров, но вовсе не собирается соваться в это пекло. С другой стороны, он очень хорошо помнил слова Али, когда впервые попал в этот чертов гараж: «Кто сюда входит однажды, назад уже не выходит!» Это, конечно, образность, преувеличение — многие десятки раз входил и выходил он из той проклятой коробки, скрывающей в себе начало их общей тайны, однако намек в сказанном был довольно прозрачным: отступничество, что сродни предательству, они не потерпят, слишком много поставлено на карту. Пойти в полицию? Для него, сына полицейского, такой шаг был бы, наверное, самым простым выходом, но то ли страх перед арабами, то ли вдруг про-

клянувшиеся за эти месяцы ростки авантюризма и щекочущее чувство риска, а может, и то и другое вместе удерживали от явки с повинной.

Себастьян почесал за ухом своего любимого бультерьерчика Монтана и по привычке направился в кафе «Мепани», которое облюбовал с тех пор, как распрощался с опостылевшей и малоприбыльной должностью в универмаге, — маленькое, уютное и, главное, недорогое заведение. Здесь он подолгу раздумывал, как закрутить пусть небольшое, но свое дело. На многое он не замахивался. Скромная мечта бургера заключалась в том, чтобы иметь собственный бутик по продаже текстиля и в свободное время смотреть видик, есть чипсы и шоколад, пить водку с колодой или заказывать на дом пиццу. Себастьян даже подумывал об открытии солярия, однако в банке и слушать не захотели о кредите. Ну, а 440 марок по безработице и 250 социальной помощи ежемесячно — далеко не капитал для вожденной самостоятельности. Не будет денег — все проекты так и останутся при нем. Этот печальный вывод поставил Себастьяна в тупик. Будь жив отец, наверное, все было бы по-другому. Офицер санитарной, водоохранной полиции, он имел в Берлине толковые связи, но с его внезапной смертью все рухнуло, и сыну с 17-ти лет пришлось всюду стучаться собственным лбом. Здесь, в «Мелани», он и познакомился с Али, то ли турком, то ли арабом. Себастьян, вероятно, не сошелся бы с ним так близко, если бы не прятавшиеся под его немецким происхождением турецкие гены: мать Себастьяна была турчанкой.

Он хорошо запомнил тот вечер, Али, добродушно улыбаясь, по-дружески похлопал его по плечу:

— Пока подыщешь себе постоянное занятие, может, пойдешь к нам на стройку? Временно, месяца на три.

Первая поездка на «объект» состоялась почему-то на форде с наглухо завешенными стеклами. На каком-то глухом углу, вблизи кирпичи, его пересадили в зеленый фургон, который и въехал в просторный, перегороженный надвое гараж. Вторая половина напоминала служебное, но лишенное комфорта бюро, интерьер его несколько портили висящие на грубо вбитых гвоздях рабочие комбинезоны.

— Выбирай любой.

Под скатанным в трубку ковром — деревянный люк. — Начинаем работать? — вопросительно посмотрел на него Али.

Когда озабоченный Себастьян опустил в лаз, он с некоторой тревогой подумал о том, что даже не знает, в какой точке Берлина находится. Об этом он узнает позже: район Миттерхорнштрассе, заваленный стройматериалами и металлоломом. А в окрестностях «окопались» владельцы дорогих вилл, роскошных магазинов, рынки. И «Берлинский Коммерцбанк» с сотнями индивидуальных сейфов богатых клиентов в подвале — цель людей, с которыми так легкомысленно связался сын полицейского Себастьян Фиррата.

Публика эта была действительно разношерстной. Али и его брат Дергхан — курды, попали в Берлин из Бейрута. Если сам Али ничем особо не выделялся, то братец его прошел боевое обучение в известной курдской партизанской организации ПКК, отлично владел оружием и считался классным специалистом по рытью коммуникаций. Еще трое братьев — Муззафер, Мутаб по кличке «Тони» и Халед — приехали в Европу из Дамаска. Халед даже успел отсидеть здесь за продажу кокаина. В квартире Халеда на Лихтерфельд Дракештрассе и созрел безумный план ограбления банка.

Зачем этой мусульманской, связанной круговой порукой братии понадобился Себастьян? Да только потому, что, опасаясь за свой корявый немецкий, они в день «Х» собирались использовать его для переговоров с руководством банка и полицией. Ну, а чтобы надежно завяз в заговоре, пусть пороется вместе со всеми в земле.

Себастьян вгрызался в грунт, как трудяга-землеройка и на первых порах даже понятия не имел, для чего он это делает. Когда узнал — было уже поздно.

Зеленый фургон исправно вывозит мешки с землей на многочисленные берлинские стройплощадки. «Проходка» двигалась медленно, за день удавалось удлинять подкоп не больше, чем на метр. Дело пошло куда быстрее, когда врубились в подземную водосточную трубу, пересекающую Миттерхорнштрассе неподалеку от банка. Ее 60-сантиметровый диаметр

вполне позволял более-менее передвигаться в этом, будто специально проложенном для взятия банка металлическом «тоннеле». Оставляя банк справа, труба тянулась дальше. Оставался решающий бросок — от трубы предстояло проложить последние 70 метров. Можно лишь представить этот каторжный труд: вся до последней горсти земля грузилась в мешки, которые по сливной трубе доставлялись в первый, идущий из гаража участок тоннеля, оттуда — в гараж. И таких рейсов — бесчисленное множество. Около 200 тонн грунта вынули «землеройки» из своей «пещеры». Какой кровью давались эти тонны и метры, говорит уже только то, что ход от гаража до водослива они рыли 5 месяцев. Так что Себастьян подключился лишь на решающем, заключительном этапе, который чуть не стал гибельным.

...В конце лета владелица бутика фрау Елке Аренс переехала в здание на углу Миттерхорн Брайзгауер, стоящее стена к стене к «Коммерческому банку». Место прекрасное, людное, но что-то хозяйку «Бутик Изабелла» начало беспокоить, а именно: она чувствовала под ногами вибрацию. Фрау позвонила в полицию. Полисмены отреагировали молчанием. Затем колебания отметили декораторы госпожи Аренс. Она еще раз побеспокоила полицейский участок. Ей посоветовали измерить... кровяное давление. Еще через пару дней перед бутиком ни с того ни с сего осел тротуар. Только после этого появилась полиция, известившая о происшедшем городскую службу подземного строительства. Квартет «кротов», увидев на углу скопление полицейских, здорово перепугался. Но им повезло: была пятница, день перед выходными, и полупьяные рабочие службы «подземки» не

стали утруждать себя поисками истины. «Проходчики» тоже решили не искушать судьбу и заморозили работу на 4 месяца.

Все обошлось. Они снова взялись за дело и рыли еще ровно 3 месяца. Бригада «укрепилась» тихим замкнутым ливанцем по имени Виззан, проживающем в Берлине нелегально, и парнем из Дамаска, которого звали Момо.

И вот с шахтерскими лампами на касках, напоминающие циклопов, ощупывали пальцами каменный своды над головой — там, наверху, был забитый сейфами подвал. Оставалось главное — взять все это богатство.

Буквально накануне операции в лексиконе без пяти минут грабителей появилось пугающее слово «заложники». Себастьян совсем скис, но отступить было некуда. Да и, в конце концов, зря он, что ли, как проклятый, надрывался-задыхался в этом аду?

В субботу, 24 июня 1995 года, на квартире у Халефа, «старшего», окончательно утвердили план. День «Х» — вторник. Вряд ли кто обратил внимание на припаркованный в понедельник фورد-эскаорт (принадлежащий Али) на соседней с банком улицей Альди-Паркплац. А «нутро» его представляло несомненный интерес: там были два обреза, штурмовая винтовка, два пистолета, десяток гранат, рюкзаки с инструментом для прорыва из тоннеля в подвал, про-

вариант. К этому времени налетчики уже распределили роли, подготовили «обращение» к полиции с требованием двух автомобилей для бегства и 17 млн. марок.

...27-го утром первым увидел их 58-летний пенсионер Норберт Бухвальд, заглянувший в банк, чтобы познакомиться с новым делопроизводителем: к нему решительно направлялись выпрыгнувшие из машины четверо в бейсбольных кеппи, масках, комбинезонах, кедах и резиновых перчатках. «Ложись лицом к стене, руки за голову!» После этой команды он оказался на полу в наручниках среди еще 16 заложников.

Все идет по плану. Опускаются шторы на окнах, запирается входная дверь, со стен слетают видеокамеры, возле входа выкладываются гранаты. А банк тем временем уже в плотном кольце полиции. Ну, на иную реакцию они и не рассчитывали, поэтому сразу начали диктовать секретарше свои послания стражам порядка. Ее же и отправили с «письмом» на улицу. А Себастьян уже провел удачные переговоры с худощавым 33-летним замдиректора банка Арманом Енде. Тот без лишних слов пустил грабителей в цокольный этаж — туда, где заманчиво отсвечивали металлом индивидуальные сейфы. Кроме того, он стал посредником в переговорах с полицией, ведя их с тактикой затягивания. Что и требовалось, ибо времени для потрошения сейфов требовалось немало.

В точно оговоренное время Али и Момо постучали в

пол снизу, из тоннеля. Просверлить в бетоне дыру, грохнуть сверху и таким образом «проклевать» приличный лаз, оказалось 10-минутным делом. Сейфы с хитрым электронными кодами не устояли перед ломом, молотком и зубилом.

А наверху между «охранниками» и заложниками если не наблюдалась идиллия, то по крайней мере не было и вражды. Норберт Бухвальд аппетитно уплетал припасенные налетчиками бутерброды, шоколад, запивал апельсиновым соком и курил «Мальборо» сирийца Муззафера. Правда, когда после 17-ти часов полиция не ответила на ультиматум, дружки поручили Себастьяну малоприятную штуку — выстрелить кому-нибудь из заложников в бедро. К счастью, стрелять не понадобилось, в 19.30 два дюжих полисмена принесли ко входу 5 черных пластиковых мешков, в которых, однако, вместо 17-ти оказалось 5,6 млн. марок. В отместку «медвежатники» выдвинули еще одно требование — чтобы на автобане стоял «под парами» вертолет.

«Пали» больше половины из 207 сейфов, «отдавших» грабителям около 10 млн. марок. Зато в целости и сохранности осталась валюта в лирах, рублях и даже в швейцарских франках.

Пока полиция ломала голову над ультиматумом, «работяги» из подвала, пыхтя, перетасили 4 битком набитых морских и армейских вещмешка в гараж, откуда они уплыли на фургоне в неизвестном направлении. И только после полуночи, надев заложникам

на головы мешки и пожелав им спокойной ночи, из банка тем же путем ушли Себастьян и двое его «коллег».

Итог: заложники все, слава Богу, живы и даже накормлены, денег нет.

Полиция, однако, хоть задним числом, но оказалась на высоте. Последним из «великолепной семерки» взяли Дергхана — 13 августа 1995 года в аэропорту Франкфурта, все остальные попались в Берлине.

Но самое интересное, что деньги-то как бы испарились. Не вывозили их, якобы, из гаража — и точка.

Одним словом, темных пятен в этой сногшибательной истории хоть отбавляй. В багаже такую сумму не вывезешь, она даже в два банковских сейфа не вместится, на счет тем более не положишь. Еще более странно то, что «старшой», Халед, не всегда точно мог сказать, когда «копать», а когда «не копать». Создается впечатление, будто бы об этом должен был где-то справляться. В этом смысле не исключается версия «руки» курдского освободительного движения ПКК, ведь именно там проходил военную выучку Дергхан. С другой стороны, если подкопом руководила какая-то солидная контора, то на кой ей было воровать на стройках Берлина доски для крепления тоннеля? Несерьезно как-то.

Руководитель группы расследования «преступления века» Детлеф Бюттнер тем не менее оптимистичен: время, мол, работает на нас, 15 миллионов — как взрывное устройство, где-нибудь денежки да всплывут. И добавляет, улыбаясь: «Единственная ошибка грабителей — огромная сумма денег». Ничего себе — ошибочка!

(В. Иванов. //Версия-плюс. — 1996)

МИЛИЦЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

СУРОВОЕ НАКАЗАНИЕ. Один опер из МУРа застал двоих злоумышленников за «раздеванием» своей машины. Сначала по-хорошему предложил оставить инструменты и убираться. Но воры по-хорошему не поняли, поэтому пришлось браться за оружие. Напугав их как следует, он заставил обоих вступить друг с другом в интимную связь. После этого опер сдал их в милицию, заявив, что застал их на улице за совершением акта мужеложства (про машину речи не было).

Естественно, оправданиям задержанных никто не поверил, экспертиза подтвердила означенный акт, и они, как миленькие, пошли по 121-й статье. Опер прекрасно знал, какая встреча ждет в камере тех, кто попал туда по 121-й. Это тебе не кража личного имущества!

УГОН ПО-ГЕНЕРАЛЬСКИ. Однажды генерал МВД

должен был срочно встретить жену, но по дороге его машина отказала, он оставил шофера возиться с ней, а сам поймал частника на «Волге», сел к нему и попросил ехать быстрее. Частник плохо справлялся с машиной и тащился, как на кляче, несмотря на генеральский бас. Тогда они поменялись местами — водитель охотно уступил руль опаздывавшему, и «Волга» помчалась на предельной скорости.

Через некоторое время бешеную машину остановил патруль ГАИ. Генерал показал свое удостоверение, и инспектор, заметно побледнев, отошел с растерянным видом.

— Что случилось? — спросил его напарник. — Кого ты отпустил?

— Даже страшно подумать, кого... У него генерал в шоферах!

Через десять минут гаишники получили по радиации сообщение, что умчавшаяся «Волга» угнана сегодня утром у законного владельца. Генерала потом нашли, а угонщика — нет.

УБИЙСТВО ПО ЗАКАЗУ. Однажды утром студент Петя, едва продрав глаза, сел за учебники, но шум в подъезде не давал никакой возможности сосредоточиться. Судя по всему, там «гудели» несколько пьяных мужиков. Петя ни рискнул урезонивать их са-

мостоятельно и вызвал милицию. А чтобы она приехала наверняка, сообщил, что в их подъезде только что совершено убийство.

Вечером к студенту Пете нагрянули оперативники. «Это вы звонили по поводу убийства?» — «Я». — «Доподлинно установлено, что ваш звонок поступил на 7 минут раньше, чем наступила смерть потерпевшего. Как вы это объясните?»

Чтобы объяснение было как можно правильное, Петю увезли в следственный изолятор. На следующий день следователь предъявил ему обвинение в убийстве. Через какое-то время студент сумел-таки оправдаться, но параша нанюхался с избытком.

КРОСС ПОД ПУЛЯМИ. Дознаватель одного из РУВД Москвы возвращался вечером домой, побывав в гостях. На нем была пижонская шапка, пижонская шуба и такие же сапоги на меху. Этот наряд он надевал в редких случаях, как, например, сейчас.

В темном месте его встретили трое, вытащили ножи и приказали раздеваться. Шуба им понравилась. После этого пришлось отдать и сапоги. Больше ничего из одежды грабители взять не захотели и приказали дознавателю убираться. Но он уходить не стал, потому что вспомнил, что захватил с собой служебный пистолет. Вытащив пистолет и пальнув для остротки в воздух, дознаватель перехватил инициативу и сам начал отдавать приказы. Построив грабителей

друг другу в затылок, он задал им направление движения — к ближайшему отделению милиции. Снова одеваться, а особенно обуваться в их присутствии дознаватель не рискнул, поэтому пришлось идти как был — без шубы и босиком. Через минуту он почувствовал, что замерзает. Перешли на бег. Согреться не удавалось, поэтому он все ускорял темп, подгоняя конвоируемых матюгами и выстрелами.

Прохожие шарахались от такой странной процессии. В отделении также сильно удивились. Задержанные возмущались. «Вот и верь после этого людям, — с горечью говорил один из них. — Мы тебя пожалели, пиджак оставили, а ты вон чего устроил. Ну, в другой раз будем умнее...»

Другого раза им придется дожидаться как минимум лет пять.

ПРИВЕТ ОТ ШЛЯПЫ. Редкий из нас не побывал в жертвах хама-водителя: не сбавляя скорости перед лужей, тот с ног до головы обрызгивает грязью бедного пешехода. Но однажды таким пешеходом оказался заместитель начальника ГАИ Москвы. В ответ на его претензии водитель не только не извинился, но еще и послал его подальше, обзвав шляпой.

Через некоторое время этого водителя остановили возле поста ГАИ. Инспектор придирчиво проверил права, талон предупреждений, техпаспорт, потом принялся за машину. Были сверены номера двигате-

ля и кузова, проверено наличие знака аварийной остановки, аптечки и огнетушителя. Огнетушитель оказался не на месте, за что автолюбитель был оштрафован. В конце концов инспектор его отпустил. Вся процедура заняла минут тридцать.

Безнадёжно опаздывающий водитель тронулся было дальше, но уже через 500 метров его тормознули на следующем посту ГАИ. Вся проверка по полной программе повторилась, и пришлось заплатить еще один штраф за то, что водитель забыл пристегнуть ремни безопасности. В ответ на его возмущение инспектор прочитал двадцатиминутную нотацию о недопустимости пререканий с сотрудником ГАИ, но в конце концов отпустил, проронив на прощание: «Привет от Шляпы». Водитель вспомнил, что предыдущий гаишник тоже упоминал какую-то шляпу, но не сообразил, к чему бы это.

В третий раз его остановили через две минуты. Внимательно изучив документы, инспектор заявил, что сейчас он будет проверять токсичность выхлопа. Бедный автолюбитель, не понимая, почему судьба к нему так жестока, был доведен до отчаяния и, видимо, поэтому рискнул предложить инспектору взятку, чтобы тот его отпустил. Но инспектор повел себя совершенно неестественным образом: возмутился, привлек в свидетели двух прохожих и доставил взяткодателя в управление. С протоколом, правда, ничего не получилось, так как свидетели фактически не видели и не слышали предложения взятки, но не очень приятная процедура отняла три часа.

Выпущенный из управления водитель на улице обнаружил, что у его машины выхлоп вдруг стал черным, как у паровоза. Откуда ни возьмись подъехал еще один инспектор с прибором и, померив токсичность, заявил, что показатель ни в какие ворота не лезет, и машина в таком состоянии эксплуатироваться не может. В общем, номера были сняты, а машина отправлена на штрафную площадку. Напоследок ему передали привет от Шляпы.

Только тут до бедняги стало доходить, что, собственно, произошло. Вернувшись в управление, он осторожно выяснил фамилию этого злого гения и на следующий день пришел к нему извиняться. Конечно, Шляпа сказал, что не обижается. Однако еще один привет от него в это время дожидался водителя на штрафной площадке. Когда тот пришел за своей машиной, оказалось, что ее, «по недоразумению» поставили не на площадке, а рядом, и, следовательно, охрана на нее не распространялась. И если кто-то что-то там отвинтил, то отвечать за это некому.

ПАРИ. Поздним вечером по студенческому общежитию прогуливалась парочка из оперативного комсомольского отряда (дело было в 1984 году) и примкнувший к ней сержант милиции. Между ними разгорелся спор. Окотовцы оценивали себя очень высоко, считали, что они профессионалы и возмущались иронией сержанта. Наконец один из комсомольцев заключил с милиционером пари: вот он сейчас придерется к первому встречному, найдет нарушение и составит протокол. Сержант расхохотался: комсомольский задор!

Первый же встречный попался тут же. У окна в коридоре стоял молодой человек и что-то писал в тоненькой тетрадочке. Окотовец вытащил документ и ринулся в атаку. Вскоре удалось установить, что первый встречный здесь не проживает, следовательно, он нарушил пропускной режим. К тому же у него не оказалось с собой документа, и окотовцы с полным правом потащили его в дежурку — составлять протокол...

Ребят заинтересовала тетрадочка задержанного, к которой тот относился аккуратно и берег от посторонних глаз. Заглянув в нее, комсомольцы ахнули: там были подробные планы всех корпусов и общежитий с указанием номеров комнат, всех входов-выходов и режима охраны...

Молодого человека увезли люди в штатском. Кто он такой, окотовцы так и не узнали, лишь окольными путями выяснили, что ему «приклеили» 64-ю статью УК (измена Родине).

(КОД. — 1996. — № 8/51/)

ТРЕБУЕТСЯ УБИЙЦА

Явно не совесть, а страх наказания остановил 28-летнюю секретаршу прокуратуры Петру Холлей от собственноручной расправы над самыми близкими людьми. За 45 тысяч марок она наняла бывшего детектива убить двух ее малолетних детей и мать. По-

лучив страховку, женщина-изверг собиралась начать новую жизнь с любовником. Теперь будет заканчивать старую за решеткой.

«Совсем недавно, — сокрушается начальник отдела берлинского ведомства по расследованию убийств Бернд Майер, — мы и не слышали о наемных убийствах. Разве что изредка происходило такое в среде самих уголовников». А сегодня все чаще немецкой полиции, и не только в крупных городах, приходится иметь дело с «убийцами, у которых нет каких-либо личных мотивов».

Немцы охвачены растущей тревогой. Журнал «Штерн» приводит лишь несколько случаев заказных убийств. На берлинской улице среди бела дня застрелили адвоката Х. Летгау из Дюссельдорфа. Полиция заподозрила бывших агентов «штази», которые не хотели отдавать земельный участок близ Потсдама адвокату, имеющему на него права. Но все оказалось прозаичнее: любовница Летгау наняла киллера, чтобы завладеть страховкой на 200 тысяч марок. В Берлине строитель Т. Зееман тоже убрал с помощью наемного убийцы своего конкурента. В Дармштадте М. Мит вел долгие споры с бывшей женой по поводу дома. Не добившись миром, решил ее уничтожить. Нанятый за 10 тысяч марок бывший солдат из Тюрингии оказался, видимо, новичком и уложил на смерть не женщину, а ее любовника. В маленьком городке на севере страны жена владельца строительной фирмы, бывшая примадонна публичного дома, решила покончить с мужем, продать фирму и махнуть на Канарские острова. Через зна-

комых нашли исполнителя — молодого польского кикбоксера Мацея Коберцкого, который не промахнулся. Убийца скрылся, а вдова предстала перед судом. Заливаясь слезами, она рассказывала, что супруг издевался над ней, морил голодом и держал в черном теле. Жалобы, однако, никак не согласуются с фактами: муж дарил ей дорогие украшения, «Мерседес-300», наряды из престижных магазинов. Ей от наказания явно не уйти.

Германия поражена, с какой легкостью сегодня можно нанять киллера. Баронесса фон Б., решившая избавиться от супруги любовника, дала объявление в газете: «Кто из молодых безработных мужчин, ранее осужденных, в возрасте от 20 до 30 лет хотел бы получить работу и начать новую жизнь?» Быстро нашелся некий парень, согласившийся всего за пять тысяч марок исполнить поручение баронессы, но накануне проболтался по пьянке, и убийство сорвалось. Все живы, аристократка в тюрьме.

«Штерн» решил провести своеобразный тест общественной морали, дав объявление в небольшой бульварной газетке, выходящей в Мюнхене: «Помогите! Ищу молчаливого решительного человека, который за хорошие деньги справится со щекотливой проблемой». И читателей у этой газетенки всего ничего, но мгновенно откликнулись 25 человек: несколько телохранителей, «готовых на все», детективы «с опытом», бывший инструктор бундесвера, «мужчина из южной страны, молчаливый, как гробовой камень, решительный во всех отношениях». Все подчеркивали, что прошли сквозь «огонь, воду и медные трубы».

Некий «соискатель» был абсолютно краток: «За хорошие деньги ваши проблемы станут моими».

Наверное, в отличие от нашей ситуации, в Германии, как утверждает в своей книге «Убийцы по каталогу» берлинский юрист Петер Ниггель, в семидесяти процентах случаев убийства заказывают женщины. Расправы по «коммерческим» мотивам среди немцев сравнительно редки. В этой статистике здешняя полиция не учитывает кровавые разборки российских мафиози на немецкой территории, хотя они потрясают местную общественность своей жестокостью.

В отличие от других видов преступлений, в Германии раскаяние крайне редко озаряет наемный убийцу. За последние несколько лет, насколько известно, такое произошло лишь однажды. В августе прошлого года бывшего зэка Клауса Калмуса свели в «Кафе кеезе» в укромном уголке Берлина с инженером Рольфом К., 55 лет, от которого ушла 30-летняя жена, не только забрав сына, но и присвоив имущество, включая виллу. «Если не будет моей жены, не будет и моих проблем», — сказал инженер и предложил Калмусу 50 тысяч марок. Вместе разработали несколько вариантов убийства, остановились на инсценировке «ограбления румыном». Рольф К. отправился в Гану, где намеревался завербовать чернокожих красавиц для немецких борделей, а киллер, поразмыслив, отправился в полицию. Инженера арестовали у трапа самолета, прибывшего из солнечной Африки, и отправили в мрачные тюремные казематы. Раскаившийся киллер на свободе.

А сколько их, нераскаявшихся?

(КОД. — 1996. — № 8/51/)

ОБНАЖЕННЫЕ ЗНАМЕНИТОСТИ, или Взгляд в замочную скважину. Слово «папараччи» образовано из двух слов. В переводе с итальянского они значат «комар» и «фотовспышка». Так называют фотографов, зарабатывающих себе на жизнь охотой за теми, кому судьбой уготовано быть в центре всеобщего внимания и любопытства.

«Папараччи» ставят в затруднительное положение правительства, вызывают скандалы в королевских домах, высвечивают неприглядные стороны жизни знаменитостей. В поисках сенсаций они прибегают ко всевозможным — дозволенным и недозволенным — приемам. Вся их работа посвящена тому, чтобы сделать шокирующей публику снимок царственной особы или звезды Голливуда в самый «неподходящий» для тех момент; ради этого «папараччи» ставят на кон даже собственную жизнь.

Не так давно во Франции начался суд над одним из королей «папараччи», обвиняемым в том, что он снял принцессу Сару Фергюссон (Ферги) в момент интимной близости с ее финансовым советником. Не менее 22 снимков супруги принца Эндрю было сделано фоторепортером. Фотография полуобнаженной Ферги была опубликована английской «желтой» газетой «Daily mirror» и обошла весь мир. Тираж газеты подскочил в тот день до трех миллионов экземпляров, а сам снимок вызвал настоящее потрясение в

королевском дворце. После его появления разгневанная королева вызвала «на ковер» невестку, но спасти честь королевской семьи уже невозможно.

Один из самых известных «папараччи» — Джон Мейвер, владелец скандально известного частного канала «CLS». На его счету — сюжеты о сексуальных упражнениях Мадонны, Ким Бессинджер, Дэми Мур и других, многих других...

Число подписчиков телеканала «CLS» не так уж велико — не более десяти тысяч абонентов. Сколько они платят за обслуживание, является коммерческой тайной, но по некоторым сведениям — в три раза больше, чем за другие каналы. Основные же доходы Мейвер извлекает из контактов с вполне уважаемыми телекомпаниями, которым продает эксклюзивное право на демонстрацию этих видеосюжетов. То, что большинство из них пока не появилось в эфире, говорит лишь об ожидании наиболее удачного момента для демонстрации.

В последнее время Мейвер увлекся съемками в туалетных. Установив аппаратуру в отхожем месте, он запечатлел уже во время опорожнения мочевого пузыря или желудка Рональда Рейгана, Роберта Де Ниро, Джека Николсона, Дэми Мур.

В связи с наглостью «телегангстера» многие звезды вынуждены поднимать ставки своей охране. Но Мейвер уверяет, что эти меры пользы не принесут, так

как у него уже имеется уникальное оборудование, способное почти без потери качества снимать сквозь стены.

— Если это правда, то нам остается одно — повесить гада на ближайшем столбе, — сурово прокомментировал заявление нахала Роберт Де Ниро. — А всех его последователей надо расстреливать без суда и следствия...

Мейвер не оригинален — не он первый помог своим клиентам прильнуть к щели запретной двери чужой спальни. Лишь размах и то, что он использует средства электронной информации, отличает его от других скандально известных фотографов «папараччи».

Нет сомнения в том, что в известном смысле «папараччи» должны быть своего рода суперменами. Они обладают превосходной реакцией, прекрасно ориентируются в ситуации и всегда готовы к самому неожиданному повороту событий. Эти люди должны быть крайне изобретательны и искусны в том, что касается умения находить подходящее место для засады и вовремя обнаружить пути отхода.

Они рискуют нарваться на крупные неприятности, поскольку все царственные особы и кинозвезды имеют при себе телохранителей и не склонны мириться с тем, что их выставляют напоказ в самых интимных позах. Зато, если «операция» удастся, «папараччи» кладет себе в карман немалые деньги.

Как показывает история, нет такого препятствия, которое оказалось бы непреодолимым для «папараччи», использующего любые, самые неожиданные средства.

Тридцатилетний Масимо Сестини — один из двух известнейших «папараччи» в мире. Как и большинство «охотников за сенсацией», Сестини — итальянец по происхождению.

На него работают четыре фотографа, караулящих каждый шаг мировых знаменитостей. Каждый из них «вооружен» быстроходной надувной лодкой, оборудованной для подводного плавания, фотокамерой, предназначенной для съемок под водой, радиотелефоном, биноклем и мотоциклом.

«Папараччи» обязан уметь превосходно плавать, нырять, водить мотоцикл, обладать очень крепкой психикой, чтобы выдерживать стрессы, не спасовать перед детектором лжи и лазать по деревьям. Каждый из работников Сестини зарабатывает за год до 170 тысяч долларов.

Зачастую «папараччи» и сами не могут предположить, с какой стороны ждать удара. Например, один из них, забравшись на верхушку дерева, был неожиданно атакован... орлом, чей покой потревожил своим внезапным вторжением. Фоторепортер спасся лишь чудом, но на следующий день вновь вернулся на свой наблюдательный пункт, правда, уже с винтовкой.

И все же, как правило, большинство «папараччи» оставляют свой доходный бизнес, проработав в среднем около года.

Обычный «охотничий сезон» «рыцари плаща и фотоаппарата» проводят на пляжах в укромных уголках Франции, Италии и Швейцарии, выискивая подходящие места для засады, изучая привычки своих «жертв» и заводя необходимые знакомства, без которых может сорваться в критический момент тщательно рассчитанная операция.

А большинство знаменитостей уже смирились с тем, что рано или поздно, несмотря на все их ухищрения, будут «пойманы с поличным» и попадут в прессу... (КОД. — 1996. — № 2/15/)

УБИЙСТВО БЕЗ УБИЙЦЫ. Личности и судебные процессы Альфреда Дрейфуса и Менахема Бейлиса достаточно хорошо известны и не нуждаются в дополнительных комментариях. Но существует еще одно сходное запутанное судебное дело, которое началось 85 лет назад...

В первый же день нового 1911 года лондонский полицейский обнаружил на окраине города труп женщины, забитого до смерти каким-то тупым орудием, предположительно железным прутом. Это обычное, на первый взгляд, убийство осложнялось странным, почти ритуальным характером многочисленных ран в области головы и грудной клетки, а главное — на

лице убитого остались два умышленно симметричных надреза, явственно образующих удлиненную латинскую букву «S». Убитый, по имени Леон Берон, был известен полиции как владелец нескольких ночлежных приютов, скупщик краденого и... За этим «и» не случайно идет пауза и многоточие: ходили слухи о том, что Берон был полицейским осведомителем и с ним просто свели счеты. Кто? Кто был убийцей? Под напором газетной истерии и общественного недовольства «чужаками» (под которыми, в первую очередь, понимались русско-еврейские иммигранты в Ист-Энде) полиция должна была защитить честь мундира, что и сделала: 8 января был арестован 29-летний еврей, выходец из России, Стини Моррисон, имевший давнюю репутацию профессионального взломщика и хорошо знакомый с покойным Бероном. Их видели вместе накануне Нового года, буквально за несколько часов до убийства.

Моррисон, незадолго до этого освобожденный из тюрьмы, работал в булочной, что располагалась в десяти минутах ходьбы от места убийства. У него не было убедительного алиби, а, кроме того, слово «взломщик» ассоциировалось в глазах публики с тремя негодьями, которые за две недели до этого убили троих полицейских при попытке ограбления ювелирного магазина. Убийцы оказались членами группы «Лиесма» («Пламя») — латвийской террористической организации, занимавшейся «эксами», т. е. «экспроприациями» на благо революции.

Судя по опросам общественного мнения тех времен, мало кто понимал разницу между латышами-терро-

ристами и еврейским взломщиком. И те и другие были для англичан «нежелательными чужаками», от которых надо было избавляться. Судебный процесс по обвинению Стини Моррисона в убийстве Лео-на Берона начался в центральном суде Олд-Бейли 6 марта 1911 года. Предполагалось, что все внимание публики и прессы будет привлечено к профессиональным ораторам в судейских мантиях, но этим вниманием неожиданно и полностью завладел подсудимый: он был выше среднего роста, приятной наружности — из тех, кто был одет в элегантный костюм из зеленого твида с жилетом и бледно-розовым галстуком. Он вовсе не соответствовал привычному клише «грязного славянина низшего сорта» и, уперев руку в бедро, держался независимо и уверенно. После зачтения обвинительного акта Стини Моррисон сказал: «Даже если бы я стоял перед лицом Всевышнего, я бы сказал то же самое: не виновен! Я не виновен!»

В течение семи дней перед судом прошли 65 свидетелей, из которых решающими стали показания трех кучеров. Несмотря на неблагоприятные погодные условия, темноту и путаницу во времени, они уверяли, что именно Моррисон сопровождал Берона во всех его поездках по городу в тот роковой день. Никто даже не пытался выяснить и понять, как в таком случае Моррисона могли видеть в течение одного часа в разных концах города (ведь тогда не было ни метро, ни автобусов, а огромные расстояния от центра до окраин остались теми же).

Адвокат Моррисона тоже не располагал убедитель-

ными фактами и напирал на риторику, которая вызывала явное раздражение у присяжных. Прокурор Ричард Мюир, в противоположность своему коллеге, был спокоен и намного более убедителен. Однако еще сильнее на присяжных подействовала общественная атмосфера страха «от всего, что могут сделать чужаки-иммигранты в доброй старой Англии». Это — цитата из передовицы в «Таймс», где, среди прочего, говорилось следующее: «Этот судебный процесс только подтверждает уже давно сложившееся впечатление, что Ист-Энд... насчитывает среди своего населения большое количество очень опасных и вредных субъектов, в основном иммигрантов из Восточной и Юго-Восточной Европы». Эту передовицу дополняла соседняя страница, где под крупным заголовком «Хроника чужеземного Лондона. Новое гетто» высказывалось опасение, что «иудаизм этих людей только увеличивает проблему... поскольку сыны Израиля... постепенно вытесняют англичанина, будь он владельцем магазина, рабочим или деловым конкурентом».

Чистокровно английскому суду присяжных потребовалось всего 35 минут на размышления, чтобы 15 марта 1911 года признать «сына Израиля» Стини Моррисона виновным в убийстве и приговорить его к смертной казни. Пресса ликовала, общественность тоже. Пожалуй, только один человек сохранил сомнения в виновности Моррисона — тогдашний министр внутренних дел Уинстон Черчилль. После исследования всех собранных фактов и совещания с министром юстиции Черчилль пришел к выводу, что Стини Моррисона невозможно назвать убийцей с полной достоверностью, хотя, судя по всему, он и

был замешан в это дело. Черчилль заменил смертный приговор на пожизненное заключение.

Но Моррисон продолжал уверять в своей полной невиновности. Кампания за его освобождение длилась около 10 лет. Тем не менее все его обращения к властям остались без ответа, и это в конце концов повредило его разум: 24 января 1912 года в результате затяжной голодовки он умер в своей камере.

А как насчет действительной виновности Стини Моррисона? Почему на суде фигурировали загадочные лицевые раны в форме буквы «S»? Один из исследователей дела Моррисона уже установил связь между Леоном Бероном и членами латышской террористической группы, убившими трех полицейских. Они же, по мнению этого исследователя, могли и убить осведомителя Берона, чтобы он не выдал их полиции. Буква «S», с которой начинается английское слово «spy» (шпион), была в те времена общепринятым знаком, которым в уголовном мире метили трупы обнаруженных полицейских сексотов.

По материалам зарубежной прессы.
(КОД. — 1996. — № 1/44/)

С легкостью необыкновенной он убил человека, как выяснилось, совсем не того...

...В железной клетке зала Верховного суда Татарстана он сразу выделялся среди прочих участников покушения. С виду мальчишка, в овальных, в поллица очках. Пухлогубый, румяный, синеглазый, с вежливым, негромким голоском — ну прямо школьный отличник! Ему бы не на скамье подсудимых сидеть, а на химической олимпиаде. И «кликуха» его очень вязалась с внешним благообразием — Подлиза. Гаденькое прозвище прилипло к нему неспроста: мальчик в детстве был тихоней, любил подставлять дружков и разводить канареек. А еще — деньги, которых у него никогда не было, поскольку зарабатывать их обычным путем он не умел и не хотел. И когда предложили ему непыльную, хорошо оплачиваемую «халтуру» — убрать незнакомого, кому-то неудобного человека, он ничтоже сумняшеся согласился. Правда, и тут погорел с деньгами, не получив ни «бакса» из обещанной тысячи. Потому что допустил одну-единственную ошибку — застрелил того, кого ему вовсе не заказывали...

Для последнего слова подсудимый встал и без запинки, как по-писанному, отбубнил покаянные фразы о чистосердечном раскаянии, сожалении, мол, если б не деньги, ни за что бы не согласился... Когда его в наручниках выводили из зала, мать, про-

бравшись сквозь конвой, плюнула сыну в лицо...

Убийство это потрясло Казань. Утром по пути на работу в подъезде своего дома был застрелен директор центра содействия предпринимательству при главе администрации города Альберт Невский. Его тело с простреленной головой обнаружили на площадке между вторым и третьим этажами. Теракт вызвал шок в деловых и общественных кругах, близко знавших убитого. Люди ломали головы над вопросом: кому понадобилось убирать человека, который ни по роду своей деятельности, ни по характеру, ни по личным интересам не мог встать никому поперек дороги? Следствие это обстоятельство тоже загоняло в тупик. Логичнее отрабатывать версии, искать подозреваемых в тех случаях, когда убивают мафиозника, коррупционера, крутого делягу. А тут? Тогда еще никто не подозревал, что произошла роковая для покойного и счастливая для его соседа по лестничной площадке ошибка. Выйди Невский на минуту-другую позднее из квартиры, он бы остался жить. Выстрел бы все равно грянул, но драма разыгрывалась бы по заранее спланированному сценарию. Сценарию, который директор центра случайно поломал.

Следствию в расследовании этого, как говорят, резонансного дела крупно повезло. Через пару недель после трагедии в органы явился журналист местного телевидения и выложил на стол кассету с видеозаписью беседы с... убийцей. Киллер рассказывал о подготовке, технологии и деталях покушения. Имен и фамилий, правда, не называл. И себя снимать поз-

волил исключительно со спины. Пожаловался, что заказчик за «туфту» платить не собирается — убито, оказалось, не тот, кто был нужен.

Тележурналист, сославшись на профессиональную этику, не стал высвечивать доверившегося человека. Но специалистам достаточно было и видеозаписи. За ее расшифровку засели лучшие криминалисты, психоаналитики. Изучался тембр голоса, особенности речи, строение затылка, прическа и даже шевеление ушей... дело продвигалось медленно, но верно. Вскоре интервьюируемый был вычислен — 20-летний житель Казани Алексей Карпунин. Получив от интервьюера двести тысяч рублей гонорара за сенсационный эксклюзив, горе-киллер отбыл с подругой в город Котлас Архангельской области. Группа захвата, отправившаяся по следу «сладкой парочки», арестовала убийцу на квартире приятельницы. Нашли и пистолет. Баллистическая экспертиза выявила, что именно из этого ствола и была выпущена роковая пуля...

...Подлиза в этом деле был «лишь» исполнителем. Заказчиком — некий Вячеслав Кирниченков, шофер заместителя начальника службы безопасности одного из казанских банков. Он предложил своему знакомому — студенту казанского университета Александру Суркову убрать директора кожгалантерейной фабрики, который якобы мешает ему в бизнесе. Назначил и цену — десять тысяч «баксов». Сурков на «мокрое дело» не решился и перекинул спецзадание другу, монтажнику ТОО Роберту Измайлову по прозвищу Монах, пообещав ему шесть с половиной

тысяч «зеленых». Для подстраховки решили взять в долю третьего — он должен был ждать убийцу на ближайшей стройке, помочь ему переодеться, а затем вернуться на «объект» и понаблюдать за дальнейшим разворотом событий. Этим третьим и оказался Карпунин, пребывающий, как обычно, на мели. Ему собирались отстегнуть пятьсот долларов.

Получив наводку, пистолет с глушителем и патроны, подельники установили наблюдение за жертвой, проследили его утреннее расписание, в котором часу подъезжает служебная машина... Накануне решающего дня Подлиза встретился с Монахом и понял, что тот для убийства не годен — нервничает, трясется, стрелок никакой, только все испортит. Тут жадноватый Карпунин и предложил перераспределить обязанности: стрелять будет он сам, но за удвоенную плату. Монах с радостью согласился.

Когда за начальством, как обычно, подъехал автомобиль, Подлиза поднялся на восьмой этаж и спрятался за мусоропроводом. Хлопнула дверь, мужчина стал спускаться по лестнице. Карпунин последовал за ним и, пройдя несколько пролетов, выстрелил ему в голову. Перешагивая через распrostертое тело, взглянул на убитого, и тут червь сомнения шевельнулся в душе. Переодеваясь на стройке, он сказал Монаху, что убитый не очень-то похож на того, кого они «пасли». Вечерние теленовости и утренние газеты, сообщившие об убийстве Невского, подтвердили их худшие опасения.

Гневу заказчика не было предела! Посреднику было сказано, что обещанного вознаграждения ему не выдать, как своих ушей. Опростоволосившиеся киллеры решили было готовить покушение повторно, но нервы были на пределе. Подлиза наострил было лыжи к сожительнице в Котлас, но не было денег даже на билеты. Вот тогда он и решил хоть по мелочи заработать на интервью...

Суд приговорил Карпунина и Суркова к пятнадцати годам лишения свободы, Монаха — к десяти. Вдова Невского предъявила иск в сто миллионов рублей... Суд признал его обоснованным. Заказчик же ударился в бега, на него объявлен федеральный розыск. На всякий случай вот его приметы: 32 года, рост 165—170 сантиметров, крепкого телосложения, коренастый, слегка полноват, волосы темные, глаза светлые, лицо круглое...

(КОД. — 1996. — № 8/51/)

КИЛЛЕРА ВЫЗЫВАЛИ?

Криминальный мир всю осваивает профессию заказного убийцы. И непыльная работа, и прибыльная. Впрочем, убийство убийству рознь. Одно дело, скажем, видный банкир или всенародной любимой телеведущий. Тут без профессионала высшей пробы не обойтись. И совсем другое, когда надо «проучить» или «убрать» соседа по лестничной площадке. Здесь цена доступна даже среднеобеспеченному человеку.

В трех судебных историях, о которых я сейчас расскажу, она колебалась от двух до четырех миллионов. Конечно же, рублей, а не долларов. Причем, самое удивительное, что единственная из них, где речь шла именно об убийстве и которая им закончилась, обошлась для заказчика в указанный минимум. Практически же исполнители получили всего миллион — до второй половины обговоренного «гонорара» дело так и не дошло. Да и заказчик не горел желанием поскорее расплатиться...

Вот с него и начнем. Это произошло в г. Волжском. В трехкомнатной квартире некто Владимир Литвиненко занимал с семьей одну комнату. А в двух других проживал одинокий сосед. Наверное, Литвиненко считал это несправедливым, тем более, что сосед появлялся дома очень редко, поскольку почти все время проводил у своей сожительницы.

Но там, где мы с вами могли бы только сетовать на судьбу-индейку, ранее судимый Литвиненко привык добиваться своего силой. Вряд ли он занимался отвлеченной философией, но вполне смог бы сформулировать свой основной жизненный принцип, перефразируя известный афоризм так: мы не можем ждать милости от общества, взять ее — вот наша задача. Проще говоря, он здраво рассудил, что, если бы сосед «куда-нибудь делся», его две комнаты достались бы тем, кто проживает в квартире.

А рассудив так, Литвиненко приступил к поискам исполнителей. Выбор пал на сына его хороших зна-

комых, недавно закончившего техникум и ныне занимавшегося «бизнесом» — 22-летнего Александра Чумака. Тот охотно принял предложение, но сам «пачкаться» не захотел и пригласил в долю своего более юного друга — учащегося того же Волжского техникума Андрея Черкасова.

Как польстились эти подонки на смехотворную сумму в два миллиона (даже с учетом того, что дело происходило летом 1994 года), понять трудно. Ведь не забулдыги какие-нибудь, не закоренелые преступники. На суде давали показания их родители — вполне приличные, благополучные с виду люди. Правда, во всем винили не своих, а чужих сыновей...

А дальше пришла пора действовать. Чумак раздобыл малокалиберную винтовку, и друзья — не зря учились в техникуме — сделали обрез, который можно было легко спрятать под одеждой. Все было готово.

Сначала Чумак и Черкасов попытались и деньги получить, и «дела» не сделать, обманув заказчика, выдавшего им миллион рублей в качестве аванса. Но им ли, молокососам, тягаться с опытным уголовником? Тот пригрозил: не сделаете — никаких денег не пожалею, но и вы жить не будете.

И вот рано утром убийцы подъехали на машине Чумака к дому, где проживала подруга приговоренного

к смерти человека. Черкасов, спрятав под курткой обрез, поднялся на пятый этаж. Когда мужчина вышел и стал спускаться по лестнице, Андрей направился за ним, почти уже на выходе из подъезда прицелился сзади в затылок и выстрелил. Человек скончался на месте. Черкасов сел в машину к Чумаку, и они скрылись.

Вот так все и произошло. Легко и просто. И недорого. Не знаю, почувствовали ли они сладость легко доставшихся денег, не появилось ли у них желание и дальше заниматься подобным нехитрым «промыслом», переквалифицировавшись в профессиональных киллеров, но их быстро вычислили и через 2—3 дня задержали. Областной суд вынес приговор: А. П. Чумаку — 9, а А. В. Черкасову — 11 лет лишения свободы. Строже всех наказан инициатор и заказчик убийства В. Литвиненко — 15 лет лишения свободы в колонии строгого режима.

Следующая история более смахивает на анекдот. Однако ее неожиданный и, скорее, трагикомический финал ничуть не зависел от заказчика, вернее заказчицы убийства. 66-летняя жительница Волгограда Антонина Григорьевна С. (фамилию не называем в интересах жертвы) приревновала своего мужа к чуть более молодой сопернице. Есть основания полагать, что и здесь в основе лежала не ревность, а все тот же «квартирный вопрос», но доказательств тому не добыто. Да это и неважно.

С. поделилась с подругой своей заботой: вот, мол,

найти человека, который избавит ее от неверного мужа. Подруга рассказала об этом своему брату, опять же уголовнику, неоднократно судимому, И. Бахтееву, а тот изъявил желание познакомиться с шустрой старушкой. Короче, он предложил ей свои услуги за четыре миллиона. Весь «юмор» заключался в том, что Бахтеев и не собирался выполнять условия договора. По его словам, и четыре миллиона он запросил только для того, чтобы создать видимость серьезности своих намерений.

Вместе с напарником Бахтеев «похитил» незадачливого мужа и продержал его более суток в каком-то частном доме. Разумеется, на полученные деньги и исполнители «убийства», и хозяева дома, и какие-то многочисленные гости беспрестанно пьянствовали, не забывая, впрочем, кормить своего «подопечного». Но, поскольку никто его по-настоящему не охранял, узнику в конце концов удалось незаметно выскользнуть и примчаться к той самой знакомой, из-за которой якобы и заварилась каша.

Потратившаяся С. с учетом своего возраста получила всего 4 года лишения свободы. А дело об «исполнителях» выделено в отдельное производство, поскольку они оказались замешанными и в других проделках.

А вот в третьей истории речь об убийстве даже не заходила. Все подсудимые деликатно называли свою миссию словом «поговорить». Мол, измученная своим грубияном-мужем жена попросила троих дю-

жих мужиков «поговорить» с тем и объяснить, что нельзя обижать женщину, что так делать «ай-яй-яй». Воспитательная акция была оценена в полтора миллиона рублей. В действительности перед мужиками ставилась задача избить супруга и так припугнуть его, чтобы тот немедленно уехал из Волгограда. Что и было исполнено: его избили, а затем, заклеив липкой лентой глаза, привезли в какое-то нежилое помещение, где приковали наручниками к батарее отопления. Продержав два дня, беднягу перевезли в другое нежилое помещение, где он также находился два дня.

Похитители приезжали только по вечерам. Правда, бить больше не били, однако настойчиво требовали уехать: видать и здесь квартирный вопрос был главным.

На четвертый день плена похищенному удалось разбить кладку стены и бежать. Он заявил в милицию, ее работники организовали засаду и в тот же вечер всех задержали. Народный суд Ворошиловского района определил заказчице Н. А. Ивановой меру наказания — 5 лет, а исполнителям — уже судимому А. В. Чернову, О. И. Иванову (однофамильцу жертвы) и Б. Г. Кукуеву — кому 6, кому 7 лет лишения свободы.

Вот так все чаще решаются сегодня семейные и квартирные конфликты. И даже лишение свободы почему-то перестало пугать людей. Впрочем, людей ли? (И. Рувинский. //КОД. — 1996. — № 4/47/)

СМЕРТЬ БУРЕВЕСТНИКА

Жизнь великих как и их смерть, служит объектом пристального изучения ученых и биографов. Однако не всегда даже многолетние исследования способны пролить свет на события, ставшие тайной по желанию власть предержащих. Так, в мире существует около десятка версий о том, как все же отошел в мир иной Алексей Максимович Горький. Одна из них — перед вами. «Код» знакомит своих читателей с фрагментами книги профессора В. Баранова «Максим и тайна его смерти».

Заболел Горький тяжело. Приехал из Крыма в Москву 27 мая, а в самых первых числах июня, между третьим и пятым, пришлось срочно созывать консилиум, в котором участвовал специально приехавший из Ленинграда профессор. Появившийся у постели больного Сталин, человек несокрушимого самообладания, был явно выбит из колеи. Увидев в комнате несколько человек, в резкой форме приказал удалиться всем за исключением медсестры. Всем, включая даже наркома внутренних дел Ягоду, который в доме Горького был завсегдатаем.

Удалил Сталин вслед за Ягодой и женщину в черном. Бестактность ее траурного одеяния вызвала саркастическую реплику вождя: «А кто это сидит рядом с Алексеем Максимовичем? Монашка, что ли?.. Свечки только в руках не хватает!»

В возбужденном состоянии Сталин подошел к окну, распахнул форточку. В комнату ворвался свежий воздух...

А женщиной в черном была Мария Игнатьевна Будберг, третья «невенчанная» жена Горького, которую долго с напускным целомудрием низводили до уровня секретаря. Наверное, секретарю не посвящают четырехтомный роман («Жизнь Клима Самгина»), который автор считал чуть ли не главным итогом своей литературной деятельности.

Не так уж часто удостаивал он кого-либо своими посвящениями. Посвятил Чехову «Фому Гордеева» — так ведь Чехова он боготворил! «Дело Артамоновых» — Ромену Роллану, человеку-поэту. Ну, и еще «Детство» — сыну Максиму. Не то, чтобы в поучение, но все-таки... И вдруг — секретарю? Наверняка дело не обошлось без инициативы самой Марии Игнатьевны, Муры, как называли ее в доме, женщины практичной в высшей степени. Она-то отлично понимала, насколько возрастет ее «рейтинг» в глазах родственников, друзей, знакомых.

Узнав о болезни Горького, Мура мгновенно прилетела из Лондона, где проживала с Гербертом Уэллсом после окончательного расставания с Горьким, вернувшимся в 1933 году на родину.

Тем временем в Москве, в Союзе писателей, развевалась лихорадочная деятельность по поводу, казалось бы, не имеющего никакого отношения к бо-

лезни Горького. В страну собирался приехать французский литератор Андре Жид. К его встрече готовились особенно основательно.

Непременным условием своей поездки А. Жид ставил встречу с Горьким. Соответствующие инстанции оказались в трудном положении: в разговоре Горький мог наговорить собрату по перу много лишнего. А. Жиду сказали, что встреча невозможна, так как Горький тяжело болен и визит пока преждевременен. Тогда А. Жид заявил, что вообще не поедет в Россию: не для участия же в похоронах он должен осуществить путешествие!

И вдруг возникла определенность: разрешение на проезд дается, но встреча с Горьким не может состояться ранее 18 июня.

Из реплики Сталина по поводу «монашки» окружающие должны были понять: женщину эту он видит в первый раз. Между тем это было не так. Сталин принудил ее привезти из Лондона ту часть горьковского архива, которую писатель не решался взять с собой на родину в 1933 году. Там находились письма многих крупных политических деятелей (А. Рыкова, Г. Пятакова, возможно Л. Троцкого, меньшевика Б. Николаевского, встретившегося с Горьким еще в германии, В. Валентинова), работников культуры (В. Мейерхольда и З. Райх, И. Бабеля, К. Станиславского, К. Федина, М. Кольцова и др.). Направлялись письма в Италию из-за границы и, следовательно, миновали цензуру. Информация о них, попади она в

руки руководства, сразу обернулась бы сокрушительным компроматом и на авторов писем, и на самого Горького.

Чрезвычайная необходимость получения документов возникла у Сталина уже в начале 1936 года в связи с появлением сенсационной статьи в «Социалистическом вестнике» Б. Николаевского о новых планах Горького в преобразовании общественной жизни страны. Компромат нужен был Сталину не только для борьбы с теми, против кого он затевал грандиозные судебные спектакли-процессы. Поначалу он мог воспользоваться ими для давления на самого писателя. Кто сказал, что за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь? Мудрый политик всегда одним выстрелом убивает даже не двух, а нескольких противников...

Еще до майского, 1936 года, возвращения в Москву Горький фактически окончательно порвал с Мурой. Об этом свидетельствует медицинская сестра Олимпиада Дмитриевна Черткова, добрый ангел горьковского дома.

«Отношения у них испортились уже давно. Еще в Тессели, где она провела всего один день и, ссылаясь на неотложные дела, уехала в Москву, потом звонила по телефону, по-моему, пьяная, голос такой, я позвала Алексея Максимовича, но он сказал: «Я говорить с ней не буду». — «Но она говорит, что ей очень нужно». — «Скажите ей, что говорить с ней не буду. Пусть веселится!»

Когда она уезжала из Тессели, мы провожали ее на крыльце. Как только автомобиль скрылся, Алексей Максимович повернулся вокруг себя и весело сказал: «Уехала баронесса!» Потом — меня обнял. Он часто мне говорил: «Ты от этих бар — подальше! Держись простых людей — они лучше».

Скорее всего и происходила эта встреча в апреле, когда Мура доставила Сталину лондонский архив.

Горькому Мура была больше не нужна. Он испытывал, наконец, чувство освобождения от нее. Но ей, уже давно соединившей свою жизнь с жизнью Герберта Уэллса, для чего-то Горький был нужен по-прежнему?

Для чего же?

Знать о настроениях Горького, о его встречах, о его гостях властям было крайне необходимо. Кто мог поставлять такую информацию? Перебирая всех домоладцев Горького, приходишь к выводу, что таким осведомителем могла быть только Мария Игнатьевна.

Принудить к сотрудничеству такого человека, как Будберг, органам ЧК не стоило труда. Мура давно уже была, что называется, «на крючке». Иногда она выполняла задания большевистского руководства официально. Так, она была прикреплена к Г. Уэллсу в качестве переводчицы во время его приезда из Англии.

Может быть, факты, свидетельствующие о второй жизни Муры, подведут нас к ответу и на такой вопрос, остающийся одной из главных загадок горьковской биографии. От кого, собственно, Сталин мог узнать о факте существования лондонского архива, если в решении его судьбы принимали участие лишь самые близкие: Максим, Тимоша (как все звали жену сына), художник Ракицкий, давно прижившийся в семье, ставший ее членом, и Мура?

Максим предложил корреспонденцию крамольного характера попросту уничтожить.

Но его не поддержали. Мура в дискуссии, естественно, не участвовала. Скромно помалкивала. Была уверена, что бесценный груз доверят увезти именно ей. В Лондон.

Так и вышло. Но, зная нравы Лубянки, Горький распорядился не отдавать архивы никому, даже если некто явится с собственноручным письменным распоряжением его, Горького...

Мария Игнатьевна прилетела из Лондона сразу же. От кого и как узнала она о болезни Горького? Говорят, ее вызывали именно члены семьи. Кто именно? Первая жена, Е. Пешкова, с которой он расстался более тридцати лет назад, но продолжал сохранять теплые дружеские отношения?

Вряд ли.

Сына к тому времени уже не было в живых.

Жена сына, Тимоша?

Тоже сомнительно.

Уж не малолетние ли внучки писателя, старшей из которых стукнуло девять лет?

Далее. Как было получено разрешение английских властей на поездку? Обычно это не простое дело, и решение вопроса отнимает недели и даже месяцы. К тому же с Лондоном авиасвязь тогда была ограниченной.

Нельзя не согласиться с В. Барановым, который пишет: «Беспрепятственные поездки Будберг наводят на мысль о покровительстве тех, кто больше всего был озабочен изоляцией писателя»...

Болезнь между тем, как и в самом начале, продолжала развиваться конвульсивно.

Как и 8 июня, во время сталинского визита, когда умирающий Горький поразил всех своим неожиданным возрождением, нечто подобное произошло и 16 июня. Вспомним слова врача М. Кончаловского, который констатирует: «За два дня до смерти Горький почувствовал значительное облегчение. Появи-

лась обманчивая надежда, что и на этот раз его могучий организм справится с недугом».

В воспоминаниях Будберг, записанных сразу после смерти Горького А. Тихоновым от третьего лица, читаем: «16-го июня чувствовал себя хорошо, спросил: «Ну, кажется, на это раз мы с вами выиграли битву?» Умылся, попросил есть, ел с аппетитом и просил добавить еды».

Однако М. Будберг умолчала о том, что значительно позже, в 1945 году, записала Липа: «Однажды я только что легла, Петр будит меня, говорит, что зовет Алексей Максимович. Прихожу — у него сидит Мария Игнатьевна. Отвела меня в сторону и шипит: «Уходите... уходите... я здесь!» И давай меня щипать, да так больно! Я терплю и виду не показываю, что больно, чтобы Алексей Максимович не увидел. Потом вышла в столовую и заплакала, говорю Тимоше и Крючкову: «Она меня всю исщипала. Я больше к нему не пойду».

Почему М. Будберг с такой не то чтобы настойчивостью, но даже с жестокостью удаляла медсестру, чтобы остаться с Горьким наедине? Во всяком случае, после удаления Липы положение серьезно ухудшилось. Продолжает М. Будберг: «Ночью уснул. Во сне ему стало плохо. Задыхался. Часто просыпался. Выплевывал лекарство. Пускал пузыри в стакан. В горле клокотала мокрота, не мог отхаркивать».

Сон ухудшил его состояние, воля не работала. Начался бред. Сперва довольно связный, то и дело переходящий в логическую, обычную форму мышления, а потом все более бессвязный и бурный...

Когда Черткова вновь вошла в комнату, она увидела Марию Игнатьевну стоящей у окна и упершейся лбом в стекло. Потом она выбежала в другую комнату, бросилась в слезах на диван, говоря: «Теперь я вижу, что я его потеряла... он уже не мой».

Подчас в самые трагические минуты история способна на каламбуры. «Не мой» приобретало и второй смысл. Теперь Горький действительно больше не мог вымолвить ни слова. Никогда. Никому. Естественно, и Андре Жиду — тоже.

Когда тот, прибыв в Москву 16-го, собрался через день, как было договорено, ехать к Горькому, было уже поздно.

Троцкий оказался прав, сказав, что Сталину для устранения Горького нужно было очень немного: лишь слегка «помочь природе». Но в «помощи» он не сомневался. Со слов компетентного собеседника, Троцкий рассказывает, что в Наркомате внутренних дел у Г. Ягоды существовала сверхсекретная лаборатория, имевшая неограниченное финансирование. У наркома был целый шкаф самых разнообразных ядов.

Большого ли труда стоило Сталину убедить Будберг сделать такой, несомненно, единственный в своем роде шаг?

Допустим на миг, что он решил не прибегать, как теперь принято говорить, к методу жесткого силового давления.

И Будберг, конечно, не сомневалась, что великий вождь и лучший друг писателя (как и все, она очень мало знала об их расхождении) исходил, прежде всего, из гуманистических соображений. Болен дорогой Алексей Максимович безнадежно. Не такой ли прискорбный вывод вытекает из бюллетеней «Правды», основанных на заключениях компетентнейших врачей? И те, кто по-настоящему любит нашего дорогого Алексея Максимовича, не может равнодушно относиться к его невероятным мучениям. Медицина искусственно продлевает уже не жизнь, а именно страдания. Жалко? Ну, конечно, жалко. Но разве не сам писатель сказал, что не надо унижать человека жалостью?

Что же касается увековечения памяти великого пролетарского писателя, партия и правительство сделали для этого все необходимое...

(КОД. — 1996. — № 6/49/)

УБИТЬ И ЗАБЫТЬ

В этой семейной драме, о которой рассказала газета «Труд», страсти уже отбушевали. Виновные понесли наказание. Но вопрос — почему вполне нормальные люди совершили злодеяние руками детей. Что за чудовищная логика ими руководила — не дает очевидцам покоя...

Есть женщины — избранницы судьбы, их место под солнцем как будто забронировано с рождения. И когда другие в погоне за благополучием сдирают колени и набивают шишки, эти лишь царственно выбирают. За Ингой судьба не поленилась пожаловать прямо домой. Прибежала девчонка с институтских лекций, а дома — музыка, шампанское, цветы. В гостях — красивый мужчина лет тридцати.

— Знакомься, это Борис Егорович, на нашей шахте уважаемый специалист.

А у того глаза загорелись — что за сокровище с неба свалилось! И завертелась карусель: свидания, подарки, признания, ночные виражи на «жигуленке». Не прошло и полугода, а Инга уже под фатой...

Пока их дочурка росла, жена заканчивала институт. А Борис Егорович успешно штурмовал служебную лестницу. Годам к тридцати, когда женщина расцве-

тает, Инга имела все, что душа пожелает. Правда, в обмен на маленькое неудобство: муж, теперь главный бухгалтер одной из шахт в городе Макеевке, стал выпивать. А какой женщине понравится сивушный поцелуй и бессвязная речь в постели, переходящая в храп? Лишь одно преимущество было в этой слабости — оно давало Инге право «сатисфакции». И она пользовалась им «на всю катушку». Однажды, возвратясь из командировки, Борис Егорович вспомнил анекдот: его постель была занята другим. Незванный гость дописал известный сюжет: так отделил хозяина, что тот попал в больницу с переломом ребер.

Все со временем утряслось. Мужчины многое прощают красивым и романтичным женщинам. А чтобы на других не заглядывалась, муж предложил Инге работу на своей шахте. Конечно, достаточно условную, лишь бы среди людей была.

Но Инга желала любви, сильных страстей. Черета примитивных интрижек не приносила радости. Пока в жизнь не вошел Вольдемар. Через несколько дней знакомства не сомневалась: дерзкий, самоуверенный, надменный — он, а не увалень и протачок Борис, должен был стать ее избранником.

Из производственной характеристики электрослесаря Владимира Царева: «Зарекомендовал себя с неудовлетворительной стороны. Ленив, недобросовестен. Характер скрытный. С товарищами груб, высокомерен».

Счастью мешала одна деталь: Вольдемар был гол как сокол, все богатство — жена и дочка.

Тот Новый год Инга встречала с двумя. Напоить до бесчувствия мужа не составляло труда. А потом позвонить жене Вольдемара и бесстрастным голосом телефонистки вызвать электрослесаря Царева на ликвидацию аварии. В откровенно фривольном виде застучала «ликвидаторов» дочь Яна, когда вернулась поздно от подружки.

Из школьной характеристики Яны Плетневой, ученицы 7-го класса: «Тиха, исполнительна, добросовестна, учится на 4 и 5. В классе друзей не имеет, тяготеет к общению со старшими. Семья благополучная». Первое время она колебалась, чью сторону взять — отца или матери. Отец был добрей, покладистей, забрасывал Яну подарками, устраивал каждое лето в «Артек». Но требовал и отдачи — пятерок, чтения книжек, томил дурацкими душеспасительными беседами — о добре и бескорыстии. С матерью было проще. Та хоть, случалось, и наорет, но занята только собой и не докучала лишней опекой.

Открытость матери льстила девчонке, интимная жизнь разжигала воображение. А тут еще дядя Вова познакомил Яну с племянником, шестнадцатилетним Стасом, и она тоже потеряла голову.

— Пора становиться семьей, — как-то пошутил Вольдемар.

— Выгоняй своего охламона, а меня и Стаську прописывай.

Мысль эта будто из преисподней вынырнула. Вначале она была робкой и несмелой — вот бы Борька умер, попал по пьянке под машину, подавился костью или попался под руку бандюге... Как хорошо, как счастливо зажили б они с Вольдемаром — и в Париж бы смотались, и на Канары. Вольдемар хоть и не шибко грамотен, но зато какой мужик, а в белом костюме на фоне черного «Мерседеса» был бы неотразим. Но муж умирать не собирался. Напротив, процветал, лихо вписавшись в новые рыночные отношения. Можно было развестись, но тогда всего-навсего — рай в шалаше. И тогда сорвалось, как камень: «Надо убрать Бориса!»

— Рехнулась! — ужаснулся любовник.

Но Инга уже обдумала:

— С каждым может случиться несчастье. Раз я об этом думаю, значит, это должно быть. Надо найти человека. Плачу ему тысячу долларов.

Вечером Царев позвонил племяннику:

— Есть возможность сорвать приличные «бабки»...

Из характеристики Стаса Грачева, ученика 11-го класса. «Характер волевой, целеустремленный. Учится хорошо, привязан к матери».

Ему было девять лет, когда их бросил отец. Мать тогда чуть не повесилась... Из благополучного мальчика-отличника Стасик превратился в волчонка. Мать работала на заводе. Выматывалась до предела. Но сын не подрабатывал — занимался борьбой и стервенело учился. Метя в престижный вуз, рассчитывая на спортивный разряд. Из друзей имел только Дрему — Сашку Дремченко, бывшего одноклассника.

Намек дядьки на деньги заинтриговал парня. На «жвачку» не хватает, а тут сразу — тысяча долларов. Но то, что тот предложил, в голове не укладывалось. Почти месяц привыкал к дикой мысли. Пересмотрел десяток боевиков, перечитал кипу газет. Выходило: киллер — это профессия. И еще — чем лучше продумать убийство, тем меньше шансов его раскрыть. Целый месяц Стас хвостом ходил за Борисом Егоровичем. Изучал его маршрут домой и на работу, стал узнавать его по звуку шагов. Это походило бы на игру, если б не звонки Царева:

— Ну как, ты уже созрел?

Нужен был помощник. Дремченко вначале не поверил. Потом испугался. Но он тоже нуждался в деньгах.

В начале октября прошлого года справляли Янины именины. Собрались в тесном кругу. Когда осушили бокалы, Инга позвала будущего зятя на кухню.

— Готовься, — сказала сурово. — Через десять дней

ставим точку. У них в отделе гулянка, значит, вернется поздно. Я домой не пущу, он поплетется к матери. Там его и кончайте, чтоб никаких следов.

Потом отозвала дочку:

— Ты любишь Стаса? Хочешь, он к нам переедет? Тогда ты должна помочь. Впустишь мальчиков к бабушке, они с отцом разберутся.

Инга рассчитала верно. В тот вечер муж пришел подшофе. Инга дверь не открыла. Борис потащился к матери. Все остальное было по плану. Почти по пятам за отцом отправилась любимая дочка в сопровождении Стаса и Дремы. Пока ребята сидели на лавочке, Яна поднялась на второй этаж и позвонил в дверь. Но отец открывать не спешил: то ли уже уснул, то ли почувствовал неладное. Устав толкаться в закрытые двери, Яна спустилась во двор.

— Он спит, может, пойдем домой? — предложила парням. — Хочешь, чтоб мать снова «наезжала»? — пригрозили друзья.

И Яна, девочка исполнительная, опять пошла в подъезд. На этот раз ей повезло.

— Яся? — обрадовался отец, открывая двери. — Ну чего ты пришла? Все образуется, дочка...

Это были его последние слова. Услышав условный свист из окна, убийцы вошли в квартиру и, выбрав на кухне нож, набросились на спящего. Яна слышала крики. Потом появился Стас с руками по локоть в крови. И огромная тень, хрипя пронеслась по коридору на лестницу. Это ее отец отчаянно боролся со смертью. Стас настиг его на ступеньках и шестым ударом ножа уложил...

На улице было тихо. Огромная луна сияла в небе. Они убежали к шахтному отстойнику. Там, на поваленном дереве, их ждал «тормозок» заказчиков: сухая одежда и обувь.

В полночь Яна вернулась домой, и заботливая мать заварила чай...

...Преступную группу раскрыли быстро. Милиционеры не дали прелестной Инге сыграть роль безутешной вдовы. Они быстро убедили хрупкую даму, что ложь — дорогое удовольствие. Искренне раскаявшись в содеянном, она поведала гражданину следователю, как ее любовник, Царев, желая занять место законного мужа, готовил ему кровавую расплату. Слабая женщина не могла ему помешать, о чем глубоко сожалеет.

Но бывший возлюбленный версию не поддержал. Дорисовать картину случившегося суду помогли подростки. К слову, именно они — исполнители убийства — получили самый щадящий срок — по 9 лет ИТК.

...Отказ Верховного суда в кассационной жалобе Инге привезли в СИЗО. Все еще кокетливая, с тщательным макияжем, в дорогой кожаной курточке, она пробежала бумагу глазами и задохнулась...
(М. Кореу. //КОД. — 1996. — № 9/52/)

ГРАЖДАНКА, УБИЙСТВО ЗАКАЗЫВАЛИ?

Убийство человека нынче заказывают так же легко, как, скажем, обед в ресторане. А исполняется заказ, пожалуй, даже четче, поскольку официант еще может напутать с холодными закусками, а убийца не напутает никогда. Но если заказные убийства в сфере теневого бизнеса вроде бы стали одним из условий жесткой игры и давно уже никого не удивляют, те аналогичные преступления в бытовой сфере пока еще вызывают ахи и охи окружающих.

ДАМЫ ПРИГЛАШАЮТ КАВАЛЕРОВ. Самое распространенное заказное убийство в быту — это когда жена заказывает смерть мужа. На вопрос, почему не случается наоборот, следователи мрачно шутят: мужья на этом деле экономят, поскольку обычно справляются сами.

В прокуратуре Удмуртской Республики мне рассказали о нескольких таких заказных убийствах, когда инициатива принадлежала женщине. Своего рода бе-

лый танец: дама приглашает кавалера и просит его оказать ей услугу.

Один такой кавалер, назовем его Валерием (дело еще не рассматривалось в суде), откликнулся на подобные приглашения дважды. Сначала он взял у молодой женщины заказ на убийство ее 30-летнего мужа. Жизнь того была оценена в 180 000 рублей, и этой суммой Валерий вынужден был поделиться с субподрядчиком — он пригласил на помощь приятеля. Вдвоем они безжалостно истыкали жертву ножами и аккуратно сложили деньги в бумажники.

Пока следователи бились над раскрытием этого преступления, Валерий взял второй заказ. Тут 43-летняя супруга, прожившая с мужем немало лет, попыталась было избавиться от него сама и по чьему-то совету облила спутника жизни кипятком пониже живота. Муж остался жив, а жену даже не привлекли к ответственности. И вот она стала искать надежного исполнителя своего замысла. Исполнитель потребовал миллион (опять же на двоих с помощником) и взял 100 000 рублей задатка. Как оказалось, заказчица выбросила деньги на ветер. Убийство сорвалось, оба подрядчика арестованы и вскоре предстанут перед судом. Надо полагать, вместе с заказчицами.

Что же заставило обеих женщин пойти на такой варварский вариант? Не ладится семейная жизнь, так собери чемодан, походи к маме, бабушке, к чертовой бабушке, но не бери греха на душу... Увы, наши со-

циально-бытовые условия чаще всего таковы, что человек любимым способом сгонит с жилплощади другого, но не освободит ее сам. В обоих случаях главной причиной убийства была квартира, делить которую в случае разводов жены не хотели. Как выясняется, квадратные метры в условиях рынка дороже человека. Тем более что отпущены не только цены, но и нравы.

ИСПОЛНИТЕЛИ РАСПИСОК НЕ ОСТАВЛЯЮТ. Не всегда удается доказать, что убийство было именно заказным и что за него получены деньги. Очень хотелось посмотреть хоть бы одно такое прошедшее через суд уголовное дело. И вот начальник следственной части прокуратуры Удмуртии вспомнил, что было такое дело. Убийство, правда, совершено два года назад, но раскрыто совсем недавно. Случилось это в Завьяловском районе, и судил убийцу районный суд.

Вкратце история такова: сожительница лесника (а фактически — жена) пожаловалась своему племяннику на то, что житья в доме нет. Лесник пьет, дерется, издевается над ней. И она просит племянника «поговорить» с обидчиком. Тот приходит к леснику и после короткого мужского разговора убивает его из его же ружья.

Но почему же в деле никак не отражен заказ на убийство?

Где те 50 000, о которых мне говорили в прокуратуре? Об этом ни слова. Убийство на почве ссоры, не более того. Снова обращаюсь к начальнику следственной части, и тот очень удивляется. Надо же, говорит, на том этапе, когда он это дело смотрел, в нем вырисовывалось заказное убийство, и те 50 000 я помню хорошо. Видимо, в дальнейшем доказательств не хватило, и мотив заказа был исключен.

Оно и понятно: ведь убийцы в получении денег не расписываются. Но все же одно дело, где заказ прослеживается четко, обнаружить удалось. Нашлось такое дело в Татарстане, в городе Зеленодольске.

КУВАЛДОЙ ПО ГОЛОВЕ. В трагедии, случившейся в одном из поселков Зеленодольского района, официально снова фигурируют сожители. Но здесь еще больше оснований называть их мужем и женой: они прожили вместе 20 лет и нажили пятерых детей.

Итак, жена Валентина задумала убить мужа Василия, инвалида второй группы, передвигавшегося на костылях. Как и в предыдущем случае, обратилась к племяннику. Правда, она не хотела, чтобы племянник сделал это сам, она хотела только, чтобы он подыскал человека. Но племянник Игнат, проживавший в соседней республике, сказал: никого звать не надо — будет подходящий момент, позови меня.

Однажды Валентина, решив, что момент настал, послала за Игнатом своего старшего сына. Девятнадцатилетний парень догадывался, зачем мать зовет Игната, но добросовестно съездил за ним. Валентина встретила племянника в условном месте, а когда муж ушел из дома, привела его в квартиру, вручила заранее приготовленную кувалду и показала, где нужно спрятаться. Игнат спрятался за занавеской и несколько часов прождал хозяина, а когда тот вернулся, выскочил и ударил его кувалдой по голове. Потом на всякий случай затянул на шее жертвы пояс от куртки (в дальнейшем, кстати, выяснилось что смерть наступила от удушения). Надо отметить: убийца действовал настолько расчетливо, что предварительно разделся по пояс, чтобы не забрызгать одежду кровью.

Если не знать обстоятельств трагедии, то полученное Игнатом наказание покажется весьма умеренным: 7 лет лишения свободы. И вовсе уж удивительным может показаться тот факт, что Валентина, привлекавшаяся к суду в качестве организатора убийства, осуждена условно.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА. О покойниках обычно говорят только хорошее, но об убитом Василии Хомякове никто на суде ни одного хорошего слова не сказал. Более того, говорили о нем исключительно как о мерзавце, издевавшемся над всей семьей. Не будучи пьяницей, он на трезвую голову избивал жену костылями и выгонял из дому детей. Старшую дочь Анастасию пытался склонить к сожительству, и она была вынуждена уйти из дома. Посылки, которые

Анастасия затем присылала младшим сестрам, Хомяков разрубал топором. В деле имеется письмо, которое он однажды послал изгнанной из дома дочери, так я не решаюсь привести здесь ни строчки этого мерзкого послания. Не могу привести и показания Валентины, рассказавшей в суде, что вытворял с ней покойный муж.

Сорок два жителя поселка подписали заявление в суд, где просили не лишать свободы молодого человека, избавившего семью от такого негодяя. Родная сестра убитого не решилась сказать что-нибудь в защиту брата, а лишь подтвердила, что тот издевался над семьей, и заявила, что не настаивает на строгом наказании обвиняемых.

Сам Игнат объяснил суду, что действовал исключительно из побуждений помочь этой несчастной семье, поскольку не видел никакого другого выхода. Правда, в деле фигурировали 60 000 рублей, которые ему оставила заказчица убийства и которые он, убив Василия, взял из шкафа. Но он пояснил, что действовал бескорыстно, а деньги взял, чтобы инсценировать ограбление.

Здесь надо снова отбросить эмоции. Понятно, что каким бы отвратительным человеком ни был покойный Хомяков, это вовсе не означает, что его следовало бить кувалдой по голове. Но обратите внимание на слов осужденного Игната, сказавшего, что не было «никакого другого выхода». Оказывается, Валентина не раз и не два обращалась с жалобами на

мужа в милицию — не было принято никаких мер. Следователь Зеленодольской прокуратуры Айдар Сабирзянов, расследовавший это убийство, даже вынес специальное представление о бездействии милиции.

Знали о невыносимой жизни Валентины и ее детей и в сельском Совете. Председатель сельсовета представил в суд бытовую характеристику убитого, в которой подтвердил, что тот избивал жену и детей и выгонял их из дома. Старшая дочь, говорится в документе, обращалась в сельский Совет ходатайствовала перед дирекцией совхоза о выделении ей комнаты в общежитии. Соседи, пишет предсельсовета, неоднократно пытались вразумить Хомякова, но выводов он не сделал.

А какие же выводы сделал местная власть? Тогда — никаких, а сейчас любые ее выводы будут запоздалыми.

(Б. Бронштейн. // Известия. — 1993. — 5 ноября)

ПРОКУРОРЫ УХОДЯТ, БАНДИТЫ ОСТАЮТСЯ

Подсчитано, что каждые восемнадцать минут в России совершается убийство. Или покушение на убийство, что законом и судебной статистикой расценивается однозначно. Однако не хватайтесь за

калькулятор и не вспоминайте, что в сутках — 24 часа, а в часе — 60 минут, и суток в этом году минуло уже... Генеральная прокуратура сэкономила нам время: за 10 месяцев совершено 24 133 убийства.

Много это или мало? Вопрос кощунственный — убийств никогда не бывает настолько мало, чтобы испытывать удовлетворение. А в данном конкретном случае — их на одну треть больше, чем в прошлом году, и в два с половиной раза больше, чем пять лет назад.

Но статистика суха и в то же время лукава. Как, по-вашему, если человеку всадили пулю в живот, после чего сделали операцию, он он все же умер, промучившись сутки, — убили его или нет? Вы уверены, что убили, а вот статистика (следственные органы, суд — если, конечно, виновный обнаружен) числит это происшествие совсем по другой категории: тяжелое телесное повреждение, повлекшее смерть. Это и другая статья Уголовного кодекса, и наказание поменьше, чем за убийство при отягчающих обстоятельствах. И таких случаев — десятки тысяч. В одной Москве их более восьмисот...

Однако и это еще не все.

Сплошь и рядом преступники тщательно прячут тела своих жертв, и обнаруживаются они (не преступники, а тела) случайно и спустя длительное время. Во-первых, чаще всего покойного уже не удастся опознать, а, во-вторых, ни один эксперт не в силах определить причину смерти «в результате сильных

гнилостных изменений трупа». Здесь, разумеется, с точки зрения милиции и прокуратуры, вести речь об убийстве просто бестактно — кого убили? как убили? за что? А вдруг смерть последовала от сердечного приступа?

И, наконец, «добросовестные» убийцы, не поленившиеся выкопать яму поглубже или привязать груз потяжелее (вариант «концы в воду»), на веки вечные страхуют себя от свидания с тюрьмой: их жертва попадет в лучшем случае только в графу без вести пропавших, что никак не отразится на статистической картине убийств.

К чему все эти выкладки? К тому, что подлинное количество убийств сейчас не знает никто, хотя всем известно, что на самом деле их намного больше, чем официально значится. Странно, что об этом упомянул только один человек из тех, кого Генеральный прокурор России А. Казанник после многолетнего перерыва собрал на координационное совещание обсудить проблему борьбы с убийствами. И никто не сделал совершенно очевидный прогноз: убийств будет еще больше.

Дело не только в том, что усугубляются социальные, экономические, межнациональные проблемы, резко ослаблена общественная дисциплина, процветает правовой нигилизм. Появились убийства, о которых еще совсем недавно и слыхом не слыхивали: при ограблении пассажирских и товарных поездов; наемные — для устранения конкурента, неисправного

должника, слишком настойчивого кредитора, несговорчивого управляющего банком; при разделе сферы влияния между преступными группировками. Казалось бы, ничего чудовищнее и быть не может. Ан нет — уже выявлены убийства владельцев приватизированного жилья: в Москве орудовали две «фирмы» по покупке и продаже квартир, их жертвами стали четырнадцать человек, расставшихся с жизнью после подписания договора о продаже.

С одной стороны, этот процесс порождает спрос, а с другой — катализируется повышенным предложением огнестрельного оружия, чаще всего из арсенала воинских частей. И дело не ограничивается пистолетами и автоматами. За последнее время совершено триста преступлений с помощью взрывных устройств, в основном боевых гранат и мин, погибли и изувечены сотни людей...

Я с удивлением услышал на этой встрече сетования и самоупреки по поводу того, что плохо, мол, следим за рецидивистами: каждый пятый убийца ранее уже был судим. На мой взгляд, гораздо страшнее, что восемьдесят процентов убийц — это вчера еще законопослушные граждане, пополнившие ряды преступного мира. Вот где свидетельство обвального падения нравов!

И если все эти (а перечень их далеко не полон) факторы можно отнести к объективным причинам, не в последнюю очередь количество убийств всенепременно увеличится по причине субъективной — край-

не низкой их раскрываемости. Судите сами: в Санкт-Петербурге за 10 месяцев совершено 730 убийств, раскрыто — 282; в Кемеровской области — 1026, раскрыто — 722; в Свердловской области — 913, раскрыто — 639; в Москве — 1097, раскрыто — 426. А ведь число неразысканных убийц накапливается и за прошлые годы исчисляется уже десятками тысяч! Как известно, искушение безнаказанностью очень велико, отсюда появляются и так называемые «серийные» убийства.

Мы как-то уже привыкли, что нам с торжеством докладывают, как о грандиозном достижении о поимке очередного «вампира», действительно inferнального злодея. Ростовчанин Чикатило отправил на тот свет более пятидесяти человек. Сейчас изловили «подмосковного Чикатило» некоего Р. (идет следствие): убил на сексуальной почве шестнадцать человек. Конечно, хорошо, что поймали и обезвредили. Но гордиться здесь абсолютно нечем — это, если хотите, наш позор, что позволили довести их мартиролог до такого объема. (Об этом писали — Чикатило, например, несколько раз попадал в орбиту следствия и по небрежности отпускался).

Почему же все-таки столь катастрофически упала раскрываемость? Попробуем разобраться.

Убийства расследует прокуратура. Сейчас у одной трети следователей стаж работы составляет менее года. Такому специалисту по плечу лишь убийца, явившийся с повинной или схваченный на месте с

окровавленным топором в руке. Таких становится все меньше и меньше. А вычислить, задержать и изобличить (тем более «расколоть») настоящего убийцу может только профессионал высокого класса, у которого в производстве не несколько дел, как сейчас, а одно, максимум — два. Профессионалы же практически перевелись. Кого за успехи по службе назначили прокурорами или же начальниками отделов, другие, не выдержав физических и эмоциональных перегрузок, уволились, обретая не только спокойную работу, но и неизмеримо большую зарплату. Теперь денежное содержание сотрудникам прокуратуры значительно повысили, но поздно — пройдет несколько лет, пока созреет новое поколение следственных работников. И это еще хорошо, что пусть с опозданием, но спохватились, не то секреты следственного мастерства были бы безнадежно утрачены, как канули в небытие многие народные промыслы.

Мне могут возразить, что убийц ищут и оперативники-розыскники, не только следователи. Увы, и сыск в равной степени тоже утратил свой былой профессионализм в основном по тем же причинам. И на все это наслаиваются извечное наше разгильдяйство, отсутствие чувства престижности своего ремесла. Так и получается, что при осмотре места происшествия на покойном не обнаруживают следы насильственной смерти, а при вскрытии эксперт фиксирует четыре (!) проникающих ножевых ранения (подлинный случай).

На этом фоне поистине жалкими выглядят попытки

как-то обосновать грустные итоги надуманные причинами. Например, слабостью карательной практики: в 1992 году, мол, расстреляли всего 18 убийц, оттого число их растёт (из выступления начальника управления уголовного розыска МВД В. Колесникова). Или другое — плохое у нас законодательство, редко применяется статья о бандитизме.

Ну применять ту или иную статью — это и есть прежде всего прерогатива следователей и прокуроров, тут им никто не указ. И в конце концов, при чем здесь статья? Ловите убийцу, а поймаете — и давайте ему статью по делам его.

Что же в конечном итоге получается? Чем больше совершается убийств, тем меньше их будут раскрывать малоквалифицированные следователи и сыщики, а чем меньше их будут раскрывать, тем больше их будет совершаться? И нет выхода из этого порочного круга?

К счастью, Генеральная прокуратура и МВД России не настроены столь пессимистично.

Они намерены в республиканских, краевых, областных звеньях органов прокуратуры и внутренних дел создать специализированные подразделения по расследованию убийств, укомплектовать их дополнительными штатами (если выделит правительство). В свою очередь научно-исследовательские институты обоих ведомств разработают для этих подразделе-

ний методические рекомендации по тактике и методике раскрытия убийств с учетом изменений в их характере и способах совершения.

Необходимо решение и других организационных проблем — взаимного обмена с коллегами из ближнего зарубежья оперативной информацией о «серийных» убийствах, задержания и выдачи преступников.

Остается надеяться, что наряду с неизбежным обновлением уголовного и уголовно-процессуального законодательства все это хоть чуточку прибавит нам уверенности в собственной безопасности.
(М. Хазин. // Известия. — 1993. — 7 декабря)

ГИБЕЛЬ СУПЕРОПЕРА

В последний, «лишний» день февраля 1996 года киллеры бросили вызов конторе (так их в кругах называют ФСБ). Человека, которого они задумали убрать, хорошо знали и власти, и криминальные авторитеты — уж очень много хлопот причинял и тем и другим. В прозвище подполковника Волкова — Суперопер — не было ни капли иронии. Никто не сомневался: если за дело брался Валерий, преступник будет на скамье подсудимых. А дела были самыми рисковыми — продажа оружия, меди, кобальта, сверхдорогих сплавов, сверхсекретных деталей авиазавода. Потрепал он нервы и чиновникам Чу-

байса, распорядившимися в Смоленске государственным имуществом.

Была у Волкова редчайшая по нынешним временам черта — надежность, и потому вызывал он доверие у авторитетов преступного мира: если в городе затевалось нечто сверхподлое и кровавое, Волков узнавал об этом первым.

Рассказывает бывший сотрудник ФСБ, а ныне один из руководителей акционерного коммерческого банка «Смоленский» Владимир Шаргаев:

«С Валерием мы были большими друзьями. Поэтому время от времени я выполнял некоторые его поручения. В тот день он позвонил мне домой: «Есть серьезные заморочки. Надо встретиться». — «А что, собственно, произошло?» — «Есть заказ на мое убийство». — «Источник надежен?» — «Абсолютно».

Около семи вечера мы встретились и поехали к ресторану «Житомир». Там его поджидали очень серьезные местные авторитеты — назовем их Ивановым и Гороховым. Они сказали, что заказ поступил не только на Волкова, но и на них. Заказчики: Тарасов и Бодунов. Исполнители: Владимир и Вадим Кутины и их «шестерка» Павлюченков.

Для верности мы записали разговор на магнитофон. Пока обсуждали ситуацию, в поле нашего зрения по-

явилась машина «БМВ» с харьковскими номерами, принадлежащая Владимиру Кутину...»

Из беседы с начальником следственного отдела УФСБ Н. И. Нечетом:

«С Володей Шаргаевым мы виделись в часов шесть вечера и договорились встретиться на следующий день. И вдруг в четыре часа утра он звонит, голос какой-то хриплый: «Коля... Я ранен... Валера... Волков убит».

Я тут же позвонил дежурному, вызвал машину. Пока ждал, раздался еще один звонок — от неизвестного Иванова: «Надо срочно встретиться».

Встретились в условленном месте, и он назвал имена убийц и номер их машины. Около семи утра на трассе Минск — Москва были задержаны Владимир Кутин и Владислав Павлюченков, которые пытались удрать в Москву, чтобы там затеряться. А капитан милиции Вадим Кутин решил остаться в городе. Видимо, рассчитывал прикрыться милицейской формой и надеялся на свои связи. Но вот что поразительно: придумав какое-то дело, он сам явился в РОВД, около которого произошло убийство...»

Заметив «БМВ» Владимира Кутина, Иванов и Горохов на двух «Жигулях» бросаются в погоню, чтобы попытаться их отговорить от задуманного. Кутин от

них отрывается и в районе поселка Гедеоновки успевает позвонить брату. Тот, взяв пистолет «ТТ» и помповое ружье, на своей «восьмерке» несется в Гедеоновку. Там братья решают, подставив «БМВ» как приманку, заставить выехать «Жигули» и подключившуюся к нам «Волгу» за город и там расстрелять. Но те поняли их маневр и отстали. Тогда братья и Павлюченков пересели в «БМВ» и стали гонять по городу в поисках «Жигулей» и «Волги». Покрутившись у дома Иванова, минут пять сигналили, пытаюсь вызвать того на улицу. То же самое проделали у дома Горохова.

Наконец, у ресторана «Житомир» заметили «Волгу» и тут же бросились в погоню. За рулем «Волги» сидел Шаргаев, рядом Волков, на заднем сиденье Александр Андросов. Кружа по переулкам, они сумели оторваться и заскочили в РОВД — просить помощи у милиции. Дежурный долго изучал удостоверение Волкова и... посоветовал обратиться в СОБР или ОМОН. В три часа ночи!

«Мы разозлились, — рассказывает Шаргаев, — вышли на крыльцо, закурили, не зная, что делать дальше. И вдруг видим, мимо нас медленно проезжает «БМВ», будто дразнят. «Будем брать сами!» — швырнул окурок Волков. «Но у нас всего один пистолет». — «Они не вооружены. К тому же их двое, а нас трое».

Это и было нашей роковой ошибкой. Во-первых, они были вооружены. А во-вторых, мы не заметили тре-

тьего, потому что он лежал на заднем сиденье. Мы бросились в «Волгу» и помчались за «БМВ». В какой-то момент получилось так, что преследовать стали не мы их, а они нас. Я решил вернуться к РОВД: все-таки там дежурят вооруженные автоматами милиционеры. Метрах в пятидесяти от отделения я не вписался в поворот, попал в ледяную колею, и машину занесло. Тут же почти вплотную к нам подлетела «БМВ». «Буду брать», — достал пистолет Волков. «Не надо, — попытался удержать его я. — Давай вызовем милицию». «Они уйдут. Буду брать. У них нет оружия».

Волков выскочил с пистолетом в левой руке, подбежал к машине и закричал: «Милиция! Из машины выходить по одному! Руки за голову!»

Приоткрылась передняя пассажирская дверца, Волков рывком вытащил какого-то парня и уложил его на землю. В это время приоткрылась задняя дверца и один за другим загремели выстрелы. Волков попытался спрятаться за машину, но тот с земли тоже начал палить. Волков упал.

Тогда я выскочил из машины и побежал к РОВД. Одна пуля просвистела мимо, а вторая попала в ногу, раздробив бедро. Я упал. Слава Богу, не заметили Андросова на заднем сиденье. Когда киллеры уехали, Саша бросился к РОВД и начал колотить в дверь. Открыли нам минут через пятнадцать, когда из меня вышло с полведра крови. Я сказал Саше, чтобы он посмотрел, что с Волковым. Сперва он меня обрадо-

вал: пульс есть! Но тут же добавил, что Валера уходит. Результаты вскрытия показали, что в него вошло девять пуль, пять из них могли вызвать мгновенную смерть.

* * *

С убийцами я встретился в следственном изоляторе УФСБ. Мне не раз доводилось бывать в такого рода заведениях, но большей чистоты и порядка не видел нигде. Итак.

ВАДИМ КУТИН. 27 лет. Высокий, крепкий парень. Зеленые глаза, с оценивающим прищуром. Выпускник Московского суворовского, а затем Коломенского артиллерийского училища. Служил под Читой в должности командира минометной батареи 2-го парашютно-десантного полка.

Характеристика Кутина, присланная командованием полка: «Бывшими сослуживцами Кутин характеризуется как человек с развитыми волевыми качествами, неплохой организатор, но при условии перспективы личной выгоды. По складу характера резок, жесток, груб. Был случай, когда за малозначительный проступок жестоко избил дневального одного из подразделений.

Имея личный автомобиль «Ока», занимался коммерцией, считая каждый рубль. Если давал кому взаи-

мы, то только с процентами. Являлся типичным эгоистом, судьбы сослуживцев его не интересовали. Физическое оскорбление считал более действенным, чем меры воспитательного характера, и по этой причине нередко занимался рукоприкладством. Будучи человеком жестоким и целеустремленным, всегда добивался поставленной цели.

Вместе с тем зарекомендовал себя одним из лучших офицеров-артиллеристов, был назначен на должность командира минометной батареи. Из армии уволился по собственному желанию, так как планировал серьезно заняться коммерцией».

Была у Вадима Кутина и еще одна черта — умел быть полезным начальству. Немалую роль это сыграет, когда Кутин будет прорываться в органы внутренних дел. Но разговор с ним я начал не с этого. — Ну и как шли дела в бизнесе?

— А-а, какой там бизнес! — махнул он рукой. — Свою «Оку» я перегнал в Смоленск и стал личным шофером своего брата. У него-то дела шли круто: он занимался книжным бизнесом и возил книги на продажу в Москву. Потом я занялся ремонтом машин. Завязались контакты с крутыми ребятами из Москвы — угонщики нуждались в наших услугах. Само собой, я знал всех перекупщиков на авторынке.

Однажды встретил бывшего одноклассника, который работал госавтоинспектором. Он попросил отремон-

тировать машину начальника Смоленского филиала юридического института МВД. Полковник Соловьев остался доволен и предложил работать в институте. В конце 94-го вышел приказ о присвоении мне звания капитана милиции и назначении на должность начальника техчасти.

— А бизнес?

— Иногда помогал брату. Незадолго до того, как я надел милицейские погоны, на него наехал Иванов. Пришлось братану откупаться. А когда наехали на меня, я сказал, чтобы отвалили, не то начну их уничтожать. Сам! Вот этими руками. Отстали... Но Вовка на всякий случай съездил в Ригу и купил пять пистолетов. 28-го они снова наехали на брата. Короче говоря, часов в девять вечера он позвонил и попросил привезти «вещи». Я думал, что у него поломка машины.

— А «вещи»-то зачем?

— На всякий случай. Мало ли... У нас по вечерам беспокойно. Потом Вова сказал, что за ним гоняются два «жигуленка» и даже пытались таранить. Я предложил обратиться в ГАИ, но брат заявил, что это бесполезно и с Ивановым надо разбираться самим — в покое он не оставит... Около «Житомира» засекли не только «Жигули», но еще и «Волгу».

Решили выманить их за город и там поговорить, но все три машины куда-то запропастились. Собрались ехать домой. И вдруг сзади появилась «Волга». Вова — по газам! Потом ударил по тормозам: «Зачем

удирать? Мы же хотели поговорить». Тем временем «Волга» начала двигаться в сторону дома Иванова. Мы решили, что нас заманивают в засаду, но все же двинулись за ней... Недалеко от РОВД «Волга» ослепила нас задним прожектором, и мы резко остановились. Из «Волги» вышел человек с пистолетом в руках двинулся к нам. С криком: «Руки вверх! Убью!» — он вытащил из машины Павлюченкова и уложил его на землю. Да, совсем забыл. Перед этим из машины вышел Вова, а со стороны того человека была вспышка.

— Сигареты? Зажигалки?

— Какой там зажигалки! Вова-то упал. Я подумал, что брат убит, Павлюченков в плену, значит, следующим буду я.

— Стоп! А почему ты решил, что брат убит? Ты слышал звук выстрела?

— Нет, выстрела я не слышал. Но вспышку видел! Короче, я достал свой «ТТ», передернул затвор и приоткрыл заднюю дверцу. Человек, который держал Павлюченкова, навел пистолет на меня. Я не стал ждать, когда он нажмет на урок, и выстрелил первым. Всего я сделал, кажется, шесть выстрелов.

— Что было потом?

— Потом? Потом мы рванули за город. По дороге я начал выбрасывать неиспользованные патроны, а в районе дачного поселка ТЭЦ-2 выбросил и пистоле-

ты. Я решил никуда не уезжать, а ребята помчались в Москву. На рассвете добрался до дома, помылся, побрился, надел форму и поехал на работу. Там меня попросили по делам службы съездить в РОВД Промышленного района, то есть в тот район, где произошла перестрелка.

— Как перестрелка? Ты же выстрела не слышал, а только видел какую-то вспышку.

— Это неважно. Я считал, что тот человек начал стрелять первым. В общем, я тут же поехал в РОВД, подумав, что заодно разузнаю, что там и как. В одном из кабинетов меня арестовали. Вот, собственно, и все.

— Ты подполковника Волкова знал?

— Нет.

Из заключения экспертизы:

«Из пистолета «ПМ», принадлежащего подполковнику Волкову, не произведено ни одного выстрела. Все восемь патронов на месте: семь в обойме и один в стволе. Больше того, пистолет даже не снят до конца с предохранителя».

Из протокола осмотра места происшествия:

«На месте происшествия найдено 15 гильз от пистолета «ТТ». Не обнаружено ни одной гильзы от пистолета «ПМ».

ВЛАДИСЛАВ ПАВЛЮЧЕНКОВ. 26 лет. Спортивный, хорошо сложенный парень. Служил в ракетных войсках. Учился в Смоленском энергетическом институте, но не доучился. В криминальных кругах имеет кличку Сало. Он сильно испуган и, видимо, поэтому довольно словоохотлив.

— Все началось с того, что я связался с Владимиром Кутиным. Я работал на него в книжном бизнесе, а он, по его словам, на рижскую фирму «Орион». Пытался организовать и собственное дело, но позапрошлой осенью сильно пролетел и задолжал Кутину 18 тысяч долларов. Десять тысяч сумел вернуть, а пять тысяч на мне висели. Я говорил, давай, мол, отработаю, но он, скорее всего нарочно, ничего путного не предлагал. Да еще грозил: то каким-то чеченцем, то ребятами из Харькова. Так я стал его рабом. Я делал все, что он прикажет. Однажды он приказал ограбить фирму «Русич»: вывезешь, дескать, их книги, продашь и вернешь остатки долга. Но с ограблением ничего не вышло — ни с первой, ни со второй попытки. Потом он показал какую-то квартиру и сказал: «Здесь живет человек, который мне мешает. Его надо убить. Я скажу, когда ты это сделаешь».

— А что за дела с Ивановым и Гороховым?

— Володька говорил, что у Иванова и Горохова серьезные неприятности с авторитетами из Москвы. Надо воспользоваться ситуацией, перестрелять всю их команду и самим стать главными смоленскими авторитетами. Поддержка, мол, будет, но не из Москвы, а из Риги. 28-го он вызвал меня к себе, и мы поехали за город. Иванов с Гороховым нас засекли и рва-

нули за нами. Мы поняли, что им что-то известно, и решили действовать немедленно. Вернее, так решил Володька. Он позвонил брату, и тот привез оружие. «Надо их мочить, и прямо сейчас!» — сказал Володька. «Но это война, — засомневался Вадим. — Понадобятся деньги, адвокаты, транспорт, оружие». «Все будет», — заверил Володька. Я сказал, что неплохо бы обратиться к Пшенке, он все уладит.

— Кто это?

— Пшенка? Это вор в законе. Он поставлен в Смоленске «смотрящим». Как скажет Пшенка, так и будет. Это закон. Он разрешил немало споров между нашей братвой, причем без крови.

— И что же Кутины?

— Сказали, что обойдутся без Пшенкина и все сделают сами. После этого мы съездили в гараж и Володька выдал нам по пистолету. Потом мы все трое сели в «БМВ»... Когда появилась «Волга», Володька приказал: «Раз нет тех мышей, давайте замочим этих». Догнали их около РОВД. Смотрю, из «Волги» выходит человек с пистолетом в руках. Я отметил, что он седой, и подумал, что на Иванова работает серьезный уловник. Но седой почему-то закричал: «Милиция! Руки вверх!»

— Когда седой шел к вам с пистолетом, были с его стороны выстрелы?

— Нет, не было.

— А какие-нибудь вспышки, напоминающие выстрел?

— Нет, никаких вспышек не было.

— Кто же тогда начал стрелять первым?

— Вадим... А потом и я.

— Это точно?

— Абсолютно точно. Могу сказать под протокол.

— Почему ты решил, что Владимир Кутин задумал перебить всех смоленских авторитетов и самому занять их место?

— Он не раз об этом говорил.

ВЛАДИМИР КУТИН. 26 лет. Высок, сухощав, лысоват.

Из характеристики, данной человеком, просившим не называть его имени.

«Владимир Кутин чрезвычайно хитер и властолюбив. Трусоват. Любит загребать жар чужими руками. Бизнесмен неважный, но разбогател довольно быстро. За его спиной явно кто-то есть, так как он намеревался построить на минской трассе сеть бензоколонок, а это без соответствующей поддержки невозможно».

— На меня уже был один заказ, — начал он. — Требовали 50 тысяч долларов, иначе — пуля.

— Кто?

— Не знаю. Все разговоры велись по телефону.

— Ты отдал?

— Нет. Они почему-то отстали.

— А как ты стал киллером?

— Я им никогда не был.

— Тогда почему к тебе обратились с предложением убить Иванова и Горохова?

— Кто? Когда? Этого не было.

— Вот твои собственноручные показания от 7 марта этого года: «В январе месяце на улице Чаплина я имел встречу с двумя моими новыми знакомыми Андрееми — Тарасовым и Бодуновым. При встрече присутствовал Павлюченков. При разговоре, который происходил сначала в их машине, а потом в моей, они предложили мне за 25 тысяч долларов убить Иванова и Горохова: вначале 12,5 тысячи, а после исполнения еще 12,5. Дату убийства они скажут, когда отдадут деньги».

Кутин отвернулся к стене и комментировать эти показания отказался, сказав, что без адвоката этого делать не будет.

— Кто первым вышел из вашей машины, когда вы догнали «Волгу»?

— Я.

— Зачем?

— Кто-то направил на меня пистолет, и я вышел.

— С пистолетом в руке?

— Нет, мой пистолет лежал под сиденьем.

— Что было дальше?

— Я увидел вспышку и упал за машину. Потом началась жуткая стрельба, но я ничего не видел. Когда стрельба закончилась, меня подняли и посадили за руль.

— При осмотре гаражей и квартир у вашей группы было изъято шесть пистолетов «ТТ», один пистолет израильского производства, два помповых ружья, автомат и так называемые «воздушки» — карабин с оптическим прицелом и пистолет. Зачем вам этот арсенал?

— Для самозащиты.

— Или для того, чтобы вооружить еще кого-нибудь?

Кутин молча уставился в пол.

Справка управления ФСБ: «За последний год произошло несколько нападений на авторитетов местно-

го криминального мира. У одного сожгли машину, другого подорвали, третьего обстреляли. А некто Румянцев, он же Рем, был убит. Бесследно исчез коммерсант из Риги по фамилии Мамедов. Характерно, что по коммерческим делам с Мамедовым был тесно связан Владимир Кутин. Недавно в районе старого аэродрома найден сильно обгоревший труп. Есть предположение, что это труп Мамедова. Если будет доказано, что это действительно Мамедов, то по этому факту придется провести следственные действия в отношении Кутина».

Эта справка была составлена задолго до убийства подполковника Волкова и до ареста братьев Кутиных и Павлюченкова.

* * *

Я нажал на кнопку звонка, и из-за двери раздался тоскливый лай.

— Свой, Джой, — сказала миловидная, с заплаканными глазами женщина. — Место, Джой, место!

Но огромная овчарка осталась в прихожей. Пока мы знакомились с женой Валерия Волкова Людмилой Викторовной, дочерью Леной и сыном Женей, Джой не сводил с меня подернутых унылой пленкой глаз. А потом... потом мне дали домашние тапочки хозяина. Что тут было с бедным Джоем! Он коротко

взвыл, вскинулся на задние лапы, передние положил на мои плечи и так посмотрел, что, честное слово, я тоже чуть не взвыл.

— Он уже месяц сам не свой, — сказала Людмила Викторовна. — Первые дни не ел, не пил, носился по дворам — искал хозяина. Теперь он все понял: лежит на полу и часами смотрит на фотографию Валеры...

И тут Людмила Викторовна не выдержала и разрыдалась: — Будь проклят этот февраль. Будь проклят этот лишний день! Кому он нужен? И вот ведь как бывает. Я лечила мать Кутиных, жену Вадима. А он... Господи, да и я хороша! Не уследила. Он ведь ушел на свой последний бой без талисмана, моей старенькой клипсы, с которой никогда не расставался... Я положила ее в гроб, пусть хранит его на том свете.

Справка управления ФСБ Как стало известно из достоверных источников, все происшедшее рано утром 29 февраля с. г. у здания Промышленного РОВД УВД Смоленской области было резко осуждено местными «авторитетами» из криминальной среды. Хладнокровное убийство сотрудника органов безопасности при исполнении служебных обязанностей глубоко потрясло их. По роду своей служебной деятельности Волков был известен многим, пользовался у «авторитетов» уважением, как честный, справедливый и неподкупный сотрудник.

По их предположению, с одной стороны, последние взрывы и поджоги автомашин, обстрелы и убийство одного из «авторитетов», а с другой стороны, хладнокровный расстрел сотрудника ФСБ являются звеньями одной цепи. Кто-то извне стремится произвести передел сфер влияния в Смоленске, являющемся форпостом на Западной границе России, путем устранения всех препятствующих этому процессу, будь то сотрудник ФСБ или «авторитет» преступного мира.

Осуждая действия самозваных киллеров, местные «авторитеты» заявили, что независимо от решения судебных органов по этому делу «эти подонки себе уже подписали смертный приговор»...

(Б. Сопельняк. // Совершенно секретно. — 1996. — № 4)

ЗОЛОТАЯ ГОЛОВА НА ПЛАХЕ...

Семьдесят лет прошло с той декабрьской ночи, когда трагически оборвалась жизнь Сергея Есенина. Но до сих пор четкого ответа на вопрос: что же произошло в пятом номере гостиницы «Англетер»? — никто не дал. С результатами частного расследования знакомит читателя Эдуард Хлыстов, заслуженный работник МВД, выдвинувший версию — убийство с инсценировкой самоубийства.

Тусклое утро за окнами ленинградской гостиницы

«Англетер», переименованной в духе времени в «Интернационал». Елизавета Устинова взглянула на часы. Половина одиннадцатого. Пора идти к Сергею. Она спустилась на этаж, подошла к двери номер пять, постучала. Никто не отвечал. Она толкнула дверь. Закрыта. Снова постучала. За дверью тихо. Она знала, что Есенин никуда утром не собирался, поэтому стал стучать настойчивей. Через некоторое время к ней подошел Вольф Эрлих. Стучали вдвоем — в номере тишина. Так крепко спит? Непохоже. Сергей всегда рано проспался и сам будил Устиновых. Почувствовав недоброе, она побежала за управляющим гостиницей. Василий Назаров долго возился с замком, наконец открыл и тут же ушел. Устинова и Эрлих вошли в комнату и — увидели мертвого поэта. Устинова вновь побежала к Назарову, тот позвонил в милицию...

В это время в Москве проходил XIV съезд ВКП(б), на котором группа делегатов («Новая оппозиция», центр ее находился в Ленинграде, где властвовал Григорий Зиновьев) выступила против линии ЦК. Дело дошло до того, что ленинградские коммунисты заявили о своем несогласии с решениями съезда.

В органах ГПУ, милиции, прокуратуре была объявлена повышенная готовность. Круглосуточно дежурили бригады уполномоченных, следователей, экспертов, проводников служебных собак. Гостиница «Интернационал» находилась в нескольких минутах ходьбы от всех этих учреждений. Трагическая гибель известного всему миру поэта, и именно в то время, когда в Ленинград возвратились делегаты

XIV съезда партии, несомненно, было чрезвычайным происшествием. И, казалось бы, на место случившегося должны были направить опытного следователя, обязательно судебно-медицинского эксперта, начальника местной милиции или его заместителя.

Однако в гостиницу явился работник 2-го отделения милиции Н. Горбов (39-летний Н. Горбов месяцев шесть работал в отделении рядовым милиционером) и провел «расследование». Он составил акт, послуживший основанием для утверждения того, что С. Есенин покончил жизнь самоубийством. Привожу этот документ полностью, сохраняя стиль и орфографию.

«АКТ.

28 декабря 1925 года составлен настоящий акт мною уч. надзирателя 2-го от. Л. Г. М. Н. Горбовым в присутствии управляющего гостиницей Интернационал тов. Назарова и понятых. Согласно телефонного сообщения управляющего гостиницей гражд. Назарова В. Мих. о повесившемся гражданине в номере гостиницы. Прибыв на место мною был обнаружен висевший на трубе центрального отопления мужчина в следующем виде, шея затянута была не мертвой петлей, а только правой стороны шеи, лицо обращено к трубе, и кистью правой руки захватила трубу, труб висел под самым потолком и ноги были около 1 1/2 метров, около места где обнаружен повесившийся лежала опрокинутая тумба, и канделябр стоящей на ней лежал на полу. При снятии трупа с веревки и при осмотре было обнаружено на правой руке выше локтя с ладонной стороны порез, на левой

руке, на кисти царапины, под левым глазом синяк, одет в серые брюки, ночную рубашку, черные носки и черные лакированные туфли. По предъявленным документам, повесившимся оказался Есенин Сергей Александрович, писатель, приехавший из Москвы 24 декабря 1925 года».

Ниже этого текста в акт дописано: «Удостоверение за № 42-8516 и доверенность на получение 640 рублей на имя Эрлиха». В качестве понятых расписались поэт Всеволод Рождественский, литературный критик П. Медведев, литератор М. Фроман.

Милиционер Н. Горбов дал по листку Вольфу Эрлиху, Елизавете Устиновой и Василию Назарову и потребовал написать объяснения о случившемся. Устинова и Назаров написали все, что посчитали нужным, а вот показания Эрлиха написаны не его рукой. И не Н. Горбовым. Мне удалось установить, что записал их агент уголовного розыска 1-й бригады Ф. Иванов. Эта бригада занималась расследованием тягчайших преступлений против личности, и выехал на место происшествия Иванов не случайно.

Как утверждали свидетели, лицо Есенина было изуродовано, обожжено, под левым глазом имелся синяк. Были порезаны руки. Над правой бровью круглое, примерно с копеечную монету пятно, на ногах и теле обширные гематомы. Все эти телесные повреждения причинены были Есенину при жизни, до наступления смерти.

Кто нанес их поэту? И когда?

Сергей Есенин приехал в Ленинград 24 декабря и устроился в гостиницу по протекции журналиста Георгия Устинова, который проживал здесь с женой. Как только друзья поэта узнали, что он в Ленинграде, в его номере постоянно собиралась компания из нескольких человек. Вольф Эрлих даже оставался ночевать. По приезду Есенин угостил друзей двумя полубутылками шампанского. 27 декабря на несколько человек было выпито 5—6 бутылок пива. Других алкогольных напитков у Есенина не было. Сам он приехал без денег, а у его друзей деньги водились крайне редко. Да и по случаю Рождества спиртные напитки в Ленинграде не продавались. Никаких конфликтных ситуаций или скандалов у Есенина в эти дни не было. Никто не отмечает, что видел у Есенина на лице или теле следы побоев. Следовательно, телесные повреждения поэту были причинены после вечера 27 декабря.

Участковый надзиратель Горбов фактически не осмотрел место происшествия, не зафиксировал наличие крови на полу и письменном столе, стенах, не выяснил, чем была разрезана у Есенина правая рука, откуда появилась веревка для повешения, не описал состояние замков в двери, запоров на окнах, не отметил наличие или отсутствие ключа от замка двери, из протокола не ясно, в каком состоянии находились вещи в номере (судя по публикациям в газетах, в большом беспорядке), не приобщены к делу в качестве вещественных доказательств веревка, не описаны личные вещи поэта и его рукописи.

Можно ли относиться к акту Н. Горбова как к след-

ственному документу? Да и составить он должен был не акт, а протокол специально предусмотренной законом формы. Очень важно при составлении протокола указать время осмотра места происшествия. Горбов этого не сделал. Он обязан был пригласить понятых и записать в протокол только то, что видели понятые. И этого он не сделал.

В акте записано, что тело поэта висело под потолком, а ноги находились на расстоянии полутора метров от пола. А кто это видел? Ни Устинова, ни Эрлих, ни Назаров об этом не написали. Может, это видели понятые?

Один из них, поэт Вс. Рождественский, писал, что гибель Есенина была для него полной неожиданностью. В то утро было холодно. В помещении Союза поэтов не топили. Он видел, как П. Медведев взял телефонную трубку (кто звонил в Союз поэтов?), как исказилось его лицо от страшного известия. Рождественский и Медведев тут же побежали в «Англетер».

«Прямо против порога, несколько наискосок, лежало на ковре судорожно вытянутое тело. Правая рука была слегка поднята и окостенела в непривычном изгибе. Распухшее лицо было страшным — в нем ничто не напоминало прежнего Сергея. Только знакомая легкая желтизна волос по-прежнему косо закрывала лоб. Одет он был в модные, недавно разглаженные брюки. Щегольский пиджак висел тут же, на спинке стула (пиджак позже пропал бесследно. —

Э. Х.). И мне особенно бросились в глаза узкие, раздвинутые углом носки лакированных ботинок. На маленьком плюшевом диване, за круглым столиком с графином воды сидел милиционер в туго подпоясанной шинели, вода огрызком карандаша по бумаге, писал протокол. (Я тщательно проверил правильность записей Вс. Рождественского, все исключительно точно. — Э. Х.) Он словно обрадовался нашему прибытию и тотчас же заставил нас подписаться как свидетелей. В этом сухом документе все было сказано кратко и точно, и от этого бессмысленный факт самоубийства показался еще более нелепым и страшным».

П. Медведев так описал увиденный труп поэта: «...Как сейчас вижу это судорожно вытянувшееся тело. Волосы, уже не льняные, не золотистые, а матовые, пепельно-серые, стоят дыбом. На лице нечеловеческая скорбь и ужас. Прожженный лоб делает его каким-то зловещим. Правая рука, на которой Есенин пытался вскрыть вены, подтянута и неестественно изогнута. Голова свернута на бок и вывернута. Как будто Есенин застыл, приготовляясь к мрачному, трагическому танцу».

Таким образом, понятия Рождественский, Медведев и Фроман увидели труп только на полу. А между тем они подписали акт (протокол) и тем самым подтверждали, что тело поэта висело под потолком, что веревка не имела затяжной петли, что труп висел лицом к трубе и т. д.

Подписывая акт, трое литераторов были, видимо, так потрясены случившимся, что не обратили внимания на такие «мелочи», как то, что Есенин завязал порезанной рукой веревку на вертикальной трубе под самым потолком и ни одна капля крови не упала ему на лицо, рубашку, брюки. А как вообще дотянулся низкорослый поэт до высоты 3 метра 80 сантиметров? И где взял веревку? И почему веревка без петли не съехала вниз по трубе?

...В номер прибежал выдающийся русский художник В. Сварог, сделавший моментальный рисунок лежащего на полу трупа поэта. На этом рисунке вся одежда на Есенине в беспорядке, расстегнуты и слегка спущены брюки, «американские» подтяжки не на месте, рубашка растрепана. А на снимке М. Наппельбаума одежда в порядке, только на гульфике не застегнуты пуговицы. Несомненно, фотографировал Наппельбаум Есенина после Сварога.

Но для чего поправляли одежду на трупе перед фотографированием? И почему на место происшествия не пришел милицейский фотограф и судебно-медицинский эксперт? Зачем прислали в гостиницу специалиста в области художественной фотографии?..

На следующий день в покойнице Обуховской больницы состоялось вскрытие тела поэта. Патологоанатом был 55-летний А. Гиляревский, выпускник Военно-медицинской академии, имевший продолжительный опыт работы в качестве полицейского врача. (Всех старых полицейских сыщиков после ок-

тябрьского переворота большевики расстреляли, только самым везучим удалось убежать за границу. Полицейских же врачей большевики не трогали, поскольку простой народ смертельно боялся покойницы.)

В акте вскрытия А. Гиляревский указал: «...на шее под гортанью — красная борозда, идущая слева вверх и теряющаяся около ушной раковины спереди, справа борозда идет немного вверх к затылочной области, где и теряется, ширина борозды с гусиное перо...». Следовательно, веревка, сжимавшая горло поэта, натягивалась сзади, где-то в районе затылка. При чем «мертвой петли» на веревке не было. В противном случае странгуляционная борозда была бы замкнутой. Описанная А. Гиляревским красная борозда на горле Есенина вызывает в памяти случаи умышленных убийств, когда преступник сзади набрасывает на шею жертве веревку и начинает душить, натягивая веревку снизу вверх.

Вернемся к акту Н. Горбова: «...лицо было обращено к трубе...». Расположение странгуляционной борозды на шее поэта, описанное Гиляревским, дает основание утверждать, что труба, к которой была привязана веревка, должна была быть за спиной трупа, а не наоборот.

Из сообщений прессы мы знаем, что веревка на шее поэта была намотана несколько раз. В этом случае должно было быть несколько странгуляционных борозд. Но их нет. Все это может свидетельствовать о

том, что смерть поэта наступила раньше.

А. Гиляревский в своем акте отметил, что «темно-фиолетовый цвет нижних конечностей, точечные кровоподтеки на коже указывают на то, что покойный в повешенном состоянии находился продолжительное время». Современные судмедэксперты утверждают, что подобные изменения наступают в том случае, если труп находился в петле около суток. В акте также написано: «петли кишок красного цвета». Некоторые судмедэксперты считают, что Гиляревский имел в виду образовавшиеся трупные пятна, а это тоже свидетельствует о пребывании тела в повешенном состоянии более 12 часов.

И еще одно важное обстоятельство, объективно подтверждающее наступление смерти не 28-го, а 27 декабря 1925 года. Гиляревский отметил наличие в желудке покойного около 300 кубических сантиметров пищевой смеси, издающей нерезкий запах вина. Известно, что последний раз Есенин употреблял пищу не позднее 6 часов вечера. Пища была легкосваримая. Наличие пищевой смеси в желудке свидетельствует, что смерть наступила не позже 8 часов вечера.

Теперь мы располагаем свидетельскими показаниями А. Л. Назаровой — ныне здравствующей жены управляющего гостиницей В. М. Назарова, которая показала, что ее муж, чекист, работал в гостинице «Англетер» и всегда возвращался домой поздно. Однажды он пришел с работы и сразу лег спать. Нео-

жиданно ему позвонили и предложили немедленно прийти на службу. Возвратился он поздно и рассказал жене, что у них в гостинице повесился поэт Есенин. На следующий день она даже ходила смотреть, как труп выносили из номера на улицу.

Оценивая объективные данные, прихожу к твердому убеждению, что смерть Есенина наступила 27 декабря 1925 года в промежутке от 20 часов 30 минут до 23 часов.

Вот уже семьдесят лет живет официальная версия о самоубийстве Сергея Есенина. Со школьных лет мы знаем, что жил такой поэт, талантливый был, писал о собаках, березках, неразделенной любви, менял женщин, бросал детей, пил крепко и ему ничего не оставалось, как повеситься.

Кто же установил факт самоубийства? Какой следователь провел расследование и пришел к такому выводу? Кто первым произнес это слово — самоубийство? Первыми это сделали газетчики и враги Есенина. Еще не имея на руках решения следственных органов и заключения экспертов. А потом Есенину приписали наркоманию, алкоголизм, развратные действия, злостное хулиганство. Объясняя причину самоубийства, его враги пошли по проторенному пути клеветы и стали искать ее истоки в его собственных стихах. Житейская биография была перечеркнута и заменена литературной. Строки из его стихов о смерти были превращены в свидетельские показания против него самого.

Распространяли явную ложь. Был пущен слух, что Есенин был английский шпион и покончил жизнь самоубийством из-за боязни быть разоблаченным.

Какие же имелись доказательства, подтверждающие самоубийство?

А вот доказательства убийства поэта с последующей имитацией самоубийства даже не замечали, не то чтобы не искали. А их было больше чем достаточно.

В 1927 году художник В. Сварог конфиденциально делился своими впечатлениями о происшедшем в номере гостиницы:

«...Мне кажется, этот Эрлих что-то подсыпал ему на ночь, ну... может быть, и не яд, но сильное снотворное. Не зря он «забыл» свой портфель в номере Есенина. И домой «спать» не ходил — с запиской Есенина в кармане. Он крутился не зря все время неподалеку, наверное, вся их компания сидела и выжидала свой час в соседних номерах. Обстановка была нервная, в Москве шел съезд, в «Англетере» всю ночь ходили люди в кожанках. Есенина спешили убрать, потому все было так неуклюже и оставалось много следов. Перепуганный дворник, который нес дрова и не вошел в номер, услышав, что происходит, кинулся звонить коменданту Назарову... А где теперь этот дворник?

Сначала была «удавка» — правой рукой Есенин пытался ослабить ее, так рука и заоченела в судороге. Голова была на подлокотнике дивана, когда Есенина ударили выше переносицы рукояткой нагана. Потом его закатали в ковер и хотели спустить с балкона, за углом ждала машина. Легче было похитить. Но балконная дверь не открылась достаточно широко, оставили труп у балкона, на холоде. Пили, курили, вся эта грязь осталась... Почему я думаю, что закатали в ковер? Когда рисовал, заметил множество мельчайших соринки на брюках и несколько в волосах... пытались выпрямить руки и полоснули бритвой «Жиллет» по сухожилию правой руки, эти порезы были видны... Сняли пиджак, помятый и обрезанный, сунули ценные вещи в карманы и все потом унесли... Очень спешили... Вешали второпях, уже глубокой ночью, и это было непросто на вертикальном стояке. Когда разбежались, остался Эрлих, чтобы что-то проверить и подготовить для версии о самоубийстве... Он же и положил на стол, на видное место, это стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...» Очень странное стихотворение...

Действительно, из пятого номера пропал пиджак поэта, а после осмотра места происшествия кто-то снял лакированные туфли с мертвого тела.

Свидетельство Сварога полностью соответствует показаниям А. Назаровой, которая сейчас утверждает, что Есенин был убит. Причем Назарова рассказывала своим коллегам на работе о сомнительном самоубийстве Есенина лет двадцать назад, как об этом стали широко писать биографы Есенина.

Однажды выдающийся врач Казимир Маркович Дубровский в разговоре с известными художниками рассказал некоторые подробности гибели Есенина. В декабре 1925 года он, тогда молодой медик «скорой помощи» Ленинграда, выезжал в гостиницу и лично вынимал из петли труп поэта. По его мнению, Есенин был убит. Я решил обратиться к вдове Дубровского. Писал ей несколько раз, она не отвечала.

И вдруг получаю письмо: «...Извините меня за беспокойство и за то, что выполняя просьбу ныне покойной Елены Александровны Дубровской, я не общала Вам того, что случилось с С. Есениным в «Англетере». Вернее, что видел Казимир Маркович Дубровский. Уж очень запуганное было поколение... до последний дней... Надеюсь, что хоть мне «аукнется»... Вы совершенно правы, считая что С. Есенину «помогли» покончить с собой. Судя по рассказам К. М. Дубровского, в номере Есенина были следы борьбы и явного обыска. На теле были следы не только насилия, но и ссадины, следы побоев. Кругом все разбросано, раскидано, битые разбросанные бутылки, окурки... К. М. Дубровский был врачом «Скорой помощи» и был свидетелем многих трагедий, за что, возможно, и поплатился в 30-е годы, а позже в 40—50 годы... Как говорил К. М. Дубровский: «Я ни за что сидел, а за что-то тем более не хочу...»

В ходе своего расследования я получил письменные показания научного сотрудника ленинградского Эрмитажа В. Головки. Он до войны учился в техникуме, и ему преподаватель В. Шилов перед отправкой

на фронт доверительно рассказал следующую историю. За день до смерти поэта он договорился с Есениным о встрече. Поэт пригласил его к себе в номер. В назначенный час вечером Шилов подошел к двери и постучался. Ему не открыли. Он решил дожидаться в вестибюле и увидел, что из номера Есенина вышли двое мужчин, закрыли за собой дверь на ключ и направились к выходу, где их ждал автомобиль. На следующий день все узнали о «самоубийстве» поэта.

У меня имеется письменное свидетельство хирурга из Тульской области. Он отбывал срок по 58-й статье в исправительно-трудовом лагере под Норильском. Осужденный санитар рассказывал ему, что когда-то работал в ЧК—ГПУ шифровальщиком. После гибели Есенина он получил из Центра шифротелеграмму, в которой оперативным работникам на местах предлагалось распространять среди населения слух, что Есенин был английским шпионом. Я проверял это сообщение. Действительно, до осуждения санитар работал в ГПУ Восточной Сибири на такой должности, но той шифротелеграммы достать не удалось. Но возможно, она хранится в архивах бывшего КГБ.

В этом архиве и архиве ЦК ВКП(б) должны быть документы, из которых можно было знать о том, как преследовали Сергея Есенина, провоцировали, окружали сексотами. Важно изучить рабочие и личные дела тайных осведомителей, оперативные разработки против поэта и его окружения, задания оперуполномоченных, доклады сексотов о проделанной рабо-

те, документы на задержание и аресты. Для установления подлинных обстоятельств гибели поэта необходимо ознакомить исследователей с шифротелеграммами ленинградского обкома партии и ГПУ, переданные ими в Москву 28 декабря.

После гибели Сергея Есенина пропала веревка, послужившая удавкой. Ни в одном документе, ни у одного современника нет о ней никаких сведений. К материалам дела по факту гибели Есенина она также не приобщалась. По всей вероятности, веревка оставалась в номере вместе с личными вещами поэта.

Гостиничный номер Н. Горбов опечатал и передал на ответственное хранение управляющему В. Назарову. Все личные вещи Есенина захватила его первая жена Зинаида Райх-Мейерхольд. Она приехала 22 апреля 1926 года со своим защитником Аркадием Мещеряковым в Ленинград, назвалась хранительницей имущества поэта, получила под расписку все вещи и увезла в Москву. Она ли (вскоре Райх и Мейерхольд выезжали за границу), другой ли кто вывез веревку за границу. Там ее за крупную сумму продали с аукциона. Затем разрезали на фрагменты и вновь пустили с молотка. Один еврейский поэт, часто посещавший СССР, купил кусок этой веревки и привез в подарок одному известному коллекционеру (к сожалению, я не могу назвать их имен). С большой долей уверенности могу утверждать, что рисунок плетения этой веревки соответствует отпечатку, оставленному на шее поэта. Этот фрагмент веревки имеет для исследователей большое значение. С помощью специа-

листов можно определить назначение веревки, могла ли она быть в чемодане или номере Есенина, или это исключено.

А продолжать расследование трагической гибели поэта сегодня еще более необходимо. Мне удалось установить, что Есенин сидел не только во внутренней тюрьме на Лубянке, но и в Бутырской тюрьме. Против него возбуждалось в советское время 12 уголовных дел, значительная часть которых не что иное как провокация, желание ВЧК—ГПУ расправиться с поэтом «законным путем».

(Совершенно секретно. — 1995. — № 11)

ПЕПЕЛ. ТАЙНА МОГИЛЫ № 1007

23 марта 1994 года в подмосковном городе Ступино бесследно пропала Светлана Новикова, 24 лет. Было известно, что в этот день она собиралась ехать к родителям в г. Орел, и в последний раз ее видели возле железнодорожной станции Ступино вместе с мужем ст. лейтенантом Сергеем Новиковым, который подвозил ее на их личных «жигулях».

Сергей служил в гарнизоне Ступино после расформирования дивизии в Западной группе войск в Германии. Жил он с женой и 3-летней дочкой Юлей в общежитии НИИ «Энергия». Про Сергея было также известно, что якобы из-за частых отлучек жены к родителям и на сессии (Света училась в Орловском

институте культуры) он открыто завел себе любовницу из местных, ступинскую. В тот день, 23 марта, Света якобы поссорилась с мужем на этой почве и рванула к матери в Орел, где к тому же гостила у бабушки маленькая Юля.

Много потом свидетелей — и на КПП в войсковой части, и на проходной общежития, и на привокзальной площади — подтвердят, что видели их вдвоем с большими какими-то сумками, шли по дороге, садились в машину...

Многим запомнился этот день и погодой. Бывает в марте, когда по-весеннему прогретый воздух иногда вдруг просквозят и уколют в самое лицо острые тонкие струйки какой-то льдистой прохлады, словно бы занесло их ветром сюда напрямиком с арктических стылых равнин и торосов.

Еще известно, что на перроне он ее не провожал.

ОБЪЯВЛЯЮТ РОЗЫСК. То, что Света исчезла, обнаружилось через пару дней, когда из Орла в Ступино позвонила мать Светы Антонина Игнатьевна Моисеева. Трубку снял Сергей. Поздоровавшись с зятем, она попросила к телефону Свету.

— Как Свету, она разве не у вас? Она же к вам поехала!.. Паники еще не было, может, Светлана к подруге в Москве заехала, мало ли что... Договорились созваниваться и сразу сообщить о новостях, если будут. Но новостей не было. К концу недели все уже

по-серьезному заволновались. Сергей Новиков, муж пропавшей Светы, написал заявление в Ступинское ОВД о возбуждении уголовного дела по факту пропажи без вести своей жены.

Не находили себе места в Орле и Антонина Игнатьевна, воспитательница детского сада, и отец Светы, Сергей Александрович Моисеев — электрик на сталепрокатном заводе. Не похоже было на дочку, чтобы она, понимая, что из-за нее могут столько людей нервничать, не дала о себе знать.

Родители Светы и Сергея тоже подключились к поискам. Розыскные мероприятия милиция проводила в Орле, и на станции Москва-Курская. Были проверены бюро несчастных случаев, травмопункты, направлены ориентировки по вокзалам, приемникам-распределителям, в службы дежурных психиатров. Искали Свету Новикову среди неизвестных больных, находящихся на лечении в бессознательном состоянии, среди задержанных и арестованных. Среди неопознанных трупов. Нигде ничего. Никаких следов. Ни одной зацепки.

Через два месяца оперуполномоченный ОУР РОВД ст. Москва-Курская капитан милиции Шаймерданов Х. Х. постановил: «Ввиду того, что лиц, виновных в исчезновении гр. Новиковой С. С., не усматривается, а также, принимая во внимание, что каких-либо сведений в отношении гр. Новиковой преступления в процессе первоначальных розыскных мероприятий не добыто, в возбуждении уголовного дела

по заявлению гр. Новикова С. В. отказать и завести розыскное дело на гр. Новикову С. С.».

По опыту прежних подобных дел известно, что обычно после этапа первоначальной активности, не приведшей к успеху, наступает затяжное затишье. Ориентировки были направлены в ОВД городов Московской области, фотографию Светы показывали по местному телевидению. По-прежнему посещались больницы, ездили на опознание «бесхозных» трупов.

ОБНАРУЖЕН БИЛЕТ НА ФАМИЛИЮ НОВИКОВОЙ. На четвертый месяц вдруг обозначился просвет. Проверка всех контрольных лент в билетных кассах Курского вокзала с 23 марта по 24-е установила, что 23 марта в 22 часа 17 минут на фамилию Новиковой был приобретен железнодорожный билет на поезд № 065 «Москва — Николаев» до ст. Орел, вагон 4 место 51.

Несколько недель ушло на то, чтобы разыскать поездную бригаду, встретиться и опросить проводника 4-го вагона Нину Сиделеву. Столько было надежд на нее. Долго смотрела на фотографию Светы, потом сказала, что такую видную на внешность в своем вагоне не помнит. Нет, не было такой девушки, и нигде такая не сходила...

Опять образовавшийся было просвет затянуло мутной неопределенностью. Неделя за неделей ничего

нового, пока однажды не вмешался случай, этот безалаберный подросток, этот шалый безумец, непредсказуемый игрок... Или зря я так про случай, или сквозь него лишь с большей неотвратимостью проглядывает то самое немигающее око на лице рока? Сейчас, когда задним числом знаешь все события по материалам уголовного дела (7 томов) и судебным заседаниям, страшно видеть словно бы на отчетливом экране, как плутало поначалу следствие, как не раз его уводило в стороны, далеко-далеко от места преступления и подлинных убийц, как оно иногда почти вплотную подходило к одному из них, так что задерживал дыхание, чтобы не выдать себя, потому что изо рта его несло запахом падали, запахом лжи. И еще на том отчетливом экране видны были страшные маршруты зла. Убийцам будто покровительствовал сам дьявол, помогал им увиливать от разоблачения и изощрял их. Был момент, когда в милицию попал веревочный трос со следами крови (этот трос двое суток соучастники преступления отмачивали в ванной, но милиция не раскрутила эту улику).

ОНИ МОЛЧАЛИ... Розыск выдохся, заглох. Ветшали на вокзалах и стендах возле милицейских участков плакаты под рубрикой «РАЗЫСКИВАЕТСЯ...» с потускневшими снимками Светы Новиковой и с описаниями пропавшей: «на вид 20—23 года... глаза голубые... была одета в расклешенное пальто на синтепоне коричневого цвета... черная беретка... коричневые кожаные полусапожки... родинка в верхней части» и т. д., и т. п. В конце дежурное обращение: «Кто располагает сведениями...»

Теперь известно, что сведениями располагали пять человек — наемный убийца, двое заказчиков-соучастников и еще двое случайных людей, которые волею случая помогали перепрятывать обугленный труп в другое место.

Знали пять человек. Но они молчали.

ОПЯТЬ МОРГИ, ПСИХБОЛЬНИЦЫ... ПОДКЛЮЧИЛИСЬ ГАДАЛКИ, ЭКСТРАСЕНСЫ. Во втором томе я прочел за подписью старшего дознавателя 2-го отделения милиции Ступинского ОВД ст. лейтенанта Кленова повторное постановление об отказе о возбуждении уголовного дела по факту исчезновения Светы Новиковой. Мотив прежний: сведений о чем-то преступлении и чьей-либо виновности не добыто.

А шел уже месяц июнь. Мать Светы Антонина Игнатъевна вместе с мужем, прихватывая внучку (а с кем ее оставлять?) продолжала ездить, искать, спрашивать, не видел ли кто вот эту молодую женщину. Фотография Светы, казалось, выцветала от тех пристальных и сочувственно-печальных взглядов, которыми десятки людей ощупывали, исследовали, избывали ее черты, ее глаза... Бедная, милая, незнакомая, где ты, что с тобой стряслось, жива ли ты еще...

Кто-то, видя, как убивается мать, посоветовал показать фотографию известной бабке-гадалке. Пришла к ней Антонина Игнатъевна, хотя, по совести, не верила этим бабкам, считала суеверием. Как-никак,

закончила Антонина Игнатьевна вуз, Орловский пединститут, поступила поздно, училась одновременно с дочкой, и Свете ужасно нравилось, что мама решилась на это, она гордилась мамой и смеялась, когда у них обеих начиналась сессия и с внучкой приходилось сидеть деду.

Старуха, к которой ее привели, рукой отстранила деньги, сказала, что гадание денег не любит. Смотрела на фотографию долго. Потом дала пузырек воды, сказала, чтобы покропила ею вещи Светы и ждала тринадцать дней. Если дочь не придет, больше не жди...

Мне Антонина Игнатьевна после одного судебного заседания рассказывала, что эти 13 дней были для нее пыткой и заклинанием чуда одновременно. Если звонок по телефону или в дверь — бежала как не своя. Спать совсем не могла, так, какая-то полудрема, она даже снотворные принимала, чтобы, может, сон какой увидеть наводящий, Светиной тоской или зовом ее навеянный... Нет, ничего.

«Найдешь, крещеная кровь не пропадет», — запомнила она слова старухи.

Особенно она надрывала себе сердце, когда ездила по психбольницам в Курск и Малоархангельск. Была и в орловской «Кишкинке», и в добрынинском дурдоме. Жила, жила, родила двух дочерей, дождала до пенсионного возраста, работала себе воспитательни-

цей в детском саду (у нее и диплом был по теме: «Воображение и мышление у детей дошкольного возраста»), короче, жила нормальной жизнью и не подозревала о существовании каких-то других пугающе запредельных ее сторон, где обитают несчастье, тихое и горячее безумие, невнятные страхи. Сколько глаз, и погасших, и полыхающих страшным дивным огнем, мешали ей потом заснуть дома. В психбольницы потому надо было ходить, что поступали туда время от времени больные с черепно-мозговыми травмами, у которых «отшибло память», и они о себе ничего не могли сообщить.

А морги? Антонину Игнатьевну изумляло, сколько там неопознанных, невостребованных людей, убитых или умерших при невыясненных обстоятельствах, никому не нужных, никому не интересных... А тут, она хваталась за сердце, была бы чуть ли не обрадована, если б... и гнала, гнала это дикое ненормальное свое ожидание увидеть, опознать...

Еще ее повезли к гадалке, которая гадала по Луне. — Верите — нет, — рассказал мне Антонина Игнатьевна, — как она взяла фотографию, так она вся потемнела, только в уголке, где пальцы держали, — только там кончики и отпечатались на белом. И сказала она мне, что моей дочери нет в живых и что она чувствует запах гари.

Последняя, к кому она обратилась, была известный экстрасенс. Та сказала, что видит шоссе, над ним провода высоковольтной линии электропередачи и

неподалеку на возвышенной насыпи... там болотистые места, но вот посадки, там железная дорога, она видит и слышит электричку.

Забегая вперед, скажу, что Света в самом деле сначала находилась в похожей местности. Но тогда, после визита к экстрасенсу, муж Антонины Игнатьевны пошел к начальнику железной дороги и получил разрешение проехать участок от Ступино до Москвы в кабине машиниста электрички (сама Антонина Игнатьевна сидела в вагоне), чтобы попытаться узнать место, согласно описанию экстрасенса. Сергей Александрович засек два места пересечения шоссе, железнодорожных путей и ЛЭП, потом они обшаривали все болотца, посадки, но ничего не нашли.

ОБГОРЕЛЫЕ ОСТАНКИ НА ОБОЧИНЕ ШОССЕ.

Милицейский розыск по-прежнему едва тлел, на все звонки и запросы там отвечали: ищем. Сергей, муж Светы, тоже уже перестал искать, что-то предпринимать. Более того, удивил тещу и тестя, приехав в Орел и подав в нарсуд гражданский иск на то, чтобы забрать себе дочь Юлю и общее домашнее имущество. Родители Светы возмутились: как, еще ничего окончательно не известно о судьбе Светы, может, она жива, а он уже отбирает их внучку и про вещи толкует. Нарсуд оставил без рассмотрения иск Новикова до получения окончательных результатов по розыску жены. Сергей уехал ни с чем.

Но у Антонины Игнатьевны не первый раз екнуло: знает зять что-то, знает. Особенно ее резанули его

хлопоты об имуществе. Нашел время... Да и не нуждался ст. лейтенант в деньгах, потому что жил не на офицерскую зарплату, привез из Германии много дорогостоящей аппаратуры, имел деньги от бизнеса с машинами. После того, как уехал из германского г. Бюндорфа, продолжал в России заниматься перепродажей авто: там наши «Жигули» дешевле, чем за Брестом. Всего Сергей, как фигурировало в деле, перерегнул десять или одиннадцать машин, подрабатывал и извозом на своих «Жигулях». Но деньги, богатство впрок, видимо, только тогда, когда они идут ради умной сверхзадачи, а не когда самоцель.

Тем временем в подмосковную Домодедовскую прокуратуру поступило дело по факту обнаружения на обочине 37-го км Новокаширского шоссе останков обгорелого трупа неизвестной женщины. «Одежда, волосы на трупе отсутствовали» (из протокола). Поскольку это был другой район, не нашлось никого, кто бы связал дело о пропавшей без вести Свете Новиковой с этой страшной придорожной находкой. Криминалисты исследовали место, остатки мешковины. Труп был так обезображен, что, по-видимому, не поддавался опознанию. Через некоторое время «бесхозные» останки отвезли на новое Домодедовское кладбище и закопали в могилу без имени-фамилии, под табличкой № 1007.

Может быть, дело это никогда не было бы раскрыто, если б однажды в Орел родителям Светы по межгороду не позвонил один аноним, пообещав сообщить сведения об их пропавшей дочери. За свою услугу он просил 700 тысяч рублей.

ЗВОНОК АНОНИМА. Вторую часть этой истории, приготовьтесь, будет читать тяжело... Итак, почти восемь месяцев безрезультатно ищут исчезнувшую из Ступино Светлану Новикову. Сердце матери пропавшего без вести ребенка так устроено, что если даже угасла надежда и оно примирится с мыслью о его смерти, все равно остается одно последнее упование: хотя бы тело найти, похоронить, чтобы было его место и чтобы было куда близким прийти, оплакать, помянуть...

И, представьте, когда с розыском Светы уже все заглохло, остановилось, в орловской квартире Моисеевых в конце октября 1994 года вдруг раздается звонок. Межгород. Трубку сняла Антонина Игнатъевна. Голос молоденькой девушки. Сообщает, что если родители Светы хотят узнать про свою дочь, то она им скажет за 700 тысяч рублей. Встретиться можно завтра, на перроне ст. Ступино. Деньги, не подумайте, не на что-нибудь такое, а на протез отцу-инвалиду, у него ноги нет.

Что было с Антониной Игнатъевной, лучше умолчать. Когда она пришла в себя, побежала на работу к мужу. Решено было, что поедет не она, а он, один. Мало ли что там замыслили, да и из-за 700 тысяч сейчас запросто могут ухлопать. Он поехал, встретила его девушка, несовершеннолетняя младшая сестра той самой Юлии Титовой, любовницы Сергея Новикова, мужа Светы. Прежде чем сказать про судьбу Светы, спросила о деньгах. Сергей Александрович сказал, что сумма большая, родственники собирают, скоро соберут. Договорились встретиться через день,

тогда и расскажет. «А Света жива?» — «Нет, она сотлела».

Через день Сергей Александрович приехал в условленный час, и не один, а с оперативниками. Они положили ему в карман маленький магнитофон. Запись, прослушанная после задержания, послужила основанием для ареста Сергея Новикова и Юлии Титовой.

ЗАКАЗНОЕ УБИЙСТВО. КАК ЭТО БЫЛО. Из материалов уголовного дела можно восстановить только внешнюю картину преступления. Никто не присутствовал при разговоре двух злоумышленников, никто, кроме них, не знает, как и в каких словах они договорились избавиться от Светы. Но вот что произошло в общих чертах и фигурировало в материалах дела. Сергей и Юля поговаривали о женитьбе, и Сергей был готов сообщить жене о разводе, но «по трезвом размышлении» их посетила мысль, что тогда имущество, сервизы, аппаратуру, машину и т. п. придется делить пополам. А им, видимо, этого не хотелось.

Из показаний Иры, младшей сестры Юлии: «Однажды в январе или феврале 1994 года они спросили меня, знаю ли я какого-нибудь бандита, который все сделает за деньги. Я знала в Ступино одного крутого — Алексея Милованова. Для чего они этим интересовались, они мне не сказали».

Договорились Сергей и Юлия с Миловановым о сумме в 1,5 миллиона рублей. Во столько оценили жизнь Светы эти загубленные души. Пока это не было сделано, пока это еще было в форме мысли, искушения, плана, еще не поздно было спастись, все поправить. Но, видно, такие мысли даже в допущении не могут исчезать без необратимых последствий, их словно бы абонирует зло, и такой человек одной лишь преступной мыслью уже поставлен на дьявольский учет, он уже как бы меченый, на зацепе у него...

И вот 23 марта 1994 года Сергей везет на «Жигулях» Свету к какому-то парню, у которого якобы надо было забрать какую-то радиоаппаратуру. Этот парень садится на заднее сиденье, Аппаратура якобы лежит где-то в совхозе «Городище» Ступинского района. По дороге в этот совхоз Милованов набрасывает веревочный трос на шею Свете.

Один свидетель показал, Сергей потом ему рассказывал, что Света в первый миг повернула голову к нему и успела сказать: «Сереза, меня...»

Свету вытащили из машины, свернув в посадки какой-то болотистой местности, Милованов облил труп бензином и поджог.

А в эти самые минуты Юлия отработывала свою долю участия: она приехала на Курский вокзал Москвы и на фамилию «Новикова» купила билет до Орла на поезд № 065, 4-й вагон, место 51. Это они, как

считали, хорошо придумали. Под версию о ссоре и поездке Светы в Орел. И себе алиби. Будущие молодожены не сомневались, что их никогда не разоблачат, вон сколько людей пропадает без вести, и ничего, никто никого не ищет, всем все до феньки, сгинет и Света...

Из показаний Иры, младшей сестры Юлии:

«В ту ночь я проснулась и увидела на кухне в полиэтиленовом пакете паспорт Светы Новиковой и часть ее вещей, помню шарф и черный берет в форме блина. Все было испачкано в песке. Утром, когда я встала, пакета уже не было».

Чудовищно, но в эту ночь Новиков возил свою подругу туда, на место преступления, и показал ей, что он сделал со своей несчастной женой. Короче, доложил старший лейтенант, что желание будущей супруги выполнил. Положил жертву к ногам...

Видимо, тайна жгла их изнутри, они рассказали про все Ирине и ее подружке Лене. Заподозрив что-то неладное, попросили Лену спрятать у себя на время снятые со Светы сережки, обручальное кольцо, перстенок. Они вообще нервничали, особенно Сергей. Говорят же, что передаются по беспроводному психотропному телеграфу какими-то флюидами всякие интуитивные знания, предчувствия, информативные сообщения. Может, по этим каналам проведаль Сергей, что там, в Орле, убивающаяся теща ходила не только по гадалкам и экстрасенсам, моргам и психбольницам, но по инстанциям, написала пись-

ма по всем самым высоким правительственным, армейским, прокурорским адресам. Она не успокаивалась, взывая, требуя, теребя, будя заснувшее следствие по розыску Светы.

И вот незадолго до звонка Иры в Орел из Ступино (а и сам ее звонок тоже можно рассматривать как подсознательную реакцию на движение возмущенных флюидами слоев в том незримом и физически непредставимом психологическом эфире, ближнем, так сказать, слое ноосферы Земли) — незадолго до все объяснившего звонка усилиями Антонины Игнатьевны и Сергея Александровича розыск реанимировали, назначили новых следователей по делу — юриста 2-го класса следователя по особо важным делам Михаила Безуглого и прокурора-криминалиста, заслуженного юриста России Николая Прокопьевича Осипова. Последнего я знал по филигранному розыску сексуального маньяка Москалева, оказавшегося причастным к цепи «глухих» убийств девушек и женщин в районе Обнинска. «Известия» писали об этом деле в большом очерке «Молчание волков».

Так вот, почувствовав сгущавшуюся атмосферу, заказчики убийства Светы Новиковой и последующих злодейств на кострище решили отвезти обгорелый труп подальше от Ступино, перепрятать его где-нибудь ближе к Москве, там его выбросить, списать на разгул преступности в столице, на чеченцев. И эти двое взрослых людей берут с собою двух несовершеннолетних девчонок «для помощи».

Остальное узнаю со слов Ирины, подтвержденное самими обвиняемыми. На «Жигулях» заехали в посадки около совхоза «Городище», чуть в стороне под деревом увидели обгоревший труп Светы в полусидячем положении. «Кому нести труп к машине?» Возникла перепалка. Девчонкам боязно было трогать все это руками. Сергей вытащил приготовленный мешок, когда запихнули туда тело, нога не уместилась, и Сергей лопатой отрубил часть ноги. Черенок лопаты сломался, он его отбросил. Потом следователи найдут этот черенок в кустах.

Мешок положили в багажник. Думали ехать до Москвы, но Сергей не выдержал и на 37-м километре Новокаширского шоссе они вытащили содержимое багажника на обочину и снова подожгли.

На обратном пути Ира заметила Сергею, что на правом переднем сиденье подголовник почему-то вывернут в сторону. Сергей был за рулем, он стал мямлить, что на этом сиденье была Света, когда Милованов... ну, понятно. Несколько минут ехали молча. Потом Сергей остановил машину, пытался выправить подголовник, но не смог.

Потом, в Ступино, он вообще его снял.

ЭКСГУМАЦИЯ НА ДОМОДЕДОВСКОМ КЛАДБИЩЕ. Давно из какой-то старинной книги я выписал такую фразу: «Там, где множится зло, начинает переизбыточествовать благодать». То есть, если, по видимости, зло все более торжествует от безнаказанности, силы света незримо и удвоенно им противостоят.

Таким противовесом в глухом и, скорее всего, обреченном на очередное нераскрытие деле стал приход тех двоих профессионалов и подвижников сыска. Еще до разоблачения Новикова и Ю. Титовой они уже выходили на связь двух фактов — исчезновения Светланы из Ступино и обнаружения обугленного трупа в Домодедовском районе.

Я сказал «подвижники» не ради красного словца. Здесь не место говорить, в каких условиях и за какую плату они работают в нашем современном сыске. Ведь не мазохисты же они, любящие лишения, и не монахи-францисканцы, давшие обет нужды. Нет, их удерживает любовь к профессии и еще — долг. Перед кем? Не будем говорить высоких слов. Но скажу: не последнюю очередь долг перед теньми пострадавших, убитых, чьи дела «не раскрыты». За них они вступаются как последние защитники — жизни уже не воскресишь, но можно спасти честь, успокоить их сон, установить (и восстановить) доброе имя, призвать к ответу убийцу. Они последние. За ними только небеса, а там не бывает нераскрытых злодеяний.

Когда Безуглый и Осипов приехали в ноябре 94-го на новое Домодедовское кладбище, шел мокрый снег, ноги проваливались в глубокую грязь. Надо было найти участок, где была похоронена под № 1007 неизвестная неопознанная женщина. Мысли на этом кладбищенском участке, где до сотни табличек, в голову приходили тоже какие-то бросовые, бесприютные. То ли дело на том сельском кладбище, где они работали по прошлому делу. Там арочка была дере-

вянная при входе, транспарантик рукодельный висел с самодельными же стишками, как бы не разделяющими непроходимо мертвых и живых:

«Вы лежите Мы живем Вы нас ждите Мы придем».

Там кладбище было домашним, теплым, каким-то жилым, не то что этот сектор для бесхозных...

Короче, вскрыли могилу под табличкой, а там четыре гроба в два этажа друг на дружке, никак не отмеченные. Пришлось открывать по очереди. По закону подлости гроб со Светиными черными косточками оказался четвертым. Останки увезли для последующих после эксгумации экспертиз, экспериментов и т. п. Целый том в уголовном деле занимают все эти анализы, результаты газохроматических исследований, повторных судебно-медицинских, физико-технических, судебно-биологических и пр. экспертиз. Чтобы долго не описывать, скажу, что криминалисты нашли в Ступино медкарту Светы, рентгеновский снимок ее зубов и сличили с найденными останками, — это был один и тот же человек; кроме того, идентифицировать труп удалось и по частичке сохранившейся кожи полусапожек.

Сомнений не стало — на шоссе были обгорелые останки Светы Новиковой, разыскиваемой с 1994 года.

Так соединились с домодедовское дело № 106065 со ступинским делом № 132. Помог этому, конечно, арест Новикова и Ю. Титовой после задержания ее

младшей сестры. Но, без сомнения, даже если б не было того звонка Иры в Орел, следователи, работавшие под прокурорским надзором государственного советника юстиции 2-го класса Алексея Бутурлина, все равно вышли бы на злоумышленников. Запеленговали бы они путаные маршруты мужа убитой и его подруги.

ОБВИНЯЕМАЯ РОДИЛА В СЛЕДСТВЕННОМ ИЗОЛЯТОРЕ. Что сказать на все это? В жизни может быть все. Любит человек или разлюбил, верен или изменяет — это в конце концов степени личной свободы человека. Но есть освященные мировой нравственностью запреты и заветы, идти против которых — значит, идти против рода человеческого. «НЕ УБИЙ» — один из них.

Ира Титова при ссорах не раз говорила сестре и ее любовнику, что пойдет в милицию и расскажет все, что не может она держать в себе. Ей в ответ угрожали. А в другой раз Юлия по-хорошему заклинала ее: «Ты же не хочешь разрушить наше будущее семейное счастье!» Уму непостижимо.

В поле зрения следствия попали записки, которые Юлия пересылала сестре через людей из следственного изолятора.

Юлия Титова в этих записках писала, как Ира должна изменить показания, взять все на себя, т. к., мол, малолетка и т. п. Ира должна была сказать, что в

Москву Юля покупать билет на Новикова не ездила, что Сергей ее к трупу ночью не возил и никакой лопатой ногу не рубил, что про деньги Милованову Ира ничего не знает и что, если ее спросят про отношения Юли с Сергеем, надо говорить, что, мол, большая любовь, до гроба...

Поворот сюжета, больше похожий не на жизнь, а на вымогательский трюк из мыльной телеоперы: в мае 1995 года, в разгар следствия, в следственном изоляторе «Матросская тишина» у Юлии Титовой от Сергея Новикова рождается сын. Я видел его на судебных заседаниях в клетке на руках то матери, то отца. Ребенок по закону побудет при матери еще четыре года.

Что Юлия за человек, я не знаю, видел ее лишь несколько часов во время заседаний. Красивая молодая женщина. На последнее заседание, где оглашался приговор, подкрасилась. Во время чтения приговора иногда усмехалась, но эти насмешки и ужимки, скорее всего, как говорится, нервное. Последнее слово начала обращением к судье «Ваша честь!», насмотревшись, видимо, американских криминальных телесериалов. А так, что сказать плохого о женщине, державшей все время ребенка на руках? Детская невинность растапливает самую жестокую порочность, делая ее непохожей на себя. Ведь это и падшая Марина Магдалина, если у нее младенец у груди, смотрится Мадонной...

Только минут на десять, во время чтения приговора, ребенка у нее отобрали, мало ли что... И печальная

была в зале заседаний военного суда Московского военного округа картина: раскрыли эту клетку для подсудимых, девушка в милицейской форме приняла из рук Юлии ребенка, судья майор юстиции Святослав Никифоров читает приговор, малыш на руках девушки-сержанта что-то поет, играет пальчиком с золотой лычкой на ее погонах... и все это под монотонной текст чтения, где под конец выделились интонацией две или три строчки приговора: ему — 14 лет лишения свободы, ей — 9 в колонии общего режима.

Чудовищная деталь. После того, как осужденных увезли и мы с Антониной Игнатьевной вышли на улицу, я спросил эту тихую тучную женщину, куда она сейчас.

— За черепом поеду, — сказала она как-то деловито, устало. Оказалось, что после эксгумации потребовалась для судебно-биологической экспертизы часть Светиных останков, остальное родители взяли с собой и кремировали. Теперь к ее праху присоединится горсточка пепла после новой кремации.

Что еще? На месте первого пепелища в посадках и у обочины Новокаширского шоссе родители Светы собираются поставить памятные доски, они уже готовы. Антонина Игнатьевна будет требовать, чтобы у внучки Юленьки была девичья фамилия ее мамы — Моисеева. В день суда исполнилось два года со дня убийства Светы. Антонина Игнатьевна и Сергей Александрович решили идти в церковь и поставить

две свечи. Одну — за упокой души Светы. Другую — за врагов, виновников их горя. Таков высокий христианский обычай.

И, пожалуй, последнее: убийца Милованов сбежал из Ступино в день ареста Новикова и сейчас находится в федеральном розыске.

У САТАНЫ СРЕДНЕГО ЗВЕНА. Сюжет судебного дела завершился, сюжеты физической жизни действующих лиц и духовной жизни Светы продолжают-ся, они нескончаемы. Больше всего, конечно, жалко Свету и ее дочку, ставшую враз при живом отце круглой сиротой. А Сергея с Юлией разве совсем не жалко? Что они со своей-то жизнью сделали? И что скажешь про их несчастное дитя, еще не судимое, но уже сидевшее...

Всем плохо. Только тот, которого принято называть сатаной, ощутил, наверное, холодное безразличное удовлетворение. Это верховный Мефистофель занимается интеллектуальными фаустами, кровавыми вождями и сильными мира сего, которых он ловит на тщеславии и чудовищной гордыне, а наш сатана примерно майорского чина, заведующий совращениями на почве тривиальной жадности и бытовухи. У него те, про кого Пушкин в «Путешествии Онегина» писал: «Всяк суетится, лжет за двух и всюду меркантильный дух».

Совратил этот середнячок троих злоумышленников

и забыл про них, как про развеянный пепел. Ему быстро наскучивают такие бесцветные победы. Но проходит миг-другой, и он начинает томиться, обводит дежурным взглядом толпы мельтешащих и лгущих за двоих сатанистов и с ленцой, без вдохновения выбирает очередную жертву.

(А. Васинский. // Известия. — 1996. — 10—11 апреля)

В ПРОПАСТИ...

Оказалась путана, организовав убийство своего клиента...

Лиля отчетливо осознавала то, что совершила, и сразу же смирилась с приговором суда. Угнетало одно — девятилетняя разлука с Кристинкой, ее милой дочуркой. И, слава Богу, одна она будет недолго — под сердцем давно зарождалась новая жизнь. Одну загубила — вторую возродит. Может быть, это принесет душевное спокойствие. Эта мысль не дает Лильке покоя с тех пор, как оказалась здесь, в Гомельской женской колонии. Об этом она думает и теперь, лежа на белоснежной простыне в «больничке», куда ее определили «на сохранение». Она уж постарается, сбережет ребенка. Но что она ему объяснит, когда тот вырастет? Что ответит на вопрос: кто мой папа?

При этой мысли Лиля почувствовала, как что-то колючее и острое впилося в нее, засосало и поволокло в крошечную, бездонную пропасть.

...Она сидит за журнальным столиком старой, обшарпанной квартиры. Ей здесь неуютно, хочется бежать. Куда? Дома больная мать, брат-школьник и годовалая доченька. Они хотят кушать, а Лилька обещала им принести чего-нибудь вкусенького. Она обязательно принесет, хотя пока не знает, что и где возьмет.

— Чего пригорюнилась, крошка? — это Олежка Ливнев бесцеремонно лезет ей под юбку.

Слышится спасительная трель телефона, и Лиля хватается трубку.

— Фирма «Досуг-сервис», — звучит ее сексуальный голосок. — Каких предпочитаете: блондинок-брюнеток, высоких-маленьких, молоденьких или постарше?.. Расценки знаете?.. Называйте адрес — через пятнадцать минут девушки будут у вас.

Явно недовольный Олег нехотя берет листок с адресом и направляется к двери. Она уже не помнит, когда он появился у них. Шеф представил нового охранника двумя словами, остальное знакомство взял на себя сам Олег — за месяц перепробовал всех «сотрудниц» и Лильку в том числе. Когда она оказалась у него на хате где-то на Партизанском, первое, что бросилось в глаза, большая арабская кровать. «Настоящий сексодром», — подумала. И оказалась права. Здесь Олег с ней вытворял черт знает что.

— Где ты всему этому научился? — с поддевкой поинтересовалась Лилька.

Вместо ответа любовник протянул ей паспорт.
— Гордись, ты переспала с настоящим гражданином Израиля. Думаю, я не посрамил земляков, — расцвел в улыбке секс-гигант.

Потом Олежка долго и подробно рассказывал, как после смерти матери ему в Минске ловить стало нечего и он вместе с сестрой и тетей махнул в Израиль. Помыкался там, помыкался, не понравились ему тамошние порядки. Открыл гостевую визу, собрал чемодан и — снова в Минск.

— Здесь, Лилька, надо деньги зарабатывать, а там тратить. Когда-нибудь ты ко мне в Тель-Авив приедешь — вот там и загудим. А пока, подружка, у меня к тебе дельце имеется...

Олег сразу же взял быка за рога: ему надоело пахать на дядю, и он решил открыть аналогичную собственную фирму. Лилька на первых порах должна поставлять девочек и клиентов. Прибыль — пополам.

Ливнев не внушал ей особого доверия, и Лилька решила перестраховаться.
— Нужен аванс. Триста долларов.

Олег отсчитал названную сумму.

С той их первой интимной встречи прошло два месяца. За это время она еще несколько раз «скакала» на «сексодроме», однако «наездник» темы собственного бизнеса больше не касался. Это Лильке очень не нравилось: деньги давно истратила и, не дай Бог, кредитор потребует их обратно.

...Олег в ярости влетел в квартиру и швырнул ей в лицо исписанный листок.

— Ты куда посылаешь, тварь? Такого дома и в помине нет. За холостой выезд заплатишь своими. Кстати, аванс тоже вернешь — я передумал.

Это был удар ниже пояса: теперь не то что о вкусненьком, о хлебе с маслом позабыть придется. Пока Лиля думала, где взять деньги, Олега и след простыл. Объявился он спустя две недели.

— Надоело с ковыряками возиться, — поморщился он. — Дельце почище нашел. А «баксы» верни.

Таких денег у девушки даже в скором будущем не предвиделось. И она поделилась с Ливневым своим планом.

Среди постоянных Лилькиных клиентов Валентин Каток (по этическим нормам фамилия изменена. —

Авт.) выделялся особо. Не стар, обходителен, при деньгах. Как правило, заказывал двух-трех девушек одновременно плюс выпивка, закуска. Для возбуждения просил девчонок ласкать друг дружку и только затем приступал сам. Секс-партнер из него был никакой, зато одаривал купечески. Зная это, Лилька и сама не раз к нему навевывалась. Правда, что-то давненько от него не поступало заказов. Ждать долго, однако, не пришлось.

Они встретились на площади Казинца и приехали в его гнездышко. Интим, накрытый на двоих столик, легкая музыка. Валентин открыл бутылку «Смирновки», наполнил рюмки. Выпили.

— Лиля, есть у меня заветная мечта... — хозяин немного замялся. — Понимаешь, девушки в последнее время меня не возбуждают. Не могла бы ты подыскать мальчика или молодого человека? Я хорошо заплачу.

— В штате таких нет, — начала набивать цену Лилька, — но поискать можно. Надеюсь, что-нибудь придумаю...

Она посмотрела на этот «денежный мешок с дерьмом», и ее едва не стошнило. Как только таких земля носит! Теперь Лилька не сомневалась в правильности задуманного. Она подливала Валентину, пока тот не стал клевать носом, затем помогла раздеться и уложила спать. Едва услышала пьяный храп, набрала знакомый номер:

— Приезжай, клиент готов, — и назвала адрес.

Звонок в дверь прозвучал, словно вой сирены. Хозяин проснулся. — Плохо, тошнит, — забормотал любитель острых ощущений.

— Иди в ванную, прими холодный душ, и все как рукой снимет, — посоветовала гостья.

Едва послышался шум воды, Лилька бросилась к двери.

— Т-с-с! — прижала палец к губам. — Он проснулся. Принимает душ.

— С кем ты разговариваешь? — почуял неладное хозяин и выглянул из ванной.

Это его и погубило. Олег в два прыжка достиг двери, нырнул вовнутрь, закрыл щелку.

Казалось, прошла целая вечность. Шум струившейся воды заглушал возню, но любопытство взяло верх, и Лиля заглянула туда, откуда только что, как ошпаренный, выскочил Ливнев. Струйки из дождика омывали изрезанное вдоль и поперек кровоточащее тело, из глаза торчала рукоятка ножа.

У Лили задрожали руки, ее бил озноб.

— Держи сумку, — приказал ей убийца и стал записывать туда все самое ценное. Упаковав радио- и ви-

деоаппаратуру, другие забавные вещички, они затерли следы и растворились в городе.

Лильку вычислили методом «тыка» по записной книжке Катка. Однако она успела предупредить Ливнева об опасности и нисколько не жалела об этом: уже тогда носила его ребенка и мечтала о Тель-Авиве.

...Кромешная темень бездонной пропасти неожиданно растворилась, и Лиля почувствовала под ногами землю. Она стоит перед огромными стальными тюремными воротами и за руку держит черноглазого мальчишку лет девяти. Мгновение — и ворота распахнулись. Море тепла и солнца расстилается перед ними. Да ведь это же Израиль — земля обетованная! Почему нас не встречает папа? Наконец появляется счастливое лицо Олега. «Твой сын! Твой мальчик!» — что есть мочи кричит Лиля. Олег молча машет головой и исчезает.

Лиля открыла глаза. Резкий свет операционной на мгновение ослепил ее. «Сын... мальчик...» — шептали ее губы.

— Нет больше у тебя сына, — женщина с сердитыми глазами сдирала с рук резиновые перчатки. — Едва саму с того света вытянули. Лиля снова закрыла глаза. Но там была одна пустота.

(А. Рух. // Частный детектив. — 1996. — № 11/109/)

Изнасилование всегда и везде квалифицировалось как одно из самых гнусных и тягчайших преступлений. Наша страна не является исключением. И не случайно за это кощунственное деяние предусмотрены жесточайшие меры наказания — вплоть до расстрела. Только вот всегда ли это преступление на самом деле имеет место? Вопрос отнюдь не праздный. Подтверждение тому — три случая из практики правоохранительных органов.

«ПОМНЮ ТОЛЬКО РЫЖЕГО...» — Стучилось ужасное, — обратившая в прокуратуру Центрального района Минска миловидная женщина в порванной одежде, с разбитым лицом захлебывалась слезами. — Я возвращалась из отпуска домой. Ехала на вокзал на такси. Вдруг водитель остановился, сказал, что машина сломалась. В это время к нам подъехало другое такси. В нем находились двое молодых мужчин. Один — за рулем, второй, рыжий, сидел рядом. Они схватили меня, затолкали в машину, повезли за город. Там в лесу избili и изнасиловали. Все трое, поочередно...

На поимку преступников были брошены значительные силы милиции, но дело продвигалось с трудом. К сожалению, пострадавшая — рижанка Людмила Каргина — не запомнила ни номеров машин, ни толком — самих насильников. Более-менее подробно она описала лишь одного — рыжего. Не смогла так-

же даже приблизительно указать место в пригородном лесу, где над ней надругались.

По подозрению а причастности к преступлению «отрабатывалось» несколько таксистов. Однако у каждого было алиби. Оскорбленная и разгневанная Каргина, не дождавшись конца расследования, укатила в Ригу. Тем временем поиски негодяев активно продолжались. Особенно присматривались к рыжим. Отметались одни версии, появлялись новые. Заинтересовались окружением Каргиной в Минске. Публика разношерстная, но в основном — люди серьезные, образованные.

Особенно ценными были показания подруги Каргиной, у которой рижанка останавливалась во время пребывания в Минске. Вспоминая обстоятельства, предшествовавшие трагедии, она сказала:

— Людмилочка на несколько дней исчезла. Я уже начала беспокоиться. Но оказалось, что она познакомилась с молодым человеком и все это время гостила у него. Когда они пришли ко мне, это парень мне сразу не понравился. Я и Людмилочке говорила: скользкий он какой-то, подозрительный. Но она это как-то мимо ушей пропустила, и опять к нему поехала. А когда обратно возвращалась, на нее напали таксисты.

Следователи насторожились. Значит, нападение на Каргину произошло не на пути на вокзал, а когда она возвращалась от знакомого?

Отрядили работника прокуратуры в Ригу. Там его ошарашили: к визитам следователей в коллективе, где работала Каргина, уже давно... привыкли. — Девушка она, конечно, симпатичная, — развел руками директор. — Понятное дело — кавалеры липнут, как мухи. Но, что странно, страстной любовью к ней и желанием мужики воспламеняются или в последний день отпуска, или по его окончании.

Оказывается, Каргина систематически опаздывает из отпуска. На две-три недели. И каждый раз предъявляет повестки, справки из правоохранительных органов, свидетельствующие об очередном ЧП, с ней происшедшем.

Завершение следствия об изнасиловании г-ки Каргиной было, как говорится, делом техники. Как выяснили сыщики, изнасилования как такового не было и в помине. Каргина подвержена пьяным загулам. Особенно во время отпусков. Вот и на этот раз, забыв про работу, ударилась с новым знакомым в банальную пьянку. Подралась с ним. И «по привычке» пошла в милицию. Но сколько сил пришлось потратить, чтобы установить этот факт?!

«ЗАМУЖ? ДЕНЬГИ ГОНИ!» Вечер в Могилевской школе милиции подходил к концу, объявили «белый танец». Девушки, а это были в основном приглашенные студентки местных вузов, бросились разбирать кавалеров. Светлана К. решительно направилась к смуглолицему красавцу курсанту. Он протанцевал с ней почти весь вечер, и было очевид-

но, что Светлана ему очень понравилась. — У нас, в технологическом, на следующей неделе дискотека, — прижалась девушка к партнеру. — Ты сможешь прийти?

— Конечно, — обрадовался парень, — с удовольствием. — Только так приходи, чтобы смог остаться, — смущенно добавила Светлана.

Пылкий кавалер не дождался дискотеки. Дважды приглашал Светлану в кино. После сеансов гуляли по городу. Рустам М. рассказывал о своей далекой родине — Казахстане. А за мороженым и шампанским и вовсе разошелся. От живописания бескрайних степей перешел к перечислению многочисленных стад овец, лошадей, верблюдов, которые принадлежат его отцу. Светлана слушала, широко раскрыв глаза...

Наконец наступил долгожданный день дискотеки. Подогретый вином, откровенными ласками Рустам млеет от желания. И пришла ночь любви. Сумасшедшая ночь, ни на что не похожая. С бурными объяснениями, восторгами, клятвами...

Наутро Рустам дважды звонил Светлане по телефону. Но курсанту отвечали, что ее нет.

Он окончательно решил было сорваться с занятий, однако после звонка на очередной перерыв двери ау-

дитории распахнулись, и вошли трое милиционеров. Они спросили, кто здесь Рустам М., подошли к нему, и старший по званию объявил:

— Вы задержаны!

— За что? — помертвел Рустам.

— За изнасилование студентки Светланы К., — отчеканил милиционер, защелкивая на запястьях юноши наручники.

Экспертиза установила, что девственность Светланы К. была нарушена прошлой ночью. Да и Рустам не отрицал, что он был первым мужчиной у Светланы. Но ведь он не насиловал. Они любят друг друга.

— Какая любовь?! — визжала на очной ставке Светлана. — Ты спойл меня, животное, и силой взял. Все белье изорвал, мразь...

— Светочка, я же действительно люблю тебя, — бухнулся на колени насмерть перепуганный парень, — выходи за меня замуж.

— Замуж?! — истерично расхохоталась пострадавшая. — Деньги гони. Пусть папочка одно стадо продаст, расплатишься.

В прокуратуре все ахнули от заявления изнасилованной, и от суммы, которую она заломила. Несчастный парнишка горько заплакал и признался что никаких овец, лошадей у его отца не было и нет. Семья их бедная. Десять детей. Он — старший. Родители надеются, что после окончания школы милиции, он станет работать и поможет поднять младших. А теперь все пойдет прахом. Рустам не сомневался, что здесь, на чужбине, в другой стране его, конечно, осудят. Пусть даже не виновен. Ведь все улики — против него... Но... Предприимчивость пострадавшей озадачила следователей.

А тут еще сокурсницы принесли в прокуратуру дневник Светланы К. Любопытный документ. Особенно запись, сделанная за год до «изнасилования».

Этим летом обязательно поеду на юг, к морю. Там и отдамся первый раз мужчине. Интересно, кто он? Где-то же ходит сейчас, смеется, целуется, кого-то любит. Но он будет мой. Главное, чтобы он был богатый. Я не собираюсь продать свою девственность за красивые глазки, бутылку шампанского. За все надо платить. За это особенно. И я возьму свои миллионы. Любым путем... И самое потрясающее: в дневнике фигурировала сумма — точно такая, какую затребовала Светлана К. с Рустама М. копеечка в копеечку.

— Отдайте мое заявление, — увидев свой дневник в руках следователя, попросила Светлана К. — Отпустите «дежанина». Он не виноват...

«МАДАМ». Несомненно он был в тот вечер душой компании. Остроумно шутил, удачно провозглашал тосты, сыпал комплиментами, лихо плясал и пел.

Ирина Коваленко не сводила с парня глаз. Высокий, стройный, с приятной белозубой улыбкой.

— Николай, — представился он девушке, когда гости, громко топая, вихляясь и гримасничая, пустились в очередной коллективный пляс. — Вы верите в любовь с первого взгляда?

— Как глупо! — передернула плечиками Ирина.

— Мэм! Страсть превращает в умных самых глупых и делает глупыми самых умных.

Они заспорили. Нет, не зря говорят, что женщина любит ушами. Очень скоро, на удивление всей публике, Ирочка пила с очаровательным молодым человеком на брудершафт.

Изумление знакомых девушки было не случайным. К своим 25 годам Ирина Коваленко отвергла три предложения о замужестве. Два — во время учебы в институте и третье — на первом году работы. Мужчины ее всегда прямо-таки раздражали. Были предметом ее насмешек и презрения. Иронизировала она и по поводу увлечения подруг представителями противоположного пола. В отместку подружки

не пропускали случая позлословить по ее адресу. И между собой называли Ирину не иначе как «Мадам».

...Захмелевшей Ирине казалось, что все пьяны, и никому нет дела до них с Николаем. Поэтому вскоре она уединилась с молодым человеком с спальне хоз-яев. И без лишних слов от поцелуев перешла к главному в интиме.

Наутро Ирина не знала, куда деваться от недвусмысленных шуточек, поздравлений, намеков. Пикантность ситуации заключалась еще и в том, что столь «щепетильная» особа переспала в сущности с совсем незнакомым мужчиной. С первым встречным. Как оказалось, никто, включая саму «Мадам», ничего о нет толком не знал. Все веселившиеся в тот вечер на пирушке, дружно отрицали свое знакомство с молодым человеком по имени Николай.

— Он меня изнасиловал, — расплакалась перед друзьями в конце концов Ирина, — но мне было стыдно кричать.

И чтобы не сомневались в ее искренности, накатала заявление в прокуратуру. Да еще какое! Горечь и трагизм, сомнения в том, что осталось еще на этой грешной земле что-то чистое, светлое, буквально кричали из каждой строчки.

На поиски коварного искусителя был брошен почти весь РОВД...

Ирина Коваленко потеряла дар речи, когда ей сообщили, что личность насильника установлена и он задержан. Такой «прыти» от милиции девушка никак не ожидала.

— Я погорячилась, — принесла второе заявление в прокуратуру Коваленко. — Не было изнасилования. Я обратилась к вам из-за чувства неловкости перед подругами. Не знаю, что на меня нашло тогда. Отдалась, потому что была... зла на всех мужчин.

Ирина считала: в этой кошмарной истории поставлена точка.

Даже не поверила, что повестка с вызовом в прокуратуру предназначена ей. Оскорбленный Николай С. подал на нее в суд. И из потерпевшей очень скоро Коваленко превратилась в обвиняемую, а затем и в подсудимую.

— Два года лишения свободы, — объявил приговор председательствующий на суде Центрального района г. Минска и поспешил ободрить готовую упасть в обморок подсудимую: — Условно. С испытательным сроком два года...

(В. Шихмарев. // Детективная газета. — 1996. — № 3/15/)

МАФИЯ: ГЕНЕРАЛЫ И СОЛДАТЫ

Два трупa лежали на земле. Еще один на заднем сиденье «Жигулей». Полчаса назад это были трое красивых, рослых парней.

— Вначале на «восьмерках» подъехали покойники, то есть трое, которых потом убили, — кивнул в сторону трупов И. Степанов, вахтер московского ДК им. Горбунова, который и вызвал милицию и «скорую помощь», — чуть погодя подкатили на «девятке» еще двое. Чего-то кричали друг на друга, руками размахивали. Минуты через две-три те, что из «девятки», начали палить в этих из автомата, пистолетов. Побили и уехали...

Оперативники быстро установили личности убитых. Все из одинцовской преступной группировки. Семен Шатов, Олег Ершов, Владимир Руднев. «Краса и гордость» банды, ее наиболее активные боевики.

...Капитан Макеев щелкнул застёжкой массивного золотого медальона, красующегося на груди Шатова. В свете уличных фонарей оперы увидели фотографию белозубой красавицы.

— Всего неделю назад замуж за него вышла, в ресторане «Пекин» свадьбу гуляли, — капитан вздох-

нул, — а уже вдова. Что ж, сама виновата. Знала, с кем связывалась...

...Золотом «сверкал» не только труп Шатова. Его два мертвых корешка тоже были в массивных золотых печатках, перстнях, цепочках, браслетах... В нагрудных карманах — пейджеры, радиотелефоны. Одеты с иголки...

По кучке гильз оперативники установили, что убийцы стреляли из автомата, пистолета ТТ и чешского пистолета-автомата «Скорпион». «Скорпион» валялся тут же, возле трупов.

— Одинцовские на «стрелку» приезжали, — пояснил мне капитан Макеев. — Предварительную, значит, «разборку». Вообще-то по правилам блатного мира на «стрелку» без оружия полагается являться. Конкуренты одинцовских на этом и подловили. Им на «законы» плевать. Беспредельщики. А вообще, если так дело дальше пойдет, скоро всю одинцовскую банду сведут на нет...

...Одинцовская «братва» значительно поредела за 95-й год.

В феврале на Волоколамском шоссе неизвестные расстреляли троих новобранцев банды. В конце мая уже в самом Одинцове, в иномарке, взорвали двоих ветеранов: Федорова и Дьячкова. Летом, по доносу,

замели и самого одинцовского вожака Виктора Денку по кличке «Витя-хохол».

Говорят, «беда» одинцовской банды — результат «межусобицы» криминальных структур. Идет борьба за передел, расширение «жизненного пространства». Особенно поднялась за последние годы солнцевская группировка. Она стала самой крупной не только в Москве и области, но, возможно, и во всем СНГ. «Крестные отцы» солнцевских Сергей Михайлов («Михась») и Виктор Аверин («Авера») поставили «дело» с большим размахом. И не только в России. Вышли, если можно так выразиться, на международный уровень. Только в Австрии банда приобрела или контролирует десятки домов, гостиниц, офисов. Свою резиденцию Михась с Аверой расположили в центре Вены, в одном из красивейших особняков, купленных у австрийцев. Солнцевские мафиози несомненно располагают сегодня громадными средствами. Об этом свидетельствует и тот шик, с каким они предаются веселью. Как-то по случаю дня рождения одного из «авторитетов» банды «солнцевцы» застолбили роскошный венский ресторан. Бражничали несколько суток. Наконец расползлись по гостиницам, особнякам. Уборщица, прибирая роскошный зал, обнаружила под одним из столов сумку, а в ней свыше 40 тысяч долларов. Честная австрийка сдала находку в полицию. Стражи порядка, установив личность владельца вещи, стали названивать в самую фешенебельную гостиницу Вены, где тот остановился.

— Вам придется немного подождать у телефона, —

вежливо отреагировал служащий гостиницы, — этот русский занимает целый этаж. Мне надо время, чтобы его разыскать.

Окончательно свалил ошарашенных полицейских сам «новый русский»:

— Какого черта я потащусь к вам в полицию за такими копейками, — ответил он через переводчика. — У меня нет времени. Оставьте себе эту мелочь.

...О том, что за границей вовсю орудуют российские воровские «авторитеты», прекрасно знают и у нас, и у них. Так, недавно в Москву примчался Вальтер Претцнер, начальник службы по борьбе с организованной преступностью МВД Австрии. Он заявил, что в этой стране живут сегодня 67 славянских мафиози. Просил о помощи. Советовался, как «приструнить» распоясавшихся «русских». Но, увы, уехал практически ни с чем. Дело в том, что «генералов» «русской мафии» «приструнить» не так-то просто. Я бы сказал даже, совсем непросто. К примеру, по всевозможным правовым вопросам того же солнцевского Михася консультировал до своего ареста знаменитый Дмитрий Якубовский. Тот самый, что когда-то стремительно вошел в окружение Бориса Ельцина и еще два года назад занимал посты заместителя начальника Главного управления радиоразведки, советника генерального прокурора РФ по международно-правовым вопросам, консультанта службы криминальной полиции МВД РФ и НЦБ Интерпола в РФ.

А какие люди поднялись на защиту вора в законе Япончика, в миру Вячеслава Иванькова! В последний раз его осудили на 14 лет за разбойное нападение, и сразу же политики, депутаты, имена которых и сегодня на слуху у россиян, потянулись в Верховный суд РФ. Просили пересмотреть уголовное дело в связи с... суровостью наказания. И Верховный суд смягчился. Сkosten срок до 10 лет. Но и его Япончик не отбыл — вышел на свободу под административный надзор.

Впрочем, про Япончика следует сказать особо. Родился он в 1940 году. Закончил цирковое училище, по специальности акробат. «Вором в законе» Иванькова окрестил знаменитый уголовник Монгол, преступник с дореволюционным «стажем».

В 1992 году Иваньков в составе группы «мосфильмовцев» махнул за границу. Поселился в США. Оттуда постоянно совершал вояжи в Европу. Неоднократно навещался в Вену, где встречался с солнцевским Михасем. Вылетал на переговоры с «коллегами» в Киев и Минск.

По мнению, если можно так выразиться, весьма осведомленных источников, Иваньков предпринимает попытки ни много, ни мало — подчинить себе все преступные славянские группировки, стать их эдаким «крестным отцом». Отсюда, считают те же источники, и грандиозная «сеча» криминальных кланов в СНГ. Одинцовская банда — лишь одна из многих жертв убийственного механизма «укрощения строп-

тивных», запущенного Япончиком. Отстрел «непокорных» идет в Москве и Санкт-Петербурге, Красноярске и Орле, Минске, Киеве, Тольятти...

Казанского вора в законе Виктора Михайлова по кличке «Амбал» убивали дважды. В первый раз ему удалось остаться в живых. С простреленными кишками Амбала доставили в городскую больницу. Выставили милицейскую охрану. Однако два переодетых в милицейскую форму киллера пробрались-таки в больничную палату (кстати, под номером 13) и изрешетили Амбала из автомата. Затем, сделав контрольный выстрел в голову, благополучно скрылись.

По одной из версий недавнее убийство 33-летнего генерального директора «Приморрыбпрома» Андрея Захаренко во Владивостоке — тоже результат кровавой СНГ-овской «разборки». По оперативным данным, Андрей Захаренко был в большой дружбе с дальневосточным преступным авторитетом Сергеем Бауло. После того как Бауло утопили в Японском море, начался планомерный отстрел его сторонников. Дошла очередь и до Захаренко.

«Смутой» в «славянском» криминальном мире немедленно воспользовались «национальные окраины». В Эстонии на сходке преступных авторитетов было решено выжить со своей территории россиян. Начали с пермяков. Их вожака Александра Сийрака по кличке «Тайвань» не спас даже переход на легальный бизнес. Убили в собственных апартамен-

тах. Недавно окончательно пала краснодарская группировка в Эстонии. Кого сдали полиции, кого пристрелили. Лидер банды Михаил Горбачев бежал за границу.

Как известно, не уцелел и сам претендент на маршальский жезл в воровском мире — Япончик. Летом 1995 года Вячеслава Иванькова арестовало ФБР. Ему грозит длительный срок заключения в США. Ходят слухи, что здесь приложил свою руку Павел Васильевич Захаров, маститый «вор в законе» по кличке «Цируль».

Цируль жил в пятиэтажном особняке под Москвой. Серебро, золото, хрусталь, мрамор, невероятно дорогая импортная мебель, камеры слежения... Громадные сауны, подземные ходы... По самым скромным подсчетам все это стоит не менее 12—14 миллионов долларов. И вот Цируля вынули из этого благополучия и сунули на нары. Цируль убежден, что его подставил Япончик будучи еще на свободе.

Захарова не смутили тюремные стены. Связи не нарушились. Недавно у него в камере изъяли радиотелефон. Цируль поклялся, что «достанет» Япончика. И, видимо, достал. Несмотря на то, что киллеры возвратились из Америки ни с чем. А вот ялтинского дружка Япончика, «вора в законе» по кличке «Очко», Цируль «достал» по-настоящему — он был убит. Кстати, «авторитеты», поддерживающие Цируля, выделили на его освобождение из «общака» более миллиона долларов.

Кому же достанется главный воровской пост, огромное бандитское хозяйство? Ведь сегодня только за рубежом, в 29 странах мира, орудуют 200 российских группировок. А что такое банда? Люберецкая насчитывает 400 головорезов, солнцевская — более тысячи... Есть своя разведка, контрразведка, потрясающие «нужные связи». Да что говорить! Одного российского бизнесмена солнцевские рэкетеры содержали в... управлении по борьбе с организованной преступностью одного из районов Москвы. Три дня дубасили, пока ошалевший от побоев и страха предприниматель не написал расписку о том, что задолжал бандитам 336 тысяч долларов. Вырвавшись на свободу, он все же обратился в Главное управление по борьбе с организованной преступностью России. Там выяснили, что санкция на задержание бизнесмена была поддельной. Но сотрудник РУОП, помогавший бандитам, — подлинный. И за свои «услуги» уже успел получить новый автомобиль ВАЗ-1209.

Конечно, не просто подчинить единому командованию 800 российских воров в законе. Тем более, что молодняк, или, как их называют, «отмороженные», вообще никого не признает. А «отмороженных» уже десятки тысяч. Наверняка еще не одна сотня «солдат» мафии ляжет на поле воровской брани, пока договорятся «генералы».

Кстати, обоих убийц трех одинцовских боевиков вычислили быстро: 26-летнего Романа Котова задержали в Красноярске. Когда его брали, бывший призер Европы по классической борьбе даже не шелох-

нулся — под воздействием убийной дозы наркотиков лишь осоловело хлопал глазами. А вот 24-летнего Игоря Морозова, выпускника Свердловского госуниверситета, безработного инженера, не успели арестовать. Его нашли с простреленной головой в подъезде собственного дома...

...Говорят, что каждый отстрелянный «генерал» мафии «обходится» в 40—50 убитых боевиков с обеих сторон. Но кто считает «солдат»? Желающих пополнить их ряды — пруд пруди. Да и не о них головная боль. А о том, как аукнется «объединение» криминального мира нам, простым смертным, обыкновенным гражданам некогда огромной державы, где о мафии и ее «войнах» знали только по зарубежным фильмам.

(И. Белинский. // Детективная газета. — 1996. — № 2/14/)

«КРЫША» ИЗ ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОЙ

Один убитый, один раненый и одна пропавшая без вести — таков итог кровавой «разборки» «мафиози» в Молодечно

Уже синел вечер, когда «Фольксваген-вента» плавно притормозил возле подъезда. Сначала из машины вышел он. По привычке, а скорее всего, желая показать, что они, «новые белорусы», вместе с фирмами, машинами и долларами приобрели также и не-

которые не присущие нищим «гасарбайтерам» изысканные элементы «светского» этикета, открыл противоположную дверцу, подал руку даме. Громко болтая, пара исчезла в доме.

Не прошло и нескольких минут, как рядом с «Фольксвагеном-вентой» остановилась еще одна иномарка. Из нее вылезли четверо озабоченных молодцев, чей стандартный внешний вид являлся лучшим подтверждением их «профессиональной» принадлежности — мощные торсы, облаченные в кожу, джинсы-«трубы», стриженные почти под ноль головы с незапоминающимися лицами. Сначала в колесо «Фольксвагена» плотно вошло блестящее лезвие ножа. Деловито понаблюдав, как колесо, шипя, село на обод, один из прибывших с бейсбольной битой, которой впору валить на бойне быков, шагнул в дом. Прошло еще некоторое время, и из него показался хозяин «продырявленного» «Фольксвагена» со своей длинноногой подругой. Пребывавшая в нетерпеливом ожидании этой встречи решительная троица тут же взяла ошарашенную пару в плотное «кольцо». В нос парню ткнулось холодное дуло пистолета:

— Быстро в машину!

Этот зловецкий приказ словно вывел спутника молодой особы из шока. Он резко повернулся к подъезду. Но в пролете дверей уже стоял спустившийся откуда-то сверху тот самый, с битой.

«Кавалера» сбили с ног, два раза ударили лицом об асфальт и потащили к машине. Каким-то чудом,

сбросив сперва куртку, а потом — пиджак, он вырвался и бросился к соседнему дому. Тут же, наводя ужас на прохожих, прицельно ударили два пистолета.

Сначала он схватился за бок, затем красное пятно начало расплываться на белой рубашке на спине. Человек упал. Опять поднялся, неловко проскользнул в подъезд. За ним устремился стриженный молодчик, открыл дверь и в упор расстрелял истекающего кровью, уже лежащего без движения «беглеца».

Четверка, прихватив даму, рванула в неизвестном направлении. Наблюдавшие этот наглый, считай, среди бела дня, расстрел, еще долго приходили в себя. И не мудрено: ничего подобного в городе доселе не было.

А началось все с того, что молодые, не лишённые предприимчивости граждане города Молодечно создали производственно-коммерческую фирму и довольно успешно раскрутили дело. Но почему-то решили, что «прикрытие» от местного рэкета лучше поискать в Москве. И нашли. Такой нестандартный подход местным «крышедателям» пришелся явно не по нутру: почему дань должна уплывать в первопрестольную, а не оседать «дома»? Можно почти с уверенностью предположить, что обиженные рэкетеры родного города пытались втолковать руководству фирмы «непатриотичность» такого «поведения». Иначе с чего бы это ее главный бухгалтер вдруг в

спешном порядке закупил 5 пистолетов и 80 патронов. Сгрузил все это в... собственный рабочий стол и, похоже, успокоился. Но солидный арсенал не помог.

В разгар рабочего дня через черный ход в офис «строптивой» фирмы ворвались трое — естественно, не с рогатками. Запасливый главбух потянулся было рукой к заветной шухлядке стола, но грохнувший в потолок выстрел немедля остудил финансиста.

Крутые парни не стали требовать ни денег, ни чего-либо иного. Прихватили с собой в качестве «сувенира»... директора фирмы и оперативно смылись.

После этого, как и следовало ожидать, в офисе зазвонил телефон и «приятный» голос сообщил, что жизнь шефа оценивается в 35 тысяч долларов. Было и обычное в таких случаях предупреждение: подключите милицию — шеф будет умирать мучительно и долго. Родителям заложника пообещали в случае невыполнения требования «взять» вдобавок еще и младшего сына.

Родные директора, не сообщая, понятное дело, в милицию, оцепенело ждали какого-то ужасного конца. А бухгалтер начал действовать. В результате этих «действий» из Москвы прибыла на выручку «крыша» — четверо ребят в теле, «экипированных», надо отдать им должное, на высшем уровне: кроме бейсбольной биты и пистолетов, привезли они с собой и хитрое импортное подслушивающее устройство.

во. Короче, возможности москвичей оказались чуть ли не фантастическими. Когда похитители в очередной раз дали о себе знать, российские «детективы» с уверенностью заявили: звонили из Минска, из автомата на Главпочтамте. Мало того, вскоре вычислили и одного из троих нападавших на офис. Оказалось, искать его далеко не нужно — он тут же, в Молодечно. Тогда и появился дьявольский план: взять в заложники «ихнего», обменять на «своего» и таким образом избежать выкупа.

Но, как мы уже знаем, все с самого начала пошло наперекосяк. Четверка «в азарте» не только отправила на тот свет «ихнего», но и сама не избежала потери: один из стриженных в организованной перестрелке получил пулю в живот. Мало того, сдуру налетчики запихали в машину совершенно не нужную им девушку, которая тут же, естественно, превратилась в опасного свидетеля.

«Спецы» из белокаменной петляли по улицам Молодечно и судорожно соображали, что делать с дрожащей от страха свидетельницей и тяжело раненым корешом. Решать пришлось в темпе. Кореш был свой в доску, но его, хотя и под вымышленной фамилией, по-быстрому сочиненной версии, пришлось все же «сдать» в больницу, в противном случае она вскорости могла бы уже не понадобиться. Насмерть перепуганную девушку ночь продержали на даче, затем, обнаглев окончательно перевезли в Минск, в... гостиницу «Юбилейная», и даже разрешили позвонить подруге.

Носителя пули в животе оперативники застали еще на больничной койке. Скоро у него будет другая койка, более узкая и мене удобная — тюремные нары. Рэкетеры, пленившие директора, увидев, что разборка приняла очень крутой оборот, отпустили его и «легли на дно». С девушкой убитого парня хуже. По некоторым сведениям ее примерно через сутки после стрельбы увезли в Петербург. Где она теперь — вопрос тяжелый и безответный. О трех успешно улизувших москвичих следует сказать отдельно. На все просьбы белорусских следователей выдать их нашему правосудию Генеральная прокуратура России отвечает отказом. Получается, «интеграция» преступности происходит куда успешнее, чем аналогичный процесс, касающийся правоохранительных органов двух держав.

И последнее. Что-то туго доходит до наших бизнесменов и коммерсантов, что затеваемые ими самодеятельные разборки — это почти всегда гарантия появления трупов и без вести пропавших. Причем процесс этот, набирает сумасшедшие обороты. Или бизнес превыше всего?

(И. Макалович. // Детективная газета. — 1996. — № 9/21/)

«ОТМАЗКА»

Три тысячи долларов вымогали работники милиции руками рэкетиров за прекращение уголовного дела о сводничестве

— Чего ты ходишь, как тень? С женой поцапался? — Клава, не лишенная привлекательности директриса ООО, плюхнулась на сиденье. — Поехали на камвольный, ткань кончается.

«Может рассказать? А вдруг выгонит? — Незнанский колебался. — Но ведь все равно узнает и тогда уж точно выгонит...»

— Влип я, Клавдия Васильевна, — неуверенно начал он. — Вместе с женкой, между прочим.

— Ну-ну, давай рассказывай, — наострила уши Клава.

...Не иначе сама нечистая сила дернула благопристойных супругов заняться рискованным бизнесом, известным как круглосуточная услуга «девочки по вызову». Едва сулящее прибыль «предприятие» начало становиться на ноги, произошел прискорбный случай: однажды темной ночью, когда секс-экипаж выехал «на работу», милиция «оптом» взяла и проституток, и водителя, и охрану. Так в Московском РОВД Минска появилась папка с возбужденным уголовным делом о сводничестве. Учув запах жареного, супруги на полгода растворились в бескрайних просторах России. Вернувшись в родные пенаты, сводники угодили прямо в мрачную камеру следственного изолятора. Правда, взяв подписки о невыезде, следователь сменил гнев на милость и даровал супругам свободу. На время.

— Ерунда, — выслушав повествование своего личного водителя, сделала оптимистический вывод всегда уверенная в себе директриса приватной швейной мини-фабрики. — Уладим. У меня есть знакомый участковый, Маслов, он переговорит с кем надо, и дело твое прикроют.

— Сколько это будет стоить? Клава неопределенно пожала плечами:

— Думаю, немного, а может, и вообще ничего.

В отличие от Клавы, Маслов щедрыми обещаниями бросаться не стал. — Мне сказали, что тебе, парень, светит пять лет. Один года по «отмазке» тянет на тысячу долларов. Итого — считай сам... Слава смотрел на Маслова, как на тронутого.

— Да я таких денег в лучшие времена не имел!

Вскоре поступила свежая информация: «они» прикроют дело за три тысячи. С расчетом согласны подождать два месяца. Реально оценив свои возможности, Слава понял, что в ближайшей перспективе нужной для «отмазки» суммы у него не предвидится. Но необдуманно сказал: «Я согласен».

«Они» действительно не блефовали. Механизм закрытия дела отказался прост, как соленый огурец. Маслов изложил суть просьбы директрисы старшему дежурному по райотделу Владимиру Куришко, тот все популярно объяснил следователю. Осталась мелочь — получить «добро» прокуратуры. Мелочь —

потому что кое у кого в этом надзорном органе была одна, но пламенная страсть, та же, кстати, что и у Куришко. А совместное дело, как известно, располагает к дружеским беседам и, в конечном итоге, к взаимным услугами. Короче, уголовное дело Незнанских легло под сукно.

А в конце сентября начались звонки экс-супруге (Незнанские к тому времени развелись), у которой Слава по-прежнему нередко коротал время. Один и тот же голос требовал деньги: «Иначе башку оторвем». Впрочем, обладатель голоса и не пытался «конспирироваться». Это был не кто иной, как водитель «Фольксвагена» того же ООО, особо доверенное лицо директрисы Александр Будай, активно помогавший ей сбывать произведенный товар. Из прошлого Саши известно, в частности, что он был судим за взятки и с великим шумом и грохотом вылетел из ГАИ. И вот вороватый экс-гаишник, знакомый с Масловым, энергично стал «давить» на потерпевшего крах своднической «карьеры» Незнанского. Тот однажды не выдержал:

— Слушай, оставь меня в покое и передай тем, кто тебя нанял: — не надо мне никакой «отмазки».

— Я те, бля, оставляю! Знаешь, сколько людей старалось, чтобы тебя из дерьма вытащить?! До прокурора достали. И теперь каждый свою долю требует.

От Клавы по поводу столь наглого «наезда» ее «зама» Незнанский никаких объяснений не добился. Морально задавленный изошренным в угрозах Будаем, Слава спешно распрощался с ООО, стал крутить баранку в таксопарке.

...Они «вычислили» его поздней осенью. Дорогу перегородили светлые «Жигули». В кабину бесцеремонно уселся Будай с незнакомым амбалом.

— Скрываешься, да? От нас только, знаешь, где спрятаться можно? На кладбище, в персональной могиле. Вот у него, — Будай ткнул пальцем в амбала, — мы одолжили три «штуки» баксов, чтобы за тебя с хорошими людьми рассчитаться.

— Можешь в месяц по столынику отдавать, в рассрочку, — раскрыв в улыбке лягушачью пасть с золотой фиксой, великодушно позволил детина.

После этой «беседы» звонки участились. В одном из душещипательных разговоров в стиле «Удушью гада!» зловеще пообещали:

— Если не отдашь долг, познакомишься с милицейским рэкетом. Это, чтоб ты знал, куда круче обычного.

Тем временем приятели-таксисты подсказали Не-

знанскому, что уже несколько раз видели на проходной интересовавшихся им темных личностей. Слава бросил таксопарк, стал по заказу гонять машины в Россию. И опять на несколько месяцев, до февраля, исчез из поля зрения вездесущего Будая. 4-го числа в дверь к Валентине позвонили. Через глазок она увидела Ксюху, бывшую свою «девочку», и, не задумываясь, открыла. Оттолкнув путану, исполнявшую роль «пропуска», в квартиру ворвались Будай и еще пятеро:

— Где он? — Не знаю, мы вместе не живем...

На свою беду, именно к обеду этого дня Незнанский вернулся из рейса. Броник Брут, подручный Будая, ударом кулака прямо из прихожей забросил Славу в зал. Условие поставили жесткое:

— Если нет денег, давай в залог вещи.

— Здесь ничего моего нету, — взмолился Незнанский.

— Берите, только не трогайте его, — со слезами вступилась Валентина.

Вынесли всего-всякого почти на 30 миллионов. У Незнанского забрали «Фольксваген-джетту» — тоже в залог.

А между тем полным ходом развивалась еще одна «сюжетная» линия.

По пути на опорный пункт, возле ЖЭСа, к Маслову подошли двое, показали цветные пластиковые карточки работников милиции: — Вы инспектор Маслов? Мы едем на Есенина, на задержание, это как раз на вашем участке. Нужна ваша помощь.

Однако «девятка» почему-то остановилась на пустыре в районе ТЭЦ-3.

— Мы ведь на задержание собирались, — напомнил встревожившийся вдруг участковый и только сейчас обнаружил, что даже не запомнил их фамилий.

— А оно уже состоялось, — ухмыльнулся тот, который повыше.

«Кажется, влетел!» — вздрогнул Маслов. — Неужто Незнанский заложил, что на него «наезжают»? Кто они? Если с управления по борьбе с организованной преступностью — дело швах, этим ребятам, что свои, что чужие... Так крутанут — все и про всех расскажешь».

— Ты должен деньги. У тебя есть дочка, симпатичная малышка, да?

— При чем тут дочка? — нес разу сообразил сбитый с толку инспектор.

Вместо ответа его грубо выбросили из машины. И вдогонку:

— В течение двадцати дней уволишься из органов! Холодея, он понял: УБОПом тут и не пахнет. По всему видно, подонки из команды Будая, к которой он, Маслов, имел глупость невольно примкнуть. Незнанский не платит за отмазку... Значит, теперь начнут «выбивать» из него?

(Этот эпизод, зафиксированный в материалах уголовного дела исключительно со слов Маслова, суд не счел возможным рассматривать как реально произошедшее событие. Между тем дальнейшее поведение Маслова представляет собой не что иное, как набор поступков насмерть перепуганного человека. — Авт.)

Инспектор бросился на «консультацию» к хозяйке ООО. Можно только гадать о содержании этой «консультации», но после нее он в спешном порядке из милиции уволился. Чтобы сразу же наняться к Клавдии Васильевне водителем. А вскоре то ли в качестве «отходного», то ли «отступного», получив от нее 450 не «засвеченных» ни в каких ведомостях долларов («Я ему свои кровные отдала», — скажет на суде Клавдия Васильевна) отбыл в расстроенных чувствах к родителям на Орловщину. Отец сразу завалил теленка с кабанчиком и, войдя в незавидное положение сына, ссудил ему вырученные на орловском рынке за мясо две сотни «зелени».

Что было дальше? В показаниях Маслова во время следствия, подтвержденных в суде, фигурирует вполне вписывающийся в общую ткань событий эпизод. 650 долларов из рук Маслова перекачывают в карман Куришко, который скромно заметил:
— Этого мало.

...23 февраля в квартире по улице Киселева, которую снимал еще один помощник бывшего гаишника, Константин Зубов, собрался солидный по численности кодык, задействованный в деле об «отмазке» Славы-сводника: рэкетеры Будая, Клава с сестрицей, Незнанский и авторитет воровского мира столицы Леня копченый, приглашенный для выяснения истины и вынесения окончательного вердикта: кто кому и сколько должен.

— Будь у меня пистолет, пришел бы я тебя, — сидя на сходняке, словно бульдозер по асфальту, заскрежетал зубами Маслов, обращаясь к Незнанскому.

В общем-то, было отчего. У Маслова рушилась семья. Похожий на бегство уход из милиции, лихорадочные поиски каких-то долговых денег — вся эта пугающая кутерьма, принесенная в дом изменившимся до неузнаваемости супругом, постоянное ожидание беды переполнили терпение жены. Она подала на развод.

— Ты действительно обещал за «отмазку» деньги? — спросил в наступившей тишине Копченый.

— Да... — подавленно сказал Слава.

— Тогда надо отдавать, — подытожил Леня и с гордым видом человека, исполнившего свой долг, удалился.

Славу решили «колоть» сразу и до конца. На квартире у бывшей жены, куда его привез Будаев, Маслов и сотоварищи, Незнанский отдал им всю одолженную у липецкой тетки наличность — 3 450 000 российских рублей. Брут пощелкал калькулятором:

— Это 800 баксов. Давай еще 2200. Нету? Поехали. Пленнику пригнули голову, чтобы не глазел на дорогу, и минут через тридцать домчали, по его предположениям, в Фаниполь. В гараже привязали к трубе. Опять вернулись в город. Квартира-тюрьма. Ванная комната. Прикрученные ремнем к крану руки. Зловещая улыбка склонного к садизму Брута: он, похоже, даже рад, что денег нет, ему не терпится включить утюг и обрезать Незнанскому уши. Голова идет кругом.

Шли третьи сутки заточения. В квартире двое — он и похрапывающий охранник. Почти невероятно, но той ночью Слава сбежал.

...В управлении по борьбе с организованной преступностью МВД ему выдали «в долг» 2000 долларов, так сказать, для служебного пользования. В тот же день

Незнанский созвонился с Будаем и возле кинотеатра «Берестье» всучил ему их.

Здесь его взяли. С поличным.

Тут бы и «сказке» конец, да конца-то толкового как раз и нет. Ибо дальнейшая фабула куда более занимательная и не в меру загадочная. Судите сами.

Когда делом о вымогательстве занялась прокуратура, в следственный изолятор из рэкетирской группы Будая попал он персонально, Маслов и примкнувший к ним малолетка Павел Радовский. Дежурный по РОВД Куришко — тоже. Брут и Зубов и по сей день в бегах. Да плюс еще гуляют на свободе несколько неустановленных следствием лиц. Впрочем, эти «потери», скрепя сердце, можно списать на неизбежные издержки оперативно-поисковой работы. Странно другое. Всем четверым было предъявлено одно и то же обвинение, однако прокуратура сочла возможным изменить меру пресечения — содержание под стражей — скажем, не малолетнему Радовскому, а Владимиру Куришко, который через два месяца после выхода из следственного изолятора... умер от сердечного приступа.

Короче, преступная ниточка, ведущая от наемного «стрелочника» Будая через почти такого же «крайнего» Маслова куда-то в «недра» правоохранительных органов, оборвалась.

Суд Московского района Минска определил Будаю 5 лет лишения свободы в ИТК общего режима, Маслову и Радовскому — по 3.

Минский городской суд оставил приговор без изменений.

(Т. Высоцкая. // Детективная газета. — 1996. — № 7/19/)

«БАШМАКИ» ПРИТОПАЛИ В БЕЛАРУСЬ

Едва ли знают белорусские «авторитеты», что в сентябре 95-го по души некоторых из них приезжал из Польши наемный убийца.

В 3-м номере за 1996 год в публикации «Мафия хоронит главарей» «Детективная газета» подробно рассказывала о принявшей беспрецедентные масштабы «крымской бойне», вызванной переделом власти среди преступных формирований полуострова. В ходе этих «сражений» шел чуть ли не поголовный «отстрел» известных криминальных авторитетов, являвшихся к тому же крупными бизнесменами и предпринимателями, которые контролировали, по существу, всю экономику Крыма. Одной из старейших здесь была особо опасная преступная группировка «Башмаки», названная так по фамилии возглавлявших ее братьев Башмаковых. Двое из них застреле-

ны конкурентами, третий находится в розыске за совершенное в 93-м году убийство.

В предлагаемом вашему вниманию материале речь пойдет о двух уцелевших «командирах структурных подразделений «Башмаков» и их «взаимоотношениях» с преступным миром Беларуси.

МОГИЛЕВСКИЙ ТРАНЗИТ. Крымский авторитет Симон Дынян был уважаемым «башмачником». Знающего толк в бандитских делах армянина органически дополнял обитающий там же, в Симферополе, Олег Майский, тоже бандит авторитетный. «Талантливый» этот тандем неплохо освоил такие «специализации» преступного промысла, как рэкет, грабежи, разбои, мошенничество. Но основные барыши приносили им нелегальные поставки крупных партий оружия в горячие точки. Будущее представлялось в ласкающих лучах денег и власти. Несколько мощных ударов по «Башмакам» претендующей на главенствующую роль в Крыму группировки «Сэйлем», ознаменовавшихся едва ли не штабелями трупов, поставили на светлой перспективе кровавую точку. Уцелевшая майско-дыняновская братва, зализывая раны, затаилась по норам. Выжидали, сами не зная чего. О реванше не могло быть и речи. Оставалось или смириться с отстранением от «большой политики» в Крыму и подбирать чужие объедки, или перекинуться на чужую территорию. Вот только куда? В России ловить нечего — там все схвачено и куплено от Москвы до самых до окраин. На «материковой» Украине — практически то же самое...

В это щедрое на испытания время к разбитому войску примкнул могилевский урка. Близнец, отбывавший наказание в спецкоммендатуре солнечного полуострова. Можно лишь гадать, чем приглянулся он Симону. Но так или иначе не без его помощи приобрел Близнец в Крыму определенный уголовный авторитет, речь шла даже о придании ему статуса во-ра (чуть-чуть не дотянул). Так вот, именно с подачи Близнеца было принято предложение: курс — на Беларусь. Рассуждал он, вроде, здраво и убедительно: да, там прибыльные ниши не пустуют, но можно попробовать кое-кого вышвырнуть — я, мол, знаю, белорусы — не россияне, им крутизны не хватает, а вы — братва битая, в огне сражений закаленная. Короче, оклемавшиеся малость бандиты двинули на запад. Сохранив при этом российское гражданство и крымскую прописку — как «иммунитет», если вдруг придется делать ноги в обратном направлении.

Остановились в Могилеве. Но, как вскоре выяснилось, далеко не все «памяркоуныя» белорусы с криминальным отливом пришли в восторг от залетных авторитетов и заявили примерно следующее: мы и сами авторитетные, делить нам с вами нечего, у нас и так уже все поделено. Попытка адаптации в чужом городе закончилась шумной разборкой, после которой примкнувший к крымчанам могилевчанин Игорь Бац с ножевым ранением попал в больницу. Когда против него возбудили уголовное дело, Бац из больницы сбежал. Не дожидаясь «второй серии», бригада посчитала за лучшее покинуть не изобилующий радушием город на Днепре.

ГОРОД ПОД «КРЫШЕЙ». Местом новой дислокации крымчане избрали не последний по народонаселению областной центр Беларуси, в котором светила солидная «крыша», а значит и «работа» с наименьшей степенью риска. Руководящие роли в группировке к этому времени распределились так: Майский — главарь, его «зам» — Бац. Правой рукой «шефа» Бац стал не случайно. Именно его близкое родство с «держателем крыши» Федором Климовским определило его выбор нового места «прописки» банды.

Итак, еще одно действующее лицо, предпочитающее в силу своего положения держаться «за кадром» — Федор Климовский. Личность в недавнем прошлом известная в Беларуси благодаря высокой и ответственной госхоздолжности. Но это еще как сказать, когда Климовский был более уважаем — тогда или теперь. Наверное, все-таки во времена нынешние — иначе с чего бы это его приятельские связи с влиятельными работниками правоохранительных органов не только остались в целости и сохранности, но и окрепли и крепчают день ото дня. Не будем строить некорректных догадок, отметим лишь, что теперь Климовский — директор нескольких коммерческих предприятий, в том числе за границей. Злые языки болтают, будто он вообще — один из лидеров теневой экономики. Однако на сплетни обращать внимания не станем.

Так или иначе, но своего родственничка Баца с «авторитетной» компанией Климовский принял, как родных, и даже любезно предложил пользоваться

комфортными апартаментами собственной шикарной загородной виллы, где, смеем предположить, и родился в творческих муках глобальный план покорения «нового Крыма». Банде Майского пришлось внести в свой привычный «ассортимент» некоторые коррективы. Если «джентльменский» набор «услуг» из грабежей, разбоев и вымогательств применим в любом регионе, то вариант подпольной продажи оружия здесь явно не проходил. С этим успешно справлялись другие: как говорится, кто не успел — тот опоздал. Необходимо было искать иной главенствующий источник бригадного «бюджета». И его нашли. Майскому удалось установить контакты с представителями уголовной среды города, занимающимися криминальным автомобильным бизнесом. Быстро акклиматизировавшаяся группировка начала практиковать различные его формы вплоть до «реквизиции» машин на дорогах с применением «автостопа» — милицейской формы. Однако основных каналов добычи было два: «конфискация» краденых автомобилей — своеобразная экспроприация экспроприаторов и перегон таких же «темных» машин из-за границы. Заметим: интерес группировки распространялся только на престижные иномарки.

Авто пошли конвейером. Жизнь на вилле была ключом. Здесь проворачивались все сделки с представителями криминальных структур Беларуси, России, Крыма. Перебывали на даче и солнцевские, и кунцевские, и черт знает еще какие мафиози.

Здесь же по прибытии из-за границы отстаивались

«засвеченные» машины, которые затем по поддельным документам сбывались другим преступным бригадам.

И наконец опять же здесь, произошел незначительный по понятиям привыкших к свисту пуль и ночным взрывам крымчан, но повергший в ужас сугубо мирное дачное население инцидент: одна не совсем удачная сделка с приехавшими на виллу «партнерами» незаметно переросла в перестрелку, в итоге которой трупов обнаружено не было, но красавица «Вольво» вмиг превратилась в решето.

Сей факт красноречиво свидетельствует о том, что у гостей из бывшей союзной здравницы начали прорезаться зубы. «Зубы» эти могли бы и «проредить», но «крыша» Климовского срабатывала безотказно. Вот лишь одно тому подтверждение, которое, как мне кажется, не может не поразить даже самого стойкого скептика.

Деловая встреча Майского с местным уголовником омрачилась неприятным происшествием. Едва успели словом перекинуться, как появились парни в гражданке. Майский молниеносно выхватил из кармана... Нет, не пистолет — толстую пачку долларов — 17 тысяч! — и метнул на тротуар в надежде, что внушительный «вещдок» тотчас «подметут» прохожие. Деньги, в том числе и фальшивую сотенную купюру, подобрали, но не изумленные горожане, а сотрудники УБОПа. В «восьмерке» — на ней Майский приехал на «стрелку» — нашли еще один «вещдок»: ав-

торучку, которая не авторучкой оказалась, а самодельным стреляющим устройством, а также обнаружили три десятка разнокалиберных патронов. Майского арестовали. Возбудили дело, которое лопнуло на основании того, что машиной «оруженосец» рулил, оказывается, по доверенности: не его, значит, машина, и кто туда стреляющую ручку подсунул — знать не знает. Зато кто-то уже достоверно знал, что дело его благополучно прихлопнуто, и ровно в 11 утра подогнал в СИЗО сверкающий лимузин. Так что из тюрьмы авторитет уехал достойно.

А в прокуратуре появилось другое дело — по факту превышения служебных полномочий работниками УБОПа: зря, мол, честного человека арестовали. Четыре месяца ходили убоповцы «под статьей», пока наконец следствие не резюмировало: нет состава преступления.

Факт этот, согласитесь, располагает к очень невеселым размышлениям.

РАСКОЛ. «Колесный бизнес» катился весьма успешно. Однако известно: если все очень хорошо, то обязательно жди прихода «очень плохо». Ждать долго не пришлось.

Следуя воровской традиции, «благородный» Дынян дал Майскому на «подъем» после его выхода из СИЗО что-то около 15 000 долларов. С «благодарностью» соратник тянуть долго не стал: в октябре 95-го

при покупке очередной партии машин «кинул» Симона на огромную сумму «зеленых». Короткие замыкания разногласий между авторитетами поискривали и раньше, но этот возмутительный «кидок» положил мирному существованию конец: остатки «Башмаков» раскололись на две враждебные бригады. Темпераментный, не прощающий обид Дынян вышел из повиновения «верховного главнокомандующего» Майского и начал проворачивать сугубо свой бизнес. «Новорожденную» группировку Симон построил на национально-родственной основе и жестком принципе единачалия. Его слово — закон. Высокая мобильность, современные средства связи, импортное оружие новейших образцов, четкие обязанности всех членов группы, надежная система охраны (возле дома, где в одной из квартир жил Дынян, постоянно несли «службу» трое охранников, двое вели наблюдение с крыши) — весь этот «комплекс» позволял банде действовать дерзко и цинично. Майский со своими людьми вскоре предпочел стабильно отовариться в Польше и стал промышлять разбоем на польско-германской границе. Дынян некоторое время продолжал пиратствовать на прежней криминальной ниве — в областном центре Беларуси, но в один прекрасный день почувствовал пристальное «внимание» УБОПа и, прихватив своих «лиц кавказской национальности», тоже отправился в державу за Бугом.

СМЕРТЬ ДЫШИТ В ЗАТЫЛОК. Между тем, события в криминальном мире Беларуси приняли крутой оборот. Во время очередного воровского сходняка (не будем конкретизировать, когда и где) мирные попытки нескольких «следающих» за определенными

регионами авторитетов пересмотреть деление «зон контроля» успеха не принесли. В итоге в затылок несговорчивых «паханов» Могилева (и не только Могилева) задышала костлявая старуха. Оставалось подыскать человека с твердой рукой, понимавшего глубокий «научный» смысл контрольного выстрела. Закоперщики назревающего «путча» вспомнили про гастролировавших крымчан и обратили взоры на пребывающую в Польше банду Симона Дыняна, в которой, по их информации, такой человек имелся. Киллер Валик. Он был примечателен тем, что давно интересовал УБОП Украины и Херсонской области по причине причастности к попытке убийства народного депутата, председателя Генического (г. Геническ находится на побережье Азовского моря, до Крыма оттуда через Сиваш рукой подать. — Авт.) райисполкома П. И. Занченко. Киллер Валик, он же телохранитель Дыняна, он же перегонщик автомобилей из Польши в Крым, он же контролер доходов поляка-посредника, просьбу белорусских авторитетов несколько проредить ряды «непослушных» принял. Отправился в дорогу. И даже пересек польско-белорусскую границу. Но, к счастью приговоренных, за трупы которых была обещана куча «зеленых», тут же попал в руки УБОПа МВД Беларуси. Еще через пару дней за ним приехал конвой из Херсона. Разборка не состоялась. Что, впрочем, вовсе не означает будто белорусские авторитеты (какого бы высокого ранга они не были и какие бы почетные воровские титулы не носили) могут теперь спокойно раскатывать по улицам и безбоязненно входить в собственные подъезды. Да, Валик надежно изолирован. Но «свято место», как известно, пусто не бывает. Гарантии, что киллера Валика не заменит (если уже не заменил)

какой-нибудь киллер Федя, нет и, видимо, быть не может.

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ. У Дыняна, потерявшего своего любимого телохранителя, получилась еще одна неувязка. Польская полиция накрыла Симона в гостинице Бела-Подляски. Прихватили заодно и поляка-посредника (того, которого контролировал Валик-киллер), особо доверенное лицо Дыняна (ему он доверял бригадный общак и оружие). Взяли Марека за хранение большого количества взрывчатки и перегон ворованных автомобилей. Симона после трех дней отсидки в полицейском участке депортировали из страны, как нежелательный элемент. И вовремя. Ибо в его планах уже было убийство за долги двух поляков. Впрочем, настырный армянин вскоре вновь оказался за Бугом.

Майский теперь еще дальше — разгуливает по Елисейским полям в Париже. И тот, и другой бывают наездами в белорусском городе, который развел их по разные стороны баррикад. Климовский, как раньше, «делает» в этом городе Майскому «прикрытие». Например, недавно он провернул, казалось бы, невозможную «операцию» — возвратил задержанные милицией краденые автомобили, которые «братва» перегоняла из Польши. И это несмотря на то, что в них были обнаружены чистые бланки документов, необходимых для постановки, повторяем — краденых! — машин на учет в ГАИ, их растаможки и т. д.

А вот новость самая главная. В половине второго ночи машину Майского с французскими номерами, мчавшуюся по шоссе в Седлицком воеводстве в сторону Варшавы, изрешетили из красного «Мерседеса». А потом взлетел на воздух и дом новоявленного «француза». Ох, и положил кто-то на месье Майского глаз! Ломай теперь голову, кто именно — свои или чужие? Впрочем, где они — свои-то? Был Дынян — да сплыл... Что ж, такова ваша беспокойная жизнь, господа авторитеты, — сплошные разборки: то вы кого-то щемите, то вас пасут...

(А. Стрибов. // Детективная газета. — 1996. — № 8/20/)

МАФИЯ ХОРОНИТ ГЛАВАРЕЙ

Сегодня весь Крым поделен на «зоны влияния» нескольких преступных банд. Фактически им и принадлежит власть на полуострове. Несмотря на то, что информация о мафиозных группировках является строго секретной, периодические «утечки» из правоохранительных органов сделали сведения доступными как для журналистов, так и для местных жителей. Сегодня уже с большой вероятностью можно говорить об «истории» существования особо опасных группировок (ООГ). Еще летом прошлого года наиболее крупными считались три: «Сэйлем», «Башмаки» и «Греки».

Одна из старейших в Крыму группировок была названа по фамилии трех братьев Башмаковых (двое

родных и один двоюродный). До 1992 года находилась под управлением известного в Крыму «авторитета» Александра Ткачева по кличке Сахан, влияние которого, по сведениям правоохранительных органов, простиралось на весь Крым, Западную Украину и некоторые области России. Во время известного периода «передела власти» между преступными группировками Сахан был убит. Как подозревают специалисты, своими же — людьми из группировки «Башмаки».

В деле Сахана подробно описаны неоднократные покушения на его жизнь. Предпоследняя попытка убить Александра Ткачева состоялась в психиатрической больнице, где он в то время содержался, ибо после возбуждения очередного уголовного дела был признан невменяемым. Автоматчик в маске разбил стекло в палате и прошелся по ней автоматной очередью. Пули пролетели буквально над головой Сахана и других больных, но никого не задели. Через месяц, однако, Сахан был убит на прогулке все в той же психушке, прямо на глазах милиционеров, охранявших одно из отделений.

УБИЙСТВО БРАТЬЕВ БАШМАКОВЫХ. Власть перешла к братьям Башмаковым, двое из которых, в том числе и ставший главой группировки Виктор Башмаков, затем также были убиты. Виктор (по другим данным, имея в виду обилие паспортов, которыми он пользовался, — Виталий) Башмаков — 21 июля позапрошлого года.

Убийство было совершено неожиданно. Настолько, что кое у кого появились самые серьезные подозрения в причастности к нему сотрудников Службы безопасности Украины. В пользу этой версии приводится, например, рассуждение, что никто, кроме этой организации, не мог решиться тогда на убийство такого «авторитета», каким был Виктор Башмаков. Ибо заранее было ясно — платить придется по самому большому счету. Наводит на размышление также совершенное за месяц до расстрела Виктора Башмакова как бы «пробное» убийство мелкого сева-стопольского «авторитета» под Саками. Абсолютно по тому же сценарию, по которому позднее был убит Башмаков.

Само убийство было «красивым», что говорит о высоком классе его исполнителей. Судите сами: едет автомобиль с телохранителем и охраняемым объектом. Их догоняют двое на мотоциклах, вынимают автоматы, на ходу убивают «приговоренных» и уезжают. Недалеко от места преступления бросают автоматы и мотоцикл, даже не замечая следов.

Информация об убийстве мгновенно распространяется. Прямо к лежащему в луже крови труп приезжают местные «авторитеты». По законам преступного мира им необходимо «засветиться» — у трупа ли, на похоронах ли или во время поминок, чтобы никто не подумал, что к убийству причастен именно он. Старательно «засвечивающихся» членов ООГ открыто снимает милиция. Господа старательно поворачиваются к видеокамере задами.

На сегодня остался в живых последний брат-«башмак» — двоюродный Башмаков (наследник власти в нынешней группировке?), который с 7 июля 1993 года разыскивается за совершение убийства. Правда, есть основания предполагать, что объявление его «в розыск» было чисто формальным, ибо разыскиваемого в течение года видели в самых различных местах, включая симферопольские рестораны.

ОКО ЗА ОКО. Смерть Виктора Башмакова повлекла за собой очередную цепь кровавых разборок. Виновным в убийстве главы тогдашней крымской мафии «общак» заподозрил другого «авторитета» — крупного севастопольского бизнесмена и предпринимателя Евгения Поданева, занимавшегося к тому же политикой. (Им была организована Партия свободных предпринимателей Крыма, члены которой после убийства Поданева были перестреляны один за другим).

В прошлом Поданев — тренер и руководитель клуба бодибилдинга и кикбоксинга — именно в этих клубах воспитывались будущие «бультерьеры», «качки» и «быки» — охранники для криминальных структур. На момент убийства в руках Поданева были сосредоточены самые большие деньги в Крыму. Живущий в Севастополе гражданин Франции, он, по неофициальным сведениям, и за рубежом организовал нечто типа мафиозного «общака». В Крыму же Поданеву платили дань практически все — якобы за «охрану».

Убили Поданева в симферопольском баре «Калинка» — признанном месте сбора крымских «авторитетов». 28 июля позапрошлого года там прошли поминки по «убиенному Башмакову». «Засветиться» на поминках опять-таки прибыл почти весь цвет преступного мира. Существуют различные версии того, что произошло на поминках. Есть сведения, полученные одной из крымских журналисток от члена башмаковской группировки, там присутствовавшего. По его словам, перестрелка из пистолета за поминальным столом началась после того, как один из «бультерьеров» (охранников) Башмакова обвинил Поданева в причастности к убийству шефа. Основанием для обвинения послужило то, что заказчиком предыдущего, сходного по сценарию убийства в Саках определили Севастополь, главой мафии которого, как известно, был Поданев. (Версия участия СБУ тогда не всплывала). В момент начала перестрелки преследуемые — Поданев с телохранителями и руководитель группировки «Сэйлем» Сергей Воронков — выскочили на крыльцо бара. И тогда сверху, с крыши находившегося рядом детского сада, их начали поливать из автоматов. Были убиты Поданев и два его охранника. Еще двоих охранников в тяжелом состоянии увезли в больницу, где они скончались. Воронков не пострадал (утверждают, что на нем была надета некая «противопулевая» рубашка). В самом баре (он, кстати, находился под контролем группировки «Башмаки») убитых вроде бы не было. Кто стрелял с крыши детского сада, следствием так и не установлено. Как не совсем ясно и то, кого именно из присутствующих хотели убить.

«СЭЙЛЕМ»: ПУТЬ К ВЛАСТИ. Наиболее серьезная

сегодня группировка, по многим свидетельствам, имеющая «своих» людей в структурах власти, начала формироваться под вывеской ресторана «Сэйлем», названного так по имени города-побратима в Америке. Кроме ресторана, под тем же названием существовал бар с «офигенными» ценами — чашечка кофе стоила 450 тыс. карбованцев (около 3 долларов), в то время как во всем городе — 40—45 тыс. (приблизительно 30 центов).

Ресторан и бар «Сэйлем» стали местом регулярных сборов формирующейся группировки, фактически превратившей ее в офис. Руководство группировкой местная молва приписывает Сергею Воронкову. Он, по представленным правоохранительными органами сведениям, — выпускник института физкультуры, выросший впоследствии до председателя Союза предпринимателей Симферополя и вице-президента Союза предпринимателей Крыма, а совсем недавно избранный депутатом городского совета Симферополя.

Как утверждалось в дошедших через третьи руки сведениях из милицейского досье, Воронкова четырежды пытались привлечь к уголовной ответственности. Генеральная прокуратура Крыма, правда, подтвердила лишь один из фактов — г-н Воронков действительно обвинялся в рэжете, но обвинение было признано несостоятельным и снято.

Два года назад на одной из пресс-конференций сотрудник отряда по борьбе с организованной преступ-

ностью, занимавший в то время большой пост, называл в числе организаторов крупных преступных группировок Сергея Воронкова. Данное сообщение обошлось правоохранительным органам в серьезную на тот момент для Украины сумму — 50 млн. карбованцев «за оскорбление чести и достоинства» г-на Воронкова.

К власти группировка «Сэйлем» пришла после серии убийств глав мафиозных группировок Крыма. История такова: летом 1991 года на полуострове возник первый виток борьбы за влияние. Во время разразившейся войны между криминальными авторитетами были убиты крупные крымские мафиози — Сакуров, Гуня, Жираф, Сахан.

Ниши, занимаемые ими, опустели. Их и начали забивать те, кто покрепче.

Сегодня группировка «Сэйлем» имеет под своим контролем наибольшее количество экономических объектов, в том числе и банков. Интересно, что банки, совсем недавно числившиеся как «объекты влияния» других группировок, постепенно переходят к Воронкову. Очередная «утечка» информации из правоохранительных органов свидетельствует, что приезжавший в июле прошлого года премьер-министр Украины, бывший шеф СБУ Евгений Марчук лично искал компромат на Сергея Воронкова.

КТО УБРАЛ ОЛЕГА ДЗЮБУ? Летом прошлого года

столицу Крыма и близлежащие окрестности сотрясали ночные взрывы. Взрывались бензоколонки, магазины, кафе, офисы, автомобили. Пострадавших «со стороны», как правило, не было. Но трупы были. Как впоследствии утверждали информаторы, разборки спровоцировала группировка «Сэйлем» — необходимо было убрать последних «криминальных» конкурентов. Ими оказались члены группировки «Греки» и небезызвестный крымчанам Олег Дзюба.

Олег (Алик) Дзюба — последний из руководителей ООГ «вор в законе». Уже к середине 90-х годов существующий в Крыму институт криминальных «авторитетов» существенно пошатнулся, и высшее криминальное звание «вора в законе», дающее большие привилегии в преступном мире, девальвировалось. Соответственно снизился «рейтинг» популярности уголовных «авторитетов»: расшатавшаяся дисциплина в бывшем преступном братстве, подрываемая шальными деньгами формирующихся бизнес-структур, девальвировала и бывшие ценности преступного мира. Так, убийство «вора в законе» — чрезвычайное происшествие в преступном мире. Но... за последние годы крымские «воры в законе» были убиты один за другим.

Что касается Олега Дзюбы, криминальный беспредел коснулся его в полной мере. Так, во всем мире устранять родных криминального «авторитета» считается «дурным тоном». Как и расправляться с ними на глазах близких ему людей.

В предпоследний раз Олега Дзюбу пытались убить в присутствии жены и дочери. Произошло это 21 января прошлого года в киевском аэропорту «Борисполь» сразу же после возвращения семьи из Франкфурта-на-Майне. По сведениям одних источников, неожиданно возникший автомобиль выплюнул автоматную очередь, по другим сведениям — стреляли из пистолетов. Дзюба получил два тяжелых ранения в голову, шею и руку. Но остался в живых. Жена не пострадала. Но дочь Леночка, которой шел четырнадцатый год, получив пулю в лоб, скончалась на месте.

Выздоровевший через три месяца Олег поклялся в отместку «залить весь Крым кровью»... А летом 1995-го загремели ночные взрывы.

...После того как весной Олег Дзюба выписался из госпиталя, он и его жена уехали в Россию. Вернувшись летом в Крым, решили все продать и уехать навсегда. Но уехать им не дали.

12 июля в Симферополе произошли очередные убийства. На железнодорожном мосту красная «девятка» была буквально изрешечена пулями из двух «калашниковых». В автомобиле находились Ольга, жена Дзюбы, шофер и двое его охранников. Все четверо погибли на месте. (По другим сведениям, в машине находились шесть человек. Двое остались в живых).

Интересно, что нападение на жену Олега Дзюбы произошло буквально через десять минут после того, как она вышла из приемной бывшего сотрудника КГБ, нынешнего начальника Главного управления внутренних дел (ГУВД) МВД Украины по Крыму Виталия Кириченко (это фактически ранг заместителя министра). Незадолго до этого она обратилась к Кириченко с просьбой о защите и разрешении на ношение оружия.

Но 12 июля назначенная на полдень встреча не состоялась — посидев в приемной, Ольга получила сообщение, что ее не примут. (По другой информации — Кириченко ее все же принял). После чего Ольга села в красную «девятку».

...Сразу после расстрела автомашины первыми к ней подбежали сотрудники железнодорожной милиции. Двое убийц тем временем успели сбежать, традиционно бросив автоматы на железнодорожной насыпи. (По другой информации, автоматы полетели в речку Селигер). По сведениям людей, близких к убитой, перед поездкой к Виталию Кириченко у нее была с собой дамская сумка с весьма крупной суммой денег, затем бесследно исчезнувшая.

Буквально через два часа после гибели жены Олег Дзюба позвонил своей матери и сообщил, что «Олечку убили», а он задержан милицией. Приехавшая домой к сыну мать (Олег Дзюба жил отдельно) застала его в окружении милиции пьяным и невменяемым. Тут же присутствовал начальник ГУВД Кири-

ченко. Олег, достав бутылку водки, предложил выпить. Мать отговаривала: «Давай, сынок, Олечку похороним». Рванув на себе рубаху, Дзюба почти рыдал: «Что мне делать? Дочь убили, жену убили!» После этого в комнату вошли следователи, потихонечку оттеснили начальника ГУВД от Дзюбы, и Кириченко ушел.

А через пару часов, выпрыгнув из окна во двор, Олег Дзюба сбежал из милиции.

Дальнейшее можно изложить вкратце: по сведениям правоохранительных органов, Дзюба на машине, которую ему доставили друзья из гаража матери, колесил по городу. Им был обстрелян бар «Калинка», принадлежащий «Башмакам», — Дзюба, вероятно, считал их виновными в гибели жены. Повредив машину, он приехал к дому бывших своих соратников, позднее перешедших к «Башмакам» — братьям Бачевским. Убил их собаку и потребовал заменить машину.

Олег Дзюба находился в гараже, когда там прогремел взрыв. Прибывшая к месту происшествия милиция обнаружила полностью обгоревший труп. Хозяева гаража — братья Бачевские сбежали. Как выяснилось потом, в гараже хранился целый арсенал взрывчатых веществ и оружие. По мнению правоохранительных органов, взрыв произошел либо от неосторожного обращения с гранатой, которую видели в руках у Дзюбы, либо в результате самоубийства.

Мать Дзюбы считает, что сын покончить с собой не мог. Она также не видела трупа — не захотела смотреть. И хотя труп был идентифицирован, впоследствии прошел слух — в гараже погиб вовсе не Дзюба. Но по прошествии времени даже мать поверила, что ее сын погиб. Живой — он как-то дал бы о себе знать...

Как считает начальник отдела Главного управления внутренних дел МВД Украины по Крыму Александр Коллонтай, основа организованной преступности в Крыму прежде всего социальная. С одной стороны, существует молодежь, которая может получить высокооплачиваемую работу лишь в коммерческих структурах, находящихся, в свою очередь, под «крышей» криминальных. Кое-кто уходит прямо в телохранители членов различных особо опасных группировок. Там же находят работу высокого уровня юристы, адвокаты, сотрудники правоохранительных органов и прокуратуры. Парламентское лобби Украины до сих пор не приняло закона об отмене статуса депутатской неприкосновенности, что позволяет членам различных ООГ спокойно существовать в статусе депутата.

(Т. Турчина. // Детективная газета. — 1996. — № 3/15/)

УБИЙСТВО С. М. КИРОВА

1 декабря 1934 года молодой коммунист Леонид Николаев вошел в здание Смольного и выстрелом из револьвера убил наповал члена Политбюро Сергея Мироновича Кирова, главу ленинградской партийной организации. Убийцу схватили на месте преступления. Из Москвы немедленно выехала в Ленинград специальная комиссия, возглавляемая Сталиным, чтобы расследовать обстоятельства убийства.

Подробности этого преступления остались неопубликованными. Кто был этот Николаев? Как он ухитрился пробраться в строго охраняемый Смольный? Как ему удалось приблизиться вплотную к Кирову? Какие причины толкнули его на этот отчаянный шаг — политические или личные? Все обстоятельства преступления оказались окутаны покровом глубокой тайны.

В первом правительственном заявлении утверждалось, что убийца Кирова — один из белогвардейских террористов, которые якобы проникают в Советский Союз из Финляндии, Латвии и Польши. Несколько днями позже советские газеты сообщили, что органами НКВД поймано и расстреляно 104 террориста-белогвардейца. Газетами была начата бурная кампания против «окопавшихся на Западе» белогвардейских организаций (в первую очередь Российского общевойскового союза), которые, дескать, «уже

не впервые посылают своих эмиссаров в Советский Союз с целью совершения террористических актов».

Столь определенные заявления, особенно казнь 104 белогвардейских террористов, заставляли думать, что участие русских эмигрантских организаций в убийстве Кирова полностью установлено следственными органами. Однако на шестнадцатый день после убийства (как по мановению волшебной палочки) картина полностью изменилась. Новая версия, появившаяся в советских газетах, возлагала ответственность за убийство Кирова теперь уже на троцкистско-зиновьевскую оппозицию. В один и тот же день, словно по команде, газеты открыли ожесточенную кампанию против лидеров этой уже отошедшей в прошлое оппозиции. Зиновьев, Каменев и многие другие бывшие оппозиционеры были арестованы. Близкий в те дни к Сталину журналист Карл Радек писал в «Известиях»: «Каждый коммунист знает, что теперь партия раздавит железной рукой остатки этой банды... Они будут разгромлены, уничтожены и стерты с лица земли!»

Ненависть Сталина к бывшим лидерам оппозиции была хорошо известна. Поэтому в социалистических кругах за рубежом начали выражать опасение, как бы он не использовал смерть Кирова в качестве предлога для расправы с Зиновьевым и Каменевым. Некоторые иностранные газеты пустили слух, что Зиновьев и Каменев уже тайно казнены. Советские власти сочли необходимым опровергнуть эти слухи, а 22 декабря последовало сообщение ТАСС о том, что «ввиду недостатка улики» дело Зиновьева и Каменева

будет рассматриваться не судом, а «Особым совещанием при НКВД СССР».

Итак, на протяжении немногим более двух недель Советское правительство опубликовало две прямо противоположные версии убийства Кирова — сначала обвинив в этом белогвардейцев, проникших из-за рубежа, а затем бывших вожаков оппозиции. Естественно, советские граждане с нетерпением ожидали судебного процесса, надеясь услышать, что скажет на суде сам Николаев.

Однако им не суждено было этого узнать. 28 декабря было официально опубликовано обвинительное заключение, где утверждалось, что Николаев и тринадцать других лиц являлись участниками заговора, а уже на следующий день газеты сообщили, что все четырнадцать были приговорены к смертной казни на закрытом судебном заседании, и приговор приведен в исполнение. Ни в обвинительном заключении, ни в тексте приговора ни словом не упоминалось ни о какой причастности Зиновьева и Каменева к убийству Кирова.

То обстоятельство, что Николаева судил тайный трибунал, еще более усиливало всеобщее недоверие к официальной версии событий, возникшее из-за противоречивых правительственных заявлений. Вставал вопрос: что помешало погасить бродившие в народе слухи, поставив Николаева перед публичным судом? Никто не сомневался, что Кирова убил именно этот человек, схваченный на месте преступления.

К чему же вся эта секретность? Что в этом деле такого, что Сталин не мог вынести на открытый судебный процесс?

В эти дни меня не было в Советском Союзе, и я мог судить обо всем этом только по официальным сообщениям, появлявшимся в московских газетах. Но с самого начала я был уверен, что дело нечисто: не заслуживали доверия ни первая («белогвардейская») версия Кремля, ни версия о виновности Зиновьева и Каменева.

Первую версию я не мог принять всерьез потому, что она содержала басню о ста четырех казненных белогвардейских террористах. Как бывший начальник погранохраны Закавказских республик, я прекрасно знал, что через строго охраняемые границы СССР террористы просто не могли нагрянуть в таком количестве. Кроме того, в условиях жесткой советской паспортной системы и всеохватывающего полицейского надзора сто четыре террориста никак не могли одновременно скрываться в Ленинграде. Все это выглядело тем более подозрительно, что, вопреки обыкновению, газеты, сообщая об их казни, не упомянули даже их имен.

Другая версия — об участии Зиновьева и Каменева в убийстве Кирова — была не менее абсурдной. Из истории партии я отлично знал, что большевики всегда были против индивидуального террора и не прибегали к террористическим актам даже в борьбе против царя и его министров. Они считали подоб-

ные методы неэффективными и порочащими революционное движение. А кроме того, Зиновьев и Каменев не могли не отдавать себе отчета в том, что убийство Кирова было бы на руку именно Сталину, который не преминет воспользоваться им для уничтожения бывших вожаков оппозиции. Так и случилось.

23 января 1935 года, почти через месяц после расстрела Николаева, в газетах было объявлено, что начальник ленинградского управления НКВД Филипп Медведь, его заместитель Запорожец и десять других энкаведистов на закрытом заседании Верховного суда приговорены к лишению свободы по обвинению в том, что, «получив сведения о готовящемся покушении на С. М. Кирова... не приняли необходимых мер для предотвращения убийства».

Приговор поразил меня своей необычной мягкостью. Только один из подсудимых получил десятилетний срок заключения; все же остальные, включая самого Медведя и его заместителя Запорожца, получили от двух до трех лет. Все это выглядело тем более странным, что убийство Кирова должно было рассматриваться Сталиным как угроза не только его политике, но и ему лично: если сегодня НКВД прохлопал Кирова, завтра в такой же опасности может оказаться он сам. Каждый, кто знал Сталина, не сомневался, что он наверняка прикажет расстрелять народного комиссара внутренних дел Ягоду и потребует казни всех, кто нес ответственность за безопасность Кирова. Он должен был так поступить хотя бы в назидание другим энкаведистам, чтобы не забыли,

что за гибель вождей они в прямом смысле слова отвечают головой.

Тайна убийства Кирова прояснилась для меня по возвращении в Советский Союз в конце 1935 года. Прибыв в Ленинград через Финляндию, я зашел в здание НКВД, чтобы связаться по специальному телефону с Москвой и заказать спальное место в ночном экспрессе, отправляющемся в Москву. Тут я встретил одного из вновь назначенных руководителей Ленинградского управления НКВД, с которым мы вместе служили в Красной Армии в гражданскую войну. В разговоре мы, естественно, коснулись тех перемен, которые произошли в Ленинграде после убийства Кирова. Выяснилось, что бывший начальник ленинградского управления НКВД Медведь и его заместитель Запорожец, приговоренные по «кировскому делу» к тюремному заключению, вовсе и не сидели в тюрьме. По распоряжению Сталина их назначили на руководящие посты в тресте «Лензолото», занимавшемся разработкой богатейших золотых приисков в Сибири. «Им там живется совсем не плохо, хотя, конечно, похуже, чем в Ленинграде, — сообщил мой старый приятель. — Медведю даже позволили захватить с собой его новый кадиллак». Он добавил, что капризная жена Медведя уже трижды побывала у него в Сибири, каждый раз намереваясь остаться там с мужем, однако всякий раз возвращалась обратно в Ленинград. При этом, как и прежде, ей выделяли в поезде отдельное купе первого класса и полный штат обслуги.

Мой приятель рассказал мне о панике, охватившей

Ленинград в связи с убийством Кирова и сталинским визитом. В следствии по этому делу он помогал начальнику Экономического управления НКВД Мионову и заместителю народного комиссара внутренних дел Агранову.

Перед тем как возвратиться в Москву, Сталин назначил Мионова временно, на ближайшие месяцы, исполняющим обязанности начальника ленинградского управления НКВД и фактически ленинградским диктатором. Когда я спросил, как это Николаеву удалось проникнуть в строго охраняемый Смольный, мой приятель ответил: «Именно поэтому и были уволены Медведь и Запорожец. Хуже того, за попытку пробраться в Смольный, его задержали и, если б тогда были приняты меры, Киров и по сей день оставался бы жив». Мне показалось, что разговор наш носит какой-то поверхностный характер: мой приятель явно не хочет рассказать об убийстве ничего конкретного. Я поднялся, чтобы уйти; тогда он в замешательстве пробормотал: «Дело настолько опасное, что для собственной безопасности полезнее меньше знать обо всем этом».

Огромная популярность Кирова еще больше возросла после семнадцатого съезда партии, который состоялся в самом начале 1934 года. К съезду все было намечено и расписано заранее — даже энтузиазм, с которым делегаты должны были приветствовать вождей. Каждому члену Политбюро, появляющемуся на трибуне, было положено две минуты аплодисментов. Сталину следовало аплодировать целых десять минут. Однако появление Кирова в президиуме

съезда вызвало бурю оваций, Ленинградская делегация приветствовала его с таким восторгом, что увлекла своим примером весь съезд. Киров был встречен овацией такой продолжительности, о какой другие члены Политбюро не могли и мечтать. В кулуарах съезда шептались, что на долю Кирова выпал почет, который предназначался только одному человеку: Сталину.

Раздраженный чрезмерной независимостью Кирова, Сталин решил оторвать его от Ленинграда. Ему было объявлено, что его ждет назначение на ответственную должность в Москве, в Оргбюро ЦК.

Однако Киров не спешил в Москву. Он выгадывал месяц за месяцем, ссылаясь на то, что необходимо довести до конца ряд важных дел в Ленинграде, начатых при нем. Более того, он все реже и реже появлялся на заседаниях Политбюро, что выглядело уже вызывающе.

Сталин мог, конечно, задержать Кирова в Москве во время любого из его приездов и воспрепятствовать его возвращению в Ленинград. Но это означало бы открытую ссору, после которой было бы крайне затруднительно назначить Кирова на какую-либо должность в ЦК. Больше того, удержать Кирова в Москве против его воли было не так легко — разве что арестовать его? Однако тогда, в 1934 году, по отношению к члену Политбюро подобные действия были крайне нежелательны. Отстранение члена Политбюро все еще требовало сложной формальной проце-

дуры. Задавшись такой целью, пришлось бы для начала сфабриковать против Кирова обвинение в какой-нибудь антиленинской ереси или в отклонении от генеральной линии партии и развязать против него кампанию критики, которая должна охватить все партийные организации. В данном случае такой путь был для Сталина неприемлем. Подавив троцкистскую и зиновьевскую оппозиции, Сталин много раз писал и заявлял устно, что очистившись от ереси, партия окрепла и сделалась «сплоченной и монолитной как никогда». Но кампания, направленная против Кирова, наверняка вызовет слухи о новом расколе партии и о разногласиях в Политбюро. При этом Сталин понимал, что и за рубежом опять появятся сомнения в прочности его режима, чего он никак не хотел.

Он пришел к выводу, что сложная проблема, вставшая перед ним, может быть разрешена лишь одним путем. Киров должен быть устранен, а вина за его убийство возложена на бывших вождей оппозиции. Таким образом, одним ударом он убьет двух зайцев. Вместе с ликвидацией Кирова будет покончено с ближайшими сподвижниками Ленина, которые, как бы ни чернил их Сталин, продолжали оставаться в глазах рядовых партийцев символом большевизма. Сталин решил, что, если ему удастся доказать, что Зиновьев, Каменев и другие руководители оппозиции пролили кровь Кирова, «верного сына нашей партии», члена Политбюро, — он вправе будет потребовать: кровь за кровь.

Единственной частью государственного аппарата, ко-

торая могла помочь Сталину в подготовке этого убийства, являлось ленинградское управление НКВД, отвечавшее за безопасность Кирова. Но начальником этого управления был Филипп Медведь, связанный с Кировым тесной дружбой. Медведя следовало убрать и заменить другим человеком, «более надежным». У Сталина был на примете такой человек: Евдокимов, давний сотрудник «органов». Несколько лет подряд Сталин брал его с собой в отпуск — не только в качестве телохранителя, но и как приятеля и собутыльника. Евдокимов получил от Сталина больше наград, чем любой другой энкаведист. Это была странная личность, с застывшим, точно окаменевшим лицом, сторонившаяся своих коллег. В прошлом заурядный уголовник, Евдокимов вышел из тюрьмы благодаря революции, примкнул к большевистской партии и отличился в гражданской войне. Когда война закончилась, Евдокимов был назначен начальником областного управления ОГПУ на Украине. Там он лично возглавлял карательные операции против антисоветских повстанческих банд.

По распоряжению Сталина Ягода издал приказ о переводе Медведя из Ленинграда в Минск и назначении Евдокимова на его место. Узнав об этом, Киров пришел в негодование. В присутствии Медведя он позвонил Ягоде и без обвиняков начал допытываться, кто дал ему право перемещать ответственных ленинградских работников без разрешения Ленинградского обкома. Затем Киров позвонил Сталину и опротестовал недопустимый образ действий Ягоды. Приказ о переводе Медведя из Ленинграда пришлось отменить.

Поскольку с назначением Евдокимова в Ленинград ничего не получилось, у Сталина не было иного выбора, как обратиться за помощью к Ягоде и посвятить его в свои тайные планы, касавшиеся Кирова. Ягода сразу же вызвал из Ленинграда своего протеже и фаворита Ивана Запорожца, который в то время был заместителем Медведя. Они посетили Сталина вдвоем. Избежать личного разговора Сталина с Запорожцем было нельзя: последний никогда не взялся бы за такое чрезвычайное задание, касающееся члена Политбюро, если бы оно исходило лишь от Ягоды и не было санкционировано самим Сталиным. Получив сталинский наказ, Запорожец вернулся в Ленинград.

Как раз в это время среди бумаг, поступающих в ленинградское отделение НКВД, оказалось секретное донесение, касавшееся молодого коммуниста по имени Леонид Николаев. Этот Николаев был так обозлен тем, что его исключили из партии и связанной с этим невозможностью устроиться на работу, что у него появилась мысль об убийстве председателя комиссии партийного контроля.

Этим актом доведенный до отчаяния Николаев намеревался выразить свой протест против партийной бюрократии, чьей жертвой он себя считал.

Донос на Николаева поступил в «органы» от его друга, которому он имел неосторожность рассказать о своих намерениях. В этом, конечно, не было ничего удивительного. Закономерным было и то, что Запо-

рожец, озабоченный полученным в Москве заданием, заинтересовался личностью Николаева. Встретившись с его «другом» и поговорив с ним, он пришел к выводу, что слова Николаева не приходится считать пустой болтовней. Дело приняло еще более серьезный оборот, когда «друг» выкрал и принес Запорожцу дневник Николаева.

Дневник был сфотографирован и снова подброшен туда, откуда был украден. На его страницах Николаев подробно описывал свои злоключения: как он был беспричинно «вычищен» из партии, какое бездушное отношение встречал со стороны партийных чинов, когда пытался добиться справедливости, как его уволили с работы и до какой жуткой нищеты докатилась его семья — двое детей, жена и мать. Записи дневника были полны ненависти к бюрократической касте, воцарившейся в партии и государственном аппарате.

Чтобы получить возможно более полное представление о личности Николаева, Запорожец решил лично встретиться с ним. Все тот же «друг» организовал ему якобы случайную встречу с Николаевым, представив Запорожца под вымышленным именем, как своего бывшего сослуживца. Поболтав о том, о сем, они расстались. Николаев произвел на Запорожца благоприятное впечатление. Теперь «другу» была поставлена новая задача: попытаться еще более сблизиться с Николаевым, время от времени передавать ему небольшие суммы денег, прикинуться разделяющим его взгляды — и, конечно, сообщать НКВД о каждом его шаге. Сам Запорожец поспешил в

Москву поделиться соображениями о том, как лучше использовать подвернувшийся случай. Там он еще раз был принят Сталиным.

В Москве было решено, что Николаев подходит для реализации намеченного плана. Главное преимущество этого варианта заключалось в том, что Николаев напал на мысль о террористическом акте самостоятельно и вдобавок не подозревает, что с какого-то момента его действия косвенно направляются аппаратом НКВД.

Инструкции, полученные Запорожцем, сводились к одному: постараться перевести террористические замыслы Николаева с некоего члена партийной контрольной комиссии, исключившей его из партии, на Кирова. За время, пока Запорожец отсутствовал, николаевский замысел превратился в манию: его поступок станет сигналом к восстанию против ненавистной партийной бюрократии. «Друг» Николаева предупредил Запорожца, что их подопечный делает попытки раздобыть огнестрельное оружие.

Услышав об этом, Запорожец выразил «другу» опасение, что Николаев, чего доброго, действительно застрелит какого-то работника партконтроля, не имеющего, разумеется, личной охраны. Между тем НКВД намерено взять террориста с поличным, непосредственно перед тем, как он попытается совершить террористический акт. Это удастся сделать, не допуская кровопролития, только в том случае, если Николаев откажется от покушения на какую-то незна-

чительную персону и попытается убить, ну, допустим, Кирова, что заведомо обречено на провал, так как того охраняют денно и ночно. Как только Николаев с револьвером в кармане проникнет в здание Смольного, его тут же схватят сотрудники НКВД, которые специально будут его поджидать. А от «друга» требуется теперь только одно: внушить Николаеву, что убийство какого-то незначительного чиновника из партконтроля не даст заметного политического эффекта. Зато выстрел, направленный в члена Политбюро, отзовется эхом по всей стране.

Леонид Николаев, как и следовало ожидать, ухватился за идею совершить террористический акт против Кирова. Теперь единственным препятствием к исполнению намеченного было отсутствие револьвера. Николаев рассчитывал украсть револьвер у кого-то из знакомых партийцев. Выяснилось, что в этом нет необходимости: «друг», последнее время так часто приходивший Николаеву на помощь, ссужая его деньгами, выручил и тут. Ему удалось «добыть» револьвер... Все необходимые приготовления были позади. С помощью «друга» Николаев придумал предлог, чтобы получить пропуск в Смольный. Друзья отправились за город — проверить оружие в действии.

Наконец настал решающий день: Николаев, с портфелем в руках, явился в Смольный и получил пропуск в комендатуре НКВД, ведавшей охраной здания. У входа в главный коридор Смольного охранники заглянули в пропуск и разрешили Николаеву войти. Но не успел он сделать и двух шагов, как один

из них вернул его и потребовал показать, что в портфеле. Там лежал револьвер и записная книжка. Николаева тут же задержали и препроводили в комендатуру. Уже за одно хранение огнестрельного оружия без специального на то разрешения полагалось три года тюрьмы. А если бы еще работники комендатуры заглянули в его записную книжку сразу выяснилась бы истинная цель Николаева, приведшая его в Смольный...

Но прошел час или два — и все чудодейственно переменялось: злоумышленнику вернули револьвер и записную книжку и предложили покинуть здание Смольного.

Пораженный происшедшим, Николаев прибежал к своему «другу» и все ему рассказал. Тот не мог прийти в себя от изумления, видя перед собой Николаева после всего, что случилось, живым и невредимым.

Происшествие в Смольном было для Запорожца малоприятной неожиданностью. Выходит, он не сделал все от него зависящее, чтобы обеспечить Николаеву свободный доступ к Кирову. А Москва уже рассчитывала, что именно в этот день получит информацию о результате покушения. Теперь всю ответственность за неудачу возложат, конечно, на Запорожца.

Когда ему сообщили о происшествии, он приказал коменданту Смольного освободить задержанного и

вернуть ему портфель, револьвер и записную книжку. Еще оставалась надежда, что Николаева удастся направить в Смольный вторично, на этот раз избежав промаха. Все зависело от дальнейшего поведения Николаева.

А тот был крайне угнетен своей неудачей. В подавленном состоянии он выслушивал рассуждения «друга» о том, что надо бы сделать еще одну попытку... Однако это продолжалось недолго. Дней через десять Николаев уже сам стал поговаривать о повторении попытки покушения. К нему вернулось чувство уверенности. «Друг», следуя инструкциям Запорожца, советовал ему на этот раз проникнуть в Смольный в вечернее время.

Вечером 1 декабря 1934 года Николаев вторично появился в Смольном — с тем же самым портфелем, где вновь лежали записная книжка и револьвер. На этот раз Запорожец все предусмотрел. Получив пропуск, Николаев благополучно миновал охранников у входа и без помех вошел в коридор. Там никого не было, кроме человека средних лет, по фамилии Борисов, который числился личным помощником Кирова. В перечне работников Смольного фигурировал как сотрудник специальной охраны НКВД, однако не имел ничего общего с охранной службой.

Борисов только что подготовил поднос с бутербродами и стаканами чая, чтобы нести его в зал заседаний, где как раз собралось бюро обкома. Заседание бюро шло под председательством Кирова, и Николаев тер-

пеливо ждал. Войдя в зал, Борисов сказал Кирову, что его зовут к прямому кремлевскому телефону. Спустя минуту Киров поднялся со стула и вышел из зала заседаний, прикрыв за собой дверь.

В тот же момент грянул выстрел. Участники заседания бросились к двери, но открыть ее удалось не сразу: мешали ноги Кирова, распластанного на полу в луже крови. Киров был убит наповал. Тут же распростерлось тело другого человека, не известного членам бюро. Это был потерявший сознание Николаев.

Рядом с ним валялись револьвер и портфель. Кроме убитого и убийцы, в коридоре не было ни души. Члены бюро были немало удивлены тем, что отсутствовал даже кировский охранник. Прошло немного времени, и в коридоре появились сотрудники НКВД, прибывшие арестовать Николаева.

Сталин и Ягода были извещены об убийстве Кирова немедленно.

Спустя некоторое время Ягода позвонил начальнику ленинградского управления НКВД Медведю и сообщил ему, что выезжает в Ленинград, сопровождая Сталина.

Запорожец выполнил порученное ему задание. Но его роль на этом не кончилась. В Ленинградском управлении НКВД никто, кроме него не имел понятия,

что, по замыслу «хозяина», террористический акт против Кирова должен был в конечном счете привести к осуждению Зиновьева и Каменева. Запорожец знал, что Сталин, появившись здесь, наверняка захочет повидать Николаева, чтобы определить годится ли тот для открытого судебного процесса. Необходимо было срочно получить от Николаева соответствующее «признание». В этом случае, как только Сталин прибудет, можно будет положить перед ним показания, в которых Николаев чистосердечно заявляет, что убил Кирова по прямому указанию Зиновьева и Каменева.

Запорожец мобилизовал всю свою энергию, чтобы вырвать у Николаева такое признание, пока Сталин находится еще в пути. Впрочем, он не предвидел особого сопротивления со стороны убийцы. По опыту работы в НКВД он знал, что даже ни в чем не повинный человек, ошеломленный арестом и деморализованный неуверенностью в судьбе близких, остающихся на свободе, становится в руках следователей крайне податливым и склонен подписать все, в чем его обвиняют. Ну а Николаев только что совершил чудовищное преступление — убил члена Политбюро. Теперь он был близок к беспамятству. В своей тюремной камере, обращаясь к надзирателям, он кричал, что ничего не имеет лично против Кирова и совершил террористический акт в минуту отчаяния. От своего «друга» Запорожец узнал, что Николаев очень привязан к жене и детям. На случай, если он станет отказываться от нужных показаний, Запорожец собирался пригрозить ему, что его близкие тоже пострадают. Этого было достаточно, чтобы Николаев подписал любое признание.

Мешала, правда, небольшая неувязка. Месяца за два до покушения «друг» познакомил Николаева с Запорожцем, представив последнего так: «Мой приятель, тоже рабочий человек». Теперь, если Николаев опознает этого «приятеля рабочего» в заместителе начальника Ленинградского НКВД, ему станет ясно, что «друг» — энкаведистский провокатор. Он сможет сопоставить ряд фактов — как бы это не завело слишком далеко! Здравый смысл должен был подсказать Запорожцу, что лучше передать Николаева кому-нибудь из коллег, который и выжмет из арестованного требуемое признание. Но Запорожец не склонен был уступать заслуженные им лавры кому бы то ни было. Он жаждал во что бы то ни стало сам добиться от Николаева показаний, направленных против Зиновьева и Каменева, и доложить о них Сталину. Приходилось игнорировать то неприятное обстоятельство, что они с Николаевым уже однажды встречались. Встреча была вроде случайной, и оставалось надеяться, что Николаев, подавленный дальнейшими событиями, просто не узнает Запорожца, тем более что тот будет в форме НКВД.

Рассчитывая на полную деморализацию Николаева, Запорожец решил действовать без промедления и распорядился доставить арестованного к нему.

Едва войдя в его кабинет, Николаев узнал в высоком энкаведистском начальстве своего случайного знакомого и понял, что стал жертвой политической провокации. Запорожец обманулся в своих расчетах. Перед ним стоял не жалкий неврастеник, согнувшийся под тяжестью страшного преступления и

ареста, а упрямый и бесстрашный фанатик. Николаев прямо заявил Запорожцу, что, ничего не имея против Кирова лично, он все же доволен, что ему удался этот террористический акт, открывающий эру борьбы с привилегированной кастой партийных бюрократов.

Этот разговор закончился трагикомической сценой. Из кабинета Запорожца послышался крик, дверь кабинета рывком распахнулась, и Запорожец выскочил в приемную, преследуемый Николаевым с поднятым над головой стулом. Николаева тут же схватили и отправили обратно в тюрьму.

Спустя некоторое время надзиратели услышали странный звук, доносившийся из николаевской одиночки. Николаев вновь и вновь бросался на стену, ударяясь о нее головой. В его положении не было другой возможности поскорее покончить счеты с жизнью. Вероятно, он полагал, что заодно он избавляет и свою семью от перспективы следствия с применением пыток. Его пришлось связать и перевести в другую камеру, стены которой были обложены тюфяками. Отныне дежурство в камер неслучайно доверенный сотрудник НКВД. На рассвете следующего дня Запорожец снова попытался завязать разговор с Николаевым, но из этого опять ничего не вышло: Николаев прямо-таки пылал к нему ненавистью — какие уж тут разговоры!

Появление Сталина в Ленинграде было большим событием. Ему был отведен в Смольном целый этаж и

сверх того десяток комнат выделен во внушительном здании НКВД. Эти помещения были полностью изолированы от всех остальных.

Сталин немедленно принялся за дело. Первым, кого он вызвал к себе, был Филипп Медведь, начальник Ленинградского управления НКВД. Разумеется, этот вызов был чистой формальностью, — Сталин прекрасно знал, что тому ничего не известно об убийстве Кирова, кроме чисто внешних фактов. Медведь был быстро отпущен и сразу же последовал вызов Запорожца. Сталин говорил с ним с глаза на глаз больше часу, после чего распорядился доставить Николаева.

Его разговор с Николаевым происходил в присутствии Ягоды — народного комиссара внутренних дел, Миронова — начальника Экономического управления НКВД и оперативника, доставившего Николаева из камеры. Николаев, войдя в комнату, остановился у порога. Голова его была забинтована. Сталин сделал ему знак подойти поближе и, всматриваясь в него, задал вопрос, прозвучавший почти ласково: — Зачем вы убили такого хорошего человека?

Если б не свидетельство Миронова, присутствовавшего при этой сцене, я никогда бы не поверил, что Сталин спросил именно так, — настолько это было непохоже на его обычную манеру разговора.

— Я стрелял не в него, я стрелял в партию! — уп-

рямо отвечал Николаев. В его голосе не чувствовалось ни малейшего трепета перед Сталиным.

— А где вы взяли револьвер? — продолжал Сталин.

— Почему вы спрашиваете у меня? Спросите у Запорожца! — последовал дерзкий ответ.

Лицо Сталина позеленело от злобы. «Заберите его!» — буркнул он. Уже в дверях Николаев попытался что-то добавить, но его тут же вытолкнули в дверь.

Как только дверь закрылась, Сталин, покосившись на Миронова, бросил Ягоде: «Мудак!» Не заставляя себя специально просить, Миронов отправился к выходу. Несколько минут спустя Ягода слегка приоткрыл дверь, чтобы вызвать Запорожца. Тот оставался наедине со Сталиным не более четверти часа. Выскочив из зловещей комнаты, он зашагал по коридору, даже не взглянув на Миронова, продолжавшего сидеть в приемной.

Дело Николаева окончилось полным провалом.

«Друг», оказавшийся агентом Запорожца, подбивал его проникнуть в Смольный, тот же «друг» достал ему револьвер — и Николаева уже не оставляло подозрение, что НКВД сам подстрекал его убить Кирова.

Значит, нечего было и думать об открытом суде по

«делу об убийстве Кирова». Если б даже и удалось заручиться обещанием Николаева давать показания против Зиновьев и Каменева, на это обещание нельзя было положиться. Кто мог дать гарантию, что то же чувство фанатичного протеста, которое толкнуло Николаева на террористический акт, не овладеет им снова? У него мог вырваться крик, что это не Зиновьев и Каменев, а сам НКВД подстрекал его к убийству. Сталин не мог пойти на столь явный риск. Ему оставалось поторопить НКВД с организацией закрытого процесса, где Николаев предстал бы перед тайным трибуналом.

В то же время следовало что-то разъяснить народу относительно убийцы Кирова. Безусловно, Сталин не мог объявить, что молодой коммунист действовал в одиночку и по собственной инициативе, протестуя против засилья бюрократического режима, установленного партией. Выгоднее было представить его ставленником русских белогвардейцев. Так появился на свет миф о белоэмигрантах, которые якобы пробрались в СССР из Польши, Литвы и Финляндии для организации террористических актов.

Сталин, конечно, постарался замести следы топорной работы Запорожца. Прежде всего он распорядился ликвидировать «друга», не потрудившись даже допросить его. Затем были вызваны заместители Кирова, у которых следовало выведать, не слишком ли многое им известно об этом деле. Но они оказались людьми искушенными и сообразили, что выказывать свою осведомленность или проницательность в данном случае просто опасно. В их рассказах Ста-

лина насторожила только одна деталь: услышав выстрел и выскочив из зала заседаний в коридор, они обнаружили, что постоянного кировского охранника поблизости почему-то нет, да и Борисов, только что вызвавший Кирова из зала, куда-то бесследно исчез. Они его никогда больше не встречали...

В общем-то в таинственном исчезновении Борисова не было ничего сверхъестественного. Он был арестован Запорожцем как знавший кое-что о роли НКВД в организации убийства. Не могу судить, что именно было известно Борисову, но сам этот факт неприятно поразил меня. Дело в том, что Борисов был известен абсолютной своей преданностью Кирову и, казалось бы, не должен был сознательно подыгрывать Запорожцу в ущерб своему «хозяину».

Сталин знал, что Борисов арестован и находится в Большом доме. Поговорив с заместителями Кирова, он прибыл в это здание и потребовал привести Борисова. Их разговор был очень кратким, и очень скоро Борисов по распоряжению Сталина был в полной тайне ликвидирован. Итак, Сталин сразу избавился от двух свидетелей.

Сталинский поезд увез тело Кирова в Москву. Гроб для прощания с убитым установили, как было принято, в Колонном зале Дома Союзов. Газеты сообщали, что Сталин, стоя в почетном карауле, испытал такой приступ горя и любви к погибшему другу и соратнику, что приблизился к гробу и поцеловал мертвого. Как бывший ученик духовной семинарии, он в

этот момент не мог не осознавать, что напрашивалась параллель между этим его поцелуем и поцелуем Иуды Искарота, запечатленным на лице Христа.

То обстоятельство, что Запорожец так неуклюже выполнил порученное ему тайное задание и что НКВД оставил следы своего участия в убийстве Кирова, заставило Сталина сначала отказаться от идеи обвинить в этом убийстве бывших вождей оппозиции. Но Сталин всегда отступал лишь на время. Поспешно расстреляв непосредственного убийцу и тайно уничтожив опасных свидетелей — посторонних, знавших или подозревавших о роли НКВД в этом преступлении, — Сталин вновь обрел спокойствие и принял решение вернуться к первоначальному замыслу. О том, что это произошло очень скоро, можно судить хотя бы потому, что официальная пресса, вначале объявившая, что убийство Кирова — дело рук белогвардейских террористов, вдруг изменила тон. Еще бы — в связи с убийством Сталин прямо распорядился привлечь к ответственности Зиновьева, Каменева и других бывших лидеров оппозиции.

На закрытом судебном процессе, состоявшемся 15 января 1935 года, не удалось выдвинуть никаких доказательств соучастия Зиновьева и Каменева в этом преступлении. Тем не менее под давлением членов военного трибунала и в результате домогательств Ягоды, на которого в свою очередь давил Сталин, Зиновьев и Каменев согласились признать, что они несут «политическую и моральную ответственность» за убийство, в то же время отрицая какую-либо причастность к нему. На этом шатком основании им вы-

несли обвинительный приговор и осудили обоих на пять лет лагерей...

(А. Орлов. //Тайная история сталинских преступлений. — Огонек. — 1989. — № 46)

ЧТОБЫ АД НЕ СЛЕДОВАЛ ЗА НАМИ

В декабре 1990 года «Огонек» закончил печатать роман Михаила Любимова «И ад следовал за ним» (№№ 37—50). Читательские письма говорят о том, что он вызвал немалый интерес. Ниже публикуется беседа Владимира Николаева («Огонек») с автором романа.

В. Н. — При начале публикации вашего романа в «Огоньке» было упомянуто, что вы многие годы были нашим разведчиком за границей. Согласитесь, далеко не каждый ваш коллега, завершив свою профессиональную карьеру, пишет роман. Многих читателей интересуют подробности вашей биографии.

М. Л. — Биография у меня образцово-советская: родился в 1934 году, отец — родом из Рязанской области, сначала рабочий, затем сотрудник органов безопасности, в 1937 году репрессирован, затем освобожден и изгнан из организации. Всю войну находился на фронте, где был взят в военную контрразведку, работал там до 1950 года. Мать — из семьи врача,

умерла рано, мне было тогда 11 лет. Так что остается загадкой, каким образом литературная инфекция проникла в нашу семью. Свой первый роман (как ни странно, из морской жизни) я написал в школьной тетрадке, прочитав «Цусиму», в возрасте 8 лет в Ташкенте, куда нас эвакуировали. Маме роман очень понравился: «Все там хорошо, Мишенька, только не совсем солидно, что советский адмирал ест в метро эскимо».

В 1952 году из Куйбышева приехал поступать в МГИМО, благо что была у меня медаль. Окончив институт, уехал по линии МИДа в Хельсинки, где работал в консульском отделе. Вскоре получил предложение перейти в разведку и вернулся в Москву. Я всегда был склонен к романтике, свято верил в светлое будущее, восхищался подпольной деятельностью наших революционеров и, кроме того, жаждал свободы общения с иностранцами и захватывающих приключений, которые, как я считал, могла мне дать работа в разведке. В 1961 году направлен в Англию, где пробыл четыре года, затем последовали с перерывом две командировки в Данию, последний раз в качестве резидента, то есть руководителя разведывательного аппарата.

Заграница мощно стимулировала во мне рост антисталинских настроений, которые посеял в моем поколении XX съезд. Все догмы типа «обнищание пролетариата» и т. д. разрушались на глазах, а такие книги, как «Мы» Замятина, «Слепящая тьма» Кестлера, «В круге первом» Солженицына, пробудили отвращение в тоталитарному режиму. Чехословацкие со-

бытия 1968 года окончательно подорвали остатки веры в нашу систему, хотя до самой перестройки я сохранял еще некоторые иллюзии.

В. Н. — А когда и как вы пришли к литературе, начали писать всерьез, что побудило вас к этому?

М. Л. — Литературный зуд одолевал меня всю жизнь, писал я и рассказы, и пьесы, и стихи, мечтал уйти с работы и начать новую жизнь на вольных писательских хлебах, тем более что с годами я разочаровался в своей профессии. Тем не менее карьера моя двигалась вверх без особых зигзагов и оборвалась лишь в 1980 году. После 25 лет службы уходил я с легким чувством: была приличная пенсия, уже готовые пьесы и стихи, огромное желание писать и писать... Я решил остановиться на драматургии. Далее последовали утомительные и бесплодные визиты в театры и наши органы культуры, беседы с важными тетушками, гордо именовавшими себя референтами и завлитами, бандероли с пьесами в театры (тогда я еще не знал, что пьесы у нас читают редко и на письма не отвечают), randevу с режиссерами, которых почему-то все больше интересовал Чехов в их собственной гениальной интерпретации. Увы, никто из них не звонил мне ночью и не кричал возбужденно: «Я прочитал вашу пьесу и не могу заснуть!» Тем не менее в 1984 году Московский областной драматический театр поставил мою пьесу «Убийство на экспорт», вскоре она прошла и на радио. Пьеса была из серии «политических» и рассказывала о драме американского разведчика — организатора убийства. Знаменитым я наутро не проснулся. Малая побе-

да породила большие надежды, и я удвоил усилия. Чуть не приняли киносценарий, заинтересовались пьесой по Замятину и Оруэллу. В начале 1990 года «Детектив и политика» опубликовал мою пьесу на тайную войну КГБ и ЦРУ, пока не нашедшую своего театра, вскоре там же напечатают мою комедию о дипломатах.

С момента моей отставки пролетело почти 10 лет, нормальный человек моей профессии давно бы понял, что он графоман, и устроился бы на работу куда-нибудь в кадры или швейцаром в хаммеровском центре. Но я продолжал писать, хотя начал подозревать, что в театре народ гораздо коварнее, чем в разведке. «Лазарет самолюбий!» — повторял я слова Чехова о театре, но себя в подобный лазарет, естественно, не зачислял.

В. Н. — Бесспорно, в романе вымышленная ситуация и персонажи, но все это упало на художественную почву не с неба. Во всяком случае, под большинство эпизодов, сюжетных поворотов, черточек биографий я могу подложить какую-нибудь иллюстрацию либо из обширной западной литературы о разведке, либо из собственного опыта.

В. Н. — Насколько реальны записки разведчика из тюрьмы? Что в данном случае от жизни, а что от писательского вымысла?

М. Л. — В тюрьмах сидели наши нелегалы — пол-

ковник Абель, арестованный в США из-за предательства своего помощника, Гордон Лонсдейл, он же Конон Молодой, Юрий Логинов, арестованный в ЮАР. Всех их потом обменяли. Наверное, сидели и другие, с воспоминаниями такого рода мы уже знакомы, особенно в последние годы. Были и случаи предательства.

В. Н. — О предательствах в разведке мы уже слышаны...

М. Л. — Да, тут и шифровальщик военной разведки Гузенко, ушедший в Канаду после войны и проваливший целую группу агентов, добывавших атомные секреты, и специалисты по террору и саботажу Хохлов и Лялин, в последние годы — Левченко, Кузичкин, Гордиевский...

В. Н. — Но у вас Алекс имитирует предательство, а на самом деле это способ внедрения во вражескую разведку. Насколько это реально?

М. Л. — Вполне реально. Во всяком случае, почти все перебежчики очень тщательно проверяются, как возможные подставы враждебной разведки. Например, в 1964 году бежал на Запад крупный работник контрразведки КГБ Ю. Носенко, выдавший очень много секретов работы КГБ внутри страны и особенно в Москве. Американцы не только проверяли его на детекторе лжи, но и в тюрьме долго держали: так сильны были их подозрения. Кстати, в бериевские

времена Кима Филби и других наших помощников-агентов НКВД тоже подозревали в двойной игре. Вообще в разведке есть невероятные сюжеты. Помните, несколько лет назад ЦРУ был похищен в Италии советский разведчик Юрченко, который потом ушел от американцев и об этом рассказывал нам с телеэкрана? Американцы до сих пор утверждают, что перешел сам и выдал ряд наших агентов. Интригующий сюжет, правда?

В. Н. — Ваш роман относится к жанру политического детектива. К сожалению, это эпитет — «политический» — в нашей литературе в последние годы во многом дискредитирован, девальвировался. В вашем романе, к счастью, такой тенденции нет.

Речь идет о морали и нравственности, библейских заповедях, недаром и само название романа — цитата из Библии, недаром предваряет его цитата из А. К. Толстого:

Двух станов не боец, но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой добрый меч.
Но спор с обоими досель мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь...

М. Л. — Определение «политический детектив» приводит меня в ужас. Действительно, я использовал некоторые детективные ходы, а и сам сюжет с поиском Крысы — из того же родника. Но я хотел прежде всего показать человека в Системе, если

угодно, неплохого человека, исковерканного Системой и профессией, лишенного кое-каких моральных основ, но не погибшего до конца и жаждущего обрести и себя, и Истину, и своего неосознанного, путаного Бога. Мой Алекс давно очумел от борьбы идеологий, «холодной войны» и виски, осознал напрасность своей жизни. Как ни странно, начал я писать нечто приключенческое, ведь мой антигерой жизнелюбив и находчив, он не принадлежит к породе горемык. А эпиграф из А. К. Толстого я понимаю однозначно: все это соревнование «двух мировых систем», двух станов, упавшее на нас по воле Истории, суть трагедия, принесшая горе прежде всего нашему российскому стану. Нет станов, есть одно человечество, одна цивилизация.

К сожалению, наш читатель недостаточно подготовлен для восприятия книг о шпионаже, и в этом вина не его, а тех, кто десятилетиями культивировал литературу, прославляющую фальшивые стереотипы чекистов. Даже о своих настоящих героях мы не говорили правду: только сейчас публикуются материалы о судебном процессе над полковником Абелем, выходят мемуары Блейка, написано о Лонсдейле, хотя до сих пор нет правдивых книг о Киме Филби, Гае Берджессе, Дональде Маклине... Список велик, наша разведка может гордиться своими сотрудниками, убежденно работавшими ради «построения нового мира». Это и подвиг, и драма. Вообще эта тема — нераспаханное поле. На Западе о наших разведчиках и агентах написаны горы бумаги, регулярно появляются научные исследования о ЦРУ, КГБ, СИС, мемуары разведчиков, не говоря уже о шпионской беллетристике Ле Карре, Форсайта и многих других.

В. Н. — Абсолютная засекреченность у нас разведывательной деятельности невольно наложила запрет на произведения о ней. В этом плане в детективе о наших разведчиках вы являетесь своего рода первопроходцем. Вы смогли сказать то, что хотели, или же наши традиционные запреты все же помешали раскрыть тему до конца?

М. Л. — Наша цензура почти выбила жанр шпионского триллера из литературы. Да и бывшие разведчики фактически не имели возможности писать правду. Между тем на Западе Сомерсет Моэм, сотрудничавший с английской разведкой, написал и серию блестящих рассказов о секретной службе, и роман «Эшенден» о своей тайной миссии в России, английские разведчики Комтон Маккензи, Грэм Грин, Ян Флеминг выросли в известных писателей. Мне доводилось читать рукописи наших разведчиков, часто талантливых людей. Вы не представляете, как скудела их фантазия под железным катком самоцензуры, как старательно очищали они свои тексты от крупниц правды, вписываясь в стереотип преданного партии героя-чекиста. Когда я писал что-то о нашей работе даже после отставки, я чувствовал в себе такую самоцензуру, что Главлит по сравнению с нею детский сад. Вот вы спрашиваете, не мешали ли мне традиционные запреты? И в этом вопросе отражается весь миф о каких-то якобы неизвестных формах и методах спецслужб, и в частности КГБ. А на самом деле единственные секреты — это фамилии, должности, адреса, операции и прочие конкретные факты.

Культ секретности и соответственно КГБ достиг у нас невиданных масштабов. Мы никак не наведем порядок с секретностью в нашей стране, и всего лишь потому, что существует масса людей, которые получают хорошие деньги за охрану несуществующих секретов, и не только деньги, но и престиж, и таинственный ореол, прикрывающие видимость деятельности. Единственные секреты, которые я пытался раскрыть в романе, касались человеческой души. Мне трудно судить, насколько мне удалось описать жизнь и работу разведчиков, я писал об Алексее, больше всего меня интересовала его человеческая судьба. Наверное, о жизни и работе разведчиков лучше писать документальные романы-эпопеи.

В. Н. — Когда читаешь роман, то невольно вспоминаешь те крохи информации о нашей разведке, какие в разные времена стали нам известны из советской и зарубежной печати. Сухие протокольные факты и только факты, без всякой подоплеки: кто-то вдруг попросил политического убежища за границей, кого-то выслали как нежелательную персону (а то и сразу несколько десятков человек, как, например, из Англии) и т. п. А что кроется за такими событиями? Продажность отдельных аморальных личностей? Или не тот отбор? Плохая выучка? Или их идейные разногласия с Системой, которой они были обязаны служить? В романе такие размышления или намеки на них встречаются. Как вы смотрите на эти проблемы сегодня?

М. Л. — Массовые высылки отнюдь не означают, что разведчиков на чем-то прихватили. Во времена по-

тепления отношений с Западом все наши внешние организации, включая разведку. Стали расти бешеными темпами, посольства и другие загранучреждения увеличивались по законам Паркинсона. Наши руководители совершенно забыли, что разведка работает не в Курской области и нельзя до бесконечности увеличивать ее аппарат. В Англии, например, сначала об этом деликатно предупреждали, а в 1971 году взяли и выставили более чем 100 человек, ввели квоты. Аналогичные действия предприняли и другие страны. Если бы Запад не ввел квоты, я уверен, что и в Англии, и в большинстве стран с хорошими условиями жизни работали бы уже целые дивизии разведчиков и дипломатов, ведь бюрократия (и не только она) жаждет любыми путями вырваться за границу. Причем отнюдь не из идейных или профессиональных соображений.

Если взять рутинные высылки, то, как правило, это расплата за ошибки разведчика. Я сам когда-то заплатился за свою излишнюю активность и был без газетного шума выслан из Англии. Что касается предательств в разведке, то они в значительной степени отражают кризис общества, объясняются неверием в декларируемые идеалы, распространением коррупции. Рыба гниет с головы, и разведка очень к ней близка. Наверное, среди предателей есть и идейные противники, почему бы им не быть? Но я как-то не верю заявлениям о шпионаже в наше время чисто по идейным соображениям, всегда подозреваю, что была еще какая-то тайна. Не надо забывать простую библейскую истину: человек грешен. Одни любят деньги, которые не пахнут, существуют человеческие страсти, которые можно при желании использо-

вать. На мой взгляд, в эпоху застоя в наших колониях за рубежом царил такой страх перед перспективой конца заграничной карьеры, что даже при небольших прегрешениях человек мог поддаться на шантаж иностранной разведки. При всех издержках перестройки радостно видеть появление чувства человеческого достоинства, люди перестают бояться Системы, и это прекрасно.

В. Н. — Вы сказали, что разочаровались в профессии разведчика. Почему?

М. Л. — Наверное, я был слишком романтиком, слишком много от нее ожидал... Я постепенно понял, что в условиях тоталитарной системы разведка играет малую роль. Уверовал Сталин в лояльность Гитлера — и что там донесения Рихарда Зорге или агентов «Красной капеллы» о приближении войны! Сталин даже передавал Гитлеру предупреждения Черчилля о готовящейся агрессии — так он дорожил его доверием. Какой начальник разведки осмелится докладывать своему шефу сведения, которые могут стоить ему головы? Ну а при Хрущеве или Брежневе — должности. Сколько в свой жизни я видел сообщений с негативными оценками нашей политики, и почти все они летели в корзину и не докладывались в Политбюро. Зато всегда прекрасно оценивалась информация, в которой пели аллилуйю выступлениям Брежнева, ссылаясь на «исключительно положительную реакцию» в западных кругах! Мне вообще кажется, что в тоталитарной системе сведения разведки всегда можно использовать так, как этого хочет обладатель информации — в данном случае

председатель КГБ. Кроме того, у меня большие сомнения, что наше руководство при его загруженности в состоянии прочитать даже малую толику тех огромных информационных потоков, которые катятся на него из различных ведомств, в том числе и из КГБ. Впрочем, проблема «информационного бума» касается не только нашего государства.

Я все больше склоняюсь к мысли, что одна умная книга или официальный отчет группы независимо мыслящих экспертов гораздо больше дают понимания политического положения в стране, чем донесения тайных агентов или секретные доклады, которые, несмотря на гриф, бывают поразительно банальны и пусты.

В. Н. — Ваш роман, сам факт его публикации свидетельствуют о том, что перестройка вторглась и в сферу нашей разведки, в сферу КГБ в целом. Понятно, что, как и вся страна, это засекреченное ведомство нуждается в новых идеях, в реформе. Не могли бы вы сказать о том, в чем в первую очередь должна выразиться перестройка в КГБ? Например, утвержденный недавно председатель КГБ Белоруссии Э. Ширковский подробно рассказал депутатам Верховного Совета БССР, как он собирается перестраивать работу органов безопасности. Следуя Конституции, КГБ будет отчитываться о своей деятельности перед Верховным Советом, его комиссиями и перед правительством республики. Во главу угла будет поставлена борьба за человека, а не против него... Также недавно было опубликовано письмо работников Управления КГБ СССР по Свердловской области, в

котором критически оценивается его деятельность в ходе перестройки и предлагаются конкретные меры по реорганизации органов госбезопасности.

М. Л. — Посмотрим, как эти идеи будут воплощены в жизнь. Повернуть КГБ лицом к человеку — это большое дело! Николай I в 1825 году при основании Третьего Отделения подарил его шефу Бенкендорфу платок со словами: «Тут все мои директивы. Чем больше слез ты будешь вытирать им со своего лица, тем преданней ты будешь служить моим целям». Третье Отделение, так раздраконенное нашими революционерами-демократами, насчитывало тогда лишь 16 человек, правда, к концу царствования Николая разрослось до 40. Кстати, газета «Московские новости», сделав анализ на основе сравнения со спецслужбами ГДР, пришла к выводу, что число кадровых сотрудников КГБ составляет не меньше 1,5 миллиона.

КГБ давно созрел для реорганизации, и я не понимаю тех его руководителей, которые утверждают, что вся система «сложилась исторически» и поэтому, мол, не нужно менять структуры. Именно потому и нужно менять, что исторически у нас сложилась жесткая, полицейская система, охраняющая тоталитарный режим от некоммунистических идей и «тлетворного влияния Запада». Шпиономания со времен Сталина была поставлена во главу угла пропаганды, органы контрразведки непомерно разрослись (Берия и не мечтал о таких ее масштабах!) и поставили под контроль все контакты наших граждан с иностранцами. Даже мы, разведчики (и не только мы!), работа-

ющие за границей, приезжая домой, боялись соприкоснуться случайно с каким-нибудь иностранцем, не давали им ни домашних телефонов, ни адресов — а вдруг? Попасть в одну компанию с гражданином натовской страны (не говорю уж о близком знакомстве или, не дай Бог, дружбе) и то казалось рискованным даже для людей, не работающих на режимных объектах и не имеющих доступа к секретам.

Сейчас уже хорошо видно, от чего должен быть защищен гражданин нашего государства. Прежде всего от разгула преступности, в том числе и организованной, которая видимо и невидимо обирает его как липку, от терроризма, национального экстремизма, попыток переворотов. Лишь за этим идет охрана государственных секретов, по крайней мере такие приоритеты во внутренней безопасности существуют во всех цивилизованных странах. Нынешний КГБ уже мало вписывается в новую внешнюю и внутреннюю политику, странно, что этого не замечает руководство страны. Нужна новая концепция национальной безопасности, ее широкое обсуждение не только практиками из КГБ, но и политиками, учеными, представителями других ведомств, системная проработка целей и задач, уточнение, что же такое «разумная достаточность» для органов безопасности. Явно назрело сокращение организации, необходимо отделить разведку от контрразведки, устранить параллелизм в работе управлений, кое-какие синектуры вообще прикрыть, ликвидировать ряд направлений в работе, возникших в годы бюрократизации всей нашей жизни, конечно же, нужны департизация или по крайней мере введение в руководство КГБ беспартийных и представителей других партий. КГБ — это

не медицина и не геология, нельзя отдавать его перестройку только в руки профессионалов: они могут утянуть воз в такие дебри, что общество ахнет от нововведений.

В. Н. — К концу романа ваш Алекс, по сути дела, превращается в террориста... Разве КГБ занимается террором?

М. Л. — Террористом Алекс становится благодаря интригам предателя — своего начальника. «Монастырь» подобных заданий ему не ставит. Во время сталинщины органы безопасности активно убирали неугодных людей за кордоном, главным образом своих бывших сотрудников и таких деятелей, как Петлюра, Кутепов, Троцкий, а после войны — ряд лидеров НТС. Я считал, что эта практика продолжалась до 1959 года, когда в Мюнхене агентом КГБ Сташинским был убит Степан Бандера. Убийца в 1961 году перешел на сторону Запада, покаяться и дал показания на судебном процессе в Карлсруэ. Должен сказать, что во время своей работы я никогда не слышал о терактах, наоборот, Андропов всегда подчеркивал, что к прошлому возврата нет. Однако сейчас появляется новая информация. Например, попытка отравить Амина и его гостей, обстрел его дворца, во время которого он был убит. После распада ряда восточноевропейских разведок стало известно, что на их территории нашли приют террористы, совершившие много преступлений. Утверждается, что Хоннекер якобы знал о готовящемся взрыве в западноберлинской дискотеке, во время которого погибли люди. Газеты пишут, что террористы скрывались и в СССР.

В то же время руководство КГБ заявляет о сотрудничестве с ЦРУ в борьбе с международным терроризмом. Вряд ли есть наивные люди, считающие, что КГБ не имел теснейших контактов с восточноевропейскими разведками, но КГБ на этот счет хранит молчание, и это порождает массу слухов и домыслов.

Совсем недавно в «ЛГ» напечатана статья с прозрачным намеком, что Сахаров мог быть подвергнут во время лечения в Горьком вредным воздействиям, что ускорило его смерть. Помнится, в свое время американские дипломаты в Москве высказывали протесты в связи с обнаружением ими в своей одежде датчиков с вредным для здоровья излучением — они использовались для слежки. Чтобы прекратить домыслы и слухи, стоило бы принять закон об уголовной ответственности за использование спецслужбами средств, вредных для здоровья человека.

В. Н. — Ваш герой, разведчик, угодил в конце концов в тюрьму аж на 30 лет. Что ж! Таковы правила игры. Разведки и их агенты были в прошлом и еще будут. Но все же сейчас, в период становления нового мышления в международных отношениях, их судьба, по-моему, тоже должна как-то измениться. Как? Мне трудно сказать, я не специалист в этой области, но думаю, что для тех, кто, так же как и ваш герой, обречен сидеть за шпионаж в тюрьме еще много лет. Отношения между их странами (и между лидерами этих стран) изменились в лучшую сторону, а они по-прежнему являются жертвами прошлого. Что вы думаете по этому поводу?

М. Л. — Главное, на мой взгляд, в период перестройки — это конец «холодной войны» и соответственно борьбы разведок. Тут изменить свое отношение друг к другу нелегко ни Востоку, ни Западу, но совершенно очевидно, что необходимо на взаимной основе сократить разведывательную деятельность, уйти от острых форм работы, подрывающих взаимное доверие. Как это сделать? Боюсь, что сами спецслужбы всегда найдут повод вставить палки в колеса такому сотрудничеству, оно им невыгодно, ибо напоминает подрубание сука, на котором сидишь. А ведь во время войны существовал обмен информацией между нами и СОВ — тогдашним разведывательно-диверсионным подразделением Англии и Управлением Стратегических служб — будущим ЦРУ! Конечно, это отношения были далеки от идеала, но и время было другое! Мне кажется, что к организации сотрудничества спецслужб, в том числе в области борьбы с терроризмом и обмена информацией о горячих точках, должны подключиться активнее парламентарии и общественные организации. И в качестве доброго, гуманного жеста и Запад, и Восток должны амнистировать всех осужденных за шпионаж — в конце концов эти люди стали жертвами «холодной войны», а после войны обычно обменивают пленных.

Боюсь, что мои идеи не вызовут энтузиазма ни в КГБ, ни в ЦРУ. Покажется парадоксальным, но, находясь в состоянии тайной войны, раздувая шпиономию и мощь противника, противостоящие спецслужбы как бы подпитывают друг друга и попадают во взаимозависимость. Козни врага постоянно преувеличиваются, бюрократические аппараты растут,

и за все это расплачивается налогоплательщик, не имеющий возможности разобраться в происходящем из-за тумана секретности.

Но будем надеяться на лучшее. Парижская хартия о конце «холодной войны» должна многое изменить. (Огонек. — 1990. — № 51)

ОРУЖИЕ НАЕМНЫХ УБИЙЦ — ТТ

Он вернулся к нам после сорокалетнего забвения. Вчерашние, сегодняшние и завтрашние газеты писали и будут писать об этой уже привычной для нас двойной находке: труп и ТТ. Конъюнктура рынка превратила сегодня один из мощнейших пистолетов в истории человечества в одноразовое орудие убийства.

В связи с созданием регулярной армии в конце 20-х годов встал вопрос о модернизации вооружения и личного оружия ближнего боя в частности. Перед советскими конструкторами была поставлена задача разработать автоматический пистолет под имевшийся патрон маузера образца 1896 года калибром 7,63 мм. Кстати, при разработке оружия вопрос о курице и яйце не стоял. Патрон всегда первый. В данном случае патрон был очень мощной, бутылочной формы. При выстреле он обеспечивал пуле высокую начальную скорость и очень высокую прицельную дальность. И хотя останавливающее дейст-

ие пули при таком сравнительно небольшом калибре было невелико, решающую роль в принятии решения о калибре сыграл фактор экономности экономики: в случае конструкторской удачи при разработке пистолета одно и то же заводское оборудование могло производить любые столы: пистолетные, пулеметные и винтовочные.

В конкурсе приняли участие конструкторы Токарев, Коровин и Прилуцкий. Токарев одержал победу, как говорят, за явным преимуществом. По техническим характеристикам его пистолет не уступал лучшим образцам военных пистолетов того времени, а по ряду показателей даже превосходил их. Например, радиус рассеивания при стрельбе из ТТ на дистанцию 50 м составляет лишь 15 см, тогда как современные западные стандарты для служебных пистолетов при стрельбе на такую же дистанцию допускают рассеивание в радиусе в 35,5 см. А по дульной энергии ТТ превосходил «Парабеллум», равняясь длинноствольному «Маузеру». Но были и отдельные недостатки в конструкции, замеченные сразу (например, выпадание обоймы). Но они вскоре были устранены, и пистолет в 1933 году был взят на вооружение.

Как водится при создании всякой приличной вещи, Токарев постфактум был обвинен в плагиате. ТТ и сегодня сравнивают с «Браунингом» 1903 года выпуска. А в США наши пистолет иначе как «Браунинг — Токарев» называют редко. Что ж, доля правды во всем этом есть. Пистолеты Браунинга были в России на вооружении жандармского корпуса. И поэтому, возможно, Токарев взял за основу для своей разра-

ботки именно бельгийский пистолет, доработав его сообразно текущему моменту. Но все же внешне пистолеты похожи как братья. К чести Токарева надо заметить, что прототип, выбранный им, выпускался в течение 37 лет и был очень популярен во всем мире.

С 1933 года ТТ без изменений изготавливали на трех заводах: в Ижевске, Туле и Коврове. Пистолет выпускался в трех вариантах: серо-черный, красно-коричневый и сине-голубой. В начале 50-х годов пистолет был снят с производства и соответственно с вооружения. Однако не для всех. И сегодня ТТ находится на вооружении у спецподразделений московской милиции (РУОПа, в частности) и некоторых других милицейских служб. Всего было выпущено около 3 млн., штук. Но точная цифра неизвестна (и сейчас в адрес «Росвооружения» из-за границы поступают заявки на приобретение ТТ отечественного производства, а раз есть спрос, значит, есть и предложение, значит, есть и склады с новыми ТТ).

Сразу после войны ТТ экспортировался в подавляющее большинство стран соцлагеря. Северная Корея, Венгрия, Югославия и Китай купили лицензии на его производство. В этих странах производились как базовая модель пистолета, так и ее вариации. Например, венгры по заказу египтян производили ТТ под 9-мм патрон и с флажковым предохранителем. Также поступали и китайцы. Югославы делали магазин на 9 патронов, а корейцы изготавливали ТТ с укороченным на 100 мм стволом. Сегодня пистолет производится только в Китае, но на вооружении его

уже нет, и производство носит коммерческий характер.

У нас пистолет сняли с вооружения в 1951 году. Тогда говорили, что он слишком тяжел и длинен. Из-за своей формы ТТ так и не заслужил уважения в бронетанковых войсках. В годы войны танкисты часто отказывались от него, мотивируя это тем, что ствол ТТ не пролезает в смотровую щель и неудобно отстреливаться от фашистских гадов. Сменивший ТТ «Макаров» при большом калибре оказался легче, меньше и изящнее. Пришло время и для ТТ стать историей. Однако этого не произошло. Снятый с вооружения, через 40 лет он вернулся и ежедневно напоминает о себе.

«...33-летний предприниматель N был убит двумя выстрелами в голову при выходе из лифта в подъезде собственного дома. Рядом с трупом было обнаружено орудие убийства — пистолет ТТ» — эта цитата из вчерашних, сегодняшних и, скорее всего, завтрашних газет. По оперативным сведениям, до 70 процентов заказных убийств совершаются из этого пистолета. Причин несколько, но главная — в том, что ТТ практически невозможно отследить. Его учета, подобно «макаровскому», по объективным причинам практически не велось. Была война, целые дивизии исчезали. Тут не до личного оружия. Но и после войны темных пятен не убавилось. Например, неизвестно точное количество выпущенных у нас пистолетов, неизвестно, сколько их еще осталось в стране (на складах и в заводской смазке). Это что касается отечественных. Про иностранные ТТ и говорить не при-

ходится: стоимость ТТ китайского производства (где-то в районе \$200—300) автоматически делает пистолет одноразовым.

Каналы поступления ТТ в Россию известны: Дальний Восток (через Китай) и Приднестровье (через Румынию). Пистолеты нашего производства попадают на рынок через «черных» следопытов (но это мелочь), а также оттуда, где много лет хранятся партии новых ТТ.

Тем, кто хочет обзавестись пистолетом ТТ, можно сразу посоветовать этого не делать, так как это не только противозаконно, но и очень сложно (простому человеку, разумеется). Однако заметим, что лица, не имеющие криминальных связей и не чтящие закон, обычно ищут ТТ на рынках. Они неспешно прогуливаются по рядам, высматривая людей, наиболее подходящих на роль продавцов соответствующего товара. И никогда не подходят к темным личностям с небритыми лицами, видимо зная, что к торговле оружием те в большинстве своем не имеют ни малейшего отношения. Наиболее вероятно встретить нужного человека у прилавка с пневматическим оружием. Хотя, конечно, в 99 случаях из 100 и там пошлют просителя куда подальше. Особенно если он попытается соорудить из себя конспиратора или знатока блатного жаргона. Знающий человек, убедившись, что перед ним действительно продавец пневматики, и прицелившись к любой из воздушшек, тактично поинтересуется, а нет ли чего еще, и если в глазах продавца вдруг блеснет заинтересованность, то затем покупателю, скорее всего, скажут, когда и куда по-

дойти и сколько при этом принести с собой. Московская цена ТТ зависит от числа посредников, места изготовления, состояния оружия и может колебаться от \$200 до \$1000. Кстати, на Западе ТТ покупают в основном коллекционеры, причем ценность представляют лишь советские образцы. Цена одного пистолета — \$120—130 (западная цена пистолета Макарова — \$170—190).

СПЕЦИАЛИСТЫ ПРО ТТ. Начальник отдела вооружений и средств активной обороны МВД России Юрий Карпеченков: «Самое лучшее оружие — наше. Самый лучший пистолет — ТТ. Выполняя интернациональный долг в Афганистане, я владел трофейным ТТ. Он меня не подводил. При испытании пуленепробиваемых жилетов мы используем ТТ и маузер. Я пока не встречал жилета, выдержавшего выстрел ТТ. Безусловно, у ТТ не очень с останавливающим действием, зато он бьет наверняка. Недостатком пистолета называют отсутствие предохранителя, но я не слышал о случаях незапланированных выстрелов. Да, у него не хромирован ствол, но на кучность стрельбы это, как говорится, не влияет. Из западных могу посоветовать поставить рядом австрийский «Глок».

Ведущий эксперт Центра технических средств защиты «Дина мо» Владимир Кислов: «Главная функция пистолета — это ближний бой, где не требуются такие мощные патроны, как у ТТ, а нужен лишь более крупный калибр. Сложная бутылочная форма гильзы автоматически влечет за собой некоторое усложнение всей конструкции пистолета. Его автома-

тика работает за счет отдачи ствола коротким ходом, тогда как более надежна и проста в этом смысле система отдачи свободного затвора (используется в пистолете Макарова). Недостатком ТТ является его, по сути дела, отсутствующий как отдельная деталь предохранитель. Предохранение от случайного выстрела обеспечивает лишь поставленный на предохранительный взвод курок. Не вызывает особого восторга и устройство спускового крючка по методу скольжения (например, у ПМ спуск происходит поворотом спускового крючка относительно неподвижной оси). Для того, чтобы нажать на такой спуск, нужно приложить довольно большое усилие, а это влияет на точность прицеливания».

Эксперт-криминалист: «Безусловно, баллистические характеристики ТТ лучше, чем у других служебных пистолетов, но большие габариты и вес этого пистолета создают неудобства в обращении с ним. Если уж брать пистолет с такими габаритами, то лучше — «Стечкин».

Оперативник с Петровки: «В нашей работе обычно хватает и ПМ, а если нужно что-то посолиднее, то у нас для этого есть укороченные автоматы».

Старший научный сотрудник Музея Вооруженных Сил РФ, курирующий стрелковое оружие, Сергей Плотников: «Скорее всего, ТТ — лучший военный пистолет времен второй мировой войны. Но, подчеркиваю, военных и тех лет. Недостатком считаю малый калибр, на Западе и военные, и полиция уже

давно пользуются только 9-мм. У этого пистолета слишком сильная и резкая отдача, он злой. Возможно, дело в массе, сам пистолет относительно легкий, а патрон очень мощный. Был бы ТТ граммов на 200 тяжелее, был бы мягче. Очень высока и дульная энергия, больше чем у парабеллума, и сравнима с маузером. Для ТТ это слишком много. При стрельбе в упор не хватает останавливающего действия. Можно прошить цель несколько раз, не остановившись. Если не задеть голову и другие жизненно важные органы. С 9-мм пистолетами такого не происходит. И тем не менее это один из лучших пистолетов. Среди западных могу сравнить с «Вальтером-38» и швейцарско-немецким пистолетом «Зиг».

Мнение рядового потребителя пистолета отражает статистика правоохранительных органов. Напомним, что до 70 процентов заказных убийств совершается с помощью пистолета ТТ.

(А. Еремушин. // Криминальное обозрение. — 1996. — № 10)

КИЛЛЕРСКАЯ ФИРМА СО ЗНАКОМ КАЧЕСТВА

21 декабря 1993 года в центре Алма-Аты, в двух шагах от президентского дворца неизвестный убийца хладнокровно всадил несколько пуль в генерального директора акционерной компании «Алма-

тыгорстрой» Игоря Мильграма и его водителя Дмитрия Тарасова.

Работал профессионал, в этом не было никакого сомнения. Он ни разу не промахнулся, не оставил свидетелей. И растворился в лабиринте многоэтажек на поджидавшей его машине так же бесследно, как и появился.

Неудивительно, что убийство Мильграма молва сразу же зачислила в разряд нераскрываемых. Следственные действия были наглухо засекречены. Эта таинственность породила за прошедшие три года массу слухов, которые кому только не приписывали убийство Мильграма. Вопрос о заказчиках и сегодня остается открытым. А вот что касается исполнителей...

На днях у работников МВД и ГСК, пожелавших, чтобы их фамилии не фигурировали в газете, нам удалось выяснить, что к смерти Мильграма и его водителя скорее всего была причастна крупная и мощная международная преступная группировка, на счету у которой около двадцати подобных заказных убийств. По сути, это была подпольная школа наемных киллеров, которую возглавляли двое братьев — Сергей и Александр Целлогузы. Группировка была специализирована на совершении заказных убийств, имела отменное снабжение и объединяла несколько десятков профессиональных киллеров из крупных преступных сообществ Санкт-Петербурга, Беларуси и Казахстана. Сами братья прошли школу войны в

Афганистане, блестяще стреляли и владели приемами рукопашного боя.

Группировка не имела недостатка в оружии, машинах, деньгах. Она скорее напоминала военную организацию нежели заурядную банду. В месяц на карманные расходы у ее членов уходило не меньше 15 тысяч долларов. Преступники по шесть часов в день занимались в спортзале. Проходили специализированную подготовку по стрельбе из оружия любой марки.

Заказы на убийство получал лично Целлогуз-старший и через младшего брата давал задание своим подчиненным. Кого предстояло «убрать» и кто дал заказ — для большинства членов группировки оставалось тайной. Совершая убийства, киллеры всячески страховались от случайностей — заказы в Казахстане выполняли убийцы из России и Беларуси. И, наоборот, «работу» на территории других государств выполняли казахстанцы. В своей деятельности убийцы использовали все виды оружия — от пистолетов до взрывчатки. Использованное оружие (как «визитку») оставляли на месте преступления. Коллег-киллеров, допустивших «прокол», безжалостно убивали. Раскрыть банду удалось только после не очень аккуратно проведенного ими в Кустанае убийства местного коммерсанта. От этого «заказа» ниточка потянулась в Россию, Беларусь. На сей раз правоохранные органы трех государств сработали четко, и большинство членов этой группировки были арестованы в Минске. И хотя главарям банды удалось уйти, всего в руки белорусской милиции попало 15 преступников, среди которых трое казахстанцев. Тогда-

то на допросах членов группировки и выяснилось, что в декабре 93-го Александр и Сергей Целлогузы советовались между собой, как лучше выполнить заказ на некоего руководителя крупной алма-атинской организации. Однако никто из задержанных киллеров фамилию Мильграма не знал, так как Целлогуз-старший из подчиненных ему бандитов не доверял никому. А из тех восьми членов группировки, кто непосредственно мог участвовать в осуществлении убийства Мильграма, в живых, судя по всему, братья не оставили никого — семеро убито, один необъяснимо исчез.

Однако оперативным путем уголовному розыску удалось выяснить, что именно в декабре 1993 года банда братьев Целлогузов в полном составе находилась в Алма-Ате и проживала прямо напротив того самого места, где был убит Мильграм, — в доме, где расположен магазин «Березка». В настоящий момент в материалах уголовного дела есть подтверждающие все это протоколы допросов и видеозапись показаний преступников и свидетелей. Кроме этого, описанный немногими очевидцами убийца Мильграма как две капли воды похож на Целлогуза-младшего — Сергея.

Что же касается имени заказчика убийства, то об этом пока что можно гадать. По словам нашего информатора, заинтересованных в смерти Игоря Мильграма лиц было по крайней мере несколько. Например, ряд крупных зарубежных дельцов. Но наиболее вероятным заказчиком наши источники в ГСК и МВД называли одного бывшего алма-атинского банки-

ра, который впоследствии был осужден за финансовые махинации. В ходе следствия его пытались «подтянуть» к убийству Мильграма, но это не удалось, поскольку никаких прямых доказательств его причастности не было.

Не прибавилось их и после поимки группировки киллеров, так как сами братья Целлогузы до сих пор находятся в бегах и разыскиваются по всей территории СНГ. И до тех пор, пока на них не наденут наручники, подробности убийства Игоря Мильграма так и останутся тайной.

(Г. Бендицкий, О. Квятковский. // Криминальное обозрение. — 1996. — № 37)

ОН СЛИШКОМ МНОГО ЗНАЛ

Сам ли застрелился бывший министр МВД?

Когда рушатся троны, дворцовая челядь гибнет под их обломками... Щелоков застрелился! Один сигнал пошел на вызов оперативной группы. Другой — в Верховный Совет, чтобы и оттуда прислали кого-нибудь в понятия. Теперь, когда истекло время, после которого тайное становится явным, «в сферах» почти открыто говорят, что того последнего, рокового выстрела бывшего министра ждали. Неясным пока еще все-таки остается то — и об этом мы, наверное, узнаем позже — сам ли бывший министр МВД нажал на спусковой крючок или кто-то помог ему в

этом. Пока же сохраняется версия о самоубийстве. Хотя сомнения в ней возникали с самого начала. Когда, взломав дверь, сотрудники МВД вошли в дом Щелокова, они увидели своего бывшего шефа, одетого в полную парадную форму, генерала армии, со всеми орденами, в луже крови, с головой, разmozженной выстрелом в упор. Одно из драгоценных ружей богатейшей коллекции главного «силовика» страны валялось рядом...

Помню, генерал армии Щелоков приехал в редакцию «Правды». Он только что получил это высокое звание, коего не удостаивались многие выдающиеся полководцы Великой Отечественной войны, и весь лучился радостью. Крупный румяный здоровяк он, казалось, был олицетворением могучей империи. Нас подкупило его откровенное заявление, что видимая всеми обычная уголовная преступность в СССР — это лишь верхняя часть айсберга. А что там внизу — генерал сокрушенно развел руки — не ведает даже он.

Лгал нам тогда Щелоков, а мы верили. Лишь годы спустя узнали, что он не только знал о глубинной, самой страшной и опасной для страны части айсберга преступности, но и сам с товарищами в высших сферах власти способствовал ее росту.

Пришел однажды в МВД сигнал о том, что секретарь сочинского горкома КПСС Мерзлый вручал местным торговым работникам необходимые им тогда партийные билеты за деньги. А клиентов в партийцы по-

ставляла его жена, в прошлом официантка, которую он назначил директором треста кафе и ресторанов Сочи. По этому сигналу в курортный город с группой опытных сыщиков выезжал мой знакомый полковник МВД. Одновременно туда примчался партийный вождь Кубани, любимец Брежнева Медунов, который потребовал конфиденциальной беседы с Мерзловым. Ему, естественно, не отказали. О чем соварились парттоварищи, можно догадываться.

Когда мой знакомый полковник написал свою сенсационную и совершенно секретную, естественно, докладную записку своему начальству, его вызвал заместитель Щелокова и сказал: «Ты что, не понимаешь ситуацию? Это же твой смертный приговор, — он разорвал докладную и бросил в корзину. — Знаешь ведь, что Медунов ближайший друг Брежнева, а Леонид Ильич с нашим министром... — генерал в недвусмысленном жесте сплел пальцы обеих рук. Так что иди и все забудь!»

Биография Брежнева и его друга очень схожи. Рабочим парнишкой из поселка Алмазное Колю Щелокова после учебы направили на партийную работу. Поставили на одну из низших пока ступенек лестницы, которая многих умелых и удачливых возносила к самому верху.

Когда Щелоков возглавил Днепропетровский горисполком, то стал близок к секретарю обкома Брежневу. Оба воевали, и после победы Брежнев, оказавшись на руководящей работе во Львове, взял Щело-

кова к себе. Вскоре видный собой, молодой, широкобровый партсекретарь возглавил компартию Молдавии. Само собой, нашлось там место и для Щелокова — кресло зампреда республиканского совета министров. А далее — Москва, где новые чины и ордена... И вот уже Щелоков всеильный министр МВД.

В партаппарате знали об их дружбе и со значением говорили: «Завтракают вместе!»...

Но «Быстры как волны дни нашей жизни». Вот уже и старость. К семидесятилетию министра аппарат МВД готовился словно к коронованию царственной особы. Чрезмерным усердием в подготовке к юбилейным торжествам отличался ведавший хозяйственной деятельностью министерства генерал Калинин, угодивший позже на тюремные нары. Окружение знало, что Щелоков любит дорогие антикварные вещи. И вот уже открываются сейфы Государственного хранилища, где для подарка шефу выбрали старинные, уникальные, совершенно бесценные золотые часы с массивной цепочкой.

Через своих людей, с кивком, что это мол, «для самого», антикварные часы оценили в столичном магазине «Самоцветы» всего в четыре тысячи рублей. И тогда подчиненные скинулись и вручили часы своему шефу на юбилейном вечере. С пожеланием «сверять их по кремлевским». А Леонид Ильич на том же торжестве вручил другу золотую звезду Героя. После этого, почувствовав себя и впрямь героем, Николай Анисимович надиктовал сценарий документаль-

ного фильма о себе «Страницы жизни». Фильм сняли. Но до экрана он не дошел.

Брежнев умер, к власти пришел Андропов и над министром начали сгущаться тучи.

Сочинское дело с распродажей партбилетов и кровавыми мафиозно-номенклатурными разборками было лишь одним из очагов пожирившей страну и доходившей до самого «верха» болезни распада, коррупции и преступности. Его закрыли: как и закрывали многие другие шедшие снизу сигналы о преступлениях власть имущих.

Извлекли из архивов много позже. Когда после смерти Брежнева стало возможным всерьез заняться делом Медунова о вопиющей коррупции на юге страны. И узбекским делом, в ходе расследования которого выяснилось, что местные партийные ханы со звездами Героев и значками депутатов Верховного Совета СССР на груди помимо лично преданных отрядов головорезов имели собственные тюрьмы, где бесследно исчезли все негодные. И делом Рашидова занялись. Выяснилось, что люди, место которым в тюрьме, могли годами заседать в ЦК КПСС и Политбюро.

Откуда брал деньги Рашидов, чтобы по-царски встречая сановных гостей из Москвы, дарить им сервизы из золота, а их женам каракулевые манто из золотистого сура, стоимость которых — целое состояние? И для чего он это делал?

Щелоков хорошо знал ответы на эти вопросы, потому как и сам делал то же самое.

В результате роскошная квартира министра, отвечавшего за борьбу с преступностью, буквально ломилась от антиквариата и произведений живописи, — в числе которых были и те, что годами числились в розыске как похищенные из государственных музеев и хранилищ. По Москве сам министр и часть его семьи разъезжали на «Мерседесах», официально приобретенных в ФРГ за государственный счет, естественно, для нужд обеспечения дорожного движения. Одну из этих машин добрый министр предусмотрительно подарил человеку, названному в документах гражданином Матвеевым, в миру же носившем имя Леонид Ильич Брежнев.

Женскую часть семьи министра, как и их подруг из дома «гражданина Матвеева», в Москве называли «каменщицами». Не по роду занятий кладкой кирпичей, а по причине большой любви дам высшего советского света к коллекционированию драгоценных камней.

Вот почему было о чем тревожиться товарищу Щелокову, когда после смерти Брежнева к власти пришел Андропов. Отправленный в отставку и лишившийся нахапанных сокровищ бывший министр МВД с большим волнением воспринял известие о том, что в разгар разговоров о готовившемся открытом судебном разбирательстве по узбекским делам вдруг совершенно неожиданно при очень странных

обстоятельствах скоропостижно скончался Рашидов.

Одна из версий — ему кто-то «помог» вовремя уйти из жизни. Чтобы не было суда, где защищаясь, Рашидов мог потянуть за собой кого-то из старых друзей.

И тогда под разговоры, что вот-вот что-то может случиться и в доме Щелокова, там грянул первый выстрел. Застрелилась жена бывшего министра, крупная «каменщица». Говорили, что сделала она это для того, чтобы взять на себя тем самым вину за несправедно нажитые богатства семьи Щелоковых и спасти главу. Не помогло. Следователи продолжали «копать» под бывшего главного придворного «силовику». И разговоры, что вот-вот может с ним что-то случиться, продолжались.

И это случилось...

Отправленная на место трагедии опергруппа получила официальное задание «установить факт самоубийства». И это было необычно, звучало, как инструкция.

Группа задание выполнила. В печать ушло сообщение — самоубийство в результате угнетенного состояния, перешедшего в психический срыв.

Но был в той группе человек, который усомнился в

том, что Щелоков застрелил себя сам. И он начал задавать вопросы, на которые до сей поры не получил ответа. Во-первых, почему, готовясь к смерти и зная, что пуля разmozжит голову и кровь зальет его тело, он надел парадный мундир? Во-вторых, зачем из очень неудобного положения стрелять в себя из ружья, когда под рукой пистолет? И, третье, главное — длина ружья и рук погибшего таковы, что для того, чтобы нажать самому на спусковой крючок, Щелокову нужно было бы снять ботинок и сделать это большим пальцем ноги. А он в момент смерти был обутым...

Это об обстоятельствах смерти. А о причине, просивший нас не называть его имени, очень знающий человек, ответил коротко: «Он слишком много знал». Пятьдесят четыре папки следственных материалов по делу Щелокова сданы в архив.

(Г. Яковлев. // Криминальное обозрение. — 1996. — № 13)

ОРУЖИЕ ДЛЯ ЗАКАЗНЫХ УБИЙСТВ!

Ижевский оружейный завод приступил к серийному выпуску особого оружия, предназначенного для исполнения... заказных убийств.

И это не шутка! К сожалению, сегодня, когда промыш-

шленность «загрызли» неплатежи и специалистам катастрофически не хватает денег на прокорм семьи, один из главных оружейных заводов России, отбросив привычные моральные ориентиры, освоил «теневым способом» производство особых пистолетов для заказного убийства. Лучшего подарка оплачиваемым палачам представить себе трудно!

Мрачная профессия наемного убийцы уже наработала свои теории и практику, определила атрибутику и требования к киллеру. Не обойдены вниманием и вопросы материально-технического обеспечения представителей криминального цеха.

Как водится, спрос немедленно порождает предложение. И вот, как всегда в трудную минуту, оперативно отозвался краса и гордость производства стрелкового оружия — Ижевский завод, чьи пистолеты завоевали мировое признание.

В годы войны, когда ковалось оружие победы, лавры первенства принадлежали Тульскому оружейному заводу, чьи пистолеты ТТ с калибром ствола 7,62 мм (тульский, системы Токарева) приобрели на фронте большую популярность как мощное и надежное личное оружие, успешно противостоящее пистолетам вермахта: парабеллуму и вальтеру.

Современные киллеры оценили его в 1000 долларов в «голом» виде и в 1800 долларов в комплекте с самодельным глушителем, цилиндром, плавно угнетаю-

щим звук от порохового выхлопа. Ухудшенные копии ТТ из Югославии, Болгарии и Китая стоят всего 800 долларов.

Международная мафия также признала тульский пистолет «своим оружием». ТТ принят на вооружение членами преступных кланов Якудзы и Триад в Юго-Восточной Азии.

Однако, несмотря на признание и широкое применение тульских изделий, ижевские умельцы на месте не стояли и, как это бывало прежде, уверенно перехватили инициативу!

Уже после войны на Ижевском оружейном заводе был разработан и внедрен в производство пистолет Макарова, быстро доказавший свое преимущество перед старым добрым ТТ. Вновь введенные 9-мм патроны с меньшим зарядом пороха и с большим останавливающим действием пули, ударно-спусковой механизм с самовзводным приспособлением позволяли производить первый выстрел без предварительного взведения курка. Армия немедленно отдала предпочтение новой модели пистолета и сменила тяжелый ТТ на емкий ПМ. Но вот киллеры не выразили массовой привязанности к ПМ и упрямо, вплоть до самых последних дней, сохранили приверженность к ТТ. Его ударная сила и боевые качества по-прежнему оставались привлекательными для капризной аристократии преступного мира.

Поскольку после использования оружие приходится выбрасывать, киллеры на допросах признавались: расставаться с родным ТТ всегда бывает жалко. Уж очень надежное и удобное оружие в употреблении...

Вот этим и заинтересовались предприимчивые работники Ижевского завода и решили изучить особенности действий киллера в экстремальных условиях. Расценив как главное из качеств ТТ его стопроцентную надежность в момент убийства жертвы, новые конструкторы в то же время усмотрели и серьезный недостаток пистолета — громоздкость, неудобство маскировки и, наконец, тяжелый металл конструкции. И тогда их взоры обратились еще к одной системе — пистолету ПСМ (самозарядному, малогабаритному). При определенной доработке он вполне мог стать пригодным для искусства убийства. Его выгодно отличают от ПМ компактность, комфортность и использованный легкий металл. Расположение предохранителя в ПСМ позволяет одновременно с его выключением взводить курок. Для киллера лучше не придумаешь!

Калибр, конечно, маловат, всего-то 5,45 мм, но зато игольчатый патрон со смещенным центром тяжести наносит трудно заживляемую рану и «бродит» в теле жертвы.

Что же касается ограниченного радиуса поражения — это совсем не беда, рассудили на заводе. Киллеру же не стрелять из окопа. В масштабах лестничной площадки ПСМ поражает цель в любых ракурсах и ва-

риациях! Гораздо важнее не привлекать постороннее внимание и избегать лишнего шума. И на заводе некие невидимые мастера быстро освоили новую модель ПСМ. С удобно вогнутой рукояткой, надежно вкладываемой в ладонь, и в комплекте с настоящим глушителем, выверенным по заводской технологии. В отличие от штатного ПСМ в киллерском пришлось запрессовать в корпус более длинный, выступающий наружу ствол с нарезкой для глушителя-насадки.

Рынок тут же отреагировал ценами. Новорожденный инструмент убийства был оценен в сравнении со стариком ТТ в 1600 долларов, в комплекте же с глушителем — в 2200 долларов. Заметьте — рынок делается расчетливым в оценках. Цена на глушитель, несмотря на заводскую комплектность, не повысилась.

Первый случай использования ижевского детища российских экономических реформ произошел во время заказного убийства журналиста Феликса Соловьева из журнала «Аэрофлот».

Говорят, фотокор был озабочен сбором компромата на каких-то «бугров» и за это поплатился жизнью. На месте преступления сыщики из МУРа подобрали усовершенствованный пистолет ПСМ заводского производства без номеров. Сыщики рассматривали, как диковину, модель неизвестного оружия, идеальную для заказного убийства. Выступающий из корпуса ствол с резьбой для навинчивания насадки разительно отличал находку от обычных ПСМ, состоящих на вооружении у милиции. Вручную такой эк-

земляр не сделаешь, но знака фирмы на пистолете не было.

В двадцатых числах марта в МУР поступило по оперативным каналам известие из осетинской группировки. В районе Люблино по стандартным расценкам продают ПСМ с глушителями. Торгует оружием осетин, прибывший в Москву пару дней назад из Владикавказа. Квартира расположена на первом этаже. Но попасть туда можно только при знании пароля — условном постукивании по оконному стеклу. Прием, принятый для незнакомых покупателей.

В самой квартире много оружия. Необходимо тщательно соблюдать осторожность.

Операцию готовили четыре дня. Отслеживали всех посетителей и выявляли их личности. День и ночь адрес находился под постоянным контролем. 25 марта этого года подполковник милиции Евгений Тараторин из МУРа и десять оперативников в результате хитроумного маневра ворвались в квартиру и, не дав опомниться присутствовавшим, молниеносно их обезоружили. Гость из Осетии и его друг москвич, однажды судимый за разбой и хулиганство, были вынуждены сдать четырнадцать пистолетов ПСМ с глушителями, вышедших из стен Ижевского завода без номеров.

С 18 марта гость из Осетии успел продать криминальным сообществам, в чью специализацию входит

выполнение роковых заказов по лишению жизни соперников по воровским делам и незадачливых коммерсантов, десять технических новинок смерти. Сколько раз уже выстрелило проданное оружие, сейчас выясняется.

Случай непростой. Помимо того, что запутанные следы московских сделок ведут к тайнам многих заказных убийств, необходимо еще определить пути оружия во Владикавказ, откуда оно растекается по всем городам России. Арестованные — люди сложные, они пока находятся в «стойке глухой защиты» и давать исчерпывающие показания отказываются. Пистолет, найденный в связи с расстрелом журналиста, близнец обнаруженной партии. Вполне возможно, он также проделал длинную дорогу из Ижевска во Владикавказ, а уж затем поступил в распоряжение киллера, стрелявшего в журналиста...

Со временем все становится известно.

(Э. Котляр. // Криминальное обозрение. — 1996. — № 22)

Научно-популярное издание

ЗАКАЗНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Убийства, кражи, грабежи

Автор-составитель *Иванов Алексей Николаевич*
Редактор *И. Н. Гаврилов*

Ответственный за выпуск *Л. М. Шейко*
Корректор *С. Н. Марковка*

OCR - Давид Титиевский, сентябрь 2017 г., Хайфа

Подписано в печать с готовых диапозитивов 5.12.96. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 33,6. Усл. кр.-отг. 34,02. Тираж 26 000 экз. Заказ 1045.

Фирма «Литература». Лицензия ЛВ № 1181. 220050, Минск, ул. Ульяновская, 39-11.

При участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729. 220034, Минск, ул. В. Хоружей, 21-102.

При участии МППО им. Я. Коласа. Лицензия ЛП № 82. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных издательством диапозитивов.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И КАТАСТРОФ

ЭПК

ЗАКАЗНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Убийства,
кражи,
грабежи

Тайна подводного сейфа СС
Трагедия Рамзина
Америка - разлучница
Сердце вора
Шантаж
"Жертвоприношение"
Черный кардинал
Голова в колоде
Любовь на продажу
Внук коммуниста
Электронный шантаж на родине аштеков
"Дабл" ночных дискотек
Наш Хорст Вессель

**и сотни других историй о преступлениях,
совершенных по заказам злоумышленников...**

ISBN 985-437-127-1

90000

9 799854 371275

